

• •

(

)

611

•

• •

, 2012. – 376 .

ISBN 978-5-89282-505-4

—

•

1

—

—

—

1

81.2 / -2

ISBN 978-5-89282-505-4

©

©

2012

, 2012

Предисловие

Настоящая работа мыслится принадлежащей к тому направлению лингвистических исследований, которое называется контрастивной (сопоставительной, конфронтативной) лингвистикой, то есть к направлению исследований, ориентированному на изучение двух, реже нескольких языков в целях выявления их сходств и различий на разных уровнях языковой структуры.

При проведении таких исследований грамматические явления привлекаемых языков подлежат сопоставлению в плане выражения, в плане содержания и, наконец, в плане функционирования. В плане выражения сопоставляются способы и приемы передачи грамматических значений, формальные особенности наличествующих в языках грамматических категорий. В плане содержания сравниваются грамматические категории в отношении семантического параметра, положенного в основу их выделения, характера определяющих их структуру оппозиций, а также в отношении набора и диапазона грамматических значений, передаваемых тем или иным способом. В плане функционирования сопоставление бывает направленным на показ того, как используются экспоненты грамматических категорий для выражения того или иного круга значений, на выявление закономерностей выбора языковых средств выражения того или иного содержания.

В настоящей работе подвергаются рассмотрению, конечно же, далеко не все стороны грамматики сопоставляемых языков – хинди и русского. В ней внимание концентрируется на сопоставлении только грамматических категорий, определяющих специфику именных частей речи, в первую очередь имени существительного, и глагола как отдельной части речи. При рассмотрении среди них залога и падежа не могут оставаться без внимания особенности предложений, образуемых в обоих языках.

Освещение вопросов грамматики хинди увязывается в данной работе с содержанием ранее опубликованных наших работ, как-то: с распределением форм словоизменения по пяти основным парадигмам, в рамках которых флексиями манифестируется наличие определенных грамматических категорий [81, с. 132–136; 79, с. 168]; с выделением конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас глагольных предложений [80, с. 7–10, 29–30; 80а; 79, с. 172–174]; с характеристикой выявленных классов многокомпонентных глагольных образований [80, с. 164–167, 188] и др.

Материалом для исследования послужили в основном произведения художественной литературы на хинди и русском языке, а также тексты опубликованных переводов такой литературы с хинди на русский (это касается части оригинальной литературы, привлеченной и для анализа) и с русского на хинди (это ограничено кругом оригинальной литературы, привлеченной для анализа). Конкретные иллюстративные примеры на перевод даются в их контекстной форме (в их контекстном облике). В качестве дополнительного материала использованы тексты некоторых периодических изданий и данные словарей.

Настоящая работа призвана привлечь внимание лингвистов, занятых разработкой вопросов сопоставительной типологии, и тех владеющих русским языком лиц, для которых хинди является предметом изучения или объектом исследования. В тех ее фрагментах, где упор делается на сравнение русского языка с хинди, она может быть полезной и носителям языка хинди, изучающим русский язык. Кстати сказать, нуждам последних вполне отвечает изданная в Индии на языке хинди книга под названием (в русском переводе) “Сопоставительная грамматика языка хинди и русского: имя существительное и местоимение” [160], автором которой является Хемчандра Панде, чьему перу принадлежит также ряд статей по этой же проблематике.

Падеж и падежные отношения

Под категорией падежа понимается грамматическая категория имени, которая выражает “его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом...” [76, с. 355]. Своей ориентацией на синтаксис она отличается от таких грамматических категорий имени, как категория числа и категория рода. Однако существуют разные подходы к решению вопроса о границах категории падежа и об особенностях, подлежащих выявлению, как в плане выражения, так и в плане содержания единиц – членов падежной парадигмы. Различие в подходах естественно сказывается на том, какие трактовки получает соответствующий “фрагмент” грамматики того или иного конкретного языка. В конкретном языке основные параметры падежа как грамматической категории (параметры падежной системы) задаются именем существительным.

По проблеме падежа языка хинди (и урду) существуют различные точки зрения. Многие лингвисты (если не их большинство) придерживаются применительно к хинди формально-морфологического понимания категории падежа, считая ее экспонентами те единицы, внешние различия между которыми находят проявление в пределах самих словоформ. Такому пониманию отвечают следующие утверждения.

“Язык хинди имеет три падежа: прямой (основной), звательный и косвенный” [71, с. 45].

“В языке хинди парадигма склонения имен существительных представлена тремя падежами: прямым, косвенным и звательным” [51, с. 59].

“В хинди – три падежа: падеж прямой (*mūl rūṇ*), падеж косвенный (*vikṛt rūṇ*) и вокатив (*sambodhan kārak*)” [134, с. 59].

“Существительное в хинди-урду имеет категории: рода (муж. – жен.), числа (ед. – множ.) , падежа (прямой – косвенный, или при-последложный, – звательный)” [60, с. 192].

“В хинди имеются два числа, а именно: единственное и множественное, – и три падежа: прямой падеж, косвенный падеж и звательный падеж” [142, с. 142].

Наглядное представление о “флексивной морфологии” имени существительного языка хинди, нашедшей обобщенное отражение в вышеприведенных утверждениях, дают помещенные ниже примеры с существительными *gvālā* ‘пастух’, *kisān* ‘крестьянин’, *beḥ* ‘дочь’, *bahin* ‘сестра’, расположенными в определенных диагностических позициях:

(а) *merī icchā hai ki {gvālā, kisān, beḥ, bahin} turant laut āe* ‘Я хочу (букв. мое желание есть), чтобы {пастух вернулся, крестьянин вернулся, дочь вернулась, сестра вернулась} немедленно’;

(б) *merī icchā hai ki {gvāle, kisān, beḥiṃ, bahinē} turant laut āē* ‘Я хочу, чтобы {пастухи, крестьяне, дочери, сестры} вернулись немедленно’;

(в) *{gvāle, kisān, beḥ, bahin} ko turant javāb do* ‘Дайте немедленно ответ {пастуху, крестьянину, дочери, сестре}’;

(г) *{gvālō, kisānō, beḥiṃ, bahinō} ko turant javāb do* ‘Дайте немедленно ответ {пастухам, крестьянам, дочерям, сестрам}’;

(д) *are {gvāle/gvālā, kisān, beḥ, bahin}, tū turant laut ā!* ‘Эй, {пастух, крестьянин, дочь, сестра}, вернись немедленно!’;

(е) *are {gvālō, kisānō, beḥiṃ, bahinō}, tum log turant laut āo!* ‘Эй, {пастухи, крестьяне, дочери, сестры}, вернитесь немедленно!’;

Налицо противопоставление: прямой падеж [(а), (б)] ~ косвенный падеж [(в), (г)] ~ звательный падеж [(д), (е)], – и противопоставление: единственное число [(а), (в), (д)] ~ множественное число [(б), (г), (е)].

Итак, полная парадигма словоизменения имени существительного языка хинди оказывается включающей в себя шесть категориальных форм. В связи же с различиями во флексиях как формальных выразителях совмещения граммем, принадлежащих двум разным словоизменительным категориям (категории падежа и категории числа), существительные языка хинди распределяются в рамках данной парадигмы по четырем основным типам словоизменения – ее основным вариантам (“склонениям”). См. таблицу 1.

Таблица 1

Тип	I			II			III			IV		
Падеж	Прям.	Косв.	Зват.	Прям.	Косв.	Зват.	Прям.	Косв.	Зват.	Прям.	Косв.	Зват.
Ед.ч.	-ā	-e	-ā/-e	-o	-o	-o	-o	-o	-o	-o	-o	-o
Мн.ч	-e	-ō	-o	-o	-ō	-o	-ā	-ō	-o	-ē	-ō	-o

Строго говоря, только два падежа – прямой и косвенный – ориентированы на выражение того или иного синтаксического отношения имени к другим словам в рамках высказывания или предложения, тогда как звательный падеж с его формами лежит в совсем иной плоскости: будучи средством выражения обращения, он ориентирован на обозначение адресата речевого акта.

Как явствует из таблицы, в единственном числе звательный падеж находит формальное выражение только у существительных I типа словоизменения во флексии -e. Во множественном числе он характеризуется флексией -o у существительных всех типов словоизменения. Хинди прибегает также к санскритским формам вокатива от существительных *tatśama*, например: *rājan* от *rājā* ‘раджа’, ‘царь’, *sīte* от *sītā* ‘Сита’, *devi* от *devī* ‘богиня’, *pate* от *pati* ‘муж’, *pitaḥ* от *pitā* ‘отец’, *guro* от *guru* ‘учитель’, ‘наставник’. Эти формы, воспроизводящие фрагмент санскритской грамматики в области именного словоизменения, несут в языке хинди стилистическую окраску.

Поэтому есть основания считать релевантными для падежной системы языка хинди два первых падежа и только с ними соотносить имеющиеся типы словоизменения, охватывающего уже четыре (а не шесть) категориальные формы, отвечающие совмещению граммем: 1) прямого падежа и единственного числа, 2) прямого падежа и множественного числа, 3) косвенного падежа и единственного числа, 4) косвенного падежа и множественного числа.

Различение двух падежей (прямой: косвенный) и двух чисел (единственное: множественное) пересекается с имеющим место распределением существительных языка хинди по двум грамматическим родам (мужской: женский). Конкретно это проявляется в том, что отмеченные выше (см. таблицу) I и II типы словоизменения присущи существительным мужского рода, а типы III и IV – существительным женского рода. Итак, на фоне обилия нулевых флексий и при том, что флексия -ō косвенного падежа множественного числа является общей для существительных обоих родов, в качестве примет существительных мужского рода выступают (обнаруживают

себя) флексия $-ā$ прямого падежа единственного числа и каждая из двух флексий $-e$ (одна – при совмещении граммом прямого падежа и множественного числа, другая – при совмещении граммом косвенного падежа и единственного числа), а в качестве примет существительных женского рода – флексии $-ā̃$ и $-ē$ прямого падежа множественного числа.

При этом флексии $-ā̃$ и $-ē$ допустимо трактовать как алломорфы одной и той же морфемы, а именно, единой морфемы $-ē/-ā̃$, ибо при тождественности выражаемого значения они дополнительно распределены относительно исхода основ существительных: первую флексию принимают существительные, имеющие в исходе основы гласный $\bar{i}$ (в транслитерации $\bar{i}$ или, что может касаться только слов *татсама*, i); вторую флексию принимают существительные с иным исходом основ – с исходом на согласный и с исходом на гласный (разумеется, за исключением $\bar{i}$). А вот на парадигму словоизменения существительных мужского рода исход их основ, каким бы он ни был (он может быть и на $\bar{i}$), не влияет.

Перед флексиями $-ō$, $-ā̃$, $-ē$ конечные гласные основы $-ī$ (в транслитерации $\bar{i}$ или, что может касаться только слов *татсама*, i) и $\bar{u}$ (в транслитерации $\bar{u}$ или, что может касаться только слов *татсама*, u) замещаются соответствующими краткими гласными, т.е. i и u , причем между гласным i основы как альтернантом долгого $\bar{i}$ и флексиями $-ō$ и $-ā̃$ появляется эпентетический звук y (среднеязычный щелевой сонант)¹. Ср.: *telī* м. ‘маслодел’ – *teḷiyō*, *bhāī* м. ‘брат’ – *bhāiyō*, *kavi* м. ‘поэт’ – *kaviyō*, *ciṭṭhī* ж. ‘письмо’ – *ciṭṭhiyō* – *ciṭṭhiyā̃*, *nidhi* ж. ‘сокровище’ – *nidhiyō* – *nidhiyā̃*, *ḍākū* м. ‘разбойник’ – *ḍākūō*, *sādhū* м. ‘подвижник’ – *sādhuyō*, *jorū* – ж. ‘жена’ – *joruyō* – *joruyē*, *vastu* ж. ‘вещь’ – *vastuō* – *vastuyē*.

За обилием нулевых флексий субстантивной парадигмы кроется синкретизм форм числа прямого падежа в рамках II типа словоизменения и синкретизм форм падежа единственного числа в рамках II, III и IV типов словоизменения².

¹ В хинди, судя по всему, конечным гласным слова или словоформы может быть только долгий гласный [123, с. 56, 94, 98, 100, 103, 106; 132, с. 368, 384], а это значит, что таковым является и графически представленный кратким гласный в исходе основы существительных *татсама*.

² Не прибегая к понятию нулевой флексии, можно ограничиться простой констатацией: существительные II типа словоизменения не изменяются по числам в прямом падеже, а существительные, охватываемые II, III и IV типами словоизменения, не

Сказанное выше о “флективной морфологии” существительных языка хинди дополняют следующие замечания частного характера.

1. В хинди имеются существительные как мужского, так и женского рода с гласным *ā* в исходе основы, например: *pitā-ø* м. ‘отец’, *netā-ø* м. ‘вождь’, ‘глава’, *dādā-ø* м. ‘дед’ (со стороны отца), *chātrā-ø* ж. ‘ученица’, *lekhikā-ø* ж. ‘писательница’, *latā-ø* ж. ‘лиана’, *malikā-ø* ж. ‘королева’. Таким конечным *ā* основы характеризуются, как правило, существительные *tatcama*. Из встречающихся существительных других этимологических слоёв лексики в качестве примера выше приведены *dādā-ø* (*maḍb-xava*) и *malikā-ø* (*videṣi*). Существительные с иным конечным гласным основы, идентичным флексии (в частности, *-ō*, *-e*, *-ā*), малочисленны: *jokhō-ø* ж. ‘риск’, *sarsō-ø* ж. ‘горчица’, *kodō-ø* м. ‘зернышко’, *dūbe-ø* м. ‘дубе’ (знаток двух вед), *saube-ø* м. ‘чаубе’ (знаток четырех вед), *restarā-ø* м. ‘ресторан’. В таких существительных, как *rāso-ø* м. ‘сказание’, ‘эпическая поэма’, *reḍiyo-ø* м. ‘радио’, *foto-ø* м. ‘фото’, конечный гласный основы тождествен флексии звательной формы множественного числа.

2. Круг существительных I типа словоизменения пополняется рядом имен, располагающих в парадигме назализованным вариантом флексий (*-ā̃*, *-ē̃*, *-ō̃*): *kuā̃* м. ‘колодец’, *dhuā̃* м. ‘дым’, *roā̃* (*royā̃*) м. ‘волосок’.

3. У таких существительных женского рода с суффиксом *-iyā* (обычно privносящим уменьшительное значение), как *ḍibiyā* ‘коробочка’ (ср. *ḍibbā* м. ‘коробка’), *khaṭiyā* ‘кровать’ (ср. *khāṭ* ж. ‘кровать’), *ciṛiyā* ‘птица’, *hāsiyā* ‘серп’, *guṛiyā* ‘[матерчатая] кукла’, *buṛhiyā* ‘старуха’, форма прямого падежа множественного числа образуется путем назализации конечного *ā*, подлежащего замене на *ō̃* в форме косвенного падежа множественного числа. Тем самым они как бы подстраиваются под III тип словоизменения (ср.: *ciṭṭhī* / *ḍibiyā* – *ciṭṭhiyā̃* / *ḍibiyā̃* – *ciṭṭhiyō̃* / *ḍibiyō̃*). Отклонением от нормы следует считать изредка встречающиеся случаи их функционирования в рамках IV типа словоизменения: *guṛiyāē̃* – *guṛiyāō̃*.

4. У таких существительных, как *rāso* м., *reḍiyo* м., их форма косвенного падежа множественного числа образуется путем наложения назализации на конечный гласный основы: *rāsō̃*, *reḍiyō̃* (< *rāso-ō̃*, *reḍiyo-ō̃*).

5. Под влиянием стихии разговорного языка, идущим от диалектов, синкретизм форм числа может проявляться в позиции прямопадежной формы у существительных женского рода. Последние в таком случае оказываются втянутыми в орбиту II типа словоизменения субстантивной парадигмы.

6. Возможны случаи смешения типов (в частности, I типа и II типа) словоизменения, находящие проявление в функционирующих словоформах конкретного

имени, например: *mukhiyā ko* ‘старосте’ – *mukhiyō ko* ‘старостам’, *ek mullā* ‘один мулла’ – *mulle* ‘муллы’ – *mullāō ko* ‘муллам’.

Категория падежа имени существительного в отличие от категории числа (тоже словоизменительной) и от категории рода (классифицирующей) является синтагматически значимой в том смысле, что в линейном ряду единиц языка падежная форма влияет на характер синтаксической связи существительного с другими словами предложения и что каждый падеж располагает своим набором позиций в предложениях. Различие же между существительными в роде и в форме числа не отражается на их синтаксическом статусе. Например, незанятая позиция синтаксической структуры *mā̃* (...) *dūdh pilātī hai* может быть заполнена существительным как мужского, так и женского рода, но только в форме косвенного падежа (причем с послелогом *ko*), будь то единственного или множественного числа: *mā̃ {lar̥ke, lar̥kō, lar̥kī, lar̥kiyō} ko dūdh pilātī hai* ‘Мать поит молоком {мальчика, мальчиков, девочку, девочек}'. То же самое можно сказать и о незанятой позиции в структуре: (...) *yah kahānī bhātī thī*, например: *{lar̥ke, lar̥kō, lar̥kī, lar̥kiyō} ko yah kahānī bhātī thī* ‘{Мальчику, Мальчикам, Девочке, Девочкам} этот рассказ нравился’. Форма косвенного падежа с послелогом *se* является принадлежностью такой структуры, как, в частности, *adhyāpak {lar̥ke, lar̥kō, lar̥kī, lar̥kiyō} se sahmat hai* ‘Преподаватель согласен с {мальчиком, мальчиками, девочкой девочками}'. Позицию же прямого падежа занимают в данных примерах лексемы *mā̃* ж. ‘мать’, *kahānī* ж. ‘рассказ’, *adhyāpak* м. ‘преподаватель’.

Итак, категории имени существительного языка хинди образуют систему, члены которой идентифицируются на основе наличия (+) или отсутствия (–) двух признаков: 1) словоизменительный характер, 2) синтагматическая значимость. См. таблицу 2.

Таблица 2

Категория \ Признак	Падеж	Число	Род
Словоизменительный характер	+	+	–
Синтагматическая значимость	+	–	–

При различении двух падежей (прямого и косвенного), двух чисел (единственного и множественного) и двух родов (мужского и женского) число возможных пучков (сочетаний, комбинаций) грам-

Таблица 3

Граммемы (падеж, число, род)							
Прям. ед. м.	косв. ед. м.	прям. мн. м.	косв. мн. м.	прям. ед. ж.	косв. ед. ж.	мн. прям. ж.	косв. мн. ж.
- ā	-e	-e	-ō	-ø	-ø	- ā̃	-ō̃
-ø	-ø	-ø				-ē̃	

мем, относящихся к трем упомянутым категориям, равняется в хинди восьми (2 x 2 x 2).

В таблице 3 показано, какие флексии (включая нулевые) обеспечивают репрезентацию этих пучков граммем.

Вокативу как формам, наделяющим существительное функцией обращения, приписывается особый статус.

Отмеченный выше синкретизм форм числа в прямом падеже (у существительных II типа словоизменения) и падежных форм (в единственном числе у существительных II, III и IV типов словоизменения) не сказывается отрицательным образом на четкости выражения в хинди значения числа и падежного значения. Взаимно-однозначное отношение между планом содержания и планом выражения становится в рамках соответствующих категорий очевидным при учете плана выражения за пределами субстантивной словоформы.

Это объясняется следующими факторами.

1. В предложении или в словосочетании позиция формы косвенного падежа диагностируется послелогом. Косвенный падеж предстает, таким образом, как морфологическая основа той или иной падежно-послеложной формы, что является существенным для его отграничения от прямого падежа в единственном числе у существительных II, III и IV типов словоизменения (также и для отграничения косвенного падежа единственного числа от прямого падежа множественного числа у существительных I и II типов словоизменения).

2. Прямой падеж находит отражение в финитном глаголе, синтаксически связанном с соответствующим существительным, что является релевантным для манифестации различия между значением единственного числа и значением множественного числа у существительных II типа словоизменения, а также для отграничения прямого падежа множественного числа от косвенного падежа единственного числа (при отсутствии послелога) у существительных I и II типов словоизменения.

3. Отграничению прямого падежа от косвенного в единственном числе и единственного числа от множественного в прямом падеже существительных II типа словоизменения (а также, что не столь важно ввиду маркированности прямого падежа единственного числа флексией *-ā*, и I типа) содействуют формы синтаксически зависимых от существительных слов – изменяемых прилагательных и других лексем, характеризующихся адъективной парадигмой словоизменения. Ср., например: *būrhā kisān* ‘старый крестьянин’ – прям. п. ед. ч., *būrhe kisān ko* ‘старому крестьянину’ – косв. п. ед. ч., *būrhe kisān* ‘старые крестьяне’ – прям. п. мн.ч. (ср. также: *būrhā gvālā* ‘старый пастух’, *būrhe gvāle ko* ‘старому пастуху’, *būrhe gvāle* ‘старые пастухи’).

4. Дифференциация прямого и косвенного падежей в единственном числе диагностируется у существительных II, III и IV словоизменения формами сочетающихся с существительными местоимениями общевыделительного типа: *vah kisān* ‘тот крестьянин’ – *us kisān ko* ‘тому крестьянину’, *vah beḥ* ‘та дочь’ – *us beḥ ko* ‘той дочери’, *vah bahin* ‘та сестра’ – *us bahin ko* ‘той сестре’ (у существительных I типа словоизменения такая дифференциация сопряжена с меной их флексий: *vah gvālā* ‘тот пастух’ – *us gvāle ko* ‘тому пастуху’).

5. Отграничению единственного числа от множественного в прямом падеже существительных II типа словоизменения (а также, что не столь важно ввиду наличия флексий, маркирующих множественное число, и I, III и IV типов) могут содействовать своими формами сочетающиеся с существительными указательные местоимения общевыделительного типа: *yah kisān* ‘этот крестьянин’ – *ye kisān* ‘эти крестьяне’, *vah kisān* ‘тот крестьянин’ – *ve kisān* ‘те крестьяне’ (ср. также: *yah gvālā* ‘этот пастух’ – *ye gvāle* ‘эти пастухи’, *vah beḥ* ‘та дочь’ – *ve beḥiyā* ‘те дочери’, *yah bahin* ‘эта сестра’ – *ye bahinē* ‘эти сестры’).

Вынос средств выражения падежного значения (а вместе с ним и значения числа) за пределы самого существительного есть не что иное, как проявление аналитизма в хинди. Он имеет место на фоне тенденции к морфологической неизменяемости слова, что дает основание для того, чтобы расценивать субстантивную парадигму языка хинди как парадигму “вырожденную”.

В редукции субстантивной парадигмы системно обусловленной выглядят нейтрализация в плане выражения как падежной, так и (при учете распределения существительных по двум родовым классам) числовой оппозиции. Представляется возможным свести набор нулевых флексий, обеспечивающих синкретизм форм, к трем альтернативным вариантам:

1

-*ø'* – соотнесенная с неразличением падежа флексия единственного числа (II и III/IV типы словоизменения),

-*ø''* – флексия прямого падежа множественного числа, в плане содержания противопоставленная флексии -*δ* косвенного падежа множественного числа;

2

-*ø'* – соотнесенная с неразличением падежа флексия единственного числа существительных мужского рода (II тип словоизменения),

-*ø''* – соотнесенная с неразличением падежа флексия единственного числа существительных женского рода (III и IV типы словоизменения),

-*ø'''* – флексия прямого падежа множественного числа существительных мужского рода (II тип словоизменения), противопоставленная флексиям -*ā̃* и -*ē̃* (вернее, флексии -*ē̃* / -*ā̃*), с одной стороны, и флексии -*δ̃*, – с другой;

3

-*ø'* – соотнесенная с неразличением падежа флексия единственного числа существительных женского рода (III и IV типы словоизменения),

-*ø''* – соотнесенная с неразличением числа флексия прямого падежа существительных мужского рода (II тип словоизменения),

-*ø'''* – флексия косвенного падежа единственного числа существительных мужского рода (II тип словоизменения), в плане содержания противопоставленная флексии -*δ̃* косвенного падежа множественного числа.

Однако едва ли можно признать системно обусловленным формальное совпадение прямого падежа множественного числа с косвенным падежом единственного числа, наблюдаемое у существительных мужского рода (ср.: -*e* – в рамках I типа словоизменения, -*ø* – в рамках II типа словоизменения).

В русском языке морфология имени существительного гораздо богаче и разнообразнее, чем таковая в хинди. В нем имя существительное также располагает морфологическими словоизменительными категориями падежа и числа и классифицирующей категорией рода. Различаются шесть падежей, а именно: именительный (с ним в современном русском языке совпадают формально звательные формы), родительный, дательный, винительный, творительный и предложный, – два числа, а именно: единственное и множественное, – и три рода, а именно: мужской, женский и средний. Флексиями,

принадлежащими словоформам существительных, манифестируется совмещение граммем падежа и числа. Возможны двенадцать (6×2) видов такого совмещения (в хинди же, как было показано выше, только четыре). Количество же пучков граммем, относящихся к трем отмеченным категориям (двум словоизменительным и одной классифицирующей), равно тридцати шести

($6 \times 2 \times 3$ в отличие от хинди, где $2 \times 2 \times 2 = 8$).

В русском языке у имени существительного обнаруживается еще одна грамматическая классифицирующая (несловоизменительная) категория, а именно категория одушевленности – неодушевленности.

Совмещение граммем падежа и числа в падежных флексиях существительных каждого из родов, т.е. проявление синтетосемии (кумуляции) в сфере словоизменения имени существительного, вполне естественно для русского языка как языка флективного.

В русском языке в зависимости от набора принимаемых существительными флексий выделяются три основных типа склонения (изменения по падежам) существительных.

К п е р в о м у с к л о н е н и ю относятся : а) существительные мужского рода за исключением тех (сравнительно немногочисленных), которым в именительном падеже единственного числа присуща флексия *-а, -я*, т.е. существительные мужского рода с нулевым окончанием или с окончанием *-о, -е* в именительном падеже единственного числа, например: *двор, стул, делец, конь, герой, мяч, ша-лаш, гараж, домишко, волчище*;

б) существительные среднего рода с флексией *-о(-ё), -е* именительного падежа единственного числа, например: *окно, ружье, копье, поле, жилище, сукнишко*.

К о в т о р о м у с к л о н е н и ю относятся существительные женского и мужского рода и существительные, причисляемые к общему роду, с окончанием *-а, -я* именительного падежа единственного числа, например: *стена, вода, земля, сакля, юноша, дядя, неряха, егоза, ровня*.

К т р е т ь е м у с к л о н е н и ю относятся существительные женского рода с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа (они имеют основу на конечный мягкий согласный или на *ж, ш*), например: *дверь, пристань, ночь, рождь, пустошь*.

Типы склонения четко различаются флексиями в падежных формах единственного числа. Во множественном числе различие между типами склонения в значительной степени сглажено.

Существительные *путь м., дитя ср.*, существительные среднего рода на *-мя* (*имя, земля* и др.), *мать ж., дочь ж.* одними русистами трактуются как разносклоняемые, другими – как относящиеся к третьему склонению.

Указанные три типа склонения принято называть с у б - с т а н т и в н ы м и. Кроме них имеется еще а д ъ е к - т и в н о е склонение существительных, охватывающее такие слова, как, например, *портной м., выходной м., городской м., гончая ж., заятая ж., насекомое ср., пирожное ср., позывные*, а также п р и т я ж а т е л ь н о е склонение, которое, совмещая черты субстантивного и адъективного склонений, охватывает русские (и обрусевшие) фамилии на *-ов (-ёв), -ев; -ин (-ын)* и их “женские” варианты, как-то: *Лесков, Брюсов* (но не *Верхов* и не *Бюлов*), *Лавренёв, Есенин, Куприн, Фонвизин* (но не *Кронин* и не *Дарвин*), *Гаршин, Голицын, Ахматова, Цветаева*, – и существительные *кабельтов м., швартов м., девичья ж., ничья ж., третье ср.* (блюдо).

На фоне упомянутой выше синтетосемии изменение русских существительных по падежам и числам характеризуют следующие явления:

а) омосемия флексий, например: тв.п. ед.ч. – *стол-ом, стен-ой, кровать-ью, пирожн-ым*; дат.п. ед.ч. – *стол-у, стен-е, кровать-и, пирожн-ому*; род. п. мн.ч. – *стол-ов, стен-о, кровать-ей, пирожн-ых*;

б) омонимия флексий, например: *стол-а* – род.п. ед.ч., *стен-а* – им.п. ед.ч., *домá* – им.п. мн. ч.; *стол-о* им. или вин. п. ед. ч., *стен-о* – род.п. мн.ч. (омонимией флексий объясняется имеющая место неоднозначность отдельных словоформ: *стол-о* – им. или вин. п. ед.ч., *кровать-и* – дат.п. ед.ч. или им. или вин. п. мн.ч.);

в) гетероклизия, т.е. смешанное склонение (в частности, в рамках первого склонения); так, например, в именительном падеже множественного числа характерная для существительных среднего рода флексия *-а* (*окн-а, жилищ-а, тел-а, сёл-а, облак-а, чудовищ-а*) обнаруживается у существительных мужского рода (*дом-á, глаз-á, лес-á*), характерная для существительных мужского рода флексия *-ы /-и* (*стол-ы, кон-и, кулак-и, шалаи-и, гараж-и, мяч-и, волчищ-и*) обнаруживаются у существительных среднего рода (*уш-и, яблок-и, плеч-и*);

г) варьирование флексий, отвечающих в конкретно взятом существительном одному из совмещений граммем падежа и числа (иначе говоря, наличие вариантных падежных форм); оно бывает *с в о б о д н ы м*, например: тв.п. ед.ч. – *рук-ой, рук-ою*; предл.п. ед.ч. – *на дуб-у, на дуб-е*; род.п. ед.ч. – *домишк-а, домишк-и*; им.п. мн. ч. – *топол-и, топол-я*; род.п. мн.ч. – *грамм-ø, грамм-ов*, – и *с в я з а н н ы м*, когда на выбор варианта влияет какой-либо фактор, будь то семантического, стилистического, синтаксического или какого-либо иного порядка, например: предл.п. ед.ч. – *на дом-у, на дом-е*; род.п. ед.ч. – [килограмм] *сахар-у/-а, [цена] сахар-а*; тв. п. ед.ч. – *смерт-ью, смерт-ию*; им. п. мн. ч. – *танкер-ы, танкер-а*; предл. п. ед.ч. – [*быть в*] *долг-у, [забывать о] долг-е*; тв. п. мн. ч. – [*лечь*] *кост-ьми, [греметь] кост-ями*; род.п. мн. ч. – *жираф-ов, жираф-ø* (налицо разные родовые варианты: *жираф-ø м. / жираф-а ж.*);

д) чередование в основе, например: *ухо~уши, ушей; око~очи, очей; угол~угла, углов; окно~окон; земля~земель; доска~досок*;

е) участие парциальных основ, например: *знам-я ~ знам-ен-и, татар-ин-ø ~ татар-ы, волч-онок-ø ~ волч-ат-а*;

ж) распределение существительных по разным акцентным типам, т.е. “типам распределения ударения (на основе или на окончании) во всех формах, образующих парадигму слова” [72, с. 38]³.

Особое место среди русских существительных занимают имена, которые не изменяются по падежам (и, что важно отметить, не различают при этом форм числа). Это так называемые несклоняемые существительные: а) *пони, кенгуру, авеню, шоссе, пальто, антраша, алоэ, буржуа, атташе*; б) *леди, мадам, мисс, миссис, фрау*; в) *Кармен, Жаклин, Зегерс, [Анна] Герман*; г) *Отто, Чарли, Верди, Гюго, Массне, Дюма, Золя*; д) *Баку, Перу, Чили, Дели, Бордо, Кале, Токио*; е)

---

³ В самом общем виде русские существительные классифицируются по отношению к ударению следующим образом: (1) существительные с постоянным ударением; (1.1) с ударением на основе, например: *фа́брика, я́блоко, ель*; (1.2) с ударением на флексии, например: *вол, фонарь, серебро́, запа́дня*; (2) существительные с подвижным ударением; (2.1) с переходом ударения с основы на флексию, например: *хо́лод, ме́сто, ка́мень, ко́сть*; (2.2) с переходом ударения с флексии на основу, например: *весло́, игла́* [103, с. 78; 31, с. 178–179]. У некоторых существительных ударение может переходить на предлог: *за́ сердце, на́ пол, из́ лесу* и т. п. Всего же выделяются 8 акцентных типов существительных [72, с. 185–187].

Короленко, Шевченко, Лучко́, Франко́, Фра́нко; ж) Живаго, Дурново, Крученых, Седых; з) [Татьяна] Жук, [Елена] Соловей; и) роно, сельпо, Мосэнерго, комроты, завкафедрой, ООН, МАИ.

В качестве вскрывающих специфику несклоняемых существительных предлагаются, в частности, такие их дефиниции:

а) существительные, “падежные значения которых не выражаются окончаниями и определяются только синтаксически...” [103, с. 77];

б) “существительные, не имеющие особых форм падежа и числа и выражающие грамматическое значение падежа и числа синтаксически в самом построении предложения, в состав которого они входят” [103, с. 93];

в) “существительные, лишенные форм словоизменения”; существительные, у которых “отношение к другим словам в словосочетании и в предложении выражается не падежной формой (окончанием), а аналитическим путем – при помощи предлогов и различных форм согласования связанных с этими существительными слов” [99, с. 148];

г) “слова, имеющие во всех употреблениях только одну форму, в которую заключены разные числовые и падежные значения...” [72, с. 179];

д) слова, которые “не имеют окончаний и выражают значения рода, одушевленности – неодушевленности, числа, падежа только синтаксически...” [72, с. 179].

Несомненно, что в составе словосочетания или предложения несклоняемые существительные вовлекаются в выражение тех же падежных отношений, в передаче которых участвуют склоняемые существительные. Их пониманию как слов одноформенных (ср.: “слова, имеющие во всех употреблениях только одну форму...”) противостоит точка зрения, согласно которой они являются многоформенными. Ее четко отражает следующая аргументация: “Особо нужно сказать о словах типа *кенгуру*, *пальто*, традиционно квалифицируемых как неизменяемые. Так как нормой для русского языка является изменяемость существительного по падежам, то и эти слова по их функционированию в предложении должны быть признаны многоформенными (ср. *кенгуру прыгает* – им.п., *вижу кенгуру* – вин.п., *прыжок кенгуру* – род.п. и т.д.), только все словоформы их (кроме аналитических, например, *о кенгуру*) омонимичны друг другу...” [83, с.146]. Показательно и следующее высказывание: “...все формы в парадигмах лексем *пальто*, *какаду* и т.п. являются омонимами” [70, с. 195].

На наш взгляд, каждое несклоняемое существительное остается всё же одноформенным (имеющим одну единственную форму) и как таковое характеризуется тем, что падежные отношения, которыми оно связывается с другими знаменательными словами, всецело определяется его позицией в рамках структуры предложения, призванного отобразить определенную ситуацию внеязыковой действительности. Единственной форме несклоняемых существительных присуща нулевая флексия,

противопоставляемая каждой из флексий склоняемых существительных как представителю всей совокупности флексий, принимаемых ими при склонении.

Семантико-синтаксическая значимость существительного в предложениях языка хинди определяется тем окружением, в котором оно, будучи в форме косвенного падежа с послелогом (т.е. в падежно-послеложной форме) или без послелога либо в форме прямого падежа, взаимодействует с другими словами (или формами других слов). Особенно ярко это проявляется в сфере выражения субъектно-объектных отношений или, иначе говоря, в ходе формирования предикатно-аргументной структуры высказывания.

Прямопадежная форма – это форма существительного, которой имплицитно согласовано с ним финитного глагола в роде и/или числе, а в предложениях с финитным автосемантическим глаголом существительное в форме прямого падежа наделяется функциональным значением как субъекта, так и объекта действия, причем в тех случаях, когда в составе предложения прямопадежной формой располагают оба имени (имя субъекта и имя объекта), финитный глагол согласуется с именем субъекта.

Тем самым существительное в прямопадежной форме становится непременным компонентом глагольных предложений, воплощающих следующие базовые с точки зрения их структуры конструкции:

(1) активно-субъектную: *laṛkā sotā hai* ‘Мальчик спит’, *strī kaprā sītī hai* ‘Женщина шьет одежду’, *sipāhī cor ko rassī se bādhītā hai* ‘Солдат связывает вора веревкой’, *bandar per par carh rahe hāī* ‘Обезьяны влезает на дерево’; *per se phal girā* ‘С дерева упал плод’;

(2) активно-объектную: *naukar ne darvāzā kholā* ‘Слуга открыл дверь’, *arjun ne kauravō ke anaginat yoddhā aur sainik mār girāye* ‘Арджуна сразил несметное число воинов и бойцов кауравов’, *āpne kāī pustakē likhī hāī* ‘Вы написали несколько книг’;

(3) инактивно-объектную: *laṛkī bulāī gāī hai* ‘Девочку позвали’, *kaprā siyā jāītā hai* ‘Одежда шьется’, *naukar bulāye gaye hāī* ‘Позвали слуг’;

(4) аффективно-объектную: *bahin, tumhē bhī dekh parēgī ye sab bātē āge* ‘О сестра, в будущем тебе тоже придется увидеть все эти вещи (букв. ... тебе увидятся все эти вещи)’⁴.

---

⁴ Помещенные здесь иллюстративные примеры извлечены из грамматики Камтапраасада Гуру [135, с. 207, 220, 221, 255, 258, 303, 432, 469, 511]. Описание же

Вместе с тем существительному в форме прямого падежа отводится роль:

(а) строевого компонента (строевых компонентов) связочных и связочно-сказуемых предложений: *is dvīp kī striyā̃ baṭī cancal hoī hāi* [135, с. 512] ‘Женщины этого острова порой весьма легкомысленны’, *tū hamārā mitra hai* [135, с. 79] ‘Ты наш друг’, *ghoṛā ek jānvar hai* [135, с. 424] ‘Лошадь – это животное’, *uskā laṛkā cor niklā* [135, с. 513] ‘Его сын оказался воров’;

(б) объектного предикатива: *mīr kāsīm ne mūger hī ko apnī rājdhānī banāyā* [135, с. 521] ‘Именно Мунгер сделал своей столицей Мир Касим’, *māī ne cor ko sādhu samajh liyā* [135, с. 426] ‘Я принял вора за садху’, *sipāhī sūbedār banāyā gayā* [135, с. 491] ‘Солдата сделали губернатором’, *rājā brāhmaṇ ko guru māntā hai* [135, с. 426] ‘Раджа считает брахмана наставником’;

(в) единого главного члена предложения – конструктивного центра односоставного предложения: *cārō or ghanā ādherā! moṭe sūt kī rassiyō se bhī moṭī varṣā kī jaldhār!* (BS, 4) ‘Кругом непроглядная тьма! Ливень, низвергающийся толстыми канатами струй!’, *saikṛō varṣō paṭī huī dhartī!* (RP, 58) ‘Вековая пустошь!’, *phailī huī hariyālī par titliyō jaise safed phūl – yahā, vahā* (RP, 58) ‘На расстилавшейся зелени – там и сям – белые, наподобие бабочек, цветы’, *śimlā kī barfīlī coṭī* (RA, 242) ‘Снежная вершина в Симле’.

Прямопадежной формой существительных, называющих часть суток или определенный отрезок времени, обеспечивается при условии их сочетания со словами-квантификаторами передача обстоятельственного значения временной меры: *ek bār nargis nazar ke bīmār hone par bahādur śāh do rātē uske sirhāne baiṭhe rahe the* (ST, 210) ‘Однажды, когда Наргис Назар заболела, Бахадур-шах две ночи просидел у ее изголовья’, *vah naukrō kī ākh bacākar nikal jātā aur kaī-kaī ghanṭe laṛkō ke sāth kheltā rahtā thā* (ST, 97) ‘Тайком от слуг он выходил наружу и часами играл с другими мальчиками’, *prāṇnāth sārā dīn prayogśālā mẽ band rahtā, davā taiyār kartā...* (AB, 26) ‘[Бывало, что] Праннатх целый день не отлучался из лаборатории, все готовил лекарство...’.

Прямопадежная форма сохраняется за компонентом количественно-именного сочетания, называющим единицу измерения (будь

то стандартную или “обиходную”), в препозиции к существительному, называющему объект измерения, объекту к прилагательному, называющему параметрический признак объекта, например: *pandrah bīghe zamīn* (P, 146) ‘пятнадцать б и г х о в земли’, *pandrah man anāj* (ND, 116) ‘пятнадцать м а н о в зерна’, *saikṛō ghare pānī* (ND, 130) ‘сотни к у в ш и н о в воды’, *pāc gāṛī ām* (VB, 197) ‘пять в о з о в манго’, *do botal śarāb* (CC, 17) ‘две б у т ы л к и вина’, *ādhi muṭṭhi gehū* (JJ, 82) ‘пол о р с т и пшеницы’, *tīn sau mīl lambā t̥apū* (VL. 1960. V, 26) ‘остров длиною (букв. длинный) в триста м и л ь’, *prāyaḥ do īnc ūcī viṣṇu kī mūrti* (VB, 402) ‘статуэтка Вишну высотой (букв. высокая) примерно в два д ю й м а’. Особый вид количественного определителя предстает в виде сопровождаемого частицей *bhar* названия меры, например: *cullū-bhar pānī* (NK. 1961. XI, 130) ‘всего лишь п р и г о р ш н я воды’.

Прямопадежная форма сохраняется также за счетным существительным — компонентом количественно-именного сочетания в препозиции к существительному, называющему исчисляемый объект, например: *tīn jore pair* (VL. 1962. II, 14) ‘три п а р ы ног’, *ek saikṛā ām* (HA, 675) ‘одна с о т н я плодов манго’, *ādha darjan ādmī* (UK, 67) ‘полд ю ж и н ы человек’.

В наделении существительных семантико-синтаксической значимостью исключительную роль играют в хинди послелого, входя в состав падежно-послеложных форм, имеющих в качестве своей морфологической основы косвеннопадежную форму имени. По своей морфологической природе различаются послелого первообразные и производные. Первые, в отличие от вторых, не связаны живыми мотивационными отношениями со словами других частей речи. С точки зрения структуры они являются простыми, причем односложными. Это следующие послелого: *ne, ko, se, mē, par, tak, kā, ke*.

Характеристику семи из восьми приведенных послелогов можно найти в работе Г.А. Зографа [64, с. 100, 104], отнесшего первообразные послелого ко второму (вслед за первым, представленным флексиями) ярусу словоизменения имени или, иначе говоря, к вторичным показателям синтаксических связей имени. Так, послелог *ne* расценивается как показатель агенса, т.е. как агентивный показатель, *ko* — как направительный (дательно-винительный), *se* —

как инструментально-аблативно-социативный, *mē* – как локативный (во внутренне-местной разновидности), *par* – как локативный (во внешне-местной разновидности), *tak* – как предельный (т.е. сигнализирующий предел в пространстве или во времени), *kā* – как показатель адъективной формы, или атрибутивно-притяжательный показатель. Простота послелога *kā* нарушается тем, что он подвержен изменению в рамках адъективной парадигмы – *kā/ke/kī*. По существу *kā* – это не что иное, как послелог-транспозитор, обеспечивающий помещение существительных (и не только существительных, но и словосочетаний разной структуры) в позицию прилагательного (адъективного определения). Условно его можно назвать генитивным послелогом. Восьмой из перечисленных выше послелогов, послелог *ke*, представляет собою “застывшую” форму послелога *kā*, наделенную качеством локативно-притяжательного показателя. Прилагательные, которыми выше определены показатели, удобно отнести и к самим послелогам: а г е н и т и в н ы й послелог, н а п р а в и т е л ь н ы й (д а т е л ь н о – в и н и т е л ь н ы й) послелог и т.п. Встречающиеся сочетания двух первообразных послелогов, как-то: *mē se* и *par se*, – можно именовать двойными послелогам.

Имена, сопровождаемые такими послелогам, как *ne*, *ko*, *se*, участвуют в воплощении базовых конструкций глагольных предложений языка хинди.

Послелогом *ne* маркируется имя субъекта действия в предложениях, отвечающих активно-объектной конструкции, например: *naukar ne darvāzā kholā* [135, с. 220] ‘Слуга открыл дверь’, – и в предложениях воплощающих активно-нейтральную конструкцию, например: *rānī ne sahelīyō ko bulāyā* [135, с. 255] ‘Рани позвала подружек’.

Послелогом *ko* маркируется имя объекта действия в предложениях, отвечающих:

а) активно-нейтральной конструкции: *rānī ne sahelīyō ko bulāyā* [135, с.255] ‘Рани позвала подружек’;

б) инактивно-нейтральной конструкции: *sipāhiyō ko laṛāī par bhejā jāvegā* [135, с. 268] ‘Солдат отправят на войну’, – а также имя субъекта действия в предложениях, воплощающих аффективные конструкции: *rogī ko kuch na sun parā* [135, с. 432] ‘Больной ничего не услышал’, *bhāt ko kal nahī ā milā* [168, с. 89] ‘Брат вчера не мог прийти’.

Послелогом *se* маркируется имя субъекта действия в предложениях, воплощающих инактивные (объектную и нейтральную) конструкции: *rogī se anna nahī khāyā jātā* [135, с. 258] ‘Больной не в силах принимать пищу’, *mohan se moṭar ko calāyā jāgā* [143, с. 183] ‘Мохан сможет вести машину’.

Падежно-послеложную форму на *ne* отличает сочетаемость (можно сказать, совместная встречаемость) с перфективной глагольной формой, поскольку неизменным компонентом предложений, воплощающих активно-объектную и активно-нейтральную конструкции, является глагол именно в этой форме (переходный или же один из нескольких типа *chīknā* ‘чихать’ непереходных глаголов, вовлекаемых только в нейтральную конструкцию). И роль послелога *ne* сводится к кодированию имени субъекта действия в предложениях, содержащих перфективную форму глагола.

Имя маркированного послелогом *ne* субъекта действия, равно как и имя субъекта, выступающее в прямопадежной форме, может быть одушевленным и неодушевленным, тогда как именам субъектов действия, маркированным послелогом *ko* или послелогом *se*, свойственно быть одушевленными (скорее всего личными)⁵.

Функционирование послелога *ko* и послелога *se*, в отличие от функционирования послелога *ne*, не ограничивается (не исчерпывается) отмеченными выше случаями кодирования актантов — членов конструктивной базы глагольных предложений⁶.

Об их способности выступать для выражения разных семантико-синтаксических отношений дают представление хотя бы следующие примеры:

jab caprāsī miṣṭar saksenā ko lene calā gayā to cīf kamiṣnar ne senṭral inṭelijens ḍipārṭment ke ucca adhikārī ko ṭelifon dvārā do catur inspekṭarō ko turant bhej dene ko kah diyā (GD, 304) ‘Когда посыльный ушел с тем, чтобы привести господина Саксену, главный комиссар

⁵ Поэтому весьма употребительны предложения, где позицию имени субъекта действия занимает местоимение, указывающее на лицо: *bahin, tumhē* (= *tum ko*. – В.Л.) *bhī dekh parēgī ye sab bātē āge* [135, с. 432] ‘О, сестра, в будущем тебе тоже придется увидеть все эти вещи’, *mujh se yah bojh na uṭhāyā jāyā* [135, с. 257] ‘Мне не поднять этот груз’.

⁶ Практическая сторона вопроса о функционировании как этих, так и всех других послелогов подробно освещена З.М. Дымшицем и О.Г. Ульциферовым в их грамматиках языка хинди [52, с. 5-43; 107, с. 394-416; 173, с. 335-362].

обратился по телефону к высокопоставленному чиновнику Центрального разведывательного департамента с просьбой немедленно прислать двух толковых инспекторов’.

mujh se pyāz kī gāndh bīkul bardāšt nahī hotī. merā laṛkā bhī us se bahut cīṛhī hai. māi tum se phir anurodh ke sāth kahī hū kī ab tum apne kamre mē pyāz na taṛkā karo (RA, 225) ‘Я совсем не переношу запах лука, да и сына моего он сильно раздражает. Я опять прошу тебя: больше не режь лук в своей комнате’.

С участием послелога *ko* (дательного-винительного) и послелога *se* (инструментально-аблативно-социативного) передается и обстоятельственное значение: *somvār ko sabhā hogī* [135, с. 428] ‘В понедельник состоится собрание’, *vah kacahrī ko nahī āyā* [135, с. 428] ‘Он не явился в суд’, *laṛkā man se parhī hai* [с. 518] ‘Мальчик учится прилежно (букв. с душой)’, *vah lakhnaī se āyā hai* [135, с. 433] ‘Он прибыл из Лакнау’.

Среди первообразных послелогов однозначностью в плане функционирования отличаются послелог *ne* и послелог (точнее, послелог-транспозитор) *kā*. Однозначностью в семантическом плане характеризуется послелог *tak* ‘до’. Послелоги *mē* и *par*, будучи в семантическом плане многозначными, в своей первичной семантической функции являются локальными: *almārī mē* ‘в шкафу’, *almārī par* ‘на шкафу’.

Производным послелогам свойственна однозначность в плане выражения того или иного семантико-синтаксического отношения.

См., например: *ke māre* ‘по причине’, ‘вследствие’, *ke anusār* ‘согласно’, ‘в соответствии с’, *ke sammukh* ‘перед’, *ke uparānt* ‘после’, *ke vāste* ‘ради’, *kī tarah* ‘подобно’, ‘как’, *ke/se pahle* ‘раньше’, ‘до’, *[ke] samet* ‘вместе с’, *[ke] tale* ‘под’, *[ke] dvārā* ‘посредством’, *ke bāre mē* ‘относительно’, *ke nīce se* ‘из-под’, *kī or se* ‘со стороны’⁷.

⁷ По структуре это сложные (например, *ke sammukh*, *kī tarah*) или сложносоставные (например, *ke bāre mē*, *kī or se*) послелоги, причем в основном такие, в качестве первого компонента которых выступает перед их значащим (“лексическим”) элементом атрибутивно-притяжательный показатель в форме на *ke* или *kī*. С точки зрения Г.А. Зографа, значащий элемент сложного или сложносоставного послелога (согласно Г.А. Зографу, производный послелог) соотносится с третьим ярусом словоизменения имени, а заключительный компонент сложносоставного послелога, равный первообразному послелогу, – с четвертым ярусом [64, с. 120, 110]. Значащему элементу целого ряда сложных послелогов свойственно выступать в качестве простого после-

Однако у некоторых сложных послелогов проявляется многозначность в связи с расширением сферы их функционирования. Так, локативный по своему прямому назначению послелог *ke pīche* ‘позади’, ‘сзади’ оказывается способным участвовать в обозначении побудительного повода, например: *...magar āp dostō hī ke pīche mujhe roz satāyā karte hāī* (PN, 160) ‘...а он ежедневно пилит меня и з - з а д р у з е й (=из-за того, что я общаюсь с друзьями)’ [ср.: *ghar ke pīche ek bagīcā thā* (HA, 393) ‘П о з а д и д о м а был сад’]. Локативный послелог *ke pās* ‘у’, ‘около’, ‘возле’, ‘близ’, ‘при’, выступает также для кодирования имени обладателя (посессора) при описании ситуации владения, например: *sab laṛkō ke pās kuch-na-kuch paise the* (GS, 33) ‘У всех р е б я т были кое-какие деньги’ [ср.: *kuch der bād sinh apne kamre ke pās khaṛā thā* (SK, 23) ‘Вскоре Синх уже стоял в о з л е своей к о м н а т ы’].

Имеют место случаи, когда на семантико-синтаксической значимости падежно-послеложной формы, содержащей многозначный первообразный послелог, самым непосредственным образом сказывается лексическое значение имени, наделенного данной падежно-послеложной формой, например: *fon par* ‘по телефону’, *ḍāk se* ‘по почте’, *ravivār ko* ‘в воскресенье’, *janvarī mẽ* ‘в январе’, *muškil se* ‘с трудом’, ‘еле-еле’, *ādar se* ‘с уважением’.

При том, что морфологической основой любой падежно-послеложной формы является косвенный падеж имени, возможны также и случаи беспослеложного употребления косвеннопадежной формы имени, например:

(а) *māī baḡīle pahūcā* (ST, 129) ‘Я прибыл в Б а т а л у’;

(б) *keval lachman ab tak madrase jātā thā* (PG, 28) ‘Только Лачман все еще ходил в ш к о л у’;

(в) *uske sirhāne tāk par ek choṭā-sā pītal kā sandūḱ rakhā huā thā* (PN, 167) ‘У ее и з г о л о в ь я в нише хранилась небольшая бронзовая шкатулка’;

(г) *pāṭhālā gāv ke bāhar gangā ke kināre thī* (BL, 15) ‘Школа была за деревней н а б е р е г у Ганга’;

лога (разумеется, не первообразного, а производного), что трактуется как реализация возможности сочетать производный послелог непосредственно с формой косвенного падежа имени [64, с. 100], употреблять без компонента *ke* сложный послелог [52, с. 32], опускать в сложном послелогое связующий элемент *ke* [107, с. 388].

(д) *parantu āp dillī mẽ un mẽ se kiśī darvāze ke rāste bhītar nahī ā sakte* (KE, 15) ‘Однако ни через какие ворота (< путем ворот < букв. ворот д о р о г о ю) из названных выше вам в Дели не пройти’;

(е) *magar mujh se alag hone ko na kah, tere pairō parīā hū* (PG, 21) ‘Умоляю тебя (букв. припадаю к твоим н о г а м), не говори мне об обособлении’;

(ж) *lekin pulis kā sipāhī koī sādharmaṇ vyakti to nahī, jo apne pairō cale* (PG, 48) ‘Но полицейский – отнюдь не простой человек, чтобы пойти пешком (букв. своими н о г а м и)’;

(з) *anya varṣō ab tak logō kī dhānropāī pūrī ho jātī, par is sāl nadī-nāle sab sūkhe paṛe hāī* (LK, 72) ‘В другие г о д ы люди к этому времени уже успевали высадить рис, но в этом г о д у все реки и ручьи пересохли’;

(и) *dūsre dīn subah bhī purī aur kanak mẽ bāt-cīt band rahī* (YB, 531) ‘И на другой д е н ь утром Пури и Канака не перекинулись ни единым словом’;

(к) *inhī dīnō samrat eḍvarḍ pratham kī mṛtyu ho gayī* (Kd. 1984. XII, 49) ‘Как раз в те д н и скончался король Эдуард Первый’.

В приведенных примерах косвеннопадежная форма имени характеризуется адвербиальной функцией: обстоятельства места [см. примеры: (а)–(г), (е)], обстоятельств времени [см. примеры: (з), (и), (к)]; в примере (д) диффузно передается орудийно-местное значение, в примере (ж) – обстоятельственное значение образа действия. Вид адвербиальной функции предопределяется, как правило, лексическим значением имени, принявшего косвеннопадежную форму.

Показательна равнозначность беспослеложного употребления имени и употребления его с послелогом:

dillī āne vāle yātrī (KE, 14) ‘прибывающие в Д е л и путники’ ~ *dillī mẽ āne vālō ko* (KE, 15) прибывающим в Д е л и [путникам]’;

...mujhe rassī se khīckar thāne le calā (KE, 17) ‘...[полицейский] потянул меня за веревку к п о л и ц е й с к о м у у ч а с т к у ’ ~ *mujhe ek fasādī ne bādh liyā aur apne ghar kī or le calā* (KE, 11) ‘Один из смутьянов меня заарканил и повел к своему д о м у ’;

lachmā ko ... jangal jāte dekhkar vah ... akele jangal ko cal diyā thā (LK, 75) ‘Увидев, что Лачхма... идет в л е с , он... в одиночку направился в л е с ’.

Формой косвенного падежа множественного числа (т.е. формой на -*ō*) счетных существительных (включая названия крупных разрядов чисел, вовлеченные в систему имени числительного) и существительных, называющих единицы измерения, передается значение количественно не фиксированного множества, когда она выступает в препозиции к синтаксически главенствующему имени – названию исчисляемого (считаемого или измеряемого) объекта: *saikrō kudālē* (ND, 117) ‘с о т н и мотыг’ < ‘с о т н я м и мотыги’, *lākhō cīṭiyā* (HA, 562) ‘с о т н и т ы с я ч муравьев’ < ‘с о т н я м и т ы с я ч (= л а к х а м и) муравьи’, *manō āṭā* ‘м а н ы муки’ < ‘м а н а м и мукá’, *gharō pānī* (S, 302) ‘к у в ш и н ы воды’ < ‘к у в ш и н а м и вода’, *saikrō gharē [pānī]* (ND, 130) ‘с о т н и кувшинов [воды]’ < ‘с о т н я м и кувшины [воды]’ < ‘[вода] сотнями кувшинов’.

Это же значение данная форма имени, называющего единицу измерения, несет в препозиции к прилагательному – названию параметрического признака объекта или к наречию: *mīlō cauṛī [jalpaṭṭī]* ‘[пролив] шириною (букв. широкий) н е в о д н у м и л ю ’, *ghar se mīlō dūr* ‘в м и л я х (многих?, нескольких? – В.Л.) от дома’ (букв. ‘от дома м и л я м и далеко’).

Далее, значение количественно не фиксированного множества оказывается присущим беспослеложной форме косвенного падежа множественного числа существительных, называющих единицы измерения времени, в позиции прямопадежной формы: *barsō bīt gaye* [135, с. 229] ‘Прошли г о д ы ’ [ср.: *sāt varṣa bīt gaye* (PG, 55) ‘Прошло семь л е т ’], *tumhē dekhe to mahīnō ho gaye* (YB, 486) ‘С тех пор как я видела тебя в последний раз, прошли м е с я ц ы ’ [ср. *tīn mahīne aur guzar gaye* (PG, 82) ‘Прошло еще три м е - с я ц а ’], *dinō bītte jāte the* [51, с. 44] ‘Проходили д н и ’ [ср.: *is ghaṇṭā ko hue cār din bīt gaye* (NM, 150) ‘Минуло четыре д н я с тех пор, как произошло это событие’]; *is kām mẽ ghaṇṭō lag gaye hāī* [135, с. 229] ‘На эту работу потребовался н е о д и н ч а с ’ [ср.: *ek ghaṇṭī aur guzar gayā* (PG, 161) ‘Миновал еще один ч а с ’].

Обходясь в косвенном падеже без послелога, некоторые существительные:

а) переходят в разряд наречий: *savere* ‘рано утром’ (< *saverā* м. ‘раннее утро’, ‘заря’), *ghaṇṭō* ‘часами’, ‘в течение не одного часа’ (< *ghaṇṭā* м. ‘час’);

б) проявляют тенденцию к специализации в качестве второго компонента сложного послелога: *īṭe mīstrī ke havāle karnā* ‘передавать кирпичи мастеру’ (*havālā* м. ‘попечение’, ‘передача’), *patra caprāsī ke hāth bhejnā* ‘отправлять письмо с посыльным’ (*hāth* м. ‘рука’), *apnī bīvī kausīkhā ke hāth becnā* ‘продавать свою жену Кауси-хану’ (*hāth* м. ‘рука’), *dhanī deśō ke hāthō nirdhan deśō kā nirmam śoṣaṇ* ‘жестокое угнетение бедных стран богатыми странами’ (*hāth* м. ‘рука’), *darvāze ke rāste ānā* ‘приходить через ворота’ (*rāstā* м. ‘дорога’, ‘путь’).

Им находится место и в составе фразеологических единиц, например: *āre hāthō lenā* ‘стыдить’, ‘ставить в неловкое положение’ (*hāth* м. ‘рука’), *dūdhō nahānā pūtō phalnā* ‘жить припеваючи’ (*dūdh* м. ‘молоко’, *pūt* м. ‘сын’), *kināre baiṭhnā* ‘быть в стороне’ (*kinārā* м. ‘берег’, ‘край’), *maut ke ghāṭ utarnā* ‘умирать’ (*ghāṭ* м. ‘спуск к реке’), *bhūkhō marnā* ‘умирать от голода’ (*bhūkh* ж. ‘голод’).

По диапазону функционирования, по участию в выражении семантико-синтаксических отношений с падежно-последовательными и падежными формами существительных языка хинди соотносимы в рамках имеющихся синтаксических конструкций предложно-падежные и падежные формы имен русского языка.

В присущей русскому языку шестипадежной системе склонения именительный падеж предстает как исходная форма имени существительного, а остальные пять падежей считаются неисходными, косвенными. Именительный падеж не может сочетаться с предлогом. Один из косвенных падежей, напротив, без предлога не употребляется, что отражено в его названии – предложный. Другие же косвенные падежи (родительный, дательный, винительный, творительный) могут употребляться как без предлога, так и с предлогом.

Число падежей не равно числу передаваемых ими значений (можно сказать, падежных отношений). Вторых значительно больше, поскольку падежи предстают как единицы многозначные. Так, в одном из пособий для учителей [99] у родительного падежа насчитывается 16 значений, у дательного – 4, у винительного – 5, у творительного – 14, у предложного – 6, а перечень значений именительного падежа ограничен двумя значениями (именительный предикативный и именительный представления) без упоминания субъектного значения – значения, очевидного для именительного падежа существительного в функции подлежащего. Возможные расхожде-

ния в трактовке и установлении числа конкретных значений падежных форм имеют частный характер.

Некоторые из значений того или иного падежа оказываются настолько обособленными друг от друга, что трудно найти семантическую составляющую, которая была бы для них общей. Данное явление наблюдается, в частности, в родительном падеже (*решение задачи* ~ *решение председателя*, *лишиться денег* ~ *быть дорожке денег*, *желать успеха* ~ *муки творчества*), дательном падеже (*внимать Саше* ~ *Саше не спится*), винительном падеже (*ждать [целую] неделю* ~ *читать книгу*), творительном падеже (*писать пером* ~ *писать каракулями*, *идти лесом* ~ *любоваться лесом*, *быть студентом* ~ *руководить кружком* ~ *держат хвост трубой*), предложном падеже (*жарить на масле* ~ *родиться на юге*). Ввиду такого рода разобщенности значений едва ли возможно приписывать тому или иному падежу какое-либо общее значение в качестве его (падежа) семантического инварианта.

Вместе с тем среди выделяемых в рамках отдельного падежа его частных значений имеются такие, между которыми прослеживается внутренняя связь (*книга брата* ~ *дочь врача*, *подарок детям* ~ *слава героям*, *ждать [целую] неделю* ~ *пробежать [целую] милью*, *стоять лагерем* ~ *лететь стрелой*, *болеть в детстве* ~ *жить в бедности*). С другой же стороны, в отдельных частных значениях сходятся разные падежные формы (*принести дрова* ~ *принести дров*, *оставить записку* ~ *не оставить записки*, *рисунок художника* ~ *нарисовано художником*, *читать книгу* ~ *чтение книги*, *использовать инструмент* ~ *пользоваться инструментом*, *Саша не спит* ~ *Саше не спится*).

Падежная система не может не быть нацеленной на подведение частных значений охватываемых ею словоформ под более (в той или иной степени) общие значения.

Согласно точке зрения, изложенной в “Краткой русской грамматике” [72, с. 161-165], в шестипадежной системе русского языка наиболее обобщенными значениями, предстающими в отвлечении от частных значений словоформ, функционирующих в позициях как при слове, так и в предложении, являются объектное, субъектное и определительное значения, причем для именительного падежа в качестве центральных, основных значений принимаются значения субъектное и определительное, для родительного – субъектное, определительное (но только не обстоятельство-определительное).

и объектное, для дательного – объектное и субъектное, для винительного – объектное, для творительного – объектное и определительное, для предложного – объектное и определительное. Оговаривается наличие случаев о с л о ж н е н и я одного значения другим (например, субъектного объектным – *Сын наказан отцом*; субъектного определительным – *выступление артиста, бой быков*; объектного значением способа – *ходить ферзем, платить серебром*), с о в м е щ е н и я одного значения с другим (например, определительного с субъектным – *выступление артиста, приход друга, Жил там подростком*; определительного с объектным – *завоевание Арктики, вестник победы*; объектного с определительным – *слава труду, гимн Солнцу*), с о х р а н е н и я словоформой элемента прежнего значения при приобретении ею нового значения (например, элемента объектного значения при приобретении субъектного значения – *больного знобит*). В качестве периферийных квалифицированы обстоятельственно-определяющее значение времени у родительного падежа (*встреча пятого мая*), значения меры времени, расстояния, веса, цены, кратности у винительного падежа (*пробыл час, бежать километр, весить тонну, стоит рубль, болеет каждую весну*); не признается центральным субъектное значение творительного падежа (*Проект одобрен комиссией, Молнией зажгло сарай, открытие Америки Колумбом*), но характерными для этого падежа признаны разные обстоятельственно-определятельные значения (*идти берегом, шли вечернюю порой, петь басом, высок ростом, скупают пудами*).

Именным компонентам базовых конструкций глагольных предложений (т.е. предложений, чей предикат представлен полнозначным глаголом) языка хинди в русском языке семантически отвечают, как правило, имена в именительном и винительном падежах. Так, устойчивым характером отличается в междязыковом плане соответствие и м е н и т е л ь н о г о п а д е ж а русского языка п р я м о п а д е ж н о й ф о р м е имени субъекта действия в активно-субъектной конструкции языка хинди (а), ф о р м е к о с в е н н о г о п а д е ж а с послелогом *не* имени субъекта действия в активно-объектной (б) и активно-нейтральной (в) конструкциях, а также соответствие в и н и т е л ь н о г о п а д е ж а русского языка п р я м о п а д е ж н о й форме имени объекта действия в активно-субъектной (г), активно-объектной (д) и инактивно-объектной (е)

конструкциях и к о с в е н н о п а д е ж н о й форме на *ko* имени объекта действия в активно-субъектной (ж), активно-нейтральной (з) и инактивно-нейтральной конструкциях (и):

(а) **batak^{khē} palang ke nīce se nikal āyī thī** (RA, 535) – Осмелев, **утки** вышли из-под кровати (PM, 442), **dhuṇṇē kā ek ūcā khambāsā ākāś kī or gayā** (VM, 235) – **Столб** дыма взвился **высь** (BB, 210), **koṭhṛī mē rāt ko cūhe** bahut śor macāte the (RA, 23) – Ночью в нашей комнате затевали возню голодные **крысы** (PM, 30);

(б) ...**munṣī śivalāl ne** dohre kā baṭiā nikālā (VB, 4) – ....**Шивалал** вытащил из кармана мешочек с бетелем (BB, 22), **rujārī ne** arpe besure gale se ek holī gāī (VM, 23) – ... и **жрец**, фальшивя, запел песню холи (BB, 38), **netāō ne** girae sunkar iṭhā liye the... (P, 117) – Деревенские **старейшины** подобрали рассыпавшиеся по земле деньги... (П, 170);

(в) **munṣī śivalāl ne** istagāse ko hāth mē liyā (VB, 1) – Мунши **Шивалал** взял жалобу в руки (BB, 19), **lākhī ne** tīr ko baṛe cāv ke sāth tarkas mē rakh liyā (VM, 48) – **Лакхи** бережно спрятала стрелу в колчан... (BB, 56), **jaidēt ne** yatunā ko chātī se lagā liyā (VB, 253) – **Джайдеи** прижала Ямуну к своей груди (BB, 218);

(г) ...**harbans dillī ke kisī kālej mē iṭhās** paṛhātā hai (RA, 17) – ...Харбанс преподает **историю** в одном из делийских колледжей (PM, 25), **ṭhakurāin sir par kapṛā** phir ṭhīk kartī ... (RA, 21) – Тхакураин снова поправляла **шал** на голове... (PM, 28);

(д) **lakṣmīcand ne** chaḥ mahīne pahle sivil lāins mē ek **bāglā** kharīd liyā thā... (VB, 213) – С полгода назад Лакшимичанд купил на Сивил Лайнз небольшой **дом**... (BB, 189), см. также выше в рубрике (б): **baṭiā** – мешочек, **holī** – песню холи, **girae** – деньги;

(е) ...**phāṭk khol** liye gaye (VM, 244) – **Ворота** открыли... (BB, 183), **vahā rasiye** gāye jāyēge (VM, 9) – Там будут петь **расии** (BB, 29), **kāth kī ek choṭī sī batakh** us mē dāl dī gāī (VM, 105) – ...и бросили в него (в кувшин. – В. Л.) маленькую деревянную **утку** (BB, 93);

(ж) **aṭal arpe cūke** huṇe **tīr ko** ḍhūṛh lāyā (VM, 29) – Атал отыскал свою **стрелу** (BB, 41), **ek surjīt ko** māī lāhaur ke dinḍ se jāntā thā (RA, 81) – Одного **человека по имени Сурджит** я знал еще по Лакхору (PM, 82), ...**sāhab ghaṇṇī bajākar sureś ko** bulātā... (RA, 63) – ...сахиб вызывал к себе **Суреша**... (PM, 66);

(з) **ninnī ne** pīth par se **barchī ko** khol liyā (VM, 150) – Нинни сняла со спины **конье** (BB, 121) (см. также выше в рубрике (в): **istagāse ko** – жалобу, **tīr ko** – стрелу, **yatunā ko** – Ямуну);

(и) ...*munṣī rādhelāl ko bhī bulvā liyā gayā thā* (VB, 133) – ...туда пригласили и **мунши Радхелала** (ВБ, 124), *ṭāg dene ke bād ghaṛe ko hilā diyā jāyā* (VM, 105) – Сейчас **кувшин** снова поднимут, потом покачнут (ВБ, 93), *lekin khetō ko chorā to nahī jātā* (P, 18) – А все-таки **землю** свою не бросишь (П, 33).

Такой вид соответствия наблюдается и при переходе от русского языка к хинди (приводимые ниже предложения русского язык взяты из произведений В. Распутина);

(а') В эту ночь горела Петрухина **изба** – *āj rāt petrūkhā kā makān jal rahā thā* (RT, 341), По двору, наговаривая, ходили **курицы**... – *ahāte mē murgiyā śor kartī huī ghūm rahī thī* ... (RT, 337), Первой в старухиной избе поднялась **Надя** – *būrhī mā kī kuṭiyā mē sab se pahle nādyā uṭhī* (RT, 24);

(б') И опять **старуха** увидала утро – *būrhī ānnā ne ek subah aur dekhī* (RT, 63), **Люся** достала из сумки уже уложенное платье... – *lyūsyā ne jhole mē se tah kiyā huā frāk nikālā* ... (RT, 203), **Старуха** убрала из-под себя руку... – *būrhī mā ne apne nīce se hāth haṭāyā* ... (RT, 159);

(в') **Егор** выкатил из-под навеса тележку... – *yegor ne chappar ke nīce se ṭhele ko bāhar nikālā*... (RT, 333), Люсю оторвала от окна **Варвара**... – *lyūsyā ko vārvārā ne khīrkī ke pās se haṭāyā* (RT, 68), Андрея удивил ее **голос**... – *uske svar ne andrei ko āścaryā mē ḍāl diyā*... (RT, 396);

(г') Только она (Таньчора. – В. Л.) одна и отправляла **письма** на имя матери... – *ek tāncorā hī ciṭṭhiyā mā ke nām likhtī thī* (RT, 146), **Сок** собирали ребяташики... – *ras bacce jamā karte the*... (RT, 96);

(д') Михаил достал еще одну **бутылку**... – *mikhāil ne ek botal aur uṭhāyī*... (RT, 72), **Надя** принесла ей свои **шаровары** и **сапоги**... – *nādyā ne use apnā pājāmā aur lambe jūte lākar diyē*... (RT, 91), см. также выше в рубрике (б'): утро – *subah*, платье – *frāk*, руку – *hāth*;

(е') Ряди Степана открыли новую **бутылку** – *stepān ke liye paṭī botal kholī gayī* (RT, 128), Тогда, наверное, и признали сюда **бульдозер** – *tabhī, sambhavataḥ yahā bulldozar lāyā gayā* (RT, 93), Спасаясь от сырости, топили **печи**... – *patī se bacāv ke liye gharō mē cūlhe jalā liye gaye the* (RT, 381);

(ж') ...[старуха] прятала **письмо** в изголовье... – ...*aur ciṭṭhī ko vah sirhāne mē chipā letī thī* ... (RT, 147), Обратно в избу **старуху** привела **Надя**... – *būrhī ānnā ko vāpas makān ke bhītar nādyā lāyī* ... (RT,

192), ... он знал *Mamēry*... – ...*vah matyorā ko khūb jāntā thā* ... (RT, 344);

(з') Ругнувшись, он убрал с глаз *бутылку* – *koste hue usne botal ko ākhō ke sāmne se haṭā liyā* (RT, 77), После этого Михаил на время приспособил под баню крайний *амбар* – *tab mikhāil ne sab se kone vale bakhār ko gusalakhāne mē badal diyā thā* (RT, 76), см. также выше в рубрике (в'): тележку – *ṭhele ko*, Люсю – *lyūsuyā ko*, Андрея – *andrei ko*;

(и') ... туда же затем спускали *коня*... – ... *bad mē vahī ek ghoṛe ko utārā jāntā thā*... (RT, 93), Но *машину*, как нарочно, как в наказание, что она здесь оказалась, держали на побегушках... – *is tarah rah gaye ṭrelar ko jaise jān-būjhkar, daṇḍvarūp, choṭe-choṭe kāmō ke liye rakh choṛā gayā thā* ... (RT, 365), Гнали к Ангаре совхозный *скот*... – *savkhoz ke maveṣiyō ko angārā kī or hākā jā rahā thā* (RT, 420).

Кроме того, для и м е н и т е л ь н о г о п а д е ж а русского языка оказывается характерным соответствие к о с - в е н н о п а д е ж н о й ф о р м е на *se* имени субъекта действия в инактивной (будь то нейтральной или объектной) конструкции и к о с в е н н о п а д е ж н о й ф о р м е на *ko* имени субъекта действия в аффективной конструкции, например: *tagar paṭeṣvarī se yah anyāu na dekhā gayā* (P, 115) – *Патешвари, однако, не любил несправедливости* (П, 176), *rogī ko kuch na sun paṛā* [135, с. 432] '*Больной* ничего не услышал'.

В случаях выражения отрицания именам объекта действия базовых конструкций глагольных предложений языка хинди в русском языке обычно отвечают имена, оформленные родительным падежом:

jhuniyā ne kalsā na diyā (P, 25) – Однако Джхуния *кувшина* не отдала (П, 43), *apne yahā aise kapre nahī pahine jāte* (VM, 146) – У нас не носят таких *накидок* (ВВ, 119), – *jarnalist log sapne nahī dekhte* (RA, 263) – ...журналисты не видят *снов*... (РМ, 221), *tagar paṭeṣvarī se yah anyāu na dekhā gayā* (P, 115) – *Патешвари, однако, не любил несправедливости* (П, 176);

А я не отбивал ей никакой *телеграммы* – *māīne use koī tār nahī bhejā* (RT, 199), Она не хотела моментального *освобождения*... – *vah kṣaṇik mukti nahī cāhtī thī* ... (RT, 158), *Илья, слава богу, советов* не давал – *ilyā kam-se-kam is tarah kī nasīhatē nahī detā thā* (RT, 147), Они так и не сказали друг другу ни *слова* – *is tarah ve ek-dūsre se ek śabda bhī nahī bole* (RT, 193).

В связи с передачей разделительного значения таким именам языка хинди могут в русском языке отвечать имена в дательном падеже с предлогом *по*, например: *beyarā jonāthan đevīđ aur mīr sāheb ko hviṣkī ke gīlās bhar de gayā thā* (VB, 261) – *Официант принес Дэвиду и Мур-сахибу по стакану вина* (ББ, 223), *horī aur gobar ne ek-ek kalsā pānī sir par ūrelā...* (P, 18) – *Хори и Гобар вылили себе на головы по большому кувшину воды...* (П, 32).

Именам (будь то имя объекта или субъекта действия) языка хинди, входящим в состав количественно-именных сочетаний, соответствует в русском родительный падеж имен – компонентов такого рода сочетаний: *iske bād byaurevār pñc kāraṇ diye gaye the...* (RA, 195) – *И далее приводилось пять соответствующих “мотивов” ...* (PM, 168), *pillī ne ek piṭārī mẽ se kuch bahumūlya oṛṇiṇiṇi nīkāḷī* (VM, 126) – *Она достала из корзинки несколько очень дорогих накидок...* (ББ, 107), *ñn larke bacraṇ hī mẽ mar gaye* (P, 5) – *Три мальчика умерли еще в младенческом возрасте* (П, 12);

Нинка полезла и спустила в подоле пять яиц... – *nīnkā ūpar caṛhkar frāk mẽ pñc aṇḍe bhar kar le āyī* (RT, 84), *... три семьи снялись еще с осени...* – *ñn parivār patjhar mẽ hī cale gaye the...* (RT, 277).

В глагольно-связочных предложениях русский именительный падеж их компонентов-существительных соответствует прямопадежной форме языка хинди: *rājā dharnīdharsinh majhole kaḍ ke toṛe-se ādmī the...* (VB, 311) – *Раджа Дхарнидхарсинх был грузный мужчина среднего роста...* (ББ, 262), *rāy sāhab sabhā-catur ādmī the* (P, 45) – *Рая-сахиб был светским человеком...* (П, 86), *mor khūbsūrāt ciṛiṇiṇi hai...* (VM, 72) – *Павлин – красивая птица...* (ББ, 70), *is varga ke log bare pratibhāvn hote hāī* (P, 160) – *Люди этого сорта чрезвычайно умны и изворотливы* (П, 240);

Алеша Звонников тоже был порядочный баламут... – *alyoṣā zvonnikov bhī acchā-khāsā śarārati thā...* (RT, 358), *Лес поначалу был зеленым...* – *jangal pahle harā thā...* (RT, 53), *Человек – царь природы* – *manuṣya prakṛti kā rājā hai* (RT, 389), *Ночь была теплая и тихая...* – *rāt garm aur śānt thī ...* (RT, 324).

Не только именительный, но и творительный падеж русского языка соответствует прямопадежной форме существительного-предикатива глагольно-связочных предложений языка хинди: *thākur barjorsinh ke piṭā kiṣī samay ek acche-khāse zamīndār the...* (VB, 39) – *Когда-то отец Барджорсинха был очень богатым заминдаром ...* (ББ, 53).

Формы русских падежей с предлогом и без предлога выражают, разумеется, широкий спектр и таких значений, которые передаются в хинди словоформами, не относящимися к строевым компонентам его базовых конструкций предложений.

Каждому косвенному падежу свойствен свой набор предлогов, с которыми он (косвенный падеж) сочетается. При этом между самими предлогами обнаруживаются расхождения в отношении количества (один, два, три) и/или перечня падежных форм, с которыми они встречаются. Встречаемость первообразных предлогов (предлогов элементарной структуры), т.е. предлогов, “не связанных мотивационными отношениями с какими-либо знаменательными словами” [72, с. 325], с падежными формами имени существительного показана в таблице 4.

Несклоняемые существительные в сочетании с предлогами, разумеется, сохраняют свою единственную форму.

Если значение того или иного падежа – это есть “значение отношения имени к другому слову в составе словосочетания или предложения” [72, с.161], то предлоги обогащают и разнообразят выразительные возможности падежей (косвенных). Синтаксическая связь существительного с другими словами оказывается, таким образом, выраженной изменением его формы, воплощенным в принятой им флексии, и предлогом. В сочетании с предлогом падежная форма существительного предстает как морфологическая основа его предложно-падежной формы. При употреблении падежей с предлогами значение падежа, так или иначе, объединяется со значением предлога⁸.

Участие предлогов в выражении синтаксических связей – это, конечно же, явление аналитизма, однако предлоги “не разлагают, а наоборот, укрепляют и обогащают синтетическую в основном систему склонения существительных в современном русском языке” [103, с. 75].

---

⁸ В данном контексте стоит отметить, что, согласно точке зрения Е.Куриловича, в качестве средства выражения предлоги с функциональной точки зрения находятся на одинаковом уровне с падежными флексиями [75, с. 177], и предлог понимается как субморфема, причем основная, сложной морфемы, включающей в свой состав и падежное окончание [75, с. 180].

Таблица 4

Предлог \ Падеж	Р	Д	В	Т	П
<i>без (безо)</i>	+	–	–	–	–
<i>в (во)</i>	–	–	+	–	+
<i>Для</i>	+	–	–	–	–
<i>До</i>	+	–	–	–	–
<i>За</i>	–	–	+	+	–
<i>из (изо)</i>	+	–	–	–	–
<i>к (ко)</i>	–	+	–	–	–
<i>кроме</i>	+	–	–	–	–
<i>Меж</i>	+	–	–	+	–
<i>между</i>	–	–	–	+	–
<i>На</i>	–	–	+	–	+
<i>над (надо)</i>	–	–	–	+	–
<i>О (об, обо)</i>	–	–	+	–	+
<i>от (ото)</i>	+	–	–	–	–
<i>Перед (передо)</i>	–	–	–	+	–
<i>По</i>	–	+	+	–	+
<i>под (подо)</i>	–	–	+	+	–
<i>Пред (предо)</i>	–	–	–	+	–
<i>При</i>	–	–	–	–	+
<i>Про</i>	–	–	+	–	–
<i>Ради</i>	+	–	–	–	–
<i>С</i>	+	–	+	+	–
<i>У</i>	+	–	–	–	–
<i>Через</i>	–	–	+	–	–
<i>из-за</i>	+	–	–	–	–
<i>из-под</i>	+	–	–	–	–

В языке хинди категория падежа морфологически более отчетливо, чем у существительных, представлена у местоимений. Это, прежде всего, личные местоимения *māī* ‘я’, *tū* ‘ты’, *ham* ‘мы’, *tum* ‘вы’ (точнее – ‘вы/ты’) и местоимения общевыделительного типа при их функционировании в качестве местоимений-существительных, влекущем наделение входящих в их круг указательных местоимений дальнего плана (*vah* ‘тот/та/то’: *ve* ‘те’) и ближнего плана (*yah* ‘этот/эта /это’: *ye* ‘эти’) статусом (или ролью) личных место-

имений третьего лица со значением «он/она/оно»: «они», нацеленным на указание как на лицо (лиц), так и на не-лицо. В парадигме словоизменения упомянутых местоимений проявляются помимо прямого падежа падежи [обще]косвенный и объектный.

[Обще]косвенный падеж местоимений *māi* и *tū* представлен их формами *mujh* и *tujh*, тогда как у местоимений *ham* и *tum* (а перед послелогом *ne* равным образом и у *māi* и *tū*) обнаруживается синкретизм (снятие оппозиции в плане выражения) форм прямого и [обще]косвенного падежей. Формы *mujh* и *tujh*, как, впрочем, и *ham* и *tum*, не совместимы в своем функционировании с генитивным послелогом *kā* (как таковым и как первым компонентом в виде *ke* или *kī* сложного или сложно-составного послелога), характеризующимся адъективной парадигмой словоизменения, и эта несовместимость компенсируется в языке функционированием имеющих притяжательных местоимений *merā* ‘мой’, *terā* ‘твой’. *hamārā* ‘наш’, *tumhūrā* ‘ваш’ (точнее – ‘ваш/твой’).

[Обще]косвенный падеж [квази]личных местоимений третьего лица *vah* : *ve* и *yah* : *ye* представляют формы *us* : *un* и (только перед послелогом *ne*) *unhō* и *is* : *in* и (только перед послелогом *ne*) *inhō*. В той мере, в какой соблюдается в плане содержания оппозиция *vah* : *ve* или *yah* : *ye*, этим местоимениям, в отличие от существительных II типа словоизменения, оказывается чуждым синкретизм форм числа (единственного и множественного) в прямом падеже, а благодаря наличию оппозиции *vah* : *us* или *yah* : *is* этим местоимениям, в отличие от существительных II, III и IV типов словоизменения чужд синкретизм падежных форм (прямой и косвенный) единственного числа.

Присущий всем упомянутым выше местоимениям объектный падеж представлен синтетическими формами *mujhe*, *tujhe*, *hamē*, *tumhē*, *use*: *unhē* и *ise*: *inhē*. Объектный падеж является семантическим и функциональным эквивалентом падежно-послеложной формы соответствующего местоимения, маркированной направительным (дательно-винительным) послелогом *ko*.

Ниже в таблице 5 даны образцы функционирования упомянутых выше местоимений в прямопадежной форме – I, в падежно-послеложной форме с послелогом *ne* – II, в падежно-послеложной форме с каким-либо другим послелогом (для иллюстрации привле-

чен послелог *se*) – III, в падежно-последложной форме с послелогом *ko* или в форме объектного падежа – IV.

Таблица 5

I	II	III	IV		
<i>māi jaldī mē hī</i> Я тороплюсь	<i>māi ne jaldī kī</i> Я поторопился*	<i>tujh se</i> со мной	<i>salāh lenā sovetovatsya</i>	<i>tujh ko / tujhe</i> мне	<i>salāh denā sovetovat', davat' sovet</i>
<i>tū jaldī mē hai</i> Ты торопишься	<i>tū ne jaldī kī</i> Ты поторопился*	<i>tujh se</i> с тобой		<i>tujh ko / tujhe</i> тебе	
<i>ham jaldī mē hāi</i> Мы торопимся	<i>ham ne jaldī kī</i> Мы поторопились	<i>ham se</i> с нами		<i>ham ko / hamē</i> нам	
<i>tum jaldī mē ho</i> Вы торопитесь	<i>tum ne jaldī kī</i> Вы поторопились	<i>tum se</i> с вами		<i>tum ko / tumhē</i> вам	
<i>vah jaldī mē hai</i> Он/Она/Оно торопится	<i>us ne jaldī kī</i> Он поторопился **	<i>us se</i> с ним/ней		<i>us ko / use</i> ему/ей	
<i>ve jaldī mē hāi</i> Они торопятся	<i>inhō ne jaldī kī</i> Они поторопились	<i>un se</i> с ними		<i>un ko / unhē</i> им	
<i>yah jaldī mē hai</i> Он/Она/Оно торопится	<i>is ne jaldī kī</i> Он поторопился**	<i>is se</i> с ним/ней		<i>is ko / ise</i> ему/ей	
<i>ye jaldī mē / hāi</i> Они торопятся	<i>inhō ne jaldī kī</i> Они поторопились	<i>in se</i> с ними		<i>in ko / inhē</i> им	

*Приведена глагольная форма только мужского рода

**Приведены формы только мужского рода личного местоимения третьего лица и глагола.

Отмеченная выше семантическая и функциональная эквивалентность объектного падежа и падежно-последложной формы с послелогом *ko* может послужить основанием для того, чтобы считать последнюю аналитической формой объектного падежа. С такой трактовкой падежно-последложной формы с послелогом *ko* легко увязать взгляд и на падежно-последложную форму, отмеченную послелогом *ne*, как просто на падежную (разумеется, аналитическую) форму, а именно, как на форму агентивного (или, если угодно, эргативного) падежа местоимений.

Категория рода

Как в хинди, так и в русском языке категория рода имени существительного, в отличие от категории числа и категории падежа – категорий словоизменительных, является классифицирующей. В хинди различаются два рода: мужской и женский; в русском – три рода: мужской, женский и средний. В наименованиях “мужской” и “женский” отражена важная семантическая черта данной категории – способность одушевленных существительных обозначать принадлежность их денотатов к биологическому полу: мужскому или женскому.

Родовая принадлежность существительных однозначно выявляется в форме / формах сочетающихся с ними слов. В частности, общей для хинди и русского простейшей синтаксической структурой, где отчетливо видна дифференциация существительных по роду, является, пожалуй, сочетание существительного с синтаксически зависимым от него, существительного, прилагательным.

В хинди существительные распределяются по двум родовым классам: 1) *baṛā makān* ‘большой дом’, *naṇṇā mitra* ‘новый друг’, *harā ṭīṭṭī* ‘зеленый кузнечик’, *purānā rivāj* ‘старый обычай’ – м.р.; 2) *baṛī dukān* ‘большой магазин’, *naṇṇī adhyāpikā* ‘новая учительница’, *harī chipkalī* ‘зеленая ящерица’, *purānī paramparā* ‘старая традиция’ – ж.р. В русском же языке они распределяются по четырем родовым классам, что объясняется тем, что в нем помимо существительных мужского, женского и среднего родов выделяются существительные, способные выступать равным образом в качестве слов мужского и женского рода, – так называемые существительные общего рода: 1) *большой сад*, *новый попугайчик*, *зеленый попугай*, *давний случай* – м.р.; 2) *большая поляна*, *новая актриса*, *зеленая жаба*, *давняя привязанность* – ж.р.; 3) *большое озеро*, *новое чудовище*, *зеленое насекомое*, *давнее происшествие* – ср. р.; 4) *круглый сирота м.* – *круглая сирота ж.*, *беспобудный пьяница м.* – *бес-*

пробудная пьяница ж. – общ.р.

Такой выбор формы синтаксически связанных с существительными слов принято трактовать как согласование в роде, вследствие чего существительные каждого из родов могут считаться образующими отдельный согласовательный класс слов в отвлечении от лексического значения последних. Согласованию в роде подвергаются не только те слова, которые находятся в прямой синтаксической зависимости от существительных. Показательно, в частности, отражение родовой принадлежности существительных формами финитного глагола. В русском языке это формы прошедшего времени и сослагательного наклонения (*пруд обмелел – река обмелела – озеро обмелело; баркас отплыл бы – лодка отплыла бы – судно отплыло бы*). Образно говоря, в хинди и русском языке классифицирующая категория рода имени существительного преломляется в словоизменительной категории рода других классов слов. Вот почему согласование с существительными по роду (в роде) в отличие от согласования с ними в формах числа и падежа можно интерпретировать как обусловленное управлением согласование – *governmental concord* в трактовке Ч.Ф. Хоккета [139, с. 215].

Как в хинди, так и в русском языке оно дает о себе знать и тогда, когда имя существительное замещается кореферентным с ним местоимением (обычно выполняющим анафорическую функцию).

В хинди категория рода имени существительного выглядит обязанной своим наличием словам / словоформам, отличающимся адъективной парадигмой словоизменения, которой присущи следующие флексии: $-\bar{i}$ – флексия женского рода, $-\bar{a}$ – флексия прямого падежа единственного числа мужского рода, $-e^1$ – флексия прямого падежа множественного числа мужского рода, $-e''$ – флексия косвенного падежа мужского рода (правда, стандартного строения порядковые числительные и некоторые прилагательные располагают назализованными флексиями: $-\tilde{i}$, $-\tilde{a}$, $-\tilde{e}^1$, $-\tilde{e}''$), а еще $-\tilde{i}$ – флексия множественного числа женского рода у финитных глагольных форм причастного происхождения.

И в хинди, и в русском языке категория рода имени существительного тесно переплетается с его словоизменительными категориями, причем переплетается, надо полагать, так, что именно на

родовую принадлежность существительных накладываются особенности их словоизменения, а не наоборот.

В хинди различие при словоизменении между существительными женского рода, с одной стороны, и с существительными мужского рода, с другой, четко представлено в прямопадежной форме множественного числа.

У существительных женского рода эта форма характеризуется флексиями $\tilde{a}$ и $\tilde{e}$. Первую из флексий принимают имена с основой на $\tilde{i}$ или $\tilde{i}$: *khirkī* ‘окно’ – *khirkīyā* ‘окна’, *śakti* ‘сила’, – *śaktiyā* ‘силы’. Вторая флексия присуща именам с иной другой основой: *ākh* ‘глаз’ – *ākhē* ‘глаза’, *latā* ‘лиана’ – *latāē* ‘лианы’, *vastu* ‘вещь’ – *vastuē* ‘вещи’, *bahū* ‘невестка’ – *bahuē* ‘невестки’. Флексией $\tilde{a}$ характеризуются также существительные женского рода, имеющие в своем составе словоизменительный формант $\tilde{i}yā$: *ḍibiyā* ‘коробочка’ – *ḍibiyā* ‘коробочки’, *guriyā* ‘кукла’ – *guriyā* ‘куклы’.

Среди существительных мужского рода есть имена, которые при выражении значения множественного числа характеризуются в позиции прямопадежной формы нулевой флексией (*ghar-ø* ‘дома’, *kisān-ø* ‘крестьяне’, *pitā-ø* ‘отцы’, *kavi-ø* ‘поэты’, *telī-ø* ‘маслоделы’, *sādhu-ø* ‘аскеты’, *bicchū-ø* ‘скорпионы’), и имена, которые в форме прямого падежа множественного числа отличаются от существительных женского рода флексией $-e$ ($-e^I$), связанной парадигматически со следующими флексиями: с флексией прямого падежа единственного числа $\tilde{a}$, с флексией косвенного падежа единственного числа $-e$ ($-e^{II}$), а также с флексией $\tilde{o}$, общей для существительных как мужского, так и женского рода в косвеннопадежной форме множественного числа: *ḥokrā* ‘корзина’ – *ḥokre* ‘корзины’, *larkā* ‘мальчик’ – *larke* ‘мальчики’, *gāḍḍā* ‘носорог’ – *gāḍḍe* ‘носороги’. Некоторые существительные мужского рода отличаются набором назализованных флексий того же граммемного наполнения: соответственно $\tilde{e}$ ($-e^I$), $\tilde{a}$ и $\tilde{e}$ ($-e^{II}$) помимо упомянутой выше флексии $\tilde{o}$. Флексия $\tilde{e}$ ($-e^I$) таких существительных (*kuā* ‘колодец’ – *kuē* ‘колодцы’) омонимична флексии существительных женского рода (*latā* ‘лиана’ – *latāē* ‘лианы’).

В словоизменении существительных языка хинди формальное различие между мужским и женским родом сводится на нет нулевыми флексиями при совмещении с граммемой единственного чис-

ла граммемы прямого падежа и граммемы косвенного падежа (также упомянутой выше флексией *-ō* в косвенном падеже множественного числа).

Отмеченное выше выражение родовой принадлежности существительных их формами имеет место в рамках субстантивной парадигмы словоизменения с ее четырьмя основными вариантами (типами словоизменения, или “склонения”) – по два для каждого из двух родов.

В русском языке, где в зависимости от набора флексий выделяются три основных (с у б с т а н т и в н ы х) типа склонения существительных (наряду с имеющимися а д ъ е к т и в н ы м и п р и т я ж а т е л ь н ы м склонениями), существительные мужского рода относятся к первому склонению (*отец, стол, князь, конь, гараж, сарай, подмастерье, домишко*) и не столь представительно ко второму склонению (*юноша, дядя, староста, старшина, судья*), существительные женского рода – ко второму склонению (*бабушка, лиса, вода, струя, линия, земля*) и к третьему склонению (*рысь, дверь, печь, ночь, рождь*), существительные среднего рода – к первому склонению (*чудовище, окно, ружьё, здание, домишко*), существительные общего рода – ко второму склонению (*сирота, лакомка, чистюля, тихоня*). Вне этих трех основных типов склонения находится ряд так называемых разносклоняемых существительных (*путь* – м.р.; *дитя* – ср.р.; *бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семя, стремя, темя* – ср.р.; некоторые русисты все же относят эти слова к третьему склонению). Существительные разной родовой принадлежности имеют совпадающие окончания в дательном, творительном и предложном падежах множественного числа (соответственно *-ам/-ям, -ами/ями, -ах/-ях*), чем в определенной степени скрадывается различие между основными типами склонения существительных. По трем родам – мужскому, женскому и среднему – распределяются существительные адъективного склонения (*домовой, вожатый; столовая, запятая; животное, сказуемое*). Те же три рода охватываются имеющим черты субстантивного и адъективного склонений притяжательным склонением (*Крылов, Пушкин, Чаадаев, кабельтов, швартов; Орлова, Яблочкина, Гоголева, ничья, девичья; третье [блюдо]*). Распределению по трем родам подвержены и занимающие особое место несклоняемые существительные, например: *кули (китайский кули), кофе (молотый кофе)* –

м.р.; *леди* (моя прекрасная леди), *Миссисипи* (полноводная Миссисипи) – ж.р.; *такси* (грузовое такси), *метро* (московское метро) – ср.р.

В языке хинди формы согласования (формы согласующихся с существительными слов) отражают родовую принадлежность существительных как в единственном (а), так и во множественном (б) числе:

(а) *baṛā makān* ‘большой дом’, *baṛe makān mẽ* ‘в большом доме’ – *baṛī dukān* ‘большой магазин’ – *baṛī dukān mẽ* ‘в большом магазине’;

(б) *baṛe makān* ‘большие дома’, *baṛe makānõ mẽ* ‘в больших домах’ – *baṛī dukānẽ* ‘большие магазины’, *baṛī dukānõ mẽ* ‘в больших магазинах’.

Иное положение наблюдается в русском языке: во множественном числе родовая принадлежность существительных остается не выраженной формами сочетающихся с ними форм, так как формы согласования оказываются общими для трех родов: *глубокий пруд* – *глубокая река* – *глубокое озеро*, но *глубокие* {пруды, реки, озера}, *глубоких* {прудов, рек, озер}, *глубоким* {прудам, рекам, озерам} и т.п.

Однако числительные *два* и *оба* своими формами согласования отграничивают существительные женского рода от существительных мужского и среднего родов (от существительных “неженского” рода):

числительное *два* – в именительном и (при неодушевленных существительных) в винительном падеже, например: им.п. *две* {руки, сестры} – *два* {глаза, брата, плеча, чудовища}, вин.п. *две* руки – *два* {глаза, плеча}, но *двух* {сестер, братьев, чудовищ};

числительное *оба* – во всех падежах, например: *обе* {руки, сестры} – *оба* {глаза, брата, плеча, чудовища}, *обеих* {рук, сестер} – *обоих* {глаз, братьев, плеч, чудовищ}, *обеим* {рукам, сестрам} – *обоим* {глазам, братьям, плечам, чудовищам} и т.п. (отражая различие в роде “ж.р. vs. м.р. + ср.р”), это числительное образует формы косвенных падежей от разных основ).

Поскольку синтаксическое выражение рода существительных русского языка формами поддающихся согласованию с ними слов теряет силу в формах множественного числа, постольку те существительные, которые располагают формами только множественного

числа, т.е. существительные *pluralia tantum*, остаются вне родовой классификации или, другими словами, не имеют категории рода, хотя в форме родительного падежа множественного числа одни из них (например, *духи, консервы и белила, дрова*) характеризуются флексиями (флексией *-ов* или нулевой флексией) существительных первого склонения (соответственно мужского и среднего рода: *домов, окон*; *дом* – м.р., *окно* – ср.р.); другие (например, *брюки, брызги, носилки*) – нулевой флексией существительных второго склонения (*ног, птиц, нога, птица* – ж.р.); третьи (например, *дрожжи, клещи, сани*) – флексией *-ей*, отвечающей в основном существительным третьего склонения, т.е. существительным женского рода (*вещей, теней; вещь, тень* – ж.р.).

Для хинди весьма типичны существительные, по внешнему звуковому облику которых (особенно при совмещении граммы единственного числа с граммемой прямого падежа, т.е. в исходной форме) нельзя судить об их родовой принадлежности. Примером служат приведенные ниже попарно существительные, различающиеся родом (мужской – женский):

candramā ‘луна’ – *nīlimā* ‘синева’
patā ‘адрес’ – *latā* ‘лиана’
mazā ‘вкус’, ‘удовольствие’ – *sazā* ‘наказание’
būtā ‘сила’ – *sūtā* ‘роженица’
tavā ‘сковорода’ – *havā* ‘воздух’
śrotā ‘слушатель’ – *mātā* ‘мать’
pānī ‘вода’ – *rānī* ‘царица’
motī ‘жемчуг’, ‘жемчужина’ – *dhotī* ‘дхоти’,
‘набедренная повязка’
bhāt ‘брат’ – *tāt* ‘жена старшего брата отца’
udadhi ‘море’ – *nidhi* ‘сокровище’
aṇi ‘атом’ – *reṇi* ‘пылинка’
sāhū ‘ростовщик’ – *bahū* ‘невестка’
kodō ‘мелкое зерно’ – *sarsō* ‘горчица’
jau ‘ячмень’ – *gau* ‘корова’
lāt ‘лорд’ – *hāt* ‘базар’
khet ‘поле’ – *ret* ‘песок’
khitāb ‘титул’, ‘звание’ – *kitāb* ‘книга’
tej ‘жар’, ‘блеск’, ‘сияние’ – *sej* ‘ложе’
bās ‘бамбук’ – *sās* ‘дыхание’

phūl ‘цветок’ – *dhūl* ‘пыль’
sūp ‘плоская корзина’ – *dhūp* ‘солнечный свет’
śīt ‘холод’ – *jīt* ‘победа’
śahar ‘город’ – *nahar* ‘канал’
śāh ‘шах’, ‘король’, ‘монарх’ – *rāh* ‘путь’, ‘дорога’
darzī ‘портной’ – *marzī* ‘воля’, ‘желание’¹.

Показательны в этой связи существительные-омонимы, различающиеся грамматическим родом (м.р. – ж.р.):

lagan ‘тазик’ – *lagan* ‘склонность’
kān ‘ухо’ – *kān* ‘шахта’
kār ‘дело’, ‘работа’ – *kār* ‘автомобиль’
bān ‘стрела’ – *bān* ‘привычка’
hār ‘ожерелье’ – *hār* ‘поражение’
lāt ‘лорд’ – *lāt* ‘колонна’
bāl ‘волос’ – *bāl* ‘колос’
ḥkā ‘тика’ (знак на лбу) – *ḥkā* ‘комментарий’.

По звуковому облику русских существительных (имеются в виду многоформенные, т.е. склоняемые, существительные) можно с большой долей определенности судить об их родовой принадлежности. И это наблюдается, что немаловажно, на примере непроемных существительных.

Так, по исходной форме, т.е. форме именительного падежа единственного числа, родовая принадлежность опознается следующим образом:

(а) *-ø* (нулевая флексия) при основе на твердый согласный или на *-ī* – мужской род, например: *дом*, *стол*, *шкаф*, *слон*, *волк*, *дрозд*, *брат*, *змея*, *герой* (однако существительные с основой на *-i* или *-j* бывают не только мужского, но и женского рода: *камыш* – *мышь*, *нож* – *ложь*);

---

¹ При таком положении вещей грамматический род некоторых существительных “подсказывается” их лексическим значением: *śrotā*, *bhāī*, *sāhū*, *lāt*, *śāh*, *darzī* – м.р.; *sūtā*, *rānī*, *tāī*, *bahū* – ж.р. Однозначно принадлежат мужскому роду имена, имеющие *-ā* в исходе, если этим *-ā* манифестируется флексия, а не конечный гласный основы. Таковы среди приведенных слов существительные *patā*, *mazā*, *būtā*, *tavā*.

(б) флексия *-а* или *-я* (у существительных, не обозначающих лицо) – женский род, например: *стена, рука, рама, дуга, лиса, лама* (южноамериканское вьючное животное), *баиня, земля, тля* (среди личных существительных наряду с существительными женского рода, например: *дева, дама, тётя*, – встречаются существительные мужского рода, например: *папа, лама* (ламаистский монах), *дядя*²; известны также десять имен на *-мя* среднего рода);

(в) флексия *-о (-ё)* или *-е* – средний род, например: *село, окно, копё, поле, море* (среди производных существительных встречаются имена мужского рода, например: *домишко, волчище, подмастерье*).

Распределяются по двум родам – мужскому и (с численным преобладанием) женскому – существительные с основой на мягкий согласный, на *-и* или на *-ж*, характеризующиеся в исходной форме нулевой флексией (*-ø*), например: *толь, пень, лось, лец, зверь, язь, меч, путь, душ, туш* (музыкальное приветствие), *нож* – м.р.; *соль, тень, рысь, вещь, дверь, бязь, печь, ртуть, мышь, тушь* (акварельная краска), *рожь, выпь, стерлядь, зябь, кровь* – ж.р. Их род опознается по косвеннопадежным формам, отражающим различие между первым и третьим склонениями (как исключение, существительное мужского рода *путь* попадает в число разносклоняемых имен), причем в конце исходной формы существительных женского рода с основой на *-и* и *-ж*, а также на *-и* и *-ч* орфографией предписывается ставить мягкий знак: *мышь, тушь* (акварельная краска), *рожь, вещь, печь* (в данном случае орфография выполняет функцию дифференциации, обеспечивая на письме отграничение существительных женского рода от одинаковых, что касается основы, по звучанию существительных мужского рода).

---

² Родовая принадлежность таких существительных, относимых наряду с массой неличных существительных (*стена, рука...*) ко второму склонению, определяется (“подсказывается”) их лексическим значением: существительные, обозначающие лиц мужского пола, предстают как существительные мужского рода; существительные, обозначающие лиц женского пола, относятся к женскому роду. Показательны в связи с этим и собственные имена: *Ваня м. – Таня ж., Гоша м. – Даша ж., Петя м. – Катя ж.*, хотя такие имена, как *Саша, Валя*, – это существительные общего рода.

В распределении несклоняемых существительных по родам значительна роль лексической семантики: неодушевленные – это преимущественно слова среднего рода (*депо, какао, бра, рагу, купе, такси, интервью*); существительные, являющиеся названиями лиц мужского пола и лиц по профессии, занятию, должности (безотносительно к полу), относятся к мужскому роду (*буржуа, атташе, денди, кули, рефери, маэстро, рантье, портье, конферансье*), а существительные, называющие лиц женского пола (включая женские собственные имена), – к женскому роду (*леди, мадам, мисс, миссис, фрау, пани, Элен, Долорес, Мэри*).

Род несклоняемых неодушевленных существительных может отвечать родовой принадлежности имен, обозначающих более общее понятие: *авеню* – ж.р., поскольку *улица* – ж.р.; *пенальти* – м.р., поскольку *удар* – м.р.; *трюмо* – ср.р., поскольку *зеркало* – ср.р. Род несклоняемого неодушевленного собственного имени обычно “подсказывается” родом соответствующего нарицательного существительного: *Капри* – м.р. (*остров* – м.р.), *Ориноко* – ж.р. (*река* – ж.р.), *Онтарио* – ср.р. (*озеро* – ср.р.), *Гоби* – ж.р. (*пустыня* – ж.р.).

Несклоняемые слова, являющиеся аббревиатурами буквенного типа, обычно наследуют род стержневого слова соответствующего полного наименования (в том числе стержневого слова, появляющегося в переводе полного иноязычного наименования, определившего облик аббревиатуры): *ООН* – ж.р. (*организация* – ж.р.), *КНР* – ж.р. (*республика* – ж.р.), *АО* – ср.р. (*общество* – ср.р.), *МГУ* – м.р. (*университет* – м.р.), *ФИДЕ* – ж.р. (*федерация* – ж.р.; см. Международная шахматная федерация – *Fédération Internationale des Échecs*), *УЕФА* – м.р. (*союз* – м.р.; см. Европейский союз футбольных ассоциаций – *Union Européenne de Football Associations*).

Как в хинди, так и в русском языке вне распределения по грамматическим родам не могут оставаться словообразовательно мотивированные (производные) существительные. Их родовая принадлежность находит свое проявление в их морфемном составе.

Так, в хинди к мужскому роду относятся существительные:

с суффиксом *-ak* – мотивированные существительными, например: *lekhaḥ* ‘писатель’, *anuvāḍak* ‘переводчик’, *sahāyaka* ‘помощник’ (ср. мотивирующие слова: *lekh* ‘статья’, ‘сочинение’. *anuvāḍ* ‘перевод’, *sahāy* ‘помощь’, ‘поддержка’);

с суффиксом *-pan* – мотивированные существительными или прилагательными, например: *gadhāpan* ‘глупость’, ‘неразумность’, *baspan* ‘детство’, *nīlāpan* ‘синева’ (ср.: *gadhā* ‘осел’, *baccā* ‘ребенок’, ‘дитя’, *nīlā* ‘синий’);

с суффиксом *-ī* – мотивированные существительными, например: *rāhī* ‘путник’, *telī* ‘маслодел’, *halvāī* ‘кондитер’ (ср.: *rāh* ‘путь’, ‘дорога’, *tel* ‘масло’, *halvā* ‘халва’);

с суффиксом *-āv-*, сопровождаемым флексией, – мотивированные глаголами, например: *carhāvā* ‘рост’, ‘подъем’, *chalāvā* ‘привидение’, ‘колдовство’, *bulāvā* ‘зов’ (ср.: *carhnā* ‘подниматься’, ‘взбираться’, *chalnā* ‘обманывать’, *bulānā* ‘звать’, ‘призывать’).

Принадлежность к женскому роду обнаруживают, в частности, существительные:

с суффиксом *-nī* – мотивированные существительными мужского рода, например: *rīchnī* ‘медведица’, *hindunī* ‘индуска’, *faḳīrnī* ‘нищенка’, *piśācnī* ‘ведьма’ (ср.: *rīch* ‘медведь’, *hindū* ‘индус’, *faḳīr* ‘нищий’, *piśāc* ‘злой дух’, ‘демон’);

с суффиксом *-ī* – мотивированные прилагательными, например: *bīmārī* ‘болезнь’, *āzādī* ‘свобода’, *saḡedī* ‘белизна’, *jānibdārī* ‘пристрастие’ (ср.: *bīmār* ‘больной’, *āzād* ‘свободный’, *saḡed* ‘белый’, *jānibdār* ‘пристрастный’);

с суффиксом *-āī* – мотивированные прилагательными, например: *caturāī* ‘хитрость’, ‘проворство’, *garmāī* ‘тепло’, ‘теплота’, *burāī* ‘порок’, ‘недостаток’ (ср.: *catur* ‘хитрый’, ‘проворный’, *garam* (*garm*) ‘теплый’, ‘жаркий’, *burā* (*bur-ā*) ‘плохой’);

с суффиксом *-āvaṭ* – мотивированные глаголами, например: *likhāvaṭ* ‘почерк’, ‘стиль письма’, *thakāvaṭ* ‘усталость’, *rukāvaṭ* ‘препятствие’, ‘остановка’, ‘задержка’ (ср.: *likhnā* ‘писать’, *thaknā* ‘уставать’, *rukṇā* ‘останавливаться’, ‘задерживаться’);

без суффикса (с нулевым суффиксом?) – мотивированные глаголами, например: *lūṭ* ‘разбой’, ‘грабеж’, *daur* ‘бег’, *jhapraṭ* ‘прыжок’, ‘наскок’, ‘нападение’ (ср.: *lūṭnā* ‘грабить’, ‘обирать’, *daurnā* ‘бежать’, *jhapraṭnā* ‘набрасываться’, ‘нападать’).

Родовая принадлежность встречается проявленной в звуковом облике у заимствованных в готовом виде существительных, которые были словообразовательно мотивированы в языке-источнике. Так, например, к существительным женского рода в языке хинди относятся:

а) слова иранского происхождения *košiš* ‘старание’, ‘усилие’, ‘попытка’, *sāziš* ‘заговор’, ‘сговор’, *nāliš* ‘иск’, ‘жалоба’, *ārāiš* ‘украшение’, ‘убранство’, *numāiš* ‘показ’, ‘выставка’, *siḡāriš* ‘совет’, ‘рекомендация’;

б) арабизмы: *adāvat* ‘враждебность’, *adālat* ‘суд’, *jahālat* ‘невежество’, *hiḡāzat* ‘защита’, *farāgat* ‘досуг’; *tasvīr* ‘картина’, *taḡdīr* ‘судьба’, *taklīf* ‘мучение’, ‘затруднение’, *tasnīf* ‘сочинение’, ‘литературное произведение’, *taslīm* ‘приветствие’; *havā* ‘воздух’, *ḡizā* ‘пища’, *davā* ‘лекарство’;

в) англицизмы: *biḡḡing* ‘здание’, *voḡing* ‘голосование’, *mīḡing* ‘митинг’, ‘собрание’, ‘встреча’, *rāḡāning* ‘нормирование продуктов’, *pikēḡing* ‘пикетирование’.

Мужской род присущ таким арабизмам, как *insāḡ* ‘справедливость’, *inkār* ‘отрицание’, ‘отказ’, *iḡbāl* ‘согласие’, ‘признание’, ‘подтверждение’, *irḡād* ‘указание’, ‘приказ’, *islām* ‘ислам’; *inḡilāb* ‘революция’, *inḡiḡāḡ* ‘раскрытие’, ‘разоблачение’, *insidād* ‘препятствие’, ‘помеха’, ‘предотвращение’, *inhisār* ‘зависимость’, ‘блокада’, *inkisār* ‘покорность’, ‘смирение’; *intizār* ‘ожидание’, *intizām* ‘устройство’, ‘организация’, ‘порядок’, *intiḡāl* ‘передача’, ‘перевод’, ‘смерть’, ‘кончина’, *intiḡām* ‘мечь’, ‘возмездие’, ‘реванш’, *intikhāb* ‘выбор’, ‘отбор’, ‘выборы’.

В каждой из серий приведенных выше слов видны следы словообразовательной модели языка-источника.

Свои особенности в распределении по родам имеются у сложных существительных.

1. Родовая принадлежность сложноподчиненных слов, не являющихся сложнопроизводными, определяется родом существительного, выступающего в качестве заключительного (практически второго) компонента композит того же лексического разряда: *hathgolā* (*hāth* ‘рука’ + *golā* ‘ядро’, ‘снаряд’) ‘ручная граната’ – м.р., *moḡar-ḡhelā* (*moḡar* ‘мотор’ + *ḡhelā* ‘тележка’) ‘автокар’ – м.р., *ḡūrḡārtha* (*ḡūrḡ(a)* ‘тайный’, ‘секретный’ + *ārtha* ‘смысл’) ‘скрытый смысл’ – м.р. (ср.: *golā*, *ḡhelā*, *ārtha* – м.р.); *hathkaḡī* (*hāth* ‘рука’ + *kaḡī* ‘скоба’) ‘наручники’ – ж.р., *ḡhurḡaur* (*ḡhoḡā* ‘лошадь’, ‘конь’ + *aur* ‘бег’) ‘скачки’, ‘бега’ – ж.р., *ḡḡh-nīti* (*ḡḡh* ‘дом’ + *nīti* ‘политика’) ‘внутренняя политика’ – ж.р. (ср.: *aur*, *kaḡī*, *nīti* – ж.р.). См. аналогичное явление в русском и немецком языках: *хлебозавод* – м.р., *радиосвязь* – ж.р., *кораблекрушение* – ср.р., *Handspiegel* ‘ручное зер-

кало' – м.р., *Feuertaufe* 'боевое крещение' – ж.р., *Tagesereignis* 'событие дня' – ср.р.

2. Родовая принадлежность копулятивных композит с компонентами, восходящими к различающимся родом неодушевленным существительным, определяется, как правило, родом существительного – заключительного компонента композиты: *dāl-bhāt* (*dāl* ж. 'бобовые' + *bhāt* м. 'вареный рис') 'простая пища' – м.р., *dhotī-kurtā* (*dhotī* ж. 'дхоти', 'набедренная повязка' + *kurtā* м. 'рубашка навывпуск') 'дхоти с рубашкой навывпуск [из белой ткани]' – м.р., *sevā-satkār* (*sevā* ж. 'служба', 'служение', 'услуга' + *satkār* м. 'радушие', 'уважение') 'радушный прием' – м.р., *golā-bārūd* (*golā* м. 'ядро', 'снаряд' + *bārūd* ж. 'порох') 'боеприпасы' – ж.р., *sāg-bhājī* (*sāg* м. 'овощ' + *bhājī* ж. 'овощи', 'зелень') 'приготовленные овощи', 'овощное блюдо' – ж.р., *mān-maryādā* (*mān* м. 'почет', 'достоинство' + *maryādā* ж. 'уважение', 'слава') 'почет и уважение', 'авторитет', 'престиж' – ж.р.

3. Копулятивные композиты, чьи компоненты представлены различающимися родом одушевленными существительными (обычно личными), обнаруживают принадлежность к мужскому роду независимо от порядка следования данных компонентов как носителей граммемы рода (мужского или женского): *mātā-pitā* (*mātā* ж. 'мать' + *pitā* м. 'отец') 'родители' [*ākhir hamāre mātā-pitā ne hamē śikṣā dī hai* (BD, 74) 'Наконец наши родители дали нам образование'], *strī-bacce* (*strī* ж. 'женщина', 'жена' + *baccā* м. 'ребенок', 'дитя') 'жены и дети' [*un sab ke strī-bacce bhūkhe marēge* (YD, 72) 'У них всех жены и дети умрут от голода'], *strī-puruṣ* (*strī* ж. 'женщина', 'жена' + *puruṣ* м. 'мужчина', 'муж') 'женщины и мужчины', 'супружеские пары' [...*gāv ke adhikāś strī-puruṣ khalihānō mē pahūc gaye* (VM, 174) '...большинство женщин и мужчин деревни вышли на тока'], *kumhār-kumhārī* (*kumhār* м. 'гончар' + *kumhārī* ж. 'жена гончара') 'гончар и его жена', 'гончар с женой' [*vahā ek kumhār-kumhārī bhī rahte the* (S, 324) 'Там также жил гончар с женой'], *pati-patnī* (*pati* м. 'муж' + *patnī* ж. 'жена') 'муж и жена', 'супруги' [*pati-patnī uske pāsvalī benc par jākar baiṭh gaye* (NK. 1962. IV, 110) 'Муж с женой сели на стоявшую недалеко от него скамейку'], *nar-nārī* (*nar* м. 'мужчина' + *nārī* ж. 'женщина') 'мужчины и женщины' [...*gāv-bhar ke nar-nārī inhē baṭī dūr tak pahūcāne āye* (P, 102) '...мужчины и женщины пошли всей деревней их провожать'], *kutte-billī* (*kuttā* м.

‘собака’ + *billī* ж. ‘кошка’) ‘собаки и кошки’ [*ghar mē bahut-se kutte-billī pare hāī...* (YS, 68) ‘В доме развелось много собак и кошек...’]³.

4. Род сложнопроизводных существительных опознается, как правило, по сегментной морфеме, сопровождающей словосложение или основосложение: *caurāhā* (*cau* (< *cār*) ‘четыре’ + *rāh* ‘путь’, ‘дорога’ + ф л е к с и я *-ā*) ‘перекресток’ – м.р., *pahalḡadamī* (*pahal* ‘почин’ или *pahlā* ‘первый’ + *ḡadam* ‘шаг’ + с у ф ф и к с *-ī*) ‘предприимчивость’, ‘инициатива’ – ж.р., *bhukhmarī* (*bhūkh* ‘голод’ + корневая морфема глагола *marnā* ‘умирать’ + с у ф ф и к с *-ī*) ‘голодная смерть’ – ж.р.

5. К женскому роду относятся сложнопроизводные существительные с суффиксом *-ī* в исходе, являющиеся удвоенными комплексами со звуковым (полным либо дивергентным) или базирующимся на ассоциативной связи (либо синонимическим) повтором корневой морфемы первого компонента комплексов, обычно сопровождаемой интерфиксом *-ā-* или *-(a)m-*, например: *tanātānī* ‘напряженность’, ‘натяннутость’ (см. *tannā* ‘растягиваться’, ‘натягиваться’), *khīcākhiḡī* ‘возня’, ‘борьба’ (см. *khīcnā* ‘тянуть’, ‘тащить’), *ṡhelamṡhelī* ‘давка’, ‘толчая’ (см. *ṡhelnā* ‘толкать’), *pūchāpāchī* ‘спросы-переспросы’, ‘расспрашивание’ (см. *pūchnā* ‘спрашивать’), *būdābādī* ‘моросящий дождь’ (см. *būd* ‘капля’), *kahā-sunī* ‘перебранка’, ‘пререкания’, ‘спор’ (см. *kahnā* ‘говорить’ и *sunnā* ‘слушать’), *likhā-parhī* ‘переписка’, ‘корреспонденция’ (см. *likhnā* ‘писать’ и *parhnā* ‘читать’), *ulṡāpalī* ‘перемена’, ‘преобразование’ (см. *ulaṡnā* ‘перевертываться’, ‘перевертывать’ и *palaṡnā* ‘перевертываться’, ‘перевертывать’), *khīcātānī* ‘возня’, ‘борьба’ (см. *khīcnā* ‘тянуть’, ‘тащить’ и *tānnā* ‘растягивать’, ‘натягивать’). Впрочем, и без суффикса *-ī* удвоенный комплекс, несущий значение имени действия, обнаруживает принадлежность, как правило, к женскому роду. Так,

³ Не отвечает норме раздельное согласование в роде с каждым из двух различающихся грамматическим родом компонентов бессоюзного копулятивного словосочетания в препозиции по отношению к первому из них (в частности, мужского рода) и в постпозиции по отношению ко второму (в частности, женского рода): *aur māī nahī māntā ki is māmlē mē hamāre sab y u v a k – y u v a t i y ā satarka rahī hāī* (AN, 76) ‘И я не считаю, что все наши юноши и девушки осмотрительны в этом вопросе’.

к приведенным выше комплексам *khĩcākhhĩcĩ* и *khĩcātānĩ* в качестве их синонимов того же (женского) рода можно помимо *khĩc-khĩcĩ* добавить *khĩc-khāc*, *khāicākhhāic*, *khĩc-tān* [16, с. 41–42].

6. К мужскому роду относятся сложнопроизводные существительные с заключительным компонентом – глагольным корнем, не сопровождаемым какой-либо служебной морфемой или сопровождаемым флексией либо суффиксальной морфемой, например:

1) *lakar-phor* (*lakrĩ* ‘древесина’ + *phorñā* ‘раскалывать’) ‘дятел’, *batnār* (*bāt* ‘путь’, ‘дорога’ + *mārnā* зд. ‘убивать’) ‘разбойник’, *girahkaṭ* (*girah* ‘узел’, ‘узелок’ + *kāṭnā* ‘отрезать’) ‘карманный’ (см. в русском: *дровосек*, *зверолов*, *пчеловод*, *рудокон*, *домосед*);

2) *bhikhmangā* (*bhikh* ‘милостыня’ + *māgnā* ‘просить’) ‘нищий’, ‘попрошайка’, *jebkatrā* (*jeb* ‘карман’ + *katarnā* ‘отрезать’) ‘карманный’, *jānlevā* (*jān* ‘жизнь’ + *lenā* ‘брать’, ‘забирать’) ‘смертельный враг’, *ghurcarhā* (*ghorā* ‘лошадь’, ‘конь’ + *carhñā* ‘влезать’, ‘взбираться’) ‘всадник’, ‘верховой’ (см. в русском: *виночерпий* – существительное мужского рода; *книгоноша*, *пустомеля* – существительные общего рода); 3) *ghuṭñāṭekū* (*ghuṭñā* ‘колени’ + *ṭekñā* зд. ‘использовать в качестве опоры’) ‘соглашатель’, ‘капитулянт’ (см. в русском: *письмоносцы*). В хинди это в основном, что можно видеть на примерах с учетом семантики первых компонентов, объектно-детерминативные и обстоятельственно-детерминативные композиции.

В русском языке род словообразовательно мотивированных существительных тоже легко опознается по их морфемному составу (с учетом направления словообразовательной мотивации). Например, принадлежность к мужскому роду демонстрируют существительные: *виноградарь*, *аптекарь*, *библиотекарь*, *вратарь* (← существительные *виноград*, *аптека*, *библиотека*, *ворота*); *коровник*, *обезьянник*, *птичник*, *муравейник* (← существительные *корова*, *обезьяна*, *птица*, *муравей*); *гордец*, *храбрец*, *наглец*, *мудрец* (← прилагательные *гордый*, *храбрый*, *наглый*, *мудрый*); *будильник*, *паяльник*, *кипятильник*, *умывальный* (← глаголы *будить*, *паять*, *кипятить*, *умывать(ся)*); *рост*, *лов*, *пуск*, *лепет* (← глаголы *расти*, *ловить*, *пускать*, *лепетать*). Принадлежность к женскому роду демонстрируется, в частности, такими существительными, как *повариха*, *трусиха*, *ткачиха*, *пловчиха* (← существительные *повар*, *трус*, *ткач*, *пловец*); *соломинка*, *пушинка*, *соринка*, *росинка* (← *солома*,

пух, сор, роса); *смелость, злость, бледность, мягкость* (← прилагательные *смелый, злой, бледный, мягкий*); *синь, ширь, горечь, глушь* (← прилагательные *синий, широкий, горький, глухой*); *двойка, тройка, десятка, двадцатка* (← числительные *два, три, десять, двадцать*); *дремота, зевота, ломота, хрипота* (← глаголы *дремать, зевать, ломить, хрипеть*). Принадлежность к среднему роду обнаруживают: *офицерство, казачество, воинство, юношество* (← существительные *офицер, казак, воин, юноша*); *бездорожье, безлесье, безвластие, безбрачие* (← существительные *дорога, лес, власть, брак*); *богатство, коварство, упрямство, волшебство* (← прилагательные *богатый, коварный, упрямый, волшебный*); *рисование, молчание, пение, горение* (← глаголы *рисовать, молчать, петь, гореть*). Общий род присущ, в частности, таким существительным, как *запевала, мазила, чудила, доставала* (← глаголы *запевать, мазать* в смысле “промахиваться”, *доставать*).

Разумеется, здесь приведена лишь ничтожная часть возможных примеров такого характера.

Родовая принадлежность легко опознается у сложных и сложнопроизводных существительных русского языка, например: *хлебо-завод, кинотеатр, звукорежиссёр, железобетон, мореплаватель, виночерпий, дровосек* – м.р.; *трагикомедия, автоцистерна, птице-фабрика, энергосистема, радиосвязь, кофемолка, водокачка* – ж.р.; *кораблекрушение, саморазоблачение, псевдоискусство, народовластие, двуязычие, вольнодумство, низкопоклонство* – ср.р.; *книгоноша, пустомеля, белоручка, хромоножка, всезнайка, сладкоежка, сорвиголова* – общ.р.

В русском языке важной особенностью грамматической категории рода является то, что родовая принадлежность существительных находит выражение не только в формах согласования синтаксически связанных с ними форм, но и в соотносённости с ними личных местоимений третьего лица: *он* – м.р., *она* – ж.р., *оно* – ср.р. при том, что *они* соотносится с существительными каждого из трех родов, а также с существительными *pluralia tantum*.

Различие в роде между *он* и *оно*, очевидное в именительном (исходном) падеже, сводится в плане выражения на нет в формах косвенных падежей: род.п. – *его* (*поселка, села*), дат.п. – *ему* (*поселку, селу*), вин.п. – *его* (*поселок, село*), твор.п. – *им* (*поселком, селом*), предл.п. – *о нем* (*о поселке, о селе*), – тогда как косвеннопадежные

формы, объединенные в парадигме склонения с *она*, сохраняют свою “родовую” специфику (свой “женский” облик): род.п. – *её* (*деревни*), дат.п. – *ей* (*деревне*), вин.п. – *её* (*деревню*), твор.п. – *ей*, *ею* (*деревней*, *деревнею*), предл.п. – *о ней* (*о деревне*). При этом словоформам родительного падежа (в варианте, не являющимся припредложным) *его* (но не *него*), *её* (но не *неё*) и *их* (но не *них*; им.п. – *они*) присуща роль притяжательных местоимений третьего лица: *поселок* (м.р.) – *его жители*, *село* (ср.р.) – *его жители*, *деревня* (ж.р.) – *её жители*, {*поселки*, *села*, *деревни*, *выселки*} – *их жители*.

Отмеченный характер местоименной соотносённости, а также упомянутая выше особенность форм согласования у числительных *два* и *оба* и то обстоятельство, что формы согласования у прилагательных и других многоформенных слов являются общими для мужского и среднего родов в родительном, дательном, творительном и предложном падежах единственного числа, – все это, как в свое время отметил А.Т.Аксёнов [4, с. 48–49], говорит о том, что на определенных участках плана выражения трехродовая система русского языка приобретает черты двухродовой системы, в рамках которой женскому роду противостоит другой род как зримый результат совпадения формальных средств выражения мужского и среднего родов, этих единиц трехродовой системы, т.е. род, который условно можно было бы назвать неженским. См., например: *большому* {*поселку*, *селу*}, *ему*, *его жители* ~ *большой деревне*, *ей*, *её жители*; *два* {*поселка*, *села*} ~ *две деревни*; *оба* {*поселка*, *села*} ~ *обе деревни*. Можно сказать и так: случаи нейтрализации оппозиции “мужской род ~ средний род”, имеющие место в плане выражения, порождают иллюзию существования двухродовой подсистемы в русском языке.

В хинди некоторые существительные, не принадлежащие к числу личных (в основном неодушевленные) и, что показательно, не располагающие явными чертами производности, проявляют колебание в роде, никак не отражающееся на их лексическом значении, семантически иррелевантное. Так, в приводимых ниже попарно текстовых примерах каждое из таких имен, как *jeb* ‘карман’, *sigret* ‘сигарета’, ‘папироса’, *rikšā* ‘двуколка [рикши]’, в первом примере каждой из пар предстает как существительное мужского рода, во втором как – существительное женского рода:

а) *donō hāth apne pājāme ke jeb mē bharkar... us ne kahā ...* (SA, 50) ‘Засунув обе руки в карманы своих штанов, ...он сказал...’ ~ *merī sab jebē ab bilkul khālī hāī* (CC, 104) ‘Теперь все мои карманы совсем пусты’;

б) *bāī ne sigreṭ sulgā liyā ...* (RA, 53) ‘«Дама» закурила сигарету...’ ~ *apnī jeb se nikālkar premśankar ek sigreṭ sulgāī...* (VB, 595) ‘Премшанкар достал из кармана сигарету и закурил...’;

в) *rikṣā apnī cāl se calne lagā* (NK. 1961. XI, 91) ‘Коляска поехала своим ходом’ ~ *rikṣā dauṛ paṛī* (YV, 362) ‘Коляска резко тронулась с места’.

Круг существительных, чья родовая принадлежность оказывается переменной, строго не фиксированной в языке, или, как их называют, двухродовых, едва ли можно четко очертить. Подверженность существительных колебанию в роде находит свое отражение в лексиграфических трудах двояким образом: или словарь отмечает возможность использования того или иного существительного в качестве принадлежащего любому из двух родов (иногда с указанием предпочтительного варианта), или, с чем приходится чаще сталкиваться, какое-то конкретно взятое существительное в одном словаре (в одних словарях) относится к мужскому роду, в другом (в других) – к женскому. При этом, как можно судить хотя бы по выкладкам в докторской диссертации А.Т.Аксёнова [4], чем больше словарей попадает в поле зрения, тем шире выглядит круг существительных, подверженных колебанию в роде. Последним уделяется внимание в ряде работ по грамматике языка хинди.

Ниже приводится таблица, где показано, как выглядит родовая характеристика для 45 существительных.

Таблица

Словари	УН	ВН	РН	НА	АН	С-Р
Существительные						
<i>ātmā</i> ‘душа’	м/ж	ж/м	ж	ж(м)	Ж	м
<i>Kalam</i> ‘перо’, ‘ручка’	м/ж	ж	ж	ж(м)	Ж	—
<i>kism</i> ‘род’, ‘сорт’, ‘вид’	Ж	ж	ж	ж	Ж	—
<i>khīr</i> ‘молочная рисовая каша’	Ж	ж	ж	ж	—	—
<i>garbar</i> ‘хаос’, ‘смятение’	М	м/ж	м	ж	М	—
<i>Gēd</i> ‘мяч’	Ж	м	м	м/ж	М	—
<i>ghās</i> ‘травы’	Ж	ж	ж	ж	Ж	м
<i>Carcā</i> ‘упоминание’	М	ж	ж	ж	Ж	ж
<i>calan</i> ‘движение’, ‘ход’	м	м	м	м	—	—
<i>Cāl-calan</i> ‘поведение’	ж(м?)	м	м	м	М	—
<i>chachūdar</i> ‘мускусная крыса’	ж	м	м	м	М	—
<i>jang</i> ‘война’	ж	ж	ж	м	—	—
<i>jalvāyū</i> ‘климат’	—	м	м	м	М	—
<i>Jeb</i> ‘карман’	ж	м	м	м(ж)	М	—

Продолжение таблицы

Словари	УН	ВН	РН	НА	АН	С–Р
Существительные						
<i>tamākḥū /tambākū</i> ‘табак’	м	м	м	м	м	—
<i>tarz</i> ‘образ’, ‘способ’, ‘манера’	ж	м	м	—	—	—
<i>tār</i> ‘телеграмма’	м	м	м	м	ж	—
<i>tauliyā</i> ‘полотенце’	м	м/ж	м	м	м	—
<i>Darār</i> ‘трещина’	ж	ж	ж	ж	ж	—
<i>Dukān</i> ‘магазин’, ‘лавка’	ж	ж	ж	ж	ж	—
<i>nāk</i> ‘нос’	ж	ж	ж	ж	ж	—
<i>patlūn</i> ‘брюки’, ‘штаны’	—	м	ж	ж	м	—
<i>pavan</i> ‘ветер’	м/ж	м	м	м	м	м
<i>pustak</i> ‘книга’	ж	ж	ж	ж	ж	м/ср
<i>prakār</i> ‘род’, ‘сорт’, ‘вид’	м	м	м	м	м	м
<i>film</i> ‘фильм’	—	—	ж	ж	ж	—
<i>baras</i> ‘год’	м	м	м	м	м	—
<i>barf (baraḥ)</i> ‘снег’	м(ж?)	ж	ж(м)	ж	ж	—
<i>bāṭ</i> ‘путь’, ‘дорога’	м(ж?)	ж	м	м	—	—
<i>Bālū</i> ‘песок’	Ж	ж/м	м	ж	м	—
<i>Moṭ</i> ‘жемчуг’, ‘жемчужина’	М	м	м	м	м	—
<i>rāh</i> ‘путь’, ‘дорога’	Ж	ж	ж	ж	—	—
<i>Rikṣā</i> ‘двуколка’ [рикши]	—	м	м	м	м	—
<i>Vāyu</i> ‘воздух’	М	ж	ж	ж	ж	м
<i>Viṣay</i> ‘победа’	М	ж	ж	ж	ж	м
<i>vinay</i> ‘смирение’	М	ж	ж	ж	—	м
<i>śvās</i> ‘дыхание’	М	м	м	м	м	ср
<i>samāj</i> ‘общество’	М	м	м	м	м	—
<i>sahāy</i> ‘помощь’, ‘поддержка’	м/ж	м	м	—	—	м
<i>sās</i> ‘дыхание’	Ж	ж	м	ж	ж	—
<i>sāmarthya</i> ‘сила’, ‘способность’	м/ж	м/ж	м	ж	м	ср
<i>Sigaret</i> ‘сигарета’, ‘папироса’	—	м/ж	м	м	м	—
<i>śīp</i> ‘устрица’	Ж	м/ж	м	ж	м	—
<i>hath</i> ‘упрямство’, ‘настойчивость’	М	м	м	м	м	м
<i>hvel</i> ‘кит’	—	м	—	—	м	—

В таблицу включены существительные, упомянутые в качестве подверженных колебанию в роде, или двухродовых, на страницах работ Камтапрасада Гуру [135, с. 196], А.Т. Аксёнова [4], З.М. Дымища [51, с. 54], О.Г. Ульциферова [106, с. 221; 107, с.23; 173, с. 210], а также отмеченные нами выше существительные (*jeb*, *sigreṭ*, *rikṣā*). Их родовая характеристика представлена в свете данных ряда хорошо известных словарей, как толковых (хинди–хинди) словарей (ВН; РН), так и переводных двуязычных (УН; НА; АН), включая “Санскритско-русский словарь” В.А. Кочергиной (С–Р), привлеченный для того, чтобы показать, к какому роду в санскрите относятся существительные, ставшие в хинди достоянием слоя лексики *татсама*. Слова в таблице приводятся в алфавитном порядке, отвечающем письму *деванагари*.

Из 45 существительных списка затронутыми колебанием в роде предстают 24 имени, а если оставить в стороне данные вышедшего в 1884 г. первым изданием словаря Дж.Т. Платтса (УН), который ориентирован скорее на лексику языка урду, а не хинди, и в котором прослеживается тенденция приписывать мужской род именам *tatśama*, отличающимся в санскрите мужским родом вкпе со средним (см.: *vijay*, *vinay*, *vāyu*), то число таких существительных сокращается до 15: *ātmā*, *ḡalam*, *garḡar*, *gēd*, *jang*, *jeb*, *tauliyā*, *patlūn*, *barf* (*baraf*), *bāḡ*, *bālū*, *sās*, *sāmarthya*, *sigreḡ*, *sīp*. С другой стороны, существительное *rikṡā*, подверженность которого колебанию в роде была выше проиллюстрирована примерами, относится в вышеупомянутых словарях только к мужскому роду (оно в списке фигурирует как одно из 21 “однородового” имени).

В связи с таким грамматическим явлением, как колебание в роде существительных, актуальным представляется вопрос, какому роду отвечает (или в большей мере отвечает) принятое носителями языка употребление существительного (узус), а какому – его окказиональное употребление. В решении данного вопроса не всегда можно полагаться на работы лексикографов. Так, в ряде авторитетных словарей слово *jeb* ‘карман’ трактуется, что видно из приведенной таблицы, как существительное мужского рода, тогда как на практике оно чаще наделяется граммемой женского рода: *merī* *jebē* (YS, 53), *merī donō* *jebē* (CC, 126) ‘мои оба кармана’, *apnī* *jeb se* (VB, 595) ‘из своего кармана’, *ovar koḡ* *kī* *jeb mē* (SK, 10) ‘в кармане пальто’, *us kī* *jeb mē* (GS, 482) ‘в его кармане’, *dhārīdār ḡamīz kī* *jeb ke pās* (CC, 68) ‘возле кармана полосатой рубашки’, *kurte kī* *jebō ko ḡaḡolnā* (JJ, 17) ‘ощупывать карманы рубашки’. Однако в целом словари дают представление о том, какие слова уже определились в принадлежности к одному из двух родов – мужскому или женскому. Едва ли кто из современных носителей литературного хинди усомнится в том, что *tamākhū* ‘табак’, *baras* ‘год’, *samāj* ‘общество’ – существительные мужского рода, а существительные *khīr* ‘молочная рисовая каша’, *dukān* ‘магазин’, ‘лавка’, *nāk* ‘нос’ – существительные женского рода.

В частном случае колебание в роде может быть связанным с многозначностью существительного. Так, например, существительному *dārū* в значении “лекарство” приписывается женский род, а в значении “вино” – мужской род (РН, 602). Если в слове *cād* усматривать два значения, а именно: “луна” и “макушка”, “темя”, – то ему

в первом значении приписывается граммема мужского рода, а во втором – граммема женского рода (РН, 398; АН, 412, 747). Однако здесь можно усматривать и омонимию двух существительных, различающихся родом (НА, 189).

В некоторых случаях можно усматривать варианты слова, различающиеся родом. Так, например, в значении “хвала”, “воспевание” объединяются *gāth* м. и *gāthā* ж. (РН, 337), значению “трещина” отвечают *dār* м. и *dārī* ж. (ВН, 608).

На явление колебания в роде накладывается в хинди другое явление – явление, названное В.А. Чернышевым **тендецией к нивелировке рода**, которое заключается в имеющем место под воздействием разговорного языка восточной зоны хиндиязычного ареала грамматическом (проявляющемся, прежде всего, в формах сочетающихся с существительными слов) уподоблении имен женского рода именам мужского рода и тем самым отличается направленностью на снятие родового противопоставления [110, с. 62–64].

В русском языке колебание в роде существительных проявляется в их вариантных формах рода. Склоняемые (т.е. многоформенные) существительные, располагающие родовыми вариантами, подразделяются на формальном основании на две группы: 1) такие, чьи родовые варианты одинаковы в именительном падеже единственного числа; 2) такие, чьи родовые варианты различаются в этой исходной форме.

В первую группу, немногочисленную, входят, в частности, *ро-яль* – м. и ж., *тополь* – м. и ж., *лебедь* – м. и ж., *вуаль* – ж. и м., *мозоль* – ж. и м., причем один из родовых вариантов этих слов (он указан вторым) является устарелым или (см. *тополь*) стилистически окрашенным (в данном случае характерным для народнопоэтической речи).

Вторую группу представляют такие пары (м.р. – ж.р.), как, например: *банкнот* – *банкнота* (разг.), *глист* – *глиста* (разг.), *жираф* – *жирафа*, *зал* – *зала* (устар. и разг.), *канделябр* – *канделябра* (устар.), *катаракт* (устар.) – *катаракта*, *клавиш* – *клавиша* (разг.), *просек* (устар.) – *просека*, *рельс* – *рельса* (устар. и разг.), *санаторий* – *санатория* (устар.), *скирд* – *скирда*, *спазм* – *спазма*, *ставень* – *ставня*, *туфель* (устар.) – *туфля*. Члены некоторых из них (напри-

мер, *ставень* – *ставня*) идентичны не только семантически, но и стилистически. В других парах один из членов (родовых вариантов) оказывается свойственным разговорной речи и/или устарелым для современного языка.

Родовые варианты имеются и у отдельных несклоняемых (однорформенных) существительных, например: *авто* – ср. и м., *бренди* – ср. и м., *какао* – ср. и м. (устар.), *колибри* – м. и ж., *кофе* – м. и ср. (разг.), *ННН* – м. и ср. (разг.).

От колебания в роде качественно отличается такой феномен, как возможность употреблять существительное в качестве имени мужского или женского рода в зависимости от пола, обозначаемого данным существительным лицом. Существительные, подверженные такому употреблению, трактуются как существительные общего рода (хотя, надо заметить, их “общность” не распространяется на средний род). Они входят в круг существительных второго склонения и являются свойственными преимущественно разговорной речи “экспрессивно окрашенными названиями лиц как носителей определенных свойств” [72, с.151]. Словообразовательный облик у них неодинаков: *злюка, лакомка, гуляка, вояка, забияка, зевака, кривляка, выскочка, недоучка, попрошайка, неженка, писака, запевала, заводила, чудила, зубрила, мазила, кутила, подлипала, стилияга, скряга, сутяга, бродяга, доходяга, работага, трудяга, забудыга, сквалыга, умница, пьяница, тупица, тихоня, разня, соня, ровня, сластёна, гулёна, растеряха, неряха, растяпа, растрёпа, недотёпа, непоседа, недотрога, невежа, задира, ябеда, егоза, брюзга, пройдоха, проныра, подлиза, плакса, левша, сирота, чистюля* и др. Некоторые из них сосуществуют в языке с однокоренными существительными мужского и женского родов: *ябеда общ. – ябедник м. – ябедница ж., трудяга общ. – труженик м. – труженица ж., сутяга общ. – сутяжник м. – сутяжница ж.* Слово *умница*, сосуществуя в качестве имени общего рода с существительным мужского рода *умник*, из-за стилистической окрашенности последнего не может считаться его семантическим коррелятом женского рода (ср.: *ябедник – ябедница*, где налицо родовая корреляция имен).

В круг существительных общего рода попадают имена, содержащие в своем морфологическом составе более одной корневой морфемы, например: *книгоноша, горемыка, пустомеля, всезнайка, белоручка, самоучка, сладкоежка, простофиля, сорвиголова, лежебока.*

Качеством существительных общего рода наделяются отдельные существительные в своем переносном значении (первоначально женского рода), например: *иляпа* (в качестве синонима слова *растяпа*), *размазня*, *дохлятина*. Тенденцию к приобретению свойств существительных общего рода проявляют ныне такие слова, как *коллега*, *судья*, *глава* (в значении “руководитель”), *староста* (в значении “выборное лицо в коллективе”), по своей первоначальной природе мужского рода [72, с. 151]. В качестве слов общего рода выступают некоторые собственные имена, например: *Саша*, *Паша*, *Валя*, *Женя*. Разряд слов общего рода пополняют и отдельные несклоняемые (одноформенные) существительные, например: *визави*, *протезе* (они, разумеется, в отличие от основной массы существительных общего рода ко второму склонению не относятся).

Граммема рода (мужского или женского), которой наделяется то или иное существительное общего рода в связи с указанием на пол называемого им лица, получает свое выражение в синтаксисе: *Ничего ему не удавалось, и б е д н я г а в п а л в о т ч а я н и е ~ Ему стало жаль девушку. Б е д н я г а з а х о т е л а л е г к о п о ш у т и т ь с н е з н а к о м ы м ч е л о в е к о м !* [72, с.151], *Этот мастер – т а л а н т л и в ы й с а м о у ч к а ~ Эта ткачиха – т а л а н т л и в а я с а м о у ч к а* [31, с.161], «*Он т а к о й е г о з а , н е п о с е д л и в ы й э т о т м а л ь ч и к*», – *ж а л о в а л а с ь о н а ~ К а к а я ж е т ы е г о з а н е п о с л у ш н а я* [31, с. 162]. Своему “призванию” существительные общего рода изменяют тогда, когда проявляют способность употребляться в качестве слов мужского рода применительно к лицу женского пола и в качестве слов женского рода применительно к лицу мужского пола: *Маша – н а ш ш к о л ь н ы й з а в о д и л а ~* [при обращении к мальчику] *С и р о т а т ы н е с ч а с т н а я !* [72, 151]. См. также пример с олицетворением неодушевленного существительного: *...и ф о н а р и к м о й , т а к а я у м н и ц а , в д р у г п о г а с н а н е с к о л ь к о м и н у т* (слова известной песни военной поры на музыку Д. Шостаковича).

В существительных общего рода русского языка наглядно проявляет свой характер семантическая доминанта грамматической категории рода: имеющий место синтаксический способ выражения рода предстает как смысловое согласование (согласование по смыслу), предопределяемое полом называемого лица. Их ингерентное свойство заключается в а л ь т е р н а ц и и (чередовании) с е м а н т и ч е с к о г о п р и з н а к а ‘пол’.

При том, что семантической осью, пронизывающей систему грамматического рода, является в хинди и русском языке (как и во многих других языках) отражение различия между объектами – лицами и животными – по полу, в обоих языках среди одушевленных существительных (названий лиц и животных) имеются и такие слова, в лексическом значении которого отсутствует указание на пол. Их род (родовая принадлежность) не имеет отношения к указанию на естественный (биологический) род объектов. Иными словами, они отличаются семантическим синкретизмом признака пола (признака ‘пол’)⁴. Их ингерентное свойство – неспособность сигнализировать пол денотатов.

Среди личных существительных языка хинди это, в частности, такие слова, как *vyaktī* м. ‘лицо’, ‘индивид’, *manuṣya* м. ‘человек’, *savārī* ж. ‘пассажир’, ‘седок’, ‘ездок’ (одно из значений данного слова), *santān* ж. ‘потомок’, ‘ребенок’, ‘дитя’⁵. В русском языке им под стать такие существительные, как *человек* м., *индивид* м., *доцент* м., *персона* ж., *особа* ж., *дитя* ср., *лицо* ср., *божество* ср., *ничтожество* ср.

Богаче такие существительные (т.е. существительные, отличающиеся синкретизмом признака пола) представлены среди фаунонимов. Для хинди показательны слова мужского рода *jantu* ‘животное’, ‘тварь’, *paṣu* ‘животное’, *jānvar* ‘животное’, ‘зверь’, *pakherī* ‘птица’, *cītā* ‘пантера’, *gāṇḍā* ‘носорог’, *lakaṛbagghā* ‘гиена’, *khargoṣ* ‘заяц’, *ullū* ‘сова’, *giddha* ‘гриф’, *macchar* ‘комар’ и женского рода *lotī* ‘лисица’, *batak (batakh)* ‘утка’, *cīl* ‘коршун’, *hāgar* ‘акула’, *makkhī* ‘муха’, *bhir* ‘оса’. В русском языке таковыми существительными являются существительные мужского рода *зверь*, *конь*, *дельфин*, *тюлень*, *носорог*, *бегемот*, *горноста́й*, *зяблик*, *дятел*, *ка́рп*, существительные женского рода *тварь*, *лошадь*, *собака*, *пантера*, *рысь*, *синица*, *лягушка*, *акула*, существительные среднего рода *жи-*

⁴ О синкретизме как проявлении нейтрализации определенных признаков в отдельных звеньях лексических систем и микросистем см. в книге Ю.С. Маслова, где говорится, в частности, и о синкретизме признака пола [83, с. 98].

⁵ Принадлежность двух последних слов к женскому роду демонстрируют следующие примеры: *lāge par tīn savāriyā maujūd thī* (YB, 168) ‘В тонге находились три седока’, *ek rājā thā. uske koī santān nahī thī* (AY2, 36) ‘Жил-был раджа. Детей у него не было’.

вотное, насекомое⁶. В русском языке не содержат указания на пол существительные среднего рода типа *чудовище*, *страшилище*, семантически нейтральные относительно признака 'лицо/ не-лицо'.

Характер же семантической доминанты грамматической категории рода языка хинди (1) и русского (2) языка в полной мере высвечивают те существительные мужского (а) и женского (б) рода, которые однозначно обозначают лиц и животных соответственно мужского и женского пола:

(1a) *puruṣ* 'мужчина', *mard* 'мужчина', *śauhar* 'муж', *pitā* 'отец', *bhāī* 'брат', *sarpanc* 'председатель панчаята', *lāṭ* 'лорд', *zamīdār* 'помещик', *mullā* 'мулла', *purohit* 'пурохит' (жрец-брахман), *billā* 'кот', *merhā* 'баран', *sār* 'бык-производитель', 'жеребец';

(1б) *strī* 'женщина', *aurat* 'женщина', *patnī* 'жена', *mā* 'мать', *bahan* 'сестра', *rakhelī* 'содержанка', 'любовница', *apasarā* 'райская танцовщица', *darzīn* 'портниха', *dāī* 'кормилица', 'нянька', 'акушерка', *dhenū* 'новотельная корова', *ghoṛī* 'кобыла', *śernī* 'тигрица';

(2a) *мужчина*, *юноша*, *парень*, *зять*, *племянник*, *домовой*, *певе*, *деничик*, *ямицик*, *царь*, *псарь*, *священник*, *петух*, *селезень*, *гусак*, *жеребец*, *козел*;

(2б) *женщина*, *дама*, *девушка*, *мисс*, *вдова*, *свекровь*, *племянница*, *царица*, *балерина*, *поэтесса*, *белошвейка*, *французженка*, *учительница*, *служанка*, *кухарка*, *ведьма*, *колдунья*, *курица*, *гусыня*, *медведица*, *львица*.

Ингерентное семантическое свойство всех этих существительных — однозначность признака пола на базе его строгого соответствия грамматическому роду.

Промежуточное звено между отмеченными выше двумя разрядами существительных, различающимися своими ингерентными свойствами, являют собою одушевленные существительные, в лексическом значении которых взаимнооднозначная согласованность между грамматическим родом и способностью указывать на соответствующий пол денотата не соблюдается или лимитируется.

В частности, в хинди это существительные мужского рода *ghoṛ* 'лошадь', 'конь', *kuttā* 'собака', 'пес', *hiran* 'антилопа', *bandar*

⁶ Слова, обозначающие животных без различия пола, принято называть существительными обоюдноного рода или эписценами [8, с. 528]. Применительно к хинди Камтапрасад Гуру назвал такие существительные единоклассными (ekling) [135, с. 189].

‘обезьяна’, *šer* ‘тигр’, *rīch* ‘медведь’, *hāthī* ‘слон’, *ūṭ* ‘верблюд’, *baccā* ‘ребенок’, ‘дитя’, *darzī* ‘портной’, *dhobī* ‘прачка’, *lohār* ‘кузнец’, *kaserā* ‘медник’, *naṭ* ‘нат’ (представитель касты натов – бродячих актеров, танцоров и акробатов) и существительные женского рода *billī* ‘кошка’, *bakrī* ‘коза’, *bhāīs* ‘буйволица’, *gāy* (*gaī*, *gau*) ‘корова’. В русском языке в круг таких существительных также входят существительные и мужского рода, например: *волк*, *медведь*, *голубь*, *буйвол*, *осёл*, *телок*, *заяц*, *поэт*, *учитель*, *старик*, *француз*, *москвич*, – и женского рода, например: *кошка*, *свинья*, *овца*, *утка*.

Под воздействием, оказываемым системой грамматического рода на лексику, многим существительным из числа тех, семантике которых неизменно присуще отношение «грамматический род → ‘естественный род’», и тех, в семантике которых такое соотношение нарушается, отводится место в составе корреляционных пар, члены которых различаются грамматическим родом.

При этом коррелятами (м.р. – ж.р.) в этих парах выступают слова как разнокоренные, например: *bāp* ‘отец’ – *mā* ‘мать’, *meṛhā* ‘баран’ – *bher* ‘овца’, *šauhar* ‘муж’ – *bīvī* ‘жена’, *brat* – *sestra*, *kavalēr* – *дама*, *селезень* – *утка*, – так и однокоренные, например: *darzī* ‘портной’ – *darzīn* ‘портниха’, *laṛkā* ‘мальчик’ – *laṛkī* ‘девочка’, *ghoṛā* ‘лошадь’, ‘конь’ – *ghoṛī* ‘кобыла’, *учитель* – *учительница*, *старик* – *старуха*, *волк* – *волчица* или *волчиха*.

В зависимости от характера отношений в плане содержания между коррелятами, различающимися родом, подлежат выделению несколько классов корреляционных пар.

К л а с с I составляют пары, каждый из членов (каждый коррелят) которых строго отвечает отношению «грамматический род → ‘естественный род’», например: *puruṣ* ‘мужчина’ – *strī* ‘женщина’, *laṛkā* ‘мальчик’ – *laṛkī* ‘девочка’, *bāp* ‘отец’ – *mā* ‘мать’, *bhāī* ‘брат’ – *bahan* ‘сестра’, *nānā* ‘дед’ (со стороны матери) – *nānī* ‘бабушка’ (со стороны матери), *sasur* ‘свекор’, ‘тесть’ – *sās* ‘свекровь’, ‘теща’, *rāḍuā* ‘вдовец’ – *rāḍ* ‘вдова’, *nandoī* ‘муж золовки’ – *nanad* ‘золовка’, *šahzādā* ‘царевич’ – *šahzādī* ‘царевна’, *mullā* ‘мулла’ – *mullānī* ‘жена муллы’, *lambardār* ‘деревенский староста’ – *lambardārin* ‘жена деревенского старосты’. Здесь каждый член пары строго однозначен по семантическому признаку пола: один из них содержит сему “мужской пол”, другой – сему “женский пол”. Внутри каждой пары ее корреляты предстают в качестве членов экви-

лентной оппозиции по вышеуказанному семантическому признаку. Это, как правило, личные имена существительные.

В русском языке такому классу отвечают, в частности, пары *муж – жена, племянник – племянница, красавец – красавица, поп – попадья, певец – певица, плясун – плясунья* (см. также русский перевод коррелятов приведенных выше корреляционных пар языка хинди), а также, если брать в расчет неличные одушевленные имена существительные, *гусак – гусыня, жеребец – кобыла, кобель – сука*.

В к л а с с II попадают такие корреляционные пары языка хинди, как, в частности, *darzī* ‘портной’ – *darzīn* ‘портниха’, ‘швея’, ‘жена портного’, *dhobī* ‘прачка (-мужчина)’ – *dhobīn* ‘жена прачки’, ‘прачка-женщина’, *lohār* ‘кузнец’ – *lohārīn* ‘жена кузнеца’, *kaserā* ‘медник’ – *kaserīn* ‘женщина из профессиональной касты медников’, ‘жена медника’, *dūbe* ‘дубе’ (член брахманской подкасты *дубе*) – *dubāīn* ‘женщина из подкасты *дубе*’, ‘жена дубе’, *naṭ* ‘нат’ (представитель касты *натов* – бродячих актеров, танцоров и акробатов) – *naṭīnī* или *naṭī* ‘женщина из касты *натов*’, ‘натини’.

Здесь, безусловно, однозначным по признаку пола является только второй коррелят: будучи существительным женского рода, причем словообразовательно мотивированным, он неизменно называет лицо женского пола. У первого коррелята, существительного мужского рода, указание на мужской пол называемого лица является фиксированным лишь при выражении значения единственного числа, тогда как граммемой множественного числа обуславливается семантический сдвиг в сторону синкретизма признака пола при условии отсутствия противопоставления корреляту женского рода.

Ниже это иллюстрируется примерами с существительными последней из приведенных корреляционных пар (*naṭ* – *naṭīnī* или *naṭī*): *ek adheṛ naṭīnī ā gaī* (VM, 114) ‘Подошла пожилая натини’, *naṭīnyō ne viṣeṣkar pillī ne, deh kī asādhāraṇ locō-lacakō se asambhav sī kulācē khānī ārambh kar dī* (VM, 95) ‘Женщины [из касты] натов, а среди них особенно Пилли, принялись неистово скакать и кувыряться, демонстрируя необычайную гибкость тела’, *naṭ pradārṣan ko samāpta karke rasse se nīce utar āyā* (VM, 118) ‘Завершив представление, нат спустился с каната на землю’, *lākhī aur aṭal naṭō ke sāth magraunī cār pāc din mē ā gaye* (VM, 232) ‘Лакхи и Атал вместе с натами добрались до Магрони на четвертый или пятый день пути’,

naṭnī aur naṭ bagharrā ke pās ā gaye (VM, 95) ‘Наты, женщины и мужчины, приблизились к Багхарре’.

Кишоридад Ваджпейи в свое время отметил, что если в предложении *is ghar mẽ do dhobinẽ rahĩ hāĩ* ‘В этом доме живут две прачки’ речь идет исключительно о прачках-женщинах (*dhobinẽ*), то при высказывании предложения *is gāv mẽ das dhobĩ rahite hāĩ* ‘В этой деревне живут десять прачек’ под имеющимися в виду “прачками” наряду с мужчинами могут разумеаться и женщины [174, с. 244].

Можно констатировать, что в корреляционных парах рассматриваемого класса существительные связываются отношением эквивалентной оппозиции при выражении значения единственного числа, а при выражении значения множественного числа им оказывается присущей привативная оппозиция, немаркированными членами которой являются имена мужского рода.

В русском языке такому положению дел отвечают корреляционные пары *портной – портниха, толстяк – толстуха, москвич – москвичка, француз – французженка, странник – странница, сосед – соседка, старик – старуха*.

Иллюстрацией могут служить существительные последней из приведенных пар: (а) Старик ловил неводом рыбу, Старуха пряла свою пряжу (А.Пушкин), (б) Старик сидел на лавке, старуха – на стуле, они спорили, у кого из них урчит в животе. С приходом Ивана Африкановича старики прикрыли этот интересный спор... (В. Белов), (в) Дочь промолчала. Легла на скамью и отвернулась от стариков к окну. И видела сквозь это оконце, как старики шли по огороду: Фирсов оборачивался и беззвучно зыкал на старуху, та в ответ махала руками (З. Гареев), (г) Старики (Авинер Павлович Козонков и Алексей Дмитриевич Смолин. – В.Л.) по очереди разглядывали красивую этикетку (В. Белов), (д) Старухи уселись чаевничать (В. Белов). В форме единственного числа соответствующие существительные (*старик* и *старуха*) характеризуются строго фиксированной однозначностью по признаку ‘пол’ (мужской/женский). Такая же однозначность присуща и существительному женского рода в форме множественного числа – *старухи* в примере (д). Однако в *старики* примеров (б) и (в) и в *от стариков* примера (в) противопоставление по бинарному дифференциальному признаку «мужской пол: женский пол» оказывается нейтрализованным. А в приме-

ре (г) словоформа *старики* несет в себе частное значение немаркированного члена привативной оппозиции (*старики: старухи*), сигнализируя не-женский (стало быть, мужской) пол.

Стоит заметить, что корреляционные пары из русского языка типа *майор-майорша, генерал – генеральша* не могут быть отнесены к корреляционным парам класса I и класса II. В класс I и класс II они не “вписываются” уже потому, что их первый коррелят может быть соотнесен с лицом женского пола (*майор* в отличие от *красавец* или *москвич*). Для класса II они не подходят еще и по той причине, что лексическое значение их второго коррелята в форме множественного числа не может входить в объем значения первого коррелята. Так, если под *москвичами* можно разуметь москвичей (= мужчин) вкуче с москвичками (*Москвичи любят свой город*), то в *майоры* содержательно *майориши* не включаются.

К л а с с III охватывает такие корреляционные пары языка хинди, как *ghorā* ‘лошадь’, ‘конь’ – *ghoṛī* ‘кобыла’, *kuttā* ‘собака’, ‘пес’ – *kuttī* или *kutiṃyā* ‘сука’, *gadhā* ‘осел’ – *gadhī* ‘ослица’, *kauvā* (*kauā*) ‘ворона’ – *kauvī* (*kauī*) ‘ворона’ (самка), *bandar* ‘обезьяна’ – *bandariṃyā* ‘обезьяна’ (самка), *rīch* ‘медведь’ – *rīchnī* ‘медведица’, *ūṭ* ‘верблюд’ – *ūṭnī* ‘верблюдица’, *mor* ‘павлин’ – *mornī* ‘пава’, *hāthī* ‘слон’ – *hathnī* или *hathinī* ‘слониха’, *ṣer* ‘тигр’ – *ṣernī* ‘тигрица’, *hiran* ‘антилопа’ – *hirnī* ‘антилопа’ (самка), *meḍhak* ‘лягушка’ – *meḍhkī* ‘лягушка’ (самка), *kabūtar* ‘голубь’ – *kabūtārī* ‘голубка’.

Здесь фиксированной однозначностью отмечается представленный существительным женского рода второй коррелят пар. Он неизменно называет особь женского пола того животного, общим наименованием которого служит первый коррелят пары – существительное мужского рода. Последнее, нарушая соотношение «грамматический род → естественный род», проявляет присущую ему способность обозначать живое существо в отвлечении от его пола как во множественном, так и (что важно) в единственном числе, о чем свидетельствуют помещенные ниже примеры с существительными *ghorā* ‘лошадь’, ‘конь’ и *kuttā* ‘собака’, ‘пес’.

...*sire ke mor par do ghoṛō ke thūthan dikhāī pare* (VM, 152) ‘...на повороте из-за края [холма] показались две лошадиные морды (букв. двух лошадей морды)’, *anrakṣak savārō ke ghore arte, larḥkarāte, cābuk khāte āre tirche cal rahe the* (NM, 122) ‘Кони под всадниками-телохранителями, подстегиваемые плетью, нехотя та-

щились, упираясь и спотыкаясь’ – *ek musāfir sipāhiyānā pošak mē sarak ke kināre kī ek sarāy par ghoṛe se utrā* (JJ, 26) ‘[Однажды] у придорожного постоялого двора слез с коня путник в военной форме’, *pīche vāle ek savār kā ghoṛā bahut hī kamzor thā ...* (NM, 122) ‘Конь последнего всадника совсем обессилел...’;

sāth do kutte jībh laplapāte hue pahredārī karte jā rahe the (LK, 144) ‘Рядом бежали с высунутыми языками две собаки, охраняя [стадо]’, *sab khānā kutte pahle hī caṭ kar cuke the* (AY1, 40) ‘Всю еду уже успели сожрать собаки’ – *kuch laṛkō ne uske galī mē ghuste hī ek kutte ko uksā diyā* (BS, 245) ‘Несколько мальчишек, как только она (нищенка. – В.Л.) появилась в переулке, науськали на нее собаку’, *bāhar rājā kā kuttā soyā huā thā* (AY1, 22) ‘Снаружи спала собака раджи’.

Иррелевантность, проявляемую коррелятами мужского рода по отношению к признаку пола, хорошо иллюстрируют следующие словосочетания: *ghoṛō ke jhuṇḍ* (NM, 11) ‘табуны лошадей’, *hāthiyō ke baṛe jhuṇḍ* (VM, 226) ‘огромные стада слонов’, *hīraṇō kā ek jhuṇḍ* (P, 77) ‘стадо антилоп’. Ее же отметил Кишоридас Ваджпейи, приводя примеры: *hīraṇ car rahe hāī* ‘Антилопы пасутся’, *is jaṅgal mē hāthī bahut rahte hāī* ‘В этом лесу обитает много слонов’, *ṭ āgō mē ghoṛe jutte hāī* ‘В повозки запрягаются кони’ [174, с. 244–245].

То обстоятельство, что именно существительные мужского рода соответствующих корреляционных пар являют собой общие названия животных, четко отражено в одноязычных толковых словарях. В частности, через отсылку к коррелятам мужского рода раскрывается значение коррелятов женского рода (а) и значение существительных–названий детенышей соответствующих видов животных (б):

(а) *ghoṛī ж.* ‘кобыла’ – *ghoṛe kī mādā* (BH, 409; PH, 378) ‘самка лошади’, *kuttī / kutīyā ж.* ‘сука’ – *kutte kī mādā* (BH, 294) ‘самка собаки’, *gadhi ж.* ‘ослица’ – *gadhe kī mādā* (BH, 360) ‘самка осла’, *ūṭī ж.* ‘верблюдица’ – *mādā ūṭ* (BH, 211) ‘букв. ‘самка верблюд’, *morni ж.* ‘пава’ – *mor pakṣī kī mādā* (PH, 1060) букв. ‘павлина птицы самка’ и *mādā mor* (BH, 1086) букв. ‘самка павлин’, *meḍhki ж.* ‘лягушка’ – *mādā meḍhak* (BH, 1081) букв. ‘самка лягушка’, *hathni ж.* ‘слониха’ – *hāthī kī mādā* (BH, 1584; PH, 1399) ‘самка слона’, *kabūtarī ж.* ‘голубка’ – *kabūtar kī mādā* (BH, 248) ‘самка голубя’;

(б) *bacheṛā м.* ‘жеребёнок’ – *ghoṛe kā baccā* (BH, 923; PH, 881) ‘детёныш лошади’, *pillā м.* ‘шенок’ – *kutte kā nar baccā* (BH, 816)

‘детёныш мужского пола собаки’ и *kutte kā baccā* (РН, 793) ‘детёныш собаки’, *rēgītā* м. ‘ослёнок’ – *gadhe kā baccā* (ВН, 1141) ‘детёныш осла’, *botā* м. ‘верблюжонок’ – *ūṭ kā baccā jo abhī savārī ādi ke kām mẽ na ātā ho* (ВН, 974) ‘детёныш верблюда, который еще не подходит для езды на нём’.

Однако в семантической структуре существительных мужского рода отмеченных выше корреляционных пар имеется помимо принадлежности, проявляемой по отношению к признаку пола, и другая важная сторона: каждое из них в контексте противопоставления (явно выраженного или имплицитного) своему корреляту женского рода проявляет способность указывать на не-женский, т.е. мужской, пол объекта названия, например:

varṣā ṛtu ke āgaman par, umṛī huī ghaṭāḍ ko dekhkar, mor apnī pūch ke parō ko uṭhākar phailā letā hai aur dhīre-dhīre ṭhumkī dekar nāctā hai. uske nāc ko dekhkar morniyā ākarṣit ho jātī hāī (VL. 1960. V, 15) ‘Когда наступает сезон дождей, павлин при виде тяжелых туч распускает свое хвостовое оперение и принимается величаво танцевать. Павы пленяются его танцем’;

ek vṛkṣa par ek kauvā aur kauvī rahte the ‘На одном дереве жили ворон и ворона’ [3, с. 6].

Одним словом, в корреляционных парах класса III существительные связываются отношением привативной оппозиции, немаркированными членами которой являются имена мужского рода. В кругу личных имен существительных языка хинди тот же характер связи грамматического рода с возможностями отражения пола обнаруживается у такой корреляционной пары, как *baccā* ‘ребёнок’, ‘дитя’ – *baccī* ‘девочка’.

В русском языке классу III отвечают такие корреляционные пары, как *волк – волчица* или *волчиха*, *телок* или *теленка* – *телка*, *медведь* – *медведица*, *буйвол* – *буйволица*, *голубь* – *голубка*, *заяц* – *зайчиха*, *осел* – *ослица*, *павлин* – *пава*. Вот примеры на функционирование коррелятивов первой из приведенных пар, раскрывающие суть упомянутой оппозиции. Волк *сел. Иные волки легли, положив морды на лапы...* (А. Толстой), *Что волки жадны, всякий знает. Волк евши, никогда костей не разбирает* (И. Крылов), *Со своей волчихой голодной Выходит на дорогу волк* (А. Пушкин). Показательны и “словарные” аналоги примеров из хинди: (а) *волчица ж.* – *самка волка*, *медведица ж.* *самка медведя*, *буйволица ж.* – *самка*

буйвола, голубка ж. – самка голубя, зайчиха ж. – самка зайца, ослица ж. – самка осла, павя ж. – самка павлина; (б) волчонок м. – детёныш волка, медвежонок м. – детёныш медведя, зайчонок м. – детёныш зайца, осленок м. – детёныш осла [91].

В кругу личных имен существительных русского языка отношением привативной оппозиции с существительным мужского рода в качестве ее немаркированного члена связываются, пожалуй, корреляты таких пар, как *преподаватель* – *преподавательница*, *врач* – *врачиха*. Своеобразие таких пар (а их число можно умножить) состоит в том, что их первый коррелят способен вторгаться в сферу функционирования второго коррелята: не изменяя своему грамматическому роду, он может иметь в качестве своего референта лицо женского пола. Показателен следующий пример: *...но из дверей позвали врачиху к телефону. Она дернулась и ушла, сестра укладывала черные трубки в футляр, а Олег всё так же лежал на спине. – Откуда этот врач, а? – спросил он.* (А. Солженицын).

В к л а с с IV зачисляются такие корреляционные пары существительных (м.р. – ж.р.), как, например, *billā* или *bilāv* ‘кот’ – *billī* ‘кошка’ (помимо пары *bilār* – *bilārī*), *bail* ‘бык’ – *gāy* (*gau*, *gau*) ‘корова’, *bakrā* ‘козел’ – *bakrī* ‘коза’, *bhāīsā* ‘буйвол’ – *bhāīs* ‘буйволица’, *bheṛā* или *merhā* ‘баран’ – *bher* ‘овца’.

Здесь представленные существительными мужского рода первые компоненты пар называют особи мужского пола тех домашних животных, общее наименование которых закрепляется за вторыми коррелятами пар – существительными женского рода.

Последним вне контекста их противопоставления коррелятам мужского рода свойственно проявлять в форме множественного числа иррелевантность по отношению к признаку пола. Недаром Кишоридас Ваджпейи отметил, что высказывания {*gauḥ*, *bakriyā*, *bhāīsē*} *carī hāī* ‘Пасутся {коровы, козы, буйволы (букв. буйволицы)}’ подходят для тех случаев, когда среди пасущихся животных имеются быки, козлы и буйволы-самцы [174, с. 245].

Именно существительные женского рода корреляционных пар фигурируют в качестве общих названий животных в словарях (точно так, как в таком же качестве фигурируют корреляты мужского рода пар класса III):

(а) *billā* м. ‘кот’ – *nar billī* (ВН, 960) букв. ‘самец кошки’ и *billī kā nar* (РН, 927) ‘самец кошки’, *bail* м. ‘бык’ – *go-jāti kā nar* (ВН, 923) ‘самец коровы и других животных той же породы’, *bhāṣā* м. ‘буйвол’ (самец) – *bhāṣ kā nar* (ВН, 1005; РН, 979) букв. ‘самец буйволицы’, *bheṛā* м. ‘баран’ – *bheṛ jāti kā nar* (РН, 978) ‘самец овцы и других животных той же породы’, *meṛhā* м. ‘баран’ – *bheṛ kā nar* (ВН, 1081) ‘самец овцы’;

(б) *bilauṭā* м. ‘котёнок’ – *billī kā baccā* (РН, 927) ‘детёныш кошки’, *bachṛā* м. ‘телёнок’ – *gāu kā baccā* (ВН, 923; РН, 881) ‘детёныш коровы’, *paṛiyā* ж. ‘буйволёнок’ (самка), ‘телка буйвола’ – *bhāṣ kā mādā baccā* (ВН, 748; РН, 739) букв. ‘детёныш женского пола буйволицы’, *metnā* м. ‘ягнёнок’ – *bheṛ kā baccā* (ВН, 1081; РН, 1054) ‘детёныш овцы’.

При сообщении об одном животном вторые корреляты пар (существительные женского рода) указывают на женский пол. [Быть может, только у существительного *billī* ‘кошка’ можно усмотреть синкретизм признака ‘пол’.]

Таким образом, корреляты приведенных пар в единственном числе связываются отношением эквиполентной оппозиции, а во множественном числе – отношением привативной оппозиции, немаркированными членами которой являются имена женского рода.

Такими же корреляционными парами обладает и русский язык, например: *кот* – *кошка*, *бык* – *корова*, *козёл* – *коза*, *селезень* – *утка*, *хряк* – *свинья*, *индюк* – *индюшка* или *индейка* и др. Параллели с хинди наблюдаются и в словарных статьях: (а) *кот* м. – *самец* кошки, *бык* м. – *самец* коровы, *козел* м. – *самец* козы, *селезень* м. – *самец* утки, *хряк* м. – *самец* свиньи, *индюк* м. – *самец* индейки; (б) *котёнок* м. – *детёныш* кошки, *телёнок* м. – *детёныш* коровы, *козлёнок* м. – *детёныш* козы, *утёнок* м. – *птенец* утки, *поросёнок* м. – *детёныш* свиньи, *индюшонок* м. – *птенец* индюшки [91].

Вторым коррелятам вышеприведенных пар (существительным женского рода) в форме единственного числа свойственно иметь в качестве своих референтов особи женского пола. Как заметил А.Т. Аксёнов, “...мы не можем, зная пол животного, назвать козла “козой”, хотя слово “коза” в русском языке является общим названием вида...” [4, с. 177]. Признак “женский пол” однозначно фиксируется в контексте противопоставления коррелята женского рода корреля-

ту мужского рода: – *Ты, дедушка, не знаешь, кошка-то жива у Африкановича? – Кошка-то? Насчет кошки не знаю, а кот живёхонек. Вон по мышей пошел. По капусте ...* (В. Белов).

Обусловленный формой множественного числа сдвиг второго коррелята корреляционной пары в сторону синкретизма признака “пол” хорошо иллюстрируется следующими примерами из хинди и русского языка: *caṭṭāṇḍ ke pīche kuch bakriyā rūkhī jhāriyō ke ḍaṇṭhal cabāne kā yatna kar rahī thī* (YD, 13) ‘За скалами несколько коз новорили глотать ветки жестких кустов’; ‘Сколько сажали пионеры – облаживают их (посаженные тополя. – В.Л.) козы на первом взро-сте’ (А. Солженицын).

Впрочем, в отдельных корреляционных парах истолкован в качестве общего названия животного может быть каждый из их членов. В хинди к таковым тяготеет отнесенная выше к классу IV пара *bakrā* ‘козел’ – *bakrī* ‘коза’. Так, в словарях словарные статьи открываются словом *bakrā*, а статьи с заглавным словом *bakrī* отсутствуют (ВН, 920; РН, 878). Или перевод he-goat слова *bakrā* сопровождается словосочетанием *bakrō kā revar*, что буквально означает “стадо козлов”, хотя для “козлёнка” (kid) нашлось словосочетание *bakrī kā baccā* (НА, 431–432) ‘детёныш козы’. Существительное *bakrā* в качестве “внеполового” названия животного выступает в следующем примере: *...bheṛō aur paśam ke bakrō kā revar hamāre āge-āge cal rahā thā* (LK, 144) ‘...перед нами двигалось стадо овец и ангорских коз (букв. [тонко]шерстных козлов)’. Поэтому упомянутая корреляционная пара уже выглядит подлежащей зачислению к классу III.

В русском языке похожее положение складывается с корреляционной парой *баран* – *овца*. С одной стороны, за “общее, «внеполовое» название животного” принимается *овца* [72, с. 153], чему отвечает использование этого существительного в следующем примере: *У Саввы, Пастуха (он барских пас овец), Вдруг убывать овечки стали* (И. Крылов). Но, с другой стороны, *овца* – это, согласно словарю, *самка барана* [91, с. 355–356], в словаре же дается и словосочетание *стадо баранов* [91, с. 32]. Животное безотносительно к полу обозначено словом *баран* в таком предложении: *Бывало, он приводил к нам в крепость баранов и продавал дешево...* (М. Лермонтов).

В русском языке встречается и троякое обозначение животных (домашних) одного и того же вида, когда один из членов, будь то мужского или женского рода, служит общим названием животного и не содержит указания на пол (т.е. отличается синкретизмом признака ‘пол’), а из двух остальных один (мужского рода) является

названием самца, другой (женского рода) – самки, например: *гусь м.* – *гусак м.* – *гусыня ж.*, *лошадь ж.* – *жеребец м.* – *кобыла ж.*, *собака ж.* – *кобель м.* – *сука ж.* При попарном распределении членов этих триад оппозиция по бинарному признаку «мужской пол: женской пол» оказывается эквиполентной в парах *гусак – гусыня*, *жеребец – кобыла*, *кобель – сука* (эти корреляционные пары, как было отмечено выше, “вписываются” в класс I), привативной с существительным мужского рода в качестве ее немаркированного члена в паре *гусь – гусыня* (класс III), привативной с существительным женского рода в качестве ее немаркированного члена в парах *жеребец – лошадь*, *кобель – собака* (класс IV) и, наконец, привативной в парах существительных одного и того же рода *гусь – гусак*, *лошадь – кобыла*, *собака – сука* с немаркированным членом – первым компонентом (см. также словарные толкования: *гусак – самец гуся*, *кобыла – самка лошади*, *сука – самка собаки*).

У таких существительных русского языка, как *конь м.* и *пёс м.*, синкретизм признака пола, разделяемый ими соответственно с *лошадь ж.* и *собака ж.*, нарушается, однако, “креном” в сторону обозначения существ мужского пола. Впрочем, такой “крен” вовсе не чужд и приведенному выше существительному *гусь м.*: восклицание *Хорош гусь!* может характеризовать лицо только мужского пола.

Смысловые соотношения, аналогичные тем, которые существуют между различающимися родом коррелятами-фаунонимами в хинди и русском языке, можно наблюдать и в других языках. Так, французскую корреляционную пару *lièvre м.* ‘заяц’ – *hase ж.* ‘зайчиха’ можно отнести к классу III, пару *jars м.* ‘гусь’, ‘гусак’ – *oie ж.* – к классу IV, а в триаде *porc м.* ‘свинья’, ‘боров’ – *verrat м.* ‘хряк’ – *truie ж.* ‘свинья’ (самка) можно видеть аналог русской триады: *гусь – гусак – гусыня*.

Корреляционные пары, чьими коррелятами являются различающиеся грамматическим родом одушевленные имена существительные, подразделяются в зависимости от набора сем у последних на два разряда. В одних парах их корреляты различаются только семей пола (мужского или женского), например: *larkā* ‘мальчик’ – *larķī* ‘девочка’, *bhāī* ‘брат’ – *bahin* ‘сестра’, *śahzādā* ‘царевич’ – *śahzādī* ‘царевна’; *племянник* – *племянница*, *красавец* – *красавица*, *плясун* – *плясунья*, *москвич* – *москвичка*, *учитель* – *учительница*. В других парах между коррелятами существует различие в наборе

и/или самом характере семантических компонентов, сопровождающих сему пола, например: *māmā* ‘брат матери’ – *māmī* ‘жена брата матери’ (а отнюдь не ‘сестра матери’), *nandoī* ‘муж золовки’ – *nanad* ‘золовка’ (сестра мужа), *lambardār* ‘деревенский староста’ – *lambardārin* ‘жена деревенского старосты’, *dhobī* ‘прачка-мужчина’ – *dhobin* ‘жена прачки’ (наряду с ‘прачка-женщина’); – *non* – *nona-dyā*, *d̥yāchok* – *d̥yāchixa*, *dvor̥nik* – *dvor̥nichixa* (“жена дворника” помимо “женщина-дворник”).

Далее, в языке хинди семантической доминанте грамматической категории рода имени существительного сопутствует один важный семантический момент: у некоторых соотнесенных в парах однокоренных существительных (в основном неодушевленных, но также и отдельных одушевленных, но только не личных) значимость проявляется в указании на величину – большую (м.р.) или меньшую (ж.р.) – объектов, например: *pothā* ‘большая книга’, ‘фолиант’ – *pothī* ‘книга’, *palā* ‘черпак’ – *palī* ‘черпачок’, *rassā* ‘толстая веревка’, ‘канат’ – *rassī* ‘веревка’, *patīlā* ‘котел’ – *patīlī* ‘котелок’, *bāī* ‘каменная гиря’, ‘гиря’ – *baṭīyā* ‘каменная гирька’, ‘голыш’, *golā* ‘снаряд’ – *golī* ‘пуля’, *makṛā* ‘большой паук’, ‘паучище’ – *makṛī* ‘паук’, *bilāv* ‘большая кошка’ (наряду с ‘кот’) – *billī* ‘кошка’, *nagar* ‘город’ – *nagarī* ‘городок’.

В некоторых же случаях формальная регулярность соотношения внутри пары существительных, различающихся родом (м.р. – ж.р.), не сопровождается “стандартной” дифференциацией их значений: *chātā* ‘зонт’ – *chātī* ‘грудь’, *āgūthā* ‘большой палец руки’ – *āgūthī* ‘перстень’, *gharā* ‘кувшин’ – *gharī* ‘часы’, *tālā* ‘замок’ – *tālī* ‘ключ’, *ḍākū* ‘разбойник’ – *ḍākinī* ‘ведьма’. Новый вид смысловой дифференциации наличествует в таких регулярных парах существительных *tamśama*, как *kāryakārī* ‘исполнитель’ – *kāryakārīṇī* ‘исполнительный комитет’, *nagarpāl* ‘мэр’ – *nagarpālikā* ‘муниципалитет’, *vyavasthāpak* ‘законодатель’, ‘распорядитель’ – *vyavasthāpikā* ‘законодательный орган’.

В хинди многие личные существительные, способные обозначать лиц в отвлечении от их пола и квалифицируемые (в частности, в словарях) как существительные мужского рода, могут употребляться для обозначения лиц женского

п о л а . При таком их употреблении сочетающиеся с ними слова, чье изменение подчинено адъективной парадигме, непременно принимают форму женского рода, которая (при переходе от текста к смыслу) предстаёт в качестве внешнего индикатора оговоренной семантической роли соответствующего имени существительного:

(а) *ve śiśuśālā kī adhyakṣa thī* (YD, 118) ‘Она была заведующей детскими яслями’ (*adhyakṣa* ‘руководитель’, ‘глава’, ‘заведующий’);

(б) *reḍḍo-sṭeṣan ke pratyek karmacārī kī khuṣāmad karnevālī vah kalākār* (NK. 1962. II, 48) ‘та артистка, лебезящая перед каждым чиновником радиостанции’ (*kalākār* ‘артист’);

(в) *...aur yaśodā uskī ek pramukh kāryakartā thī* (JY. 28.12.1975, 27) ‘... и Яшода была ее (организации “Женский форум”. – В.Л.) главным функционером’ (*kāryakartā* ‘деятель’, ‘функционер’);

г) *arjentīnā kī khilārī gaibrilā sabātīnī* (H. 27.08.1989, 8) ‘аргентинская спортсменка Габриэла Сабатини’ (*khilārī* ‘игрок’, ‘спортсмен’);

(д) *ājkal tennis mē anek naī tennis khilārī ubhar rahī hāī* (H. 28.08.1989, 7) ‘В настоящее время в мире тенниса заявляет о себе ряд новых теннисисток’ (*tennis khilārī* ‘теннисист’, ‘игрок в теннис’);

(е) *...lekin bahanē koī śikāyat nahī kar sakī. ve merī marzī kī gulām hāī* (GS, 452) ‘...но сестры пожаловаться не могут. Ведь они полностью подчинены моей воле’ (букв. ‘...моей воли рабы есть’; *gulām* ‘раб’);

(ж) *...yah śrīvāstav sekreṭarī sāhab kī jāsūs hai* (HG, 78) ‘...эта [мисс] Шривастав – осведомительница секретаря’ (*jāsūs* ‘шпион’);

(з) *makān ke nīce ṭaiksī kharī huī to ḍākṭar bāhar nikāl āī* (GD, 292) ‘Когда такси остановилось у дома, доктор вышла навстречу’ (*ḍākṭar* ‘доктор’, ‘врач’);

(и) *itne baṛe myūziyam mē vah akelī darśak hai* (RA, 292) ‘В таком огромном музее она единственный посетитель’ (*darśak* ‘зритель’);

(к) *lālā jī, dillī mē tumhārī koī dost bhī nahī hai jo bīmārī ke dinō mē ākar tumhārā sir dabā diyā kare?* (RA, 131) ‘Лала-джи, ведь в Дели у тебя нет подружки, которая в случае твоего недомогания приходила бы ухаживать за тобой?’ (*dost* ‘друг’);

(л) *keral kī is tez tarrār dhāvak kī lās enjels olampik mē śāndār pradarśan ke bād yah pahlī mukhya daur thī* (JY. 11.01.1985, 6) ‘Это был первый главный старт этой резвой бегуны из Кералы после ее

блистательного выступления на Олимпиаде в Лос-Анджелесе’ (*dhāvak* ‘бегун’);

(м) ...*tum ankal varmā kī naukar ho...* (SK, 51) ‘... ты служанка дядошки Вармы...’ (*naukar* ‘слуга’);

(н) ...*vah ...bilkul amerikan jāsūsī upanyās kī koī blaikmelar malūm hoī* (NK. 1962. II, 50) ‘...она ...точь-в-точь выглядела шантажисткой из американского шпионского романа’ (*blaikmelar* ‘шантажист’ < англ. *blackmailer*);

(о) ...*us vyakti kī atul sampatti kī mālik banī* (BS, 250) ...[рыбачка] стала хозяйкой несметного богатства этого человека’ (*mālik* ‘хозяин’, ‘владелец’);

(п) *māī tumhārī is mitra ke jīvan par ek upanyās likhūgā* (NK. 1962. II, 54) ‘Я напишу роман о жизни этой твоей подруги’ (*mitra* ‘друг’);

(р) ...*vah pārī kī membar ban gaī* (YD, 121) ‘...она стала членом партии’ (*membar* ‘член’ < англ. *member*);

(с) ...*barsātī vāle bābū ke yahā ye kaun mehmān āyī hāī?* (RA, 476) ‘... что за гости пожаловали к обитателю мансарды?’ (*mehmān* ‘гость’);

(т) *māī to unkī śiṣya bhar hū* (VM, 477) ‘Я всего лишь его ученица’ (*śiṣya* ‘ученик’);

(у) *ye pārī kī sadasya bhī thī* (JY. 28.12.1975, 27) ‘Они также были членами партии’ (*sadasya* ‘член’);

(ф) *vaise vah tumhārī acchī sahāyak siddha hogī* (SK, 51) ‘Так она окажется вашей хорошей помощницей’ (*sahāyak* ‘помощник’).

Показательны при этом воплощающие аппозитивную связь словосочетания, в составе которых выступают собственные имена женщин, например: *kāngres (i) kī adhyakṣa indirā gādhī* ‘председатель Конгресса (И) Индира Ганди’, *dillī viśvavidyālay chātra sangh kī upādhyakṣa bhārati kumār sinhā* ‘вице-председатель Союза студентов Делийского университета Бхарати Кумар Синха’, *tamilnādu kī mukhyamantī jaylalitā* ‘главный министр штата Тамилнаду Джайлалита’, *pākistān kī cāimpiyan yāsmīn mabārīk* ‘чемпионка Пакистана Ясмин Мубарик’, *kāngres kī netā subhadra joṣī* ‘глава Конгресса Субхадра Джоши’ (здесь, как и в целом ряде приведенных выше под буквенными индексами примеров, показательна форма *kī* – форма женского рода “генитивного” послелога *kā*).

Называя лиц женского пола, отмеченные существительные не выходят за рамки (остаются в рамках) своего типа (практически II типа) словоизменения: при обозначении лиц женского пола они в позиции прямого падежа не принимают характерной для существительных женского рода флексии (*-ā* или *-ē*) [см. примеры (д), (е), (с) и (у), где “не востребованы” словоформы *ṭenis khilāriyā*, *gulāmē*, *mehmānē*, *sadasyē*]. Они, таким образом, не преодолевают “морфологического порога” (“спотыкаются о морфологический порог”) на пути к тому, чтобы стать существительными общего рода. Своим “женским родом” они обязаны лишь семантическому согласованию с ними слов, подверженных словоизменению в рамках адъективной парадигмы, хотя нельзя исключить и окказиональные случаи типа *un ke sṭāf kī sārī ṭīcarē* (JS, 59) ‘все преподавательницы, имеющиеся у нее в штате’ (*ṭīcar* ‘учитель’, ‘преподаватель’ < англ. *teacher*).

Отмеченное явление использования личных существительных мужского рода для обозначения лиц женского пола является универсальным в том отношении, что оно касается не только тех существительных, у которых нет коррелятов женского рода, но и тех существительных, с которыми соотносятся в качестве их коррелятов ими же словообразовательно мотивированные однокоренные существительные женского рода.

Так, например, с приведенными выше именами *adhyakṣa* примера (а), *khilārī* примера (г), *dhāvak* примера (л), *mālik* примера (о), *ṣiṣya* примера (т) и *sadasya* примера (у) соотносятся существительные женского рода *adhyakṣā* ‘[женщина-] председатель’, *khilārīn* ‘спортсменка’, *dhāvikā* ‘бегунья’, *mālakin* ‘хозяйка’, *ṣiṣyā* ‘ученица’, *sadasyā* ‘участница’, ‘депутатка’:

rānī kī yah daṣā dekhkar us vibhāg kī adhyakṣā hās paṛī (GD, 211) ‘Увидев, в каком состоянии находится Рани, начальница отдела звонко рассмеялась’;

abhī tak nonitā lāl bhārat kī sab se anubhavī khilārīn hai (Н. 22.11.1988, 7) ‘Пока Нонита Лал самая опытная спортсменка Индии’;

...hamāre deṣ kā pratinidhitva keval do dhāvikāo tak hī sīmīt rah gayā hai (Н. 28.08.1989, 7) ‘...представительство нашей страны ограничилось лишь двумя бегуньями’;

māl-asbāb kī tū mālakin hai hī (PG, 21) ‘Ведь ты хозяйка всего имущества’;

āj kumārī gurudev kī śiṣyā hai (AD, 65) ‘Ныне Кумари является ученицей Гурудева’;

san 1970 mē ve akhil bhāratiya mahilā sammelan kī kāryasamiti kī sadasyā cunī gayī (JY. 28.12.1975, 72) ‘В 1970 году ее избрали членом исполнительного комитета Всеиндийской женской ассоциации’.

Контрастируя на синтагматической оси со своими коррелятами женского рода, личные существительные, которым приписывается мужской род, оставляют втуне свойство быть иррелевантными относительно признака пола и обозначают лиц мужского пола:

eśiyāi ṭīm mē maleśiyā, bhārat ādi deśō se dhāvak, dhāvikāē lie gaē hāi... (H. 28.08.1989, 7) ‘В команду Азии включили бегунов из Малайзии, Индии и других [азиатских] стран...’;

us din unke saikrō śiṣya aur śiṣyāē unke banāye hue surō mē gīt gākar apnī śraddhānjali arpī karte hāi (NK. 1961. XII, 43) ‘В этот день сотни его учеников и учениц пением на его мотивы отдают ему дань уважения’.

Как и в хинди, в русском языке существительные мужского рода, способные называть лицо (лиц) в отвлечении от пола, тоже могут быть употреблены для обозначения лица (лиц) женского пола.

При этом в одних случаях данная семантическая функция существительных мужского рода не получает отражения в формах сочетающихся с ними слов: *Здесь (и ниже) я цитирую моего любимого скульптора – Анну Семеновну Голубкину...* (С. Залыгин), Редактора для рукописи вскоре нашел сам Твардовский – Тамару Григорьевну Габбе. *И должен сказать, что мне необычайно повезло и даже, точнее, посчастливилось с этим редактором* (Ю. Трифонов), *Вон председатель – знает, сыночка ждем, – так вот нарочно к нам постоянного поставил. По злобе... Куда нам ее класть?* (С. Антонов). Естественным выглядит сочетание личных имен существительных с женскими собственными именами: *А сегодня мы представляем записки нашего постоянного автора З.А. Старовойтовой* (пресса), *Зрителям обещан кусочек Парижа. А еще презентация совместной выставки художника Светланы Калининой и фотографа Антона Ланге* (пресса), *...размышляешь о письме постоянного подписчика журнала Т.О. Шухминой из Москвы* (пресса), *Классного руководителя Нонну Матвеевну ребята в тайне называли “классовым врагом”*... (Е. Ильин).

В других случаях указанная семантическая функция существительных мужского рода получает внешне выражение в форме женского рода синтаксически связанных с ними слов при условии, если сами они, эти существительные, предстают в форме именительного падежа единственного числа, например: *У нас новая врач* [72, с.151], *Наша бригадир заболела* [72, с. 151], *Врач Мамучаишвили привезла мне письмо Пастернака на Колыму* (В.Шаламов), *Судья зазвонила в колокольчик и сказала, что участковый к делу не относится* (С. Антонов), *Вскоре премьер-министр посетила Кувейт...* (пресса), *Депутат Мосгордумы присваивала банковские кредиты?* (пресса), – *Не знаю, брать с нее деньги за анализы?* – сказала при мне доктор ... (пресса), *...такой способ получить “прибавку” к зарплате открыла для себя в прошлом году 63-летняя врач поликлиники* (пресса), *“Трудно, очень трудно...”* – тренер детской группы скептически оглядывала мою восьмилетнюю дочь (пресса), *“Своих мужчин я выбираю сама и тогда, когда у меня на это есть настроение”*, – утверждает автор, обнажившая своих вздыхателей с редкостной беспощадностью (пресса). На месте формы женского рода глагола-сказуемого исключено появление формы мужского рода, когда соответствующее личное существительное мужского рода сочетается с собственным женским именем: ... доктор Донцова писала кандидатскую диссертацию (А.Солженицын), Режиссер Ильина создала множество великолепных оригинальных постановок... (пресса), Адвокат Филатьева Нина Широкова, *впрочем*, оповестила нас, что... (пресса).

Таким образом, сдвиг личных существительных мужского рода в сторону существительных общего рода не выходит за рамки именительного падежа единственного числа.

Не исключается возможность расхождения в формах рода между сочетающимися с существительным словами: *М о й же о ч а р о в а т е л ь н ы й* тренер водила меня два года за нос... (пресса). Сохраняют форму мужского рода прилагательные-определения в составе терминологических словосочетаний – названий “штатных” должностей: *Потом у ч е н ы й* секретарь звала к себе профессора вторично... (Ю. Домбровский), *А скоро с т а р ш и й* хирург, закончив операционный день, должна была, по уговору, показать Донцовой для консультации одну свою гинекологическую больную (А.Солженицын), *Вот что рассказала мне*

г е н е р а л ь н ы й директор центра *Татьяна Владимировна Кузнецова...* (пресса), *Л е ч а щ и й* врач ребят *С.Г. Митясова* старалась *сдерживать эмоции ...* (пресса).

Как и в хинди, в русском языке отнесенность к лицам женского пола чаще всего обнаруживают те существительные мужского рода, которые называют лиц по их статусу, связанному с выполнением последними определенных функций (по профессии, роду занятий, званию, общественному положению и др.). Данное явление в его чистом виде представлено в русском языке шире, чем в хинди, где заметная роль отводится лексическим показателям принадлежности лица к женскому полу (*mahilā* ‘женщина’ и др.), занимающим в составе аппозитивных сочетаний место перед личными существительными (русский аналог таких сочетаний – *женщина-следователь*).

Факторами, благоприятствующими проявлению случаев отнесенности личных существительных мужского рода к лицам женского рода, являются: 1) отсутствие у существительного мужского рода его коррелята женского рода (например, *хирург* – $\emptyset$, *педагог* – $\emptyset$); 2) приобретение существительными женского рода как коррелятами существительных мужского рода определенного стилистического оттенка и/или новой семы, добавленной к семе “женский пол” за счет утраты семы “носитель функции” [например, *директор* – *директриса*, *геолог* – *геологиня*, *генерал* – *генеральша* (жена ганерала), *доктор* – *докторша* (женщина-врач или жена доктора)].

Употребление слов женского рода как коррелятов личных существительных мужского рода иллюстрируют следующие примеры: ... *после передачи 636 тысяч рублей директриса была задержана...* (пресса), *Этим зрителем в данный момент оказалась я, жалкая геологиня, живущая на зарплату...* (В. Токарева), *Молодая докторша, с трудом таща приемник, направлялась к дверям райкома* (С. Антонов), *Но как-то однажды, в начале мая, Василий сам пришел с повинной к следовательнице* (Л. Петрушевская), *Заходили все новые и новые покупательницы* (В. Белов), *Персональная выставка неподражаемых работ художницы Ирины Костиной открылась в Государственном музее детских театров* (пресса), *О том, какое значение для науки имеет это погребение, очень бойко рассказывала экскурсоводка моего отдела – молодая разбитная девчонка ...* (Ю. Домбровский), *Работница сторожевой охраны Надя поливала из шланга асфальт* (С. Антонов), *Лобенков...* дал указание дирек-

тору школы, Абдильде Хасенхановичу, чтобы тот назначил Галину Петровну классной руководительницей (С. Липкин). В последних четырех примерах было бы равнозначным использование форм существительных мужского рода: художника, [рассказывал] экскурсовод, работник [поливал], [классным] руководителем.

Форма множественного числа существительных мужского рода, способных называть лицо в отвлечении от пола, как нельзя лучше подходит для случаев, когда имеется в виду совокупность, состоящая из лиц обоих полов: *И даже присутствие на экране отличных актеров – Олега Янковского, Андрея Толубеева, Нины Усатовой и других – не спасает ленту* (пресса), *Жители города с восторгом слушали... поэтов Татьяну Бэк, Александра Щуплова, Александра Шаталова...* (пресса), *В ее составе – возглавляющие российскую классификацию по армреслингу чемпионы мира Вика Габаркова из Северной Осетии и москвич Игорь Грушников* (пресса). Впрочем, возможна и отнесенность к множеству лиц только женского пола, например: *В нашем отделе работали несколько журналистов: Елена Крохина (школы), Рита Соколовская (всё понемногу), Наталья Диличенская (наука), Таня Коротова (школы) и Маргарита Багреева...* (пресса). Очевидно, что вместо журналистов можно было бы употребить журналисток.

В контексте противопоставления своему корреляту, сигнализирующему женский пол лица, существительное мужского рода, способное быть “внеполовым” названием лица, однозначно характеризуется семей “мужской пол”: *Под пальцами мастера! Я ведь употребил неточное слово. В том-то и дело, что творцом орнамента был не мастер, а мастерица. Не мужчина, а женщина* (Ю. Домбровский), *Эта докторша была одних лет с Анной Федоровной и большая ее приятельница, сам же доктор вот уже с год заехал сперва в Оренбург, а потом в Ташкент...* (Ф. Достоевский), *Возможно, он решил воспользоваться рекомендацией французов “шерше ля фам” и выбрать себе не заместителя, а заместительницу* (пресса). См. выше (с. 76) аналогичное явление в хинди.

Языку хинди свойствен способ выражения пола животных. состоящий в сочетании существительного-фаунонима с предшествующим ему лексическим показателем пола – мужского или женского. В роли лексических показателей, сигнализирующих пол животных, употребительны слова *nar* м. ‘самец’ (I) и *mādā* ж. ‘самка’

(II). С ними (с каждым из них) могут сочетаться фаунонимы мужского (1) и женского (2) рода, которые характеризуются семантическим синкретизмом признака пол (а), а также фаунонимы, допускающие несоблюдение отношения «грамматический род → ‘естественный род’», т.е. фаунонимы, предстающие внутри корреляционных пар (см. корреляционные пары класса III и класса IV) как немаркированные члены привативных оппозиций (б). Таким образом возникают словосочетания типа:

- (1) *nar macchar* ‘комар-самец’, ‘самец комара’ – I 1а,
- (2) *mādā macchar* ‘комар-самка’, ‘самка комара’ – II 1а,
- (3) *nar cīl* ‘коршун-самец’ – I 2а,
- (4) *mādā cīl* ‘коршун-самка’, ‘самка коршуна’ – II 2а,
- (5) *nar mor* ‘павлин-самец’ – I 1б,
- (6) *mādā mor* ‘павлин-самка’, ‘самка павлина’, ‘пава’ – II 1б при наличии фаунонима женского рода *mornī* ‘пава’,
- (7) *nar billī* ‘самец кошки’, ‘кот’ – I 2б при наличии фаунонима мужского рода *bilāv* ‘кот’,
- (8) *mādā billī* ‘кошка-самка’ – II 2б.

В таких словосочетаниях (некоторые из них приводились выше в качестве примеров на словарное толкование лексем словарных статей, см. с. 66, 69) нами усматривается аппозитивная связь между их компонентами. В их составе существительные-фаунонимы выступают в качестве постпозитивного определяемого, а лексический показатель пола – в роли приложения (*nar* и *mādā* – слова иранского происхождения; в персидском языке они выступают в качестве лексического показателя пола, будучи зависимыми компонентами изафетной конструкции: *boz-e nar* ‘козел’ – *boz-e māde* ‘коза’). Ролью определяемых слов лексические показатели пола наделяются в субстантивных атрибутивных словосочетаниях с “генитивным” послелогом *kā*, таких, например, как *gau kā nar* букв. ‘коровы самец’ (= *sār* ‘бык’), *billī kā nar* букв. ‘кошки самец’ (= *billā* или *bilāv* ‘кот’), *ghore kī mādā* букв. ‘лошади самка’ (= *ghorī* ‘кобыла’), *cīte kī mādā* букв. ‘самка пантеры’. Сфера использования таких атрибутивных словосочетаний – это, как правило, словарные толкования смысла слов.

Родовая принадлежность таких словосочетаний очевидна, если оба их компонента относятся к одному и тому же роду: мужскому, например: *nar macchar*, *nar mor*; женскому, например: *mādā cīl*, *mādā billī*.

При расхождении компонентов словосочетаний в роде родовая принадлежность последних, диагностируемая формами согласования, определяется или грамматическим родом существительного-фаунонима, или родом существительного – лексического показателя пола.

Реализация первой возможности иллюстрируют следующие примеры:

(а) *naṛ makkhīyā kuch kām nahī kartī* ‘Трутни не производят никакой работы’ [3, с.6] (*makkhī* зд. ‘пчела’ – ж.р.);

(б) *gharō mē pāyī jāne vālī choṭī-sī* *naṛ cīṛiyā... ...cīrautā kahātī hai* (KJ2, 13) ‘Обнаруживающаяся в домах небольшая птичка-самец... называется чираута’ (*cīṛiyā* ‘птица’ – ж.р.);

(в) *mādā taṭṭū taṭunī yā ghurīyā kahātī hai* (KJ1, 140) ‘Кобылица пони называется “татуні” или “гхурийа”’ (*taṭṭū* ‘пони’ – м.р.);

(г) *mādā macchar ke śarīr mē maleriyā ke kīṭānu hote hāi. jab vah manuṣya ko kāṭhī hai ...* ‘В теле самки комара находятся возбудители малярии. Когда она кусает человека...’ [3, с. 6] (*macchar* ‘комар’ – м.р.; мужской род словосочетания *mādā macchar* сигнализируется глагольной формой, сочетающейся с заменяющим это словосочетание местоимением).

Реализация второй возможности представлена в следующих примерах, где проявлена родонаделяющая роль показателя *mādā* (ж.р.) ‘самка’:

(д) *mādā lakaṛbagghā jhūṇḍ par śāsan kartī hai* (N. 1968. II, 25) ‘Гиена-самка предводительствует в стае’ (*lakaṛbagghā* ‘гиена’ – м.р.);

(е) *mādā eṇṭ īṭar apne aṇḍō ko seṭī hai* (VL. 1960. VI, 24) ‘Самка муравьеда (или ‘муравьед-самка’. – В.Л.) сидит на яйцах’ (*eṇṭ īṭar* ‘муравьед’ – м.р.);

(ж) *bandūk kī āvāz sunte hī vah mādā gorilā cillāte hue bhāgne lagī* (SA, 98) ‘Услышав звук ружейного выстрела, горилла-самка сразу же с криком пустилась наутек’ (*gorilā* ‘горилла’ – м.р.);

(з) *mādā rīch janvarī ke mahīne mē sādharantah do bacce deṭī hai* [3, с. 7] (*rīch* ‘медведь’ – м.р.).

Превалирующей в языке хинди выглядит реализация второй возможности.

В связи с этим уместно сослаться на мнение А.Т. Аксёнова, подвергшего анализу категорию рода в панджаби, хинди и урду: "... родовые формы согласования в подавляющем большинстве случаев (90%) приводятся в соответствии с полом вне зависимости от первоначального рода фаунонимов" [5, с. 26]. Заслуживает внимания и следующее его утверждение: "При употреблении показателей пола с названиями видов животных, не выражающих различий по признаку пола, формы согласования в роде в подавляющем большинстве случаев приводятся в соответствие с полом животного, вне зависимости от родовой отнесенности фаунонима" [5, с. 32].

В качестве лексических показателей пола фаунонимов встречаются также *strī* ж. 'женщина', *nārī* ж. 'женщина' вместо *mādā* и *piruṣ* м. 'мужчина' вместо *nar*.

Лексические показатели пола могут сочетаться с существительными—названиями объектов флоры: *nar phūl choṭe hote hāi* 'Мужские цветы бывают маленькими', *mādā phūl baṛe hote hāi* 'Женские цветы бывают большими' [4, с. 348]. При этом родовая принадлежность образованных словосочетаний определяется родом их второго компонента, т.е. названия объекта растительного мира.

"Обрастать" лексическим показателем пола могут и личные существительные. Так, отдельным приемом вовлечения существительных, чья принадлежность к мужскому роду совмещается со способностью обозначать лиц безотносительно к полу, в сферу обозначения лиц женского пола является их объединение в рамках словосочетаний с каким-либо из помещаемых в препозиции слов следующего перечня: *mahilā* ж. 'женщина', *strī* ж. 'женщина', *aurat* ж. 'женщина', *mādā* ж. 'самка'.

Этот прием распространяется как на существительные, не имеющие однокоренных коррелятов женского рода, так и на существительные, такими коррелятами располагающие: *pratinidhi* 'представитель', 'делегат' — *mahilā pratinidhi* 'женщина-делегат', *mehmān* 'гость' — *strī mehmān* 'женщина-гость', 'гостья'; *dhāvak* 'бегун' — *mahilā dhāvak* 'бегунья' — *dhāvikā* ж. 'бегунья', *mazdūr* 'рабочий' — *aurat mazdūr* 'работница' — *mazdūrin* ж. 'работница', *hippī* 'хиппи' — *mādā hippī* 'девушка-хиппи' — *hippin* ж. 'девушка-хиппи'.

Слова, изменяемые в рамках адъективной парадигмы, принимают в условиях синтаксической связанности с образованными словосочетаниями (типа *mahilā* + N) форму женского рода: *pārṇī ke vaidh ho jāne ke bād anumānit sadasyatā 4464 thī jis mẽ 106 mahilā sadasya thī* ... (JY. 28.12.1975, 27) 'Партия после ее легализации насчитывала предположительно 4464 члена, из которых 106 были

женщины', *bambaī mē huī pārṇī kāngres mē 13 mahilā pratinidhi āyī* (JY.28.12.1975, 27) 'На состоявшейся в Бомбее первый партийный съезд прибыли 13 женщин-делегатов', *upasthit hone vālī strī matdātāḍ kī sankhyā* 'число женщин-избирателей, присутствие которых ожидается' [3, с. 10], *jab bhī koī mādā hippī kisī kism kā nakhrā karī...* (BJ, 72) 'Каждый раз, когда какая-либо девушка-хиппи проявляла кокетство...?'

Наблюдается согласование в роде по смыслу, детерминированное первым компонентом словосочетаний – показателем пола (в данном случае женского). При этом в позиции прямопадежной формы ни один из компонентов при выражении значения множественного числа не принимает характерный для существительных женского рода флексии (см.: *106 mahilā sadasya*, *13 mahilā pratinidhi*), хотя, надо признать, возможны и отступления от установившейся нормы: *varṣō se bekar kī mahilā mitrē kuch akhbārō mē khabrē bantī rahī hāī* (NT. 21.15.1992, 11) 'Из года в год подружки Беккера упоминаются в новостях некоторых газет'.

В сферу обозначения лиц женского пола вовлекаются, как правило, те существительные мужского рода, которые называют лиц по профессии, должности, занятости, общественному положению – словом, по их статусу, связанному с выполнением определенных функций (причем имеются в виду главным образом такие профессии и пр., которые раньше были мужскими, а в условиях современной Индии становятся и женскими).

Итак, если возникает необходимость указать на принадлежность лица к лицам женского пола, а нужное существительное женского рода отсутствует в языке или же не стало достаточно употребительным, то используется лексический показатель женского пола в виде существительного женского рода (*mahilā* и др.), позиционно предваряющий подходящее к случаю существительное мужского рода, или же, как было показано выше (с. 73), соответствующее существительное мужского рода начинает выступать в качестве существительного женского рода, как бы проявляя тем самым тенденцию к превращению в существительное общего рода.

Аналогию этому можно найти в русском языке: *Родители жены забрали к себе дочку, а с ним самим беседовала же н щ и - н а – с л е д о в а т е л ь* (Л. Петрушевская) и *С л е д о - в а т е л ь* ходила за взяткой в сопровождении родственницы...

(пресса). Картину дополняет еще такой пример, уже приводившийся выше (с. 78) по иному поводу: *Но как-то однажды, в начале мая, Василий сам пришел с повинной к следовательнице* (Л.Петрушевская).

А.Т. Аксёновым было отмечено, что языку хинди оказываются не чуждыми и такие словосочетания, где лексический показатель женского пола предшествует личному существительному ж е н - с к о г о р о д а , причем словообразовательно мотивированному существительным мужского рода, например: *mahilā kāryakartriṣā* ‘женщины-деятельницы’ (ср. *kāryakartā* ‘деятель’ – м.р.), *mahilā sadasyā* ‘женщина-член [организации]’ (ср. *sadasya* ‘член [организации]’ – м.р.), *strī sancālikā* ‘директриса’ (ср. *sancālak* ‘директор’ – м.р.), *mahilā mantriṇī* ‘женщина-министр’ (ср. *mantri* ‘министр’ – м.р.) [3, с.13]. Их употребление демонстрируется на примерах с сочетанием *mahilā sadasyā: māi jāpān kī sansad aur vidhān sabhā kī mahilā sadasyāḍ se do baiṭhakō mē milī* ‘Во время двух заседаний я встретила с женщинами – членами Парламента и Учредительного собрания Японии’, *sansad aur rājya vidhān sabhāḍ mē bhī mahilā sadasyāḥ hāi* ‘Женщины также являются членами парламента и законодательных собраний штатов’ [3, с.14]. Появление таких словосочетаний объясняется стремлением выделить то обстоятельство, что в качестве лица, выполняющего определенную ранее не присущую женщине функцию, предстает именно женщина.

Во избежание неясности или двусмысленности, которая может произтекать из способности личного существительного мужского рода называть лицо (лиц) в отвлечении от пола, допускается его сочетание со словом *puruṣ* м. как лексическим индикатором мужского пола: *siol olampik 1988 mē hissā lene vāle 50 se adhik puruṣ khilāṅgiṣṭ ne pratibandhit davā ṣṭerāyaḍ kā istemāl kiṃ thā...* (Н. 27.08.1989, 8) ‘Свыше 50 мужчин-спортсменов, участвовавших в сеульской олимпиаде 1988 года, принимали запрещенные стероиды...’, *pahlī bār aisā huā hai ki koī bhī bhāratiya puruṣ ethlēt eṣiyāi ṭim mē nahī hai...* (Н. 28.08.1989, 7) ‘Впервые в составе команды Азии нет ни одного спортсмена-мужчины из Индии...’, *is aspitāl mē kai puruṣ ḍāktar hāi* ‘В этой больнице несколько врачей-мужчин’ [51,с.52].

Аналогию этому можно найти в русском языке: *Начинается урок, в класс входит учительница – у ч и т е л ь - м у ж ч и н у нас в ту пору почти не было...* (С. Залыгин).

Итак, на базе существительных, способных выступать в качестве “внеполовых” названий лиц, возникает тип эквиолентной оппозиции, члены которой противопоставлены друг другу в отношении сигнализации признака ‘пол’: *puruṣ chātra* ‘студент’ (мужчина); *strī chātra* ‘студентка’, *puruṣ ḍāktar* ‘врач-мужчина’: *mahilā ḍāktar* ‘женщина-врач’, *puruṣ dhāvak* ‘бегун’: *mahilā dhāvak* ‘бегунья’. Каждый из противочленов такой оппозиции характеризуется, во-первых, однозначностью семантического признака ‘пол’ (т.е. постоянством соотносённости с полом называемого объекта) и, во-вторых, фиксированной родовой отнесённостью, тогда как в оппозиции с фаунонимами образца *nar rīch* ‘медведь’ (самец): *mādā rīch* ‘медведица’, *nar macchar* ‘комар-самец’, ‘самец комара’: *mādā macchar* ‘комар-самка’, ‘самка комара’ ее второй противочлен может оказаться подверженным колебанию в роде.

Категория одушевленности – неодушевленности

В русском языке классифицирующей (несловоизменяемой) категорией имени существительного является не только род. В качестве таковой предстает и категория одушевленности – неодушевленности.

В существительных как лексемах обе эти категории переплетаются: в рамках каждого из трех родов различаются в качестве отдельных разрядов существительные одушевленные и существительные неодушевленные. Иными словами, одушевленный и неодушевленный подвиды существительных присущи каждому из родов.

Если в плане содержания семантической доминантой категории рода русского имени существительного является отражение различия между обозначаемыми объектами по полу (биологическому роду), то такой доминантой категории одушевленности – неодушевленности является фиксирование отграничения живых существ (лиц и животных) от объектов, к живым существам не относящихся. Не будь этих семантических доминант, каждый из разрядов, выделенных в рамках той и другой категории, оказался бы чисто формальным.

Логическая связь категории одушевленности – неодушевленности с категорией рода очевидна: именно в первую очередь живые существа подлежат различению по роду, именно в кругу одушевленных существительных проявляется семантическая значимость категории рода.

Основная масса одушевленных существительных распределена между мужским и женским родом. Количество одушевленных существительных среднего рода незначительно. Это, в частности, такие слова, как *чудовище, страшилище, млекопитающее, насекомое, животное, дитя, лицо* (в значении “человек”), *ничтожество*. Семантическая значимость категории рода для них иррелевантна так же, как и для одушевленных существительных мужского и женского рода, не содержащих указания на пол: *человек, индивид, носорог, воробей // персона, особа, тварь, акула*.

Различие между одушевленными и неодушевленными существительными грамматически выражается в том, что при склонении во множественном числе у существительных одушевленных всех трех родов форма винительного падежа совпадает с формой родительного падежа (например, *видеть слонов – повадки слонов, избирать старост – обязанности старост, ловить мышей – возня мышей, ловить насекомых – крылья насекомых*), а у существительных неодушевленных – с формой именительного падежа (например, *расставлять столы – вот столы, ловить мячи – вот мячи, читать книги – вот книги, закрывать двери – вот двери, открывать окна – вот окна, засеять поля – вот поля*). Различие одушевленности и неодушевленности проводится также и в единственном числе, но только в кругу существительных мужского рода I склонения. Здесь также одушевленности отвечает совпадение формы винительного падежа с формой родительного падежа (например, *видеть слона – бивни слона, гладить оленя – прыжок оленя, слушать оратора – выступление оратора*), а неодушевленности – совпадение формы винительного падежа с формой именительного (например, *ставить стол – вот стол, ловить мяч – вот мяч, брать карандаш – вот карандаш*).

Одушевленность – неодушевленность находит также отражение в формах сочетающихся с существительными слов. Это касается формы винительного падежа множественного числа прилагательных (а также причастий, определительных местоимений – словом, всех тех лексических единиц, которым свойственна адъективная парадигма словоизменения) и их формы винительного падежа единственного числа мужского рода, формы винительного падежа числительных *два, оба/обе, три, четыре* и числительных типа *двое, трое*. При одушевленных существительных эти формы винительного падежа не отличаются от форм родительного падежа, а при неодушевленных существительных – от форм именительного падежа: *увидел родных братьев – имущество родных братьев, встретил деревенских старост – собрание деревенских старост, увидел красивых девушек – наряды красивых девушек, заметил пушистых кошек – корм пушистых кошек, разводил разных животных – фото разных животных, увидел старшего брата – дом старшего брата, встретил высокого юношу – костюм высокого юноши* (в данном случае с существительным мужского рода II склонения именно у согласуемого с существительным слова, а не у самого существи-

тельного винительный падеж внешне совпадает с родительным), *посетил двух / двоих друзей – отъезд двух / двоих друзей, поймал трех голубей – оперенье трех голубей, наряжать четырех подруг – наряды четырех подруг, любить обеих сестер – успех обеих сестер // {вижу, вот} {новые дома, большие комнаты, широкие окна, новый дом, два стола, три книги, обе тетради, двое ножниц}*.

Исключительно синтаксически выражается одушевленность – неодушевленность несклоняемых (одноформенных) существительных: *вижу {нового конферансье, серого пони, взрослых кенгуру, знатных леди} // вижу {вечерний Токио, маршрутные такси, широкие авеню}*.

Категорию одушевленности – неодушевленности имени существительного русского языка характеризует ряд моментов частного характера, знаменующих разные виды преломления ее семантической доминанты:

1. Грамматически к одушевленным существительным относятся такие слова, как *кукла, марионетка, пешка, ферзь, валет, туз, покойник, мертвец*.

2. Одушевленные существительные сохраняют свои грамматические показатели одушевленности и при обозначении ими неодушевленных объектов. См.: а) *змей* (воздушный), *конь* (гимнастический); б) *король, конь, дама, слон* в качестве названий игровых карт и/или шахматных фигур; в) “*Обломов*” (*читать “Обломова”*), “*Подросток*” (*А пока я написал лишь “Подростка” – эту первую пробу моей мысли* (Ф. Достоевский)), “*Гамлет*” (*ставить “Гамлета”*), “*Бедные люди*” (*прочитать “Бедных людей”*), “*Соловей*” (*мне не удалось дочитать “Соловья” в школе* (М. Горький)).

3. Неодушевленные (семантически и грамматически) существительные при их употреблении в переносном значении для обозначения лиц приобретают грамматические свойства одушевленных. См.: *мешок* (о неуклюжем человеке), *тюфяк* (о вялом человеке), *тряпка* (о бесхарактерном человеке), *шляпа* (в значении “растяпа”), *пень* (о тупом, бесчувственном человеке), *тип* (о человеке, выделяющемся какими-либо особыми свойствами, приметами), *колпак* (в значении “простак”) [72, с. 157; 31, с. 158-159].

4. Многозначные существительные, сочетающие в своей семантической структуре значение одушевленности (точнее – лица) и неодушевленности, проявляют грамматические свойства соответственно одушевленных и неодушевленных существительных. См.:

спасатель (специалист по спасательным работам ~ спасательное судно), *истребитель* (летчик истребительной авиации ~ боевой самолет), *дворник* (работник, поддерживающий чистоту, ~ устройство для вытирания смотрового стекла).

5. Существительные (имена собственные) *Марс*, *Юпитер* – неодушевленные как названия планет (*лететь на Марс*, *изучать Юпитер*) и одушевленные как названия богов (*надеяться на Марса*, *читать Юпитера*) [31, с.158].

6. Существительные *бацилла*, *микроб*, *бактерия*, *куколка* (насекомого), *личинка* (насекомого, червя), *зародыш*, *эмбрион* употребляются и как одушевленные, и что в большей мере отвечает норме современного русского языка, как неодушевленные.

7. В состав таких словосочетаний, содержащих одушевленные существительные, как *идти в солдаты*, *взять в работники*, *рекомендовать в председатели*, *поступить в актеры*, *произвести в офицеры* (обозначается переход лица или лиц в другое состояние или положение в порядке приобщения к определенной функциональной совокупности лиц), форма винительного падежа совпадает с формой именительного, а не родительного падежа.

8. Из существительных *pluralia tantum* к одушевленным принадлежат *ребята*, *девчата*, *родители*, *люди*, *дети*.

9. Грамматически неодушевленными являются существительные – названия совокупностей людей или животных: *толпа*, *стадо*, *стая* и т.п.

В пунктах 3–5 оттеняется семантическая доминанта категории одушевленности – неодушевленности, а в пункте 1 она затемнена. Языковые факты, отмеченные в пункте 2, говорят об устойчивости граммемы одушевленности. В пункте 6 очерчена сфера колебания в фиксации принадлежности существительных к разряду одушевленных или неодушевленных. В пункте 7 наблюдается отклонение от общего правила выражения одушевленности, а в пункте 8 грамматическая одушевленность имен отвечает их лексическому значению. Пункт 9 значим как простая констатация положения дел.

В соответствии с набором флексий у слов, согласуемых с существительными, последние делятся на семь согласовательных классов. Шесть классов отличаются тем, что каждому из них отвечает определенное совмещение одной из трех (м., ж., ср.) граммем рода с граммемой одушевленности или неодушевленности (например, м. + одуш.: *брат*, *слон*; м. + неодуш.: *дом*, *стол*; ж. + одуш.:

сестра, ворона; ж. + неодуш.: *книга, дверь*; ср. + одуш.: *чудовище, насекомое*; ср. + неодуш.: *окно, поле*), а седьмым классом охватываются существительные *pluralia tantum* типа *сани, брюки, ножницы* (в отличие от *ребята, девочки*), которым приписывается принадлежность к особому роду – парному [6. с. 164-165].

Как и в русском языке, в хинди тоже семантическая значимость категории рода проявляется в кругу одушевленных существительных. Именно последним (а точнее, многим из них) присуще свойство отражать естественный пол денотатов. Однако утверждать, что хинди располагает грамматической категорией одушевленности – неодушевленности, нет оснований. Противопоставление одушевленных и неодушевленных существительных носит в хинди, как и в других новых индоарийских языках, в основном лексико-семантический характер. Выдвигаемый же в качестве грамматического критерия способ (или вид) оформления имени объекта действия при переходных глаголах (применительно к хинди это или форма косвенного падежа с послелогом *ko*, т.е. падежно-послеложная форма на *ko* существительного, или форма прямого падежа) представляется, как было показано Г.А. Зографом [64, с. 62-63; 65, с. 246-248; 66, с.194], скорее приемлемым для отграничения (причем на фоне семантической оппозиции *определенность / неопределенность*) существительных личных от существительных, личными не являющихся, в круг которых включаются и существительные – наименования животных. Но данный критерий нельзя признать решающим для того, чтобы и за противопоставлением личных и неличных существительных видеть наличие в хинди классифицирующей грамматической категории личности – неличности, или категории персональности.

Падежно-послеложная форма на *ko* обычна для выраженного личным существительным имени объекта при переходном глаголе:

māine beṛe ko hṛday se lagā liyā aur rone lagī (ST, 88) ‘Я пришла с ы н а к сердцу и заплакала’,

...*harbans baire ko bulākar bil adā kar diyā*... (RA, 37) ‘...Харбанс подозвал о ф и ц и а н т а и расплатился по счету...’,

māṇe kiśī laṛkī ko is tarah khulkar hāste nahī dekhā thā jis tarah nīlimā hāstī thī (RA, 41) ‘Я не видел ни одной д е в у ш к и, которая смеялась бы так заливисто, как Нилима’.

nange ādmī ko jabrālī dozakh mē dhakel degā (YD, 52) ‘Голого ч е л о в е к а Джебраил сразу же отправит в ад’.

ek bār mī cādnī cauk se guzar rahā thā ki māṇe ek sundar yuvatī ko dekhā jo tāge mē baiṭhī pāydān par pāṇ rakhe apnī sundartā ke naṣe mē ḍubī calī jā rahī thī... (KE, 14) ‘Однажды, шествуя по Чандни-Чаук, я увидел красивую д е в у ш к у, которая, упоенная своей красотой, сидела в движущейся тонге, свесив ноги на подножку...’.

Но при этом тем обстоятельством, что на выбор способа оформления существительного в соответствующей позиции влияет ряд факторов, не исключается возможность появления личных существительных и в прямопадежной форме:

vahā apne diler sipāhī rakhūgā (CC, 57) ‘Там [я] размещу своих храбрых в о и н о в,

usne ek caprāsī mere sāth kar diyā (KE, 35) ‘Он дал мне в провозатые о д н о г о и з п о с ы л ь н ы х’.

...māṇe aisī sundar strī kabhī nahī dekhī thī (PN, 129) ‘...я никогда не видела такой красивой ж е н щ и н ы’.

pulis ne baṛī tatpartā se sab ḍikū girafstār kar ḍāle (CC, 94) ‘Полиция с необычайным проворством арестовала всех г р а б и - т е л е й’.

tīsre din rūpā khet mē usse milī. usne pūchā – rupiyā, tūne siliyā kī laṛkā dekhā! (P, 346) ‘На третий день он повстречался в поле с Рупой. Он спросил: «Рупа, ты видела с ы н а Силии?»’.

Оба варианта кодирования представленного личным существительным имени объекта наглядно иллюстрирует каждый из следующих примеров:

ve samajhte the, mī kiśī lakhpatī kī beṭī pasand karūgī, parantu mī ne ek kavi ko cunā (ST, 190) ‘Он полагал, что я предпочту с ы н а какого-нибудь миллионера, однако я выбрала п о э т а’.

– *inspāṭar sāhab, mī isī havelī mē rahūgā. aur agar āp merī hifāzat karnā hī cāhte hāi to pahre par kuch saṣāstra kānṣṭebal lagā dījiegā. – jaisī āp kī icchā, – inspāṭar mehtā uṭh khare hue. – mī ne āp ko maṣvarā diyā thā. khair, mī rāt ko saṣāstra kānṣṭebalō ko pahre par lagā dūgā* (SK, 72) ‘– Господин инспектор, я в этом особняке останусь. А если вы защитить меня хотите, то, пожалуйста, отрядите в караул несколько вооруженных п о л и с м е н о в. – Как вам

угодно, – привстал инспектор Мехта. – Я просто дал вам совет. Ну ладно, я ночью отряжу в караул вооруженных п о л и с м е - н о в.

Итак, имя объекта при переходном глаголе, представленное личными существительными, кодируется с формальной точки зрения так же, как и имя объекта, представленное разного лексического значения существительными, не обозначающими лицо. Дело сводится к выбору одной из двух форм: прямопадежной формы или косвеннопадежной формы с послелогом *ko*. Это значит, что отмеченные способы оформления имени объекта при переходном глаголе не являются жестко привязанными ни к противопоставлению существительных по признаку личности / неличности, ни тем более к их противопоставлению по признаку одушевленности / неодушевленности. Нельзя не признать справедливым следующее утверждение А.Т. Аксёнова “...на основе оппозиции двух форм (прямого падежа и общекосвенного падежа с послелогом *ko*) классы личных – неличных и одушевленных – неодушевленных существительных на грамматическом уровне регулярно не различаются” [4, с. 133].

Одним словом, “поведение” личных существительных в позиции имени объекта действия при переходном глаголе не дает оснований для того, чтобы говорить о наличии в хинди классифицирующей грамматической категории личности – неличности. Оно вместе с тем не дает оснований для того, чтобы усматривать в личных существительных нечто большее, чем лексико-семантический разряд имени существительного в кругу существительных одушевленных.

Однако кореферентные с личными существительными местоимения принимают в позиции имени объекта действия при переходном глаголе активного залога только форму косвенного падежа с послелогом *ko* или эквивалентную ей форму объектного падежа:

– *vah kaun ādmī thā jisko āpne mār dālā – māī use pahle se nahī jāntā thā* (CC, 25) ‘– Что это за человек, к о т о р о г о вы убили? – Я е г о прежде не знал’,

isī samay hāth mē gharā aur rassī liye vah ahīrin ghar se bāhar niklī. use dekhte hī vah puruṣ jhapṭkar uske pās pahūcā (UK, 24) ‘В это же время молочница с горшком и веревкой в руках вышла из дома. Завидев е е , мужчина стремительно подскочил к ней,’

vinod ne haṭṭbarā kar ranjīt aur roṣan ko ṭaṭolā. unke sīne kī dharkan saḥī-salāmat thī. vinod aur varmā sāhab ne unke hāth-pair kholkar unhē bistar par liṭā diyā (SK, 91) ‘Винод поспешно оцупал Ранджита и

Рошан. Сердце у них билось нормально. Винод и господин Варма освободили от пут их руки и ноги и уложили и х на постель’.

В отличие от них местоимения, кореферентные с неодушевленными существительными, проявляют способность занимать отмеченную выше позицию и в прямопадежной форме:

merī patnī ne apne ābhūṣaṇḍ kī poṭlī bagal mē dabā rakhī thī. vah faujiḍ ne chīn lī ... (GD, 45) ‘Узелок со своими драгоценностями моя жена крепко держала под мышкой. Солдаты же вырвали е г о [у нее]...’,

ve patthar haṭāye gae. sacmuc ve kisī ne vahā ikaṭṭhe kiye the, unkā ḍher lagā diyā thā (CC, 32) ‘Эти камни были убраны. Несомненно, и х кто-то там собрал в целую грудy’,

pahlā kām jo usne kiya vah thā maṭrū kā vadh (VM, 491) ‘Первым делом, к о т о р о е он совершил, была казнь Матру’.

Функционированию личных существительных в предложениях присущ ряд особенностей:

Именно личные существительные, принимая падежно-последнюю форму на *se*, наделяются семантической функцией субъекта действия в предложениях с глагольной формой инактивного залога:

āge ek śabda bhī āgantuk se nahī bolā gayā... (ND, 139) ‘Н е з н а к о м е ц не смог больше вымолвить ни слова...’,

ratnā se yah sab nahī dekhā gayā... (BS, 190) ‘Р а т н а не могла смотреть на все это...’,

biśnī se khare na rahā gayā... (YB, 111) ‘Б и ш н и стоять больше не могла’.

В предложениях, воплощающих аффективные конструкции, данная семантическая функция закрепляется за личными существительными в падежно-последней форме на *ko*:

rogī ko kuch na sun parā [135, с. 432] ‘Б о л ь н о й ничего не услышал’,

bhāī ko kal nahī ā milā [168, с. 89] ‘Б р а т вчера не мог прийти’.

Не будучи строевым компонентом базовой конструкции глагольных предложений, личное существительное в падежно-последней форме на *se*:

1) наделяется семантической функцией субъекта такого действия, для обозначения которого в языке имеется переходный глагол того же корня, что и производный каузативный глагол, помещенный в предложении:

purī ne gil ko svayam na likh kanak se patra l i k h v ā y ā (YB, 361) ‘Сам писать Гилу Пури не стал, а попросил К а н а к у написать письмо’ (ср. *likhnā* ‘писать’),

kisān adhiktar pathān the. ve svayam khetī nahī karte the balki usī tarah mazdūrō se k a r v ā t e t h e jaise ki brāhmaṇ thākur karvāte hāī (NM, 145) ‘Крестьяне были преимущественно патанами. Сами они землю не обрабатывали, а подобно тому, как это делают брахманы и тхакуры, нанимали для обработки земли р а б о - ч и х ’ (ср. *khetī karnā* ‘обрабатывать землю’, ‘заниматься земледелием’),

kuṭī se gangāprasād ne apnā bistar bīc vālī barth par b i c h v ā d i y ā (VB, 277) ‘Носильщику Гангапрасад свою постель велел расстелить на средней полке’ (ср. *bichānā* ‘стелить’, ‘расстилать’);

2) наделяется семантической функцией субъекта такого действия, для обозначения которого в языке имеется переходный глагол того же корня, что и медиопассивный глагол, помещенный в предложении:

aur do-cār bār vah pres ke mainejār se bhī burī tarah p i ṭ ā (KA, 149) ‘А несколько раз его сильно поколотил и сам у п р а в - л я ю щ и й типографией’ (ср. *pīṭnā* ‘бить’, ‘подвергать побоям’),
use yād āyā, kaise ek bār jab vah badmāšō se g h i r g a y ā t h ā is charī ne uskī jān bacāyī thī (CC, 125) ‘Он вспомнил, как однажды, когда его окружили х у л и г а н ы , эта трость спасла ему жизнь’ (ср. *ghernā* ‘окружать’);

3) называет субъекта в предложениях, предикативный центр которых образуется (в рамках активно-субъектной конструкции) формой одного из таких глаголов, как *honā* ‘быть’, ‘становиться’ (> ‘совершаться’, ‘происходить’), *bannā* ‘делаться’, ‘становиться’, ‘создаваться’, *calnā* ‘идти’, ‘двигаться’, и именем, обозначающим некую деятельность или ее результат:

yahī a p a r ā d h yadi daftar ke kisī dūsre ādmī se h o t ā , to māī is par itnā dhyān na detā... (ST, 27) ‘Если бы этот проступок совершил кто-либо другой (букв. какой-либо другой ч е л о - в е к) из офиса, то я не уделил бы этому столько внимания...’,

nasīruddīn kab kis vakt kyā cāhtā hai yah samajhne mē dūlārī se kabhī c ū k hī na h o t ī t h ī ... (NM, 261) ‘Д у л а р и всегда безошибочно угадывала, чего в данный момент желает Насируддин’ (ср. *cūk* ‘ошибка’, ‘промах’),

vah koī aisā praśna karnā cāhte the jiskā j a v ā b mansārām se na b a n p a r e (PN, 75) ‘Он хотел задать такой вопрос, на который у М а н с а р а м а не нашлось бы ответа’,

muhalle ke choṭe baccō se bhī k ā m c a l s a k t ā h a i ‘Эта работа может быть выполнена маленькими д е т ь м и квартала’ [108, с. 228];

4) называют субъекта действия, обозначаемого глаголом в форме адвербиального имперфективного причастия при выполняющем служебную функцию глаголе *bannā* ‘делаться’, ‘становиться’, ‘создаваться’:

patnī se lāj ke māre kuch k a h t e na banā (JK, 8) ‘Ж е н а от смущения ничего сказать не могла’,

sāle aur sasur se jo bhī k a r t e banā unhō ne kiya (GG, 39) ‘Ш у р и н и т е с т ь сделали всё то, что было в их силах’.

Не будучи строевым компонентом базовой конструкции предложений, личное существительное с послелогом *ko*:

(1) наделяется семантической функцией субъекта такого стимулируемого ради него (субъекта) действия, для обозначения которого в языке имеется переходный глагол того же корня, что и производный понудительный глагол, помещенный в предложении:

vah prātaḥkāl gobar ko hāth-mūh d h u l ā k a r aur bacce ko use sāṅpkar ghās chīlne nikal jātī... (P, 288) ‘Утром она помогла Г о б а р у умыться и, оставив на его попечение ребенка, уходила жать траву...’ (ср. *hāth-mūh dhonā* ‘умываться’, букв. ‘мыть руки - лицо’),

us ne aur uske bete ne kuch apnī yād se, kuch purāne phaṭe kāgazō ko dekhkar thānedār ko ek fehrist un logō kī b a n v ā d ī, jinhō ne uskī banī kulhārīyā kharīdī thī (CC, 88) ‘Он (кузнец. – В.Л.) и его сын частично по памяти и частично по записям в старых истрепанных бумагах помогли начальнику полицейского участка составить список тех лиц, которые купили изготовленные им (кузнецом) топоры’ (ср. *fehrist banānā* ‘составлять список’);

(2) в предложениях, выражающих долженствование, называет субъекта действия, которое обозначается глаголом в форме инфинитива в сочетании:

– с предикативным наречием *cāhiye (cāhie)* ‘нужно’, ‘надо’, ‘следует’, ‘желательно’,

– с глаголом *honā* ‘быть’, ‘становиться’ (> ‘надлежать’, ‘следовать’, ‘предстоять’),

– с глаголом *paṛnā* ‘падать’, ‘случаться’, ‘доставаться на долю’ (> ‘приходиться’), например:

а) *sipāhī ko apnā hathiyār hamešā sāth r a k h n ā cāhie, cāhe din ho, cāhe rāt* (CC, 59) ‘В о и н у нужно постоянно держать при себе оружие, будь то день или ночь’, ...*naval ko kisī hālat mē bhuvālī nahī j ā n ā cāhie* (VB, 622) ‘Наваль ни в коем случае не должен ехать в Бхували’;

б) *ḍākiye kā bhī kām poṣṇāsṭur ko hī k a r n ā hotā thā* (ND, 70) ‘Даже обязанности почтальона надлежало исполнять п о ч т м е й с т е р у’, *us vyakti ko kisī kes mē polhorām se salāh l e n ī thī* (BD, 21) ‘Тому ч е л о в е к у необходимо было получить у Польшорама совет по какому-то судебному делу’;

в) *ḍākṭur dev ko moṭar r o k n ī paṛī* (AD, 93) ‘Д о к - т о р у Дэву пришлось остановить автомашину’, *śivanī aur tārā pustak dhūḍh nahī pāyī. lālī ko pustak ke binā hī skūl j ā n ā paṛā* (YB, 226) ‘Шивани и Тара книгу так и не нашли, и в школу [девочке по имени] Л а л л и пришлось отправиться без книги’;

(3) в предложениях с предикативным наречием *cāhiye (cāhie)* ‘нужно’, ‘надо’, ‘следует’, ‘желательно’ без инфинитива обозначает испытывающее в чем-то потребность лицо:

gobar ko rāt ke lie koī thikānā cāhie thā hī (P, 142) ‘Ведь Г о - б а р нуждался в пристанище на ночь’ (букв. ‘Г о б а р у на ночь какое-либо пристанище нужно было ведь’);

(4) в предложениях, отличающихся семантикой потенциальности, называет субъекта действия, обозначаемого глаголом, сочетающимся в форме инфинитива с глаголом *ānā* ‘приходить’:

...*mātā ko aisī śikṣā d e n ī nahī ātī* ... (P, 312) ‘...м а т ь не умеет обучать этому...’;

pati ke krodh se candā ko aur adhik r o n ā ā rahā thā (YD, 182) ‘Из-за гнева мужа Ч а н д е было впору еще пуше расплакаться’;

(5) принимает семантическую функцию субъекта ощущения, восприятия (чувственного, умственного), детерминируемую (за-

данную) семантикой предиката в виде глагола (простого или сложного) или в виде сочетания связочного (полусвязочного) глагола с предикативом, например:

hāl ke antim kone mẽ baiṭhī huī nīśāt ko bhī kuch khaṭak mahsūs huī (NK. 1962. II, 46) ‘Сидящая в дальнем углу зала Н и ш а т тоже ощутила некоторое беспокойство’ (ср. *mahsūs honā* ‘быть ощутимым’),

īśvar ko jo manzūr thā, vah huā (PN, 204) ‘Случилось то, что было угодно Богу’ (ср. *manzūr honā* ‘быть угодным’, ‘быть принятым’),

mis vuḍ ko laṛkiyō kā yah gul-gapārā akhrā... (LK, 105) ‘Для м и с с В у д стал невыносимым этот гвалт, поднятый девушками...’ (ср. *akharnā* ‘быть невыносимым’, ‘быть не по вкусу’, ‘претить’),

uske bacpan kī ek kahānī ham sab baccō ko bahut bhātī thī (BD, 89) ‘Одна история из его детства нам всем, д е т я м , особенно нравилась’ (ср. *bhānā* ‘нравиться’, ‘быть по душе’),

ghar ke logō ko yah suhātā na thā (YD, 174) ‘Д о м а ш н и м это не нравилось’ (ср. *suhānā* ‘нравиться’),

khannā ko yah rāy na jācī (YD, 294) ‘К х а н н а был иного мнения’ (букв. ‘К х а н н е это мнение не понравилось’; ср. *jācnā* зд. ‘нравиться’);

nasīruddīn ko yah salāh bahut māḳūl jācī (NM, 311) ‘Н а - с и р у д д и н у этот совет пришелся по душе’ (ср. *māḳūl jācnā* зд. ‘казаться разумным’),

...gulām husain kā ek kazīn kudasiyā se bahut pyār kartā thā aur kudasiyā ko vah bahut pasand thā (NK. 1962. I, 100) ‘...Один из двоюродных братьев Гулама Хусейна боготворил Кудасию, и К у - д а с и и он тоже очень нравился’ (ср. *pasand honā* ‘нравиться’),

...aur madan kī yah bāt bhī un logō ko bahut pasand ātī thī (NK. 1962. I, 98) ‘...и эта особенность Мадана тоже была л ю д я м по душе’ (ср. *pasand ānā* ‘нравиться’),

ninnī ko yah bhāṣā burī lagī, lākhī ko acchī (VM, 116) ‘Н и н н и не понравились эти слова, а Л а к х и понравились’ (ср. *burā lagnā* ‘не нравиться’, букв. ‘плохим казаться’, *acchā lagna* ‘нравиться’, букв. ‘хорошим казаться’),

in ālocakō ko kahāṁ kṛyā dikh jāe, yah ham nahī kah sakte (NK. 1962. IV, 44) ‘Что где привидится этим к р и т и к а м , сказать мы не можем’ (ср. *dikhnā* ‘виднеться’),

...*pānī kī patlī-sī satah par dīkṭar ko apnā hī cehrā dikhāī parā* (NK. 1961. XI, 35) ‘...на зыбкой поверхности воды доктор увидел (букв. доктору стало видимым) свое же лицо’ (ср. *dikhāī parnā* ‘показываться’, ‘проявляться’, ‘становиться видимым’),

logō ko keval itnā nazar āyā ki uske hōṭh kṛp rahe hāī (NK. 1962. IV, 81) ‘Людям бросилось в глаза лишь то, что у него дрожат губы’ (ср. *nazar ānā* ‘показываться’, ‘появляться’, ‘попадать в поле зрения’),

lākhī ko lag rahā thā māno hāth mē indra kā vajra ā gayā ho (VM, 49) ‘Лакхи казалось, будто в руке у нее ваджра Индры’ (ср. *lagnā* зд. ‘казаться’),

... *ādmī ko kitnā bal lagānā partā hai, yah balbūr ko acchī tarah mālūm ho gayā thā* (NK. 1962. IV, 63) ‘...Балбир [на своем опыте] познал (букв. Балбиду стало хорошо известным), сколько усилий приходится прилагать человеку’ (ср. *mālūm ho jānā* ‘становиться известным’),

is sambandh mē jvālāprasād ko koī uttar nahī sūjhā aur ve cup ho gae (VB, 41) ‘Джаваласад не нашелся что ответить (букв. Джаваласаду не пришел на ум ответ) на это, и он замолчал’ (ср. *sūjhnā* ‘приходить на ум’, ‘приходить в голову’),

bālak ko māta yād āyī (PN, 179) ‘Ребенку вспомнилась мать’ (ср. *yād ānā* ‘вспоминаться’, ‘приходить на память’),

sikandar ko gvāliyār kī hār kabhī nahī bhūlī (VM, 482) ‘Сикандар не забыл своего поражения (букв. Сикандару не забылось поражение) под Гвалиором’ (ср. *bhūlnā* зд. ‘забываться’, ‘предаваться забвению’),

ek-ek kṣaṇ rājārām ko pahār ho rahā thā (YD, 244) ‘Каждый миг был для Раджарамы мучительным (букв. Раджараму становился горой)’ (метафорическое описание состояния лица);

(6) выступает в семантической функции субъекта (носителя) ощущения, восприятия (чувственного, умственного) или определенного (психического, эмоционального, физического или обусловленного внешними по отношению к миру чувств и переживаний лица факторами) состояния или процесса, а также в семантической функции лица-получателя, что в каждом конкретном случае опре-

деляется лексической семантикой имени¹, синтаксически связанного со словоформой (обычно находящегося в предикативной связи с финитной формой) таких глаголов, как *honā* ‘быть’, ‘существовать’, ‘происходить’, ‘случаться’ (а), *rahnā* ‘оставаться’, ‘сохраняться’ (б), *ānā* ‘приходить’, ‘появляться’, ‘наступать’ (в), *milnā* ‘встречаться’, ‘попадаться’, ‘доставаться’, ‘приобретаться’ (г), *lagnā* ‘прикладываться’, ‘прилагаться’, ‘приставать’, ‘восприниматься’, ‘ощущаться’, ‘казаться’ (д), *paṇnā* ‘падать’, ‘случаться’, ‘происходить’, ‘оказываться’ (е)², например:

(а)

sampādakjī ko a s a m b h ā huā... (P, 55) ‘Редактор удивился’ (букв. ‘Редактору удивление появилось’),

bādśāh ko khazāne kī ek kauṛī bhī nijī kharc mē lāne kā a d h i k ā r na thā (P, 95) ‘Император не имел права брать из казны для своих личных нужд ни единого гроша’,

dev kī udāsīntā kā a n u b h a v kṛṣṇa aur sarlā donō ko ho rahā thā (AD, 40) ‘Безучастность Дэва ощущали Кришна и Сарла’ (ср. *anubhav* ‘ощущение’),

---

¹ Так, показательны существительные, которые называют какое-либо физическое состояние лица, эмоциональные реакции или состояния, акты проявления воли и поведенческие установки, чувства или переживания как показатели душевных свойств личности, акты проявления мыслительной деятельности (умственные процессы), факторы субъективного характера, определяющие интеллектуальный или творческий потенциал личности, особенности характера личности, факторы жизненных или житейских ситуаций, внешние по отношению к внутреннему миру лиц (лица), которых (которого) они касаются.

² При этом из упомянутых глаголов наиболее широким диапазоном сочетаемости с именами в составе предикативных синтагм располагает глагол *honā*, а присущая глаголам *ānā*, *milnā*, *lagnā*, *paṇnā* семантическая избирательность (каждому своя) относительно имен – членов предикативных синтагм накладывается на их валентное свойство сочетаться с падежно-послеложной формой на *ko* существительного (равно как с такой же формой и формой объектного падежа личного либо кореферентного с существительным местоимения).

...jis prakār purāṇe zamāṇe mē **bādśāhō ko** haram rakhne kī a n u - m a t i hoī thī, usī tarah se ājkal **biznesmain logō ko** haram rakhne kī ā j ṇ ā honī cāhie. isse bahut sī auratō kī śādī kī samasyā hal ho jāegī (NK. 1962 I, 104) ‘...как в старину м о н а р х а м позволялось иметь гарем, так и нынче р а з р е ш е н и е иметь гарем должно быть у б и з н е с м е н о в . Этим для многих женщин будет решена проблема замужества’ (ср. *anumati* и *ājñā* ‘разрешение’, ‘позволение’),

śāyad **ratnaprabhā ko** a p e k ṣ ā thī ki laṛkā calā jāegā (JJ, 100) ‘Р а т н а п р а б х а , вероятно, надеялась, что мальчик уйдет’ (ср. *apekṣā* ‘надежда’),

rāmū ke **grāhakō ko** rāmū ke marne kā a f s o s to zarūr huā ... (KE, 28) ‘К л и е н т ы [прачки] Раму, конечно же, были опечалены его смертью...’ (ср. *afsos* ‘печаль’, ‘грусть’, ‘сожаление’),

...rupaye-paisō kā koī a b h ā v nahī thā **runūdā ko** (NK. 1962. IV, 125) ‘...н е д о с т а т к а в деньгах у Р у н у д ы не было’,

motīrām ko unkī hāsī sunne kā a b h y ā s hotā jātā thā... (GD, 100) ‘М о т и р а м у было привычно слышать их смех...’ (ср. *abhyās* ‘привычка’),

nirmalā ko yadyapi apne ghar kī jhanjhaṭṭ se a v a k ā ṣ na thā, par kṣṇā ke vivāh kā sandeśā pākar vah kisī tarah na ruk sakī (PN, 134) ‘Хотя домашние заботы не оставляли Н и р м а л е с в о б о д н о г о в р е м е н и , она не могла усидеть на месте, когда получила известие о свадьбе Кришны’,

vaise to sabhī **marīzō ko** cīr-cīr karne kī ā d a t hoī hai... (NK, 1962. I, 51) ‘Вообще-то за всеми б о л ь н ы м и водится п р и в ы ч к а раздраженно ворчать...’,

mujhe āśā hai, āpke ātithya-kartā **seṭh mansukhlāl ko** koī ā p a t t i nahī hogī (KE, 112) ‘Я надеюсь, что у оказывающего вам гостеприимство с е т х а М а н с у к х л а л а в о з - р а ж е н и й (букв. какое-либо в о з р а ж е н и е) не будет’,

sambhavataḥ unke hone kā ā b h ā s **ādmī ko** hotā bhī nahī hai... (NK.1962. VI, 22) ‘Возможно, об их существовании ч е - л о в е к даже не отдает себе отчета...’ (ср. *ābhās* ‘представление’),

tumhārī bhābhī ko ab ā r ā m hai, tumhārā byāh dekhne kī use bahut lālsā hai (ST, 109) ‘Твоя невестка теперь довольна, она горит желанием видеть твою свадьбу’ (ср. *ārām* ‘довольство’),

tab bābū sāhab ko ā ś a n k ā huī ki yah ādmī merā pīchā kar rahā hai (PN, 36) ‘Тогда у почтенного [Удайбханулала] возникло опасение, что этот человек сознательно идет за ним следом’,

nakul ko ā ś ā thī ki mādhurī kuch kahegī, kam-se-kam baccī ke bāre mẽ hī kuch pūchegī (NK. 1962. IV, 17) ‘Накуль надеялся, что Мадхури что-либо скажет, по крайней мере спросит о дочурке’ (ср. *āśā* ‘надежда’),

mansārām ko nirmalā se kabhī is bāt kī ā ś ā na thī ki vah uskī śikāyat karēgī (PN, 86) ‘Мансарам никак не ожидал от Нирмалы, что она на него пожалуется’ (ср. *āśā* зд. ‘ожидание’),

uske mitrō ko uskī ucchṛṅkhaltā par ā ś c a r u a ho rahā thā (PN, 106) ‘Его товарищи дивились его несдержанности’ (ср. *āścarya* ‘удивление’, ‘изумление’),

bārah baj cuke the, par ab mālī ko na viśrām kī i c c h ā thī, na lauṇe kī (P, 81) ‘Давно уже наступил полдень, но теперь у Малти не было ни желания отдохнуть, ни желания возвратиться [в лагерь]’,

uskī sundariyā gāy ḍīl-ḍaul mẽ itnī barī aur itnī tandurust thī ki logō ko ī r ṣ y ā hotī thī (JJ, 115) ‘Его королева Сундария была на вид такой крупной и такой ладной, что людям становилось завидно’ (ср. *īrṣyā* ‘зависть’),

kanak ko ṭāge ke kirāye ke liye kabhī k a ṭ h i n ā ī nahī huī thī (YV, 48) ‘А Канак было совсем не трудно нанимать тонгу’ (ср. *kaṭhināī* ‘трудность’),

logō ko bhārī k a ṣ ṭ a thā (ND, 70) ‘Людям приходилось совсем нелегко’ (букв. ‘Людям тяжелое страдание было’),

saroj ko k u t ū h a l huā (P, 162) ‘Сародж удивилась’ (ср. *kutūhal* зд. ‘удивление’),

mahārāj ko k r o d h nahī thā fīrozī par... (US, 90) ‘На Фирози махараджа не гневался...’ (ср. *krodh* ‘гнев’),

parantu niranjanlāl ko abhī iskī kuch k h a b a r nahī thī (KK, 30) ‘Однако Ниранджанлал об этом ничего не знал’ (ср. *khabar* ‘весть’, ‘известие’),

tārā kī mñ ko māṣṭar jī kī avyāvahārik buddhi par bhī k h e d hotā thā (YV, 14) ‘М а т ь Тары испытывала о г о р ч е н и е и от непрактичности учителя’,

nūrang jī ko āgrezī ke liye dūsre tyūṭar kī k h o j thī (YV, 28) ‘Н а р а н г весь был в п о и с к а х другого репетитора по английскому языку’,

kampāuṇḍar ko apnī zindādilī par barā g a r v a thā (NK. 1962. IV, 75) ‘Ф а р м а ц е в т кичился своей жизнерадостностью’ (ср. *garva* ‘гордость’),

rājā ko barī g h a b r ā h a t huī (S, 243) ‘Р а д ж е й овладело б е с п о к о й с т в о ’,

...lekin nirmalā ko in bātō se g h ṛ ṇ ā hotī thī (PN, 59) ‘...Но у Н и р м а л ы эти слова вызывали о т в р а щ е н и е ’,

barē bhāt ko parhne kā barā c ā v thā... (ST, 175) ‘У старшего б р а т а была с т р а с т ь к чтению’,

nirmalā ko kṛṣṇā ke viṣay mẽ barī c i n t ā ho rahī thī (PN, 135) ‘Н и р м а л у очень тревожило будущее Кришны’ (ср. *cintā* ‘озабоченность’),

jīyārām ko apne gharvālō se c i ṛ h hotī jāī thī (PN, 156) ‘Д ж и я р а м все больше досадовал на своих домашних’ (ср. *cīṛh* ‘досада’, ‘раздражение’),

dhīre-dhīre rānī ko c e t a n a t ā huī (GD, 256) ‘Постепенно к Р а н и вернулось с о з н а н и е ’,

bacce ko pitā se zyādā mñ kī z a r ū r a t hotī hai (NK. 1962. I, 10) ‘Р е б е н о к больше нуждается в матери, чем в отце’ (ср. *zarūrat* ‘необходимость’, ‘нужда’),

bhagatrām ko bahut zor se z u k ā m ho rahā thā (YV, 129) ‘Б х а г а т р а м а донимала п р о с т у д а ’,

...aparādhiyō ko vakīlō se bhī kahī adhik kānūn kā j ṇ ā n hotā hai (SK, 114) ‘... в з н а н и и закона п р е с т у п н и к и намного превосходят даже адвокатов’ (ср. *jñān* ‘знание’),

par hīrāsīnh ko yah ḍ h ā ṛ h a s thā ki seṭh ke yahñ rahkar gau uskī ākhō ke āge to rahegī (JJ, 117) ‘Но Х и р а с и н х а утешало то, что, оставшись у сетха, корова будет у него перед глазами’ (ср. *dhārhas* ‘ободрение’),

kṣma ko is udās larķī par d a y ā ho āyī hai (NK. 1962. VI, 86) ‘К р и ш н а сжалился над этой печальной девушкой’ (ср. *dayā* ‘жалость’),

baccī ko bhī d i ḱ ḱ a t na hogī (NK, 1962. IV, 21) ‘Д е - в о ч к а т о ж е с т р у д н о с т ь ю н е с т о л к н е т с я’,

fātimā ko banāv-singār se koī d i l c a s p ī nahī thī (NK, 1962. VI, 110) ‘Ф а т и м а н е и н т е р е с о в а л а с ь н а р я д а м и’ (ср. *dilcaspī* ‘интерес’),

manne ko bahut d u k h ho rahā thā. kyā unkī itnī sārī mehnat kā yahī natījā hone vālā thā (GS, 625) ‘М а н н э м у ч и т е л ь н о п е р е ж и в а л . Р а з в е т а к о й р е з у л ь т а т о ж и д а л с я о т в с е х е г о у с и л и й ?’ (ср. *dukh* ‘мучение’, ‘мука’, ‘страдание’),

sab se choṛī vardā ko saroj se islie d v e ṣ thā ki sārā ghar saroj ko hāthō-hāth liye rahtā thā (P, 161) ‘С а м а я м л а д ш а я и з с е с т е р , В а р д а , з а в и д о в а л а С а р о д ж п о т о м у , ч т о в д о м е н о с и л и С а р о д ж н а р у к а х ’ (ср. *dveṣ* ‘неприязнь’, зд. ‘зависть’),

gangadatta ko jñān kā itnā d h y ā n nahī thā (UK, 71) ‘Г а н г а д а т т н е у д е л я л п о з н а н и ю с т о л ь к о в н и м а - н и я’,

ḍīkṭar mehtā ko kām karne kā n a ṣ ā thā (P, 291) ‘Д о к т о р М е х т а б ы л п о г л о щ е н р а б о т о й’ (букв. ‘Д о к т о р у М е х т е р а б о т ы о п ь я н е н и е б ы л о’),

ustād ko apne mālik ke ghore par n ā z thā (NK, 1962. IV, 66) ‘М а с т е р г о р д и л с я к о н е м с в о е г о х о з я и н а ’ (ср. *nāz* ‘гордость’),

hanīf ko apne pūrva kṛtyō par us roz barā p a c h t ā v ā ho rahā thā... (BJ, 230) ‘В э т о т д е н ь Х а н и ф г л у б о к о р а с к а и в а л с я в с о д е я н н ы х п о с т у п к а х ...’ (ср. *pachtāvā* ‘рассказание’, ‘сожаление’),

uskī sahelīyō ko uskī us ādat kā acchī tarah p a t ā thā... (NK, 1962. VI, 110) ‘Е е п о д р у г а м б ы л а х о р о ш о и з в е с т н а э т а е е п р и в ы ч к а ...’ (ср. *patā* ‘весть’, ‘известие’, ‘осведомленность’),

in donō netāō kī to khannā ko p a r v ā na thī (P, 290) ‘О б а э т и л и д е р а К х а н н у н е и н т е р е с о в а л и’ (ср. *parvā* ‘забота’),

hamārī nirmalā ko baccō se p r e m hai (PN, 58) ‘Н а ш а Н и р м а л а л ю б и т д е т е й’ (ср. *prem* ‘любовь’),

dukhmocan ko in kāmō ke lie kataī f u r s a t nahī thī (ND, 160) ‘У Д у к х м о ч а н а д л я э т и х д е л с о в с е м н е б ы л о в р е м е н и ’,

rāt ko śuklā ko kāfī b u k h ā r ho gayā hai (RA, 533) ‘Н о ч ь ю у Ш у к л ы в о з н и к с и л ь н ы й ж а р’,

sardārō ko b h a y hai ki mahārāj unko sakht saṣāyē dēge (ST, 266) ‘С а р д а р ы о п а с а ю т с я , ч т о м а х а р а д ж а и х с у р о в о н а к а - ж е т’ (ср. *bhay* ‘страх’, ‘опасение’),

*use niścay ho gayā ki ab **hem ko** koī b h a y nahī hai* (ST, 7) ‘Она уверилась в том, что теперь Х э м у нечего бояться’ (ср. *bhay* ‘опасение’),

*apne paricītō mẽ keval ek hī aisā vyakti thā, jiske niṣpakṣa vicār par **khaññājī ko** b h a r o s ā thā aur vah ḍākṭar mehtā the* (P, 290) ‘Среди знакомых Кханны был один-единственный человек, на беспристрастное мнение которого о н мог положиться, и этим человеком был доктор Мехта’ (ср. *bharosā* ‘вера’, ‘уверенность’),

*par **gurbacan svīpar ko** is tarah kā koī b h r a m nahī thā* (NK, 1962. I, 53) ‘Но у б о р щ и к у Г у р б а ч а н у такого рода з а б л у ж д е н и е было чуждо’,

*yahā se jākar **ṣuklā ko** kuch m i t l ī - i t l ī bhī huī thī* (RA, 533) ‘Ш у к л у, когда она ушла отсюда, стало тошнить’ (ср. *mitlī* ‘тошнота’),

*phir **bālakō ko** bhī apne gharāūde se – apnī kāgaz kī nāvō se – apne lakṛī ke ghorō se m a m t ā hoī hai* (PN, 153) ‘Но д е т и все же любят свои игрушечные домики, свои бумажные кораблики, своих деревянных лошадок’ (ср. *mamtā* ‘любовь’, ‘привязанность’),

***mahārājkmār ko** nīd na āne kā r o g thā* (UK, 63) ‘П р и н ц страдал бессонницей’ (ср. *rog* ‘болезнь’),

***bāzāz ko** unkā bahut l i h ā z thā* (ST, 151) ‘Т о р г о в е ц т к а н я м и относился к ней с большим п о ч т е н и е м’,

*...lekin mātī jāntī hū ki is **ādmī ko** ab mujh se v i r a k t i ho rahī hai...* (JT, 69) ‘...но я знаю, что теперь этот ч е л о в е к относится ко мне безучастно...’ (ср. *virakti* ‘безразличие’, ‘равнодушие’, ‘безучастность’),

*...aur jab **ḍākṭar sāhab ko** unke praśna par uttar dene mẽ ek kṣaṇ kā v i l a m b huā, tab to unke prāṇ nahī mẽ samā gaye* (PN, 115) ‘...и когда в р а ч чуть помедлил с ответом на его вопрос, сердце у него замерло’ (ср. *vilamb* ‘промедление’),

***rāysāhab ko** uspar rupaye-paise ke māmle mẽ pūrā-pūrā v i ṣ v ā s thā* (ST, 62) ‘П а й с а х и б полностью полагался на него в денежных делах’ (ср. *viśvās* ‘вера’, ‘доверие’),

*abhāgā thānedār jis **ḍhang se** chān-bīn kar rahā thā, usse **jī-yārām ko** baṛī ś a n k ā ho rahī thī* (PN, 174) ‘Д ж и я р а м а сильно тревожило то, как этот проклятый тханедар вел расследование’ (ср. *śankā* зд. ‘страх’, ‘боязнь’),

jahāpanāh, un logō ko ś a k hai ki kisī ne rassī kāṭ dī (VM, 290) ‘Повелитель, у этих лю д е й е с т ь п о д о з р е н и е , что кто-то перерезал веревку’,

...lekin horī ko iskī zyādā ś a r m na thī (P, 9) ‘...но это Х о р и не очень-то смущало’ (ср. *śarm* ‘стыд’, зд. ‘смущение’),

mā ko pahle mere bolne se ś i k ā y a t thī ... (NK. 1962. I, 74) ‘Прежде м а т ь жаловалась на мою болтовню...’ (ср. *śikāyat* ‘жалоба’),

motīrām ko thekā na milne kā bhārī ś o k thā (GD, 96) ‘М о т и р а м сильно расстроился из-за того, что ему не достался подряд’ (ср. *śok* ‘расстройство’, ‘огорчение’, ‘сожаление’),

misez khannā ko kavita likhne kā ś a u k thā (P, 58) ‘М и с с и с К х а н н а питала с т р а с т ь к сочинению стихов’,

mehtā ko kaṭu satya kahne mẽ s a n k o c na hotā thā (P, 85) ‘М е х т а не стеснялся говорить горькую правду’ (ср. *sankoc* ‘стеснение’),

śrīmatī coprā ko apnī naukarī se pūrā s a n t o ś thā ... (NK, 1961. XI, 118) ‘Г о с п о ж а Ч о п р а была вполне довольна своей службой’ (ср. *santoś* ‘удовлетворение’),

...parantu okāndagā ko lekar nāv mẽ jāne se rājā ke ādmiyō ko hamāre ūpar s a n d e h hogā (SA, 78) ‘...но если мы отплывем в лодке вместе с Окандагой, то п о д о з р е н и е п о д - д а н н ы х вождя падет на нас’,

pairō ke ye niśān gorile ke hāī is viṣay mẽ mekārūrū ko kuch bhī s a n ś a y nahī thā, kyōki vah isse pahle bhī gorile se paricit thā (SA, 91) ‘В том, что это следы гориллы, у М е к а р у р у не было ни малейшего с о м н е н и я , потому что он уже был знаком с повадками горилл’,

mere muvakkil ko sazā ho gaī (PN, 188) ‘Моего к л и е н т а осудили’ (ср. *sazā* ‘наказание’),

sūd jī ko lekh paṛhne kā s a m a y nahī thā (YB, 546) ‘У С у д а не было в р е м е н и читать статью’,

kaimp ke prabandhakō ko pīrit striyō ke prati pūrī s a h ā - n u b h ū t i thī (YB, 118) ‘А д м и н и с т р а т о р ы лагеря искренне сочувствовали пострадавшим женщинам’ (ср. *sahānubhūti* ‘сочувствие’, ‘сострадание’),

ham logō ko to uskā s a h ā r ā thā (YV, 332) ‘Н а м (букв. н а м л ю д я м) он был о п о р о й ’,

unke pīche jāne kā s ā h a s candā ko na huā (YD, 182) ‘Идти вслед за ним Ч а н д а не отважилась’ (ср. *sāhas* ‘смелость’, ‘отвага’),

jitnā s u k h kisī bhikhārī ko yah sunkar hotā hai ki tumhē rāj mil jāegā us se adhik sukh mujhe ḍāktar sāhab ke is vacan se huā (ST, 89) ‘От этих слов доктора я испытал радость отнюдь не меньшую, чем та р а д о с т ь, какую испытывает какой-нибудь н и щ и й, услышав, что ему достанется царство’,

jansādhārāṇ ko ye cīzē kharīdne mē zarā s u v i d h ā ho jāegī (KE, 179) ‘У п р о с т ы х л ю д е й появится возможность покупать все эти вещи’ (ср. *suvidhā* ‘благоприятные условия’),

horī ko to apnī cir sancit abhilāṣā ke pūre hone kā h a r ṣ a thā... (P, 26) ‘Х о р и радовался осуществлению своей давней мечты...’ (ср. *harṣa* ‘радость’),

dayāśankar ko bhī use bulāne hī h i m m a t nahī hotī (SN, 45) ‘Даже Д а я ш а н к а р не отваживается позвать ее’ (ср. *himmat* ‘отвага’, ‘смелость’),

udhar caprāsī ko bhī h u k m huā ki logō ko yahī se haṭāo (KK, 113) ‘Затем и п о с ы л ь н о м у последовал п р и к а з, чтобы он удалил оттуда людей’,

kisī garīb camār ke pāc varṣa ke putra ko h a i z ā ho gayā thā (UK, 30) ‘Пятилетнего с ы н а одного бедного кожевника одолела х о л е р а’;

(6)

pitā kā yah sneh bigār na de, is bāt kā merī matā ko khās k h a y ā l rahtā thā (JT, 10) ‘Мою м а т ь особенно беспокоила м ы с л ь о том, как бы отец этой любовью не избаловал ее (свою младшую сестру. – В.Л.)’,

mālakin ko duniyā-bhar kī c i n t ā ē rahtī hāī, bhojan kab karē (PN, 135) ‘У х о з я й к и з а б о т полон рот, так что и поест ей некогда’,

miṣṭar hasbeṇḍ ko to khāne kī f i k r hī na rahtī thī (P, 57) ‘М и с т е р у Х а с б э н д у было не до того, чтобы думать об еде’ (ср. *fikr* ‘мысль’),

is sāl manne ko ken-inspektārī ke lie arzī bhejne kā h o ṣ hī na rahā (GS, 544) ‘В этом году М а н н э не пришло в голову отпра- в л я т ь з а я в к у на должность инспектора’ (ср. *hoṣ* ‘созна- ние’);

(в)

...*bacce ko pair calāne mē jaise ek ā n a n d ā rahā thā* (NK. 1962. IV, 112) ‘...р е б е н о к словно радовался, суча ножками’ (ср. *ānand* ‘радость’),

ispar motīrām ko aur bhī k r o d h āyā (GD, 41) ‘На это М о т и р а м еще больше рассердился’ (ср. *krodh* ‘гнев’),

rahīngul kī bīvī ko mahīnō se k h ā s ī ātī thī (YD, 21) ‘Ж е н у Рахимгула из месяца в месяц донимал к а ш е л ь’,

akhil ko barā g u s s ā ā gayā (NK. 1962. I, 43) ‘А к х и л не на шутку рассердился’ (ср. *gussā* ‘гнев’),

...*mansārām ko j v a r ā gayā hai* (PN, 97) ‘...У М а н - с а р а м а ж а р’,

inhī vicārō mē paṛe-paṛe munṣṭī ko ek j h a p k ī ā gaī (P, 118) ‘Обуреваемый такими мыслями, м у н ш и [Тотарам] незаметно задремал’ (ср. *jhapkī* ‘дремота’),

nirmalā ko is vakt unpar barī d a y ā ātī (PN, 195) ‘Теперь Н и р м а л а прониклась ж а л о с т ь ю к нему’,

...*thīk isī prakār tārā ko prem kā yah saccā aur pavitra dṛṣya dekhkar apne durdaiv kā d h y ā n āyā* (ST, 36) ‘...точно так же при виде проявления этой истинной и светлой любви Т а р а вдруг с горечью подумала о своей невзгоде’ (ср. *dhyān* ‘внимание’, ‘мысль’),

bahut din ke bād us rāt prakāś ko gahrī n ī d ātī thī (NK. 1962. I, 24) ‘После многих бессонных дней этой ночью П р а к а ш заснул глубоким с н о м’,

pītā ko mujhe rulāne mē m a z ā ātā hai... (P, 83) ‘О т ц у нравится доводить меня до слез’ (ср. *mazā* ‘удовольствие’),

buddhe tāūs ko m i t l ī āne lagtī hai (RA, 341) ‘Старого Т а у с а начинает тошнить’ (ср. *mitlī* ‘тошнота’),

motīrām ko māthur kī y ā d ā gaī (GD, 163) ‘М о т и р а м вспомнил о Матхуре’ (*yād* ‘память’),

purī ko sāmne sir jhukāye baitḥī striyō ko dekhkar l a j j ā ā gayī (YV, 472) ‘Увидев перед собой сидящих со склоненной головой женщин, П у р и смутился’ (ср. *lajjā* ‘стыд’, ‘смущение’),

ceyrmāin sāhab ko aur bhī v i ś v ā s nahī āyā (KE, 37) ‘Г о с п о д и н п р е д с е д а т е л ь опять не поверил’ (ср. *viśvās* ‘вера’),

harek sīā ko h ā s ī ā gaī (NK. 1962. II, 26) ‘Х а - р е к р и ш н у разобрал с м е х’,

vinod ko dhīre-dhīre h o ś āne lagā (SK, 89) ‘Постепенно В и - н о д у стало возвращаться с о з н а н и е’;

(г)

mahāsinh ko kadācit hī kabhī pahle aise pyāre śabdō ke sunne kā a v a s a r milā ho (PDd, 37) ‘Вряд ли когда-нибудь раньше М а х а с и н х у довелось (букв. представился с л у ч а й) слышать такие теплые слова’;

śivanāth ko prati tīsre mās bīs minaṭ ke liye ghar ke logō se milne kī ā j ñ ā miltī thī (YD, 35) ‘Через каждые три месяца Ш и в а - н а т х получал р а з р е ш е н и е на двадцатиминутное свидание со своими домашними’;

un cīriyō ko dekhkar mujhe jitnā ānand ho rahā thā bandarō kī kīckicāhaṭ sunkar unkī uchal-kūd dekhkar mahendra ko usse kahī adhik ā n a n d mil rahā thā (SA, 38) ‘Слыша, как обезьяны клацают зубами, и смотря на их ужимки и прыжки, М а х е н д р а радовался гораздо больше, чем радовался я, глядя на этих птиц’ (ср. *ānand* ‘радость’),

phir pratyek atithi kī haisiyat ke mutābik uske bacce ko u p a - h ā r milā (NK. 1962. VI, 61) ‘Потом в соответствии с рангом каждого гостя его р е б е н о к получил п о д а р о к’;

...mere mālik ko aur mujhe bhī vahā ke kām se c h u ṭ ṭ ī mil gaī (KE, 8) ‘...мой х о з я и н и я с ним избавились от работы там’ (ср. *chutī* ‘избавление’),

uskī bāt se ham logō ko ḍ h ā ṛ h a s a vaśya milā... (PJ, 53) ‘Его слова нас (букв. нас, л ю д е й), конечно же, ободрили...’ (ср. *ḍhārhas* ‘ободрение’),

badmāśō ko zarā sī ḍ h ī l milī ki badmāśī śurū kar dī (CC, 98) ‘Лишь только стоит дать х у л и г а н а м хоть пустяковое п о с л а б л е н и е, так они сразу же начнут хулиганить’;

vazīr ko sṭeṭ baīnk se t a n k h v ā h miltī hai... (KE, 34) ‘М и н и с т р получает ж а л о в а н ь е из Государственного банка...’;

...mere kāraṇ becāre rāmū kī vidhavā ko n a u k a r ī mil rahī hai... (KE, 85) ‘...благодаря мне у в д о в ы несчастного Раму есть р а б о т а ...’;

totārām ko apnā prem dikhāne kā yah bahut hī acchā m a u k ā milā (PN, 62) ‘Т о т а р а м у представился весьма удобный с л у ч а й выказать свою любовь’;

horī ko ek sau bīs r u p a e mile (P, 188) ‘Х о р и причиталось сто двадцать р у п и й’,

balbīr ko ātma-svīkṛti se baṛī ś ā n t i mil rahī thī (NK. 1962. IV, 70) ‘Изливая душу, Б а л б и р обретал с п о к о й с т - в и е’,

sab ~~ch~~akaitō ko adālat se lambī-lambī avadhi kī s a z ā ē milī (CC, 75) ‘Все г р а б и т е л и были приговорены судом к длительным срокам лишения свободы’ (букв. Всем г р а б и т е - л я м от суда длительного срока н а к а з а н и я достались’),

purī ko bhī socne ke liye s a m a y mil gayā thā (YV, 191) ‘У П у р и тоже оказалось в р е м я подумать’,

pākistān se lautkar jab koī ātā, to hasīnā kā s a m ā c ā r gafūr ko mil jātā thā (NK. 1962. I, 64) ‘Когда кто-либо возвращался из Пакистана, Г а ф у р получал известие о Хасине’,

janatā ko hamāre ūpar ṭippanīyā karne kā vah s u a v a s a r mil jātā hai jiske lie vah hameśā becain rahtī hai (PN, 155) ‘Л ю - д я м порой представляется тот с л у ч а й судить и рядить о нас, который они всегда ждут с нетерпением’,

gappū pahlvān ko bhī mat jāne dījīe, usse paṇ ~~ch~~ījī ko h i m m a t miltī hai (CC, 21) ‘И не отпускайте борца по имени Гаппу. В нем п а н д и т черпает о т в а г у’;

(д)

mā ko bhī a c a r a j lagā ki kyā hai yah? (NK, 1962. VI, 11) ‘М а т ь тоже удивилась: это что такое?’ (ср. *acaraj* ‘удивление’, ‘изумление’),

banto ko na to g ā l ī lagī na ghūr n ā hī (NK. 1962. I, 52) ‘Но Банто не задели ни г р у б о е с л о в о, ни с е р д и т ы й в з г л я д [ее мужа]’,

balbīr ko yah-sab sockar jaise koī gahrī c o ṭ lagī ho... (NK. 1962. IV, 70) ‘Все эти мысли словно травмировали Б а л б и - р а ...’ (ср. *gahrī coṭ* ‘сильный ушиб’),

vakīl sāhab ko ek j h a ṭ k ā lagā (SK, 44) ‘Г о с п о - д и н а д в о к а т был потрясен [увиденным]’ (ср. *jhaṭkā* ‘удар’, ‘потрясение’),

~~ks~~Ma ko yah samajhte d e r nahī lagī ki uske prāṇ lene ke lie ek bahut baṛā ṣaḍyantra is nagar mẽ cal rahā hai (NK. 1962. VI, 22) ‘К р и ш н а сразу догадывается, что в этом городе плетутся нити грандиозного заговора лишить его жизни’ (ср. *der* ‘промедление’,

‘задержка’ при наличии отрицательной частицы *nahĩ* при глаголе *lagnā*),

uskĩ bāt se mahendra ko kuch d h a k k ā-sā lagā (SA, 42) ‘Его слова уязвили М а х е н д р у ’ (ср. *dhakkā* ‘удар’, ‘толчок’, ‘потрясение’),

sāf to dekh rahĩ hũ ki bacce ko n a z a r lag gaĩ hai (P, 151) ‘Мне ясно, что р е б е н к а сглазили’ (ср. *nazar* зд. ‘сглаз’),

nasīruddīn haidar ko sacmuchi p u ā s lag rahĩ thĩ (NM, 419) ‘Н а с и р у д д и н Х а й д а р и в самом деле изнывал от жа ж д ы ’,

merĩ b ā t kumār ko lagĩ (DB, 58) ‘Мои с л о в а задели п р и н ц а ’,

bābā ko barĩ zor kī b h ū k h lagĩ hai (VB, 563) ‘Д е - д у ш к а сильно проголодался’ (ср. *bhūkh* ‘голод’),

...aur is avasthā mẽ mādhuri ko svayam hĩ dūsrō ke sāmne āne mẽ ś a r m lagĩ thĩ... (NK. 1962. IV, 18) ‘...и в этих условиях М а д х у р и сама стеснялась появляться перед другими’ (ср. *śarm* ‘стыд’, ‘смущение’);

(е)

...lekin pītāĩ ko śarāb-kabāb kā aisā c a s k ā parā thā ki kisĩ tarah galā na chortā thā (P, 160) ‘...но о т ц о м овладело такое п р и с т р а с т и е к хмельному застолью, избавиться от которого он уже был не в силах’,

larķō ko bār-bār paise kī z a r ū r a t parĩ (PN, 61) ‘М а л ь ч и к а м постоянно нужны были деньги [на карманные расходы]’ (ср. *zarūrat* ‘нужда’, ‘необходимость’),

vakĩl sāhab ko aise muvakkil se pālā nahĩ parā thā, jo is prakār apne duśman kī praśansā kartā ho (NK.1962. I, 46) ‘А д в о к а т у еще не доводилось иметь дело с таким клиентом, который расхваливал бы так своего противника’ (ср. *pālā* ‘связь’, ‘отношение’, *parĩ* зд. ‘выпадать на долю’).

Такого рода предложения строятся и при участии некоторых других глаголов, например:

donō apnī-apnī bāt par āre rahe, yahā tak ki cauthe din dvārkdās ko b u k h ā r caĩ gayā (SS, 75) ‘Оба упрямо стояли на своем, так что на четвертый день у Д в а р к а д а с а под-

нялась температура’ (ср. *bukhār* ‘жар’, *carhnā* ‘подниматься’, ‘взбираться’),

rādhā cintit huī, par m̃ ko bahut adhik c i n t ā vyāpī (NK. 1962. VI, 11) ‘Радха встревожилась, но гораздо сильнее встревожилась м а т ь ’ (ср. *cintā* ‘озабоченность’, *vyāpnā* ‘широко распространяться’),

mātājī ko aisā d h a k k ā pahūcā ki vah usi din bīmār hokar aur ek hī saptāh mē is sansār se bidā ho gayī (PDD, 49) ‘Для м а - т е р и это явилось таким потрясением, что она в тот же день заболела и через неделю покинула этот мир’ (ср. *dhakkā* ‘удар’, ‘толчок’, ‘потрясение’, *pahūcnā* ‘прибывать’),

ājkal śikṣitā aur jāgrat mātāo ko śiṣu-pālan ke is atyant mahatvapūrṇa pakṣa kā acānak p a t ā cal gayā hai (NK. 1961. XI, 118) ‘Ныне образованным и передовым м а т е р я м вдруг стала известной эта чрезвычайно важная сторона воспитания детей’ (ср. *patā* ‘весть’, ‘известие’, ‘осведомленность’, *calnā* ‘идти’, ‘двигаться’),

idhar jab se mangal ko c e c a k nikal āyī thī, mehtā ko bhī baṛī cintā ho gayī thī (P, 339) ‘Мехта тоже был весь в тревоге с тех пор, как на лице М а н г а л а появилась оспенная сыпь’ (ср. *cecak* ‘оспа’, *nikalnā* ‘появляться’, ‘выходить’),

dehkar manne ko r u l ā ī chūṭī (GS, 506) ‘Видя все это, М а н н э готов был расплакаться’ (ср. *rulāī* ‘плач’, *chūṭnā* зд. ‘выступать’, ‘выделяться’).

То обстоятельство, что ряд позиций в составе предложений закрепляется именно за личными существительными, может служить основанием для того, чтобы считать *личность* – *неличность* скрытой категорией языка хинди.

Однако контур этой категории размывается главным образом тем, что в позиции, которую принято отводить личному существительному, может встретиться существительное – название представителя животного мира, например:

ab rānī bhāūre ko kaṭhor pariśram karnā partā hai (VL. 1961. II, 42) ‘Теперь ш м е л и н о й м а т к е приходится выполнять тяжелую работу’ (ср. *pariśram* ‘труд’),

cīṅyō ko svād bahut pasand hotā hai (VL. 1960. IX, 33) ‘М у р а в ь и любят лакомиться’ (ср. *svād* ‘вкус’, ‘удовольствие’),

aṭal ne uspar t ī r choṛā parantu v a h tēduā ko nahī lagā (VM, 28) ‘Атал пустил в нее (в пантеру. – В.Л.) стрелу, но стрела в пантеру не попала’,

āj insān ke is vyavahār se na keval gadhō ko balki sansār ke har paṣu ko k h a t r ā hai (KE, 100) ‘Ныне из-за поведения человека опасность грозит не только ослам, но и каждому животному вселенной’.

Возможно появление и неодушевленных существительных при условии семантической совместимости с ними существительных – именных членов предикативных синтагм, например:

har per ko k h a t r ā hai, har patte ko k h a t r ā hai (KE, 100) ‘Каждому дереву грозит опасность, каждому листочку грозит опасность’, *pres ke mādhyam se lekhan kalā ko baṛī s a h ā y u t ā milī* (KB, 23) ‘Типография существенным образом содействовала развитию литературного мастерства’ (букв. ‘Посредством типографии литературному мастерству большая поддержка досталась’).

При этом не исключается крайний случай, когда именной компонент предикативной синтагмы оказывается семантически заведомо несовместимым с каким-либо одушевленным существительным, например: *cābī* ‘ключ’ при глаголе *lagnā* следующего предложения: *yah cābī mere tāle ko lag jāegā* ‘Этот ключ подойдет к моему замку’.

Не имеет никакого отношения к размыванию контура категории *личности* – *неличности* наделение падежно-последложной формой на *ko* существительных-фаунонимов в сказках и баснях, где животные изображаются имеющими качества и свойства людей:

kauve ne phir pahile kī tarah bahānā banā diyā aur cīre ko akele hī khet mẽ pānī denā parā (S, 410) ‘Ворона, как и прежде, отговорила, и пичужке пришлось орошать поле в одиночку’,

itne mẽ hī ek bandar ko kuch sandeh ho gayā (S, 450) ‘А тем временем у одной из обезьян возникло подозрение’,

lomṛ ko apne sāthiyō kā is mūrkhata kā kām bahut burā lagā... (F, 84) ‘Лисице совсем не понравилось это глупое занятие ее друзей...’,

ek bār ek gadhe ko sinh ke sāmne dhiṭhāt se rēkne kā sāhas huā (F, 125) ‘Однажды о с е л осмелился нахально кричать в присутствии льва’.

Такого рода сведение семантической черты “одушевленность” к семантическому признаку “личность” наблюдается, в частности, и в русском языке: *Лягушкам стало неужодно Правление народно...* (И. Крылов), *Зубастой щуке в мысль пришло За кошачье приняться ремесло* (И. Крылов), *Не хочется Медведю умереть* (И. Крылов), *Овечкам от Волков совсем житья не стало* (И. Крылов). Признаком “личность” может быть наделено и неодушевленное существительное: *Вот вздумалось Котлу по свету прокатиться...* (И. Крылов).

Структура предложений, помещенных выше под рубриками (5) и (6), характеризуется тем, что личное существительное, наделенное в ее составе падежно-последложной формой на *ko*, с точки зрения падежной грамматики (“ролевой грамматики”) не бывает носителем семантической роли агенса или, проще сказать, не бывает Агенсом.

Такое существительное, несомненно, может отвечать таким выделенным в лингвистической литературе глубинным падежам (семантическим ролям), как Экспериментер (а), Бенефициант / Реципиент (б) и Адресат (в):

(а) *uske bacpan kī ek kahānī ham sab baccō ko bahut bhāṭī thī* (BD, 89) ‘Одна история из его детства нам всем, д е т я м, особенно понравилась’, *tārā kī mā ko māṣṭar jī kī avyāvahārik buddhi par bhī khed hotā thā* (YV, 14) ‘М а т ь Тары испытывала огорчение и от непрактичности учителя’, *ispar motīrām ko aur bhī krodh āyā* (GD, 41) ‘На это М о т и р а м еще больше рассердился’, *gappū pahalvān ko bhī mat jāne dījīe, usse paṇḍīṭī ko himmat milī hai* (CC, 21) ‘И не отпускайте борца [по имени] Гаппу. В нем п а н д и т черпает отвагу’, *nasīruddīn haidar ko sacmuc pyās lag rahī thī* (NM, 419) ‘Н а с и р у д д и н Х а й д а р и в самом деле изнывал от жажды’, *...lekin pitāṭī ko śarab-kabāb kā aisā caskā paṛā thā ki kisī tarah galā na choṛtā thā* (P, 160) ‘...но о т ц о м овладело такое пристрастие к хмельному застолью, избавиться от которого он уже был не в силах’;

(б) *mere muvakkil ko sazā ho gāī* (PN, 188) ‘Моего к л и е н т а осудили’ (букв. ‘Моему к л и е н т у наказание произошло’), *phir prayek atithi kī haisiyat ke mutābik uske baccē ko upahār milā* (NK. 1962. VI, 61) ‘Потом в соответствии с рангом каждого гостя его р е б ё н о к получил подарок’, *horī ko ek sau bīs rupae mile* (P, 188) ‘Х о р и причиталось сто двадцать рупий’, *totūrām ko apnā prem dikhāne kā yah bahut hī acchā maukā milā* (PN, 62) ‘Т о т а р а м у представился весьма удобный случай выказать свою любовь’, *vakīl sāhab ko aise muvakkil se pālānahī*

paṛā thā, jo is prakār apne duṣman kī praśansā kartā ho (NK. 1962. I, 46) ‘А д в о - к а т у еще не доводилось иметь дело с таким клиентом, который расхваливал бы так своего противника’;

(в) *udhar caprāst ko bhī hukm huā ki logō ko yahā se haṭāo* (KK, 113) ‘Затем и п о с ы л ь н о м у последовал приказ, чтобы он удалил оттуда людей’, *śivanāth ko prati tīsre mās bīs mināṭ ke liye ghar ke logō se milne kī ājñā milī thī* (YD, 35) ‘Через каждые три месяца Ш и в а н а т х получал разрешение на двадцатиминутное свидание со своими домашними’, *pākistān se lauṭkar jab koī ātā, to hasinā kā samācār gafūr ko mil jātā thā* (NK. 1962. I, 64) ‘Когда кто-либо возвращался из Пакистана, Г а ф у р получал известие о Хасине’.

“Ролевая” нагрузка, которой “обременяются” личные существительные в падежно-последовательной форме на *ko*, свойственна, разумеется, занимающим в предложениях соответствующую позицию личным и кореферентным с личными существительными местоимениям в той же форме или в форме объектного падежа:

dekho, kannī, ham logō mẽ se kiṣṭ ko bhī to vah ādmī nahī jāctā (YV, 293) ‘Послушай, Канни, ведь н и к о м у из нас этот человек не нравится’,

tum ko gūjar hone kā baṛā abhimān hai to ham ko bhī ahīr hone kā kam mān nahī hai (VM, 55) ‘Если т ы очень гордишься своей принадлежностью к гуджарам, то я испытываю не меньшую гордость от того, что я ахирка’,

mujhe lāl ke karmō par ghor khed huā (UK, 18) ‘М е н я сильно огорчили поступки Лала’,

mujhe baṛī cintā rahī hai (ST, 188) ‘ Я очень беспокоюсь’,

abhi unhē āṣā ho rahī thī ki siyārām lauṭ āyā hogā (PN, 191) ‘Теперь о н надеялся только на то, что Сиярам уже вернулся домой’,

bhay khāne yā cīkh mārne kā bhī maukā use na milā (SA, 71) ‘О н даже не успел испугаться или закричать’,

... dāining kār ke baire ke khone kī khabar mujhe bhī relve ke tār se milī hai (CC, 13) ‘...известие об исчезновении официанта вагона-ресторана я получил по железнодорожному телеграфу’,

tumhē sardī nahī lagī? mujhe to razāī mẽ bhī sardī lag rahī hai (JJ, 111) ‘Т е б е не холодно? А м е н я даже под одеялом пробирает холод’,

so, is savāl ke bāre mẽ āp ko cintā karne kī zarūrat nahī paregī (GS, 106) ‘Таким образом, в а м не нужно будет беспокоиться по этому вопросу’.

Предложения отмеченных выше двух рубрик и другие построенные по их образцу предложения (включая, разумеется, и те из них, в которых выступает местоименный компонент) могут в интересах развития падежной грамматики как особого метода описания семантики предложений послужить в ходе дальнейшего исследования богатным материалом для уточнения содержательного аспекта и набора ролей, связанных с обозначением лиц “не-агенсного” статуса.

Так, среди предложений, помещенных выше под рубрикой (6), имеются такие предложения, которые можно считать входящими в синтаксическую парадигму предложений, описывающих ситуацию владения, т.е. передающих посессивное отношение. Это предложения с формой глагола *honā*, сигнализирующей состояние (не-процесс), например:

bādśāh ko khazāne kī ek kauṭī bhī nijī kharc mē lāne kā adhikār na thā (P, 95) 'И м п е р а т о р не имел права брать из казны для своих личных нужд ни единого гроша',

logō ko bhārī kaṣṭa thā (ND, 70) 'Л ю д я м приходилось совсем нелегко' (букв. 'Людям тяжелое страдание было'),

hamārī nirmalā ko baccō se prem hai (PN, 58) 'Наша Н и р м а л а любит детей' (букв. 'Нашей Н и р м а л е к детям любовь есть'),

jahāpanāh, un logō ko śak hai ki kisī ne rassī kāt dī (VM, 290) 'Повелитель, у этих л ю д е й есть подозрение, что кто-то перерезал веревку',

sūd jī ko lekh paṛhne kā samay nahī thā (YB, 546) 'У С у д а не было в р е м е н и читать статью',

tum ko gūjar hone kā baṛā abhimān hai... (VM, 55) '[Если] т ы очень гордишься (букв. т е б е большая гордость есть) своей принадлежностью к гуджарам...'

Они находятся в одном парадигматическом ряду с предложениями, где Посессор бывает выражен:

(а) существительным или его местоименным субститутом в косвеннопадежной форме с послелогом *kā*, согласуемым с именем объекта обладания, либо лично-притяжательным местоимением, согласуемым с именем объекта обладания: *phākur kā ālīśān makān thā* (AY1, 2) 'У п о м е щ и к а был великолепный дом', *kisī samay uskī bhī kāī nāvē thī...* (BS, 13) 'Когда-то и у н е г о было несколько лодок...', *merī ek bīvī thī* (BS, 79) 'У м е н я была жена';

(б) существительным или его местоименным субститутом в косвеннопадежной форме с послелогом *ke* либо лично-притяжательным местоимением в форме на *-e*: *is rājā ke ek guṇvān beṭī thī ...* (SV3, 33) 'У этого р а д ж и была замечательная дочь...', *uske rājya mē ek brāhmaṇ thā. uske beṭī thā* (AY2, 29) 'В его владениях жил-был брахман. У т о г о был сын', *mere ek baccā thā* (UK, 79) 'У м е н я был ребенок';

(в) существительным или его местоименным субститутом в косвеннопадежной форме с послелогом *ke pās* 'у', 'около', 'возле', 'близ', 'при' либо лично-притяжательным местоимением в форме на *-e* перед *pās* (вторым компонентом сложного послелога): *jhuniyā ke pās iskā koī javāb na thā* (P, 279) 'У Д ж х у н и и на это ответа не было', *ek kisān thā. uske pās ek berō kā bāg thā* (S, 421) 'Жил-был крестьянин. У н е г о был ююбовый сад', *tumhāre pās iskā kyā pramāṇ hai?* (ST, 234) 'Каково у в а с доказательство этого?';

(г) существительным или его местоименным субститутом (в том числе личным местоимением) в косвеннопадежной форме с послелогом *mē* ‘в’: *ek rāj Kumār aur mantrī ke beṭe mē gahrī mitratā thī* (S, 180) ‘Однажды крепко дружили ц а р е - в и ч и с ы н и министра’ (букв. ‘В ц а р е в и ч е и с ы н е министра крепкая дружба была’), *inā hī nahī, usmē aur bhī kī guṇ the* (ST, 18) ‘И это не все. У н е г о (Садхурама. – В.Л.) были еще кое-какие достоинства’, *ham donō mē inī ghaniṣṭhatā thī ki ham āpas mē koī pardā na rakhte...* (PDD, 143) ‘М е ж д у н а м и обоими была такая тесная дружба, что мы ничего не скрывали друг от друга...’.

Поэтому семантическая роль посессора (субъекта обладания) может быть приписана и их компоненту, обозначающему лицо, а выступающим в роли объекта обладания может быть признан именной компонент их предикативной синтагмы.

В предложениях языка хинди, нацеленных своей структурой на выражение посессивного отношения, способ оформления Посессора во многом зависит от семантики (лексического значения) имени объекта обладания (*is ādmī ko zukām thā* ‘У этого человека была простуда’, *is ādmī kī dūsī rāy thī* ‘У этого человека было другое мнение’, *is admī ke ek khūbsūrāt beṭī thī* ‘У этого человека была красивая дочь’, *is ādmī ke pās rupaye the* ‘У этого человека были деньги’, *is ādmī mē ek anokhā guṇ thā* ‘У этого человека было одно удивительное качество’). Однако при некоторых именах объекта обладания – именных членах предикативных синтагм “дативный” способ оформления обозначающего лицо “ролевого” компонента, свойственный рассмотренным выше предложениям, не является единственно возможным: альтернативными по отношению к нему (в разном наборе, что тоже зависит от семантики имен объекта обладания) оказываются “атрибутивно-генитивный”, “адессивный” и “инессивный” способы, например:

logō ko parhne kī ā d a t hī nahī hai (RA, 333) ‘У л ю д е й нет даже п р и в ы ч к и читать’, *jayrām kī ek aur ā d a t bhī thī* (BD, 104) ‘У Д ж а й р а м а была еще одна п р и в ы ч к а’, *...tummē to pahle yah ā d a t na thī* (PN, 92) ‘...прежде у т е б я такой п р и в ы ч к и не было’;

...par ab mālī ko na viśrām kī i c c h ā thī, na lauṭne kī (P, 81) ‘...но теперь у М а л т и не было ни ж е л а н и я отдохнуть, ни ж е л а н и я возвратиться’, *āj uskī jāne kī i c c h ā nahī thī* (HG, 108) ‘Сегодня у н е е не было ж е л а н и я идти’;

unhē rupayā-paisā kī k a m ī nahī (ST, 76) ‘У н е г о нет н е - д о с т а т к а в деньгах’, *uske pās rupaye kī k a m ī na thī* (ST, 42) ‘У нее не было н е д о с т а т к а в деньгах’;

mahārāj ko k r o d h nahĩ thā fīrozī par... (US, 90) ‘На Фирози маха - раджа не гневался...’, *ab dīnā mẽ k r o d h nahĩ hai* (JJ, 92) ‘Теперь Дина не сердится’ (ср. *krodh* ‘гнев’);

unhẽ sāhitya mẽ r u c i thĩ... (YV, 37) ‘У него были интерес к литературе’, ...in *logō kī kalā mẽ kuch bhĩ r u c i hai...* (RA, 438) ‘...у этих людей есть хоть какой-то интерес к искусству...’;

mujhe unpar pūrā-pūrā v i ś v ā s hai (ST, 194) ‘У меня к нему полное доверие’, *bhūgī par uskā v i ś v ā s na thā...* (PN, 178) ‘К Бхунги у нее доверия не было...’;

sūd jī ko lekh parne kā s a m a u nahĩ thā (YB, 546) ‘У Суда не было времени читать статью’, *śabdō ke dāṅ-pēc aur bahas ke liye un ke pās s a m a u na thā* (YB, 546) ‘Для словесных уверток и спора у него не было времени’;

is lie unhẽ bandūk vāle videśiyō ke sāmne ākar laṛne kī h i m m a t nahĩ hai (SA, 106) ‘Поэтому они не отваживаются открыто вступать в сражение с иноземцами, имеющими ружья’, *kisť kī h i m m a t nahĩ jo mujh se kuch bhĩ chĩn le sake!* (GS, 83) ‘Никто не смеет что-либо отнять у меня!’, ...*mātra ek aisā dhoḃī milā jis̄ke pās harijanō ke kapre dhone kī h i m m a t hai* (JY. 27.03.1980, 3) ‘...встретился только один такой прачка, который осмеливается стирать белье хариджанов’, *lekin kisť mẽ itnī h i m m a t na thī kī gopī ke sāmne zabān kholā* (GG, 113) ‘Но никто не решался и рта открыть в присутствии Гопи’ (ср. *himmat* ‘отвага’, ‘смелость’).

Категория *личности* – *неличности* существительных является скрытой и в русском языке [76, с. 458]. В нем личные существительные выделяются, в частности, тем, что их вхождение в ряд синтаксических структур становится возможным при условии их оформления дательным падежом: *Саше не спится* (Н. Некрасов), *Ню стало страшно вдруг Татьяне* (А.Пушкин), *Моей больной все хуже становится* (И. Тургенев), *Леньке сделалось скучно* (М. Горький), *Между тем князю мое равнодушие было досадно...* (М. Лермонтов), ...и *Леньке почти не видно было лица деда...* (М. Горький), *Известно всем арестантам во всей России, что самые сострадательные люди – доктора* (Ф. Достоевский), *Михаилу Федоровичу давно уже нужно ехать за границу...* (А. Чехов), *Маше уже незачем возвращаться в наш город* (А. Чехов), *Во время этих работ Авдотье Максимовне пришлось принимать много торговых людей и самой выезжать из дома* (А. Толстой), *Авдотье Максимовне давно уже перевалил восьмой десяток* (А. Толстой), *Михаилу больше не страшны были ни сатана и ни жена...* (В. Распутин), *Идти на гору*

Люсе не очень и хотелось... (В. Распутин), *Но сейчас старухе вспомнилось другое* (В. Распутин), *Я встал и, в коротких словах описав сперва Пугачева и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять против правильного оружия* (А.Пушкин).

Так же, разумеется, функционирует дательный падеж местоимений, имеющих своим референтом лицо, например: «**Мне** нужно с вами поговорить», – сказал он тихо (А. Пушкин), – «**Нам** с Васечкой некогда по театрам ходить», – отвечала она степенно... (А. Чехов), *Без их благословения не будет тебе счастья* (А. Пушкин), *А, по моему мнению, вы, господа почтенные, любите газеты оттого, что вам выпить не на что* (А. Чехов), *А Лаврецкий не спал всю ночь. Ему не было грустно...* (И. Тургенев), *Если ей хотелось похвалить меня, то она говорила: «Ты папа, сливочный»* (А. Чехов), – **Им** меня ждать не придется, – говорила старуха, качая головой (В.Распутин).

При этом в межъязыковом плане показательна возможность соответствия между дательным падежом существительных и местоимений русского языка и падежно-последеложной формой на *ko* существительных и местоимений либо формой объектного падежа местоимений языка хинди (т.е. между дательным падежом русского языка и присущим языку хинди “дативным” способом оформления слов, призванных обозначать лицо).

Такое соответствие наблюдается как при сохранении параллелизма в строении предложений двух языков (1), так и при его отсутствии (2), что ниже иллюстрируется примерами, отражающими переход от русского языка к хинди (а) и от хинди к русскому (б).

(1а)

Им меня ждать не придется... (В.Распутин) – *unhē merī pratīkṣā nahī karnī paregī* (RT, 120),

Мне крайняя нужда в деньгах (А. Пушкин) – *mujhe rupaye kī atyant āvaśyaktā hai* (PK, 13),

Но сейчас старухе вспомнилось другое (В. Распутин) – *lekin abhī-abhī būrhī ānnā ko ek dūsrī bāt yād āyī* (RT, 177),

И никому до этого нет дела... (В. Распутин) – *...kisī ko isse koī matlab hī nahī hai...* (RT, 55);

(16)

...**heḥmāstar ko** hār mānī parī (PN, 93) – ...**директору** пришлось уступить (ПН, 72),

yah chūt kī bīmārī hai, **tumhē** apne pitā se alag rahnā cāhie (VB, 617) – Пойми, у твоего отца заразная болезнь, и **тебе** надо держаться от него подальше (ББ, 469),

mujhe isse surjūt kī kahī huī bāt yād ho āī (RA, 91) – **Мне** вспомнились слова, сказанные однажды Сурджитом... (PM, 89),

tārā ko ḍākṭar ke sāmnē aisā mazāk acchā nahī lagā (YB, 619) – **Таре** не понравилось эта шутка (Я, 491);

(2a)

Но **тебе** не для чего горячиться, **мне** ведь это совершенно все равно (И. Тургенев) – *lekin tumhē is tarah baukhlāne kī zarūrat nahī, kyōki mujhe isse koī fark nahī partā* (TP, 322) букв. ‘...горячиться необходимости нет, потому что ...разница не случается’,

...**Аркадию** было хорошо с **Катей**, **Одинцовой** – с **Базаровым**... (И.Тургенев) – *arkādī ko kātyā kā sang acchā lagtā thā aur odintsovā ko bazārov kā* ... (TP, 178) букв. ‘**Аркадию** Кати компания (= с Катей общение) нравилась (нравилось), а **Одинцовой** – **Базарова**...’,

Михаилу большие не страшины были ни сатана и ни жена... (В. Распутин) – *ab mikhāl ko na šaitān kā aur na patnī kā hī ḍar thā* (RT, 128) букв. ‘Теперь **Михаилу** не шайтана и не жены страх был’,

Летом **ей** будто легчало... (В. Распутин) – *garmiyō mē to unhē kuch ārām bhī miltā thā*... (RT, 13) букв. ‘...покой даже доставался...’;

(2б)

mujhe nīd ā rahī hai (VB, 293) букв. ‘**Мне** сон приходит’ – **Мне** спать хочется (ББ, 248),

use nīd nahī rahī thī (VB, 497) букв. ‘**Ему** сон не приходил’ – **Ему** не спалось (ББ, 393),

mujhe to is samay bhūkh nahī hai ... (VB, 332) букв. ‘**Мне** сейчас голода нет...’ – **А** есть **мне** не хочется... (ББ, 277),

tum agar zāhir kar dogī to **tumhī ko** nuksān hogā (VM, 275) букв. ‘...**тебе** ущерб будет’ – Если расскажешь, **тебе** самой будет хуже (ББ, 204).

Наиболее типичные случаи несоблюдения параллелизма в строении предложений обусловлены функционированием в русском

языке слов определенной семантики, входящих в круг безлично-предикативных слов (категория состояния) и безличных глаголов, т.е. в разряды лексем, языку хинди несвойственные [см. выше: *совершенно все равно, было хорошо, легчало* в (2а) и *спать хочется, не спало, есть не хочется, будет хуже* в (2б)].

Вместе с тем отмеченное выше соответствие друг другу способов оформления слов, имеющих своим референтом лицо, при передаче предложениями одинакового содержания отнюдь не является обязательным. Так, ниже помещены примеры, где:

1) при переводе с русского языка на хинди дательному падежу отвечает в строе предложений языка хинди форма, отличная от падежно-послеложной формы на *ko* или местоименной формы объектного падежа:

Идти на гору Люсе не очень и хотелось... (В. Распутин) – *rahārī par jāne kī lyūsyā kī icchā nahī thī...* (RT, 462) букв. ‘...**Люси** особого желания не было...’,

Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно пригнул: ему было время... (Н. Гоголь) – *yahā ham yah batā dē ki barī hastī kī yah bāt sarāsar jhūṭhī thī: unke pās dherō vakt thā...* (GK, 484) букв. ‘...**у него** уйма времени было...’,

Ему не терпелось что-нибудь делать, в чем-нибудь участвовать... (В.Распутин) – *kuch karne kā, kisī cīz mē bhāg lene kā dhairya usmē nahī ā rahā thā...* (RT, 192) букв. ‘...терпение **в него** не пришло...’,

Ему было стыдно проходить мимо лавочки и смотреть на хозяйку (А.Чехов) – *vah dūkān ke sāmne se guzarne mē aur dūkāndārīn se ākh milāne mē śarmāte the* (CL, 223) букв. ‘**Он** ...стыдился’,

Всякой матери своё дитё жалко (А. Чехов) – *har māt apne bacce ko pyār kartī hai* (CL, 337) букв. ‘Каждая **мать** любит (=жалеет) своё дитё’;

2) при переводе с хинди на русский падежно-послеложной форме на *ko* или местоименной форме объектного падежа отвечает в строе предложений русского языка форма, отличная от формы дательного падежа:

gangāprasād ko māno apnī ākhō par viśvās nahī ho rahā thā (VB, 285) – **Гангапрасада** не верил своим глазам (ББ, 242),

sardār ko āne vāle kal kī cintā hai (RA, 294) – **Сардара** беспокоит грядущий день (РМ, 243),

tujhe koī kām nahī hai...? (YB, 352) – **У тебя** дела, что ли, нет никакого? (Я, 284),

kahne lagā kī merī laṛkī ko kuch nahī hai... (RA, 379) – **Нет, говорю, у моей дочери** ничего такого... (РМ, 315),

bābā ko baṛī zor kī bhūkh lagī hai (VB, 563) – **Дедушка** очень проголодался! (ББ, 435);

3) при переводе с русского языка на хинди присущий языку хинди “дательный” способ оформления именных компонентов предложений отвечает формам русского языка, отличным от формы дательного падежа:

Майор Ковалев имел обыкновение каждый день прохаживаться по Невскому проспекту (Н. Гоголь) – *mejar kovalev ko roz nevskī evenūy par ṭahalne kī ādat thī* (GK, 347),

А Лаврецкий опять не спал всю ночь (И. Тургенев) – *lāvretskī ko phir rāt-bhar nīd nahī āyī* ... (TK, 129),

...а у пьяного, известно, власти над собой нету (В. Распутин)) – *...par śarābī ko to apnā hoś hī nahī rahtā hai* (RT, 59),

...другого дела у нее тут нету (В. Распутин) – *use aur koī kām nahī hai* (RT, 132),

...а у этих и к оружию никакой охоты нет... (М. Лермонтов) – *in logō ko hathiyārō mē jaise koī dilcaspī hī nahī hai* (LH, 18);

4) при переводе с хинди на русский дательный падеж русского языка отвечает формам языка хинди, отличным от “дательного” способа оформления именных компонентов:

māī us samay kuch-na-kuch kartā rahnā cāhtā thā (RA, 169) букв. ‘**Я** тогда что-либо делать хотел’ – **Мне** все время хотелось что-то делать... (РМ, 149),

hamāre pās dene ke liye kuch nahī hai (VM, 114) букв. ‘**У нас**, чтобы дать, ничего нет’ – **Нам** нечем заплатить вам... (ББ, 99),

idhar do-tīn din se jvālāprasād kī tabiyat kuch kharāb thī (VB, 63) букв. ‘...**Джвалапрасада** самочувствие плохое было’ – **В последние дни Джвалапрасада** не здоровилось... (ББ, 72),

purī kanak se sūtra ṭūṭ jāne kī cintā se dukhī thā (YB, 43) букв. ‘Пури от мысли о разрыве нити с Канакой печальный был’ – *Пури* было тяжело думать, что порвалась нить, связывающая его с Канакой (Я, 37),

sikandar ne mān liyā (VM, 436) букв. Сикандар уступил – *Сикандару* пришлось уступить (BB, 301).

Наиболее типичные случаи несоблюдения данного соответствия следующие:

1) при переводе с русского языка на хинди форме именительного падежа отвечает падежно-последеложная форма на *ko* или местоименная форма объектного падежа (*Павел/он* имел обыкновение прохаживаться по улице – *pāvel ko / use sarak par ṭahālne kī ādat thī*);

2) форме дательного падежа отвечает прямопадежная форма (*Павлу/ему* было стыдно проходить мимо магазина – *pāvel / vah dūkān ke sāmnē se guzarne mē ṣarmātā thā*);

3) при переводе с хинди на русский падежно-последеложной форме на *ko* или местоименной форме объектного падежа отвечает форма именительного падежа (*gopeś ko / use apnī ākhō par viśvās nahī ho rahā thā* – *Гопеш / он* не верил своим глазам);

4) прямопадежной форме отвечает форма дательного падежа (*gopeś / vah gānā cāhtā thā* – *Гопешу / ему* хотелось петь);

5) при переводе с русского на хинди форме родительного падежа с предлогом *у* (“адессивному” способу оформления имени) отвечает падежно-последеложная форма на *ko* или местоименная форма объектного падежа (*У Павла/у него* был жар – *pavel ko/ use bukhār thā*);

6) при переводе с хинди на русский падежно-последеложной форме на *ko* или местоименной форме объектного падежа отвечает форма родительного падежа с предлогом *у* (*gopeś ko / use koī anivārya kām thā* – *У Гопеша / у него* было какое-то неотложное дело). Два последних соотношения касаются в основном сферы выражения посессивности.

Категория числа

Категория числа предстает как одно из проявлений более общей языковой категории – категории квантитативности, под которой понимается “совокупность средств, служащих выражению количественных значений” [34, с.93]. В хинди и русском языке категория числа имени существительного оказывается содержательно ориентированной на отражение квантитативного аспекта существования в объективной действительности, прежде всего, дискретных (вычленимых из ряда себе подобных) объектов, поддающихся счету (в натуральных числах от 1 до $n+1$). Структура категории числа в обоих языках является бинарной. В оппозиции «единичность: множественность», на которой она в плане содержания базируется, наличествующие формы числа выполняют первичную значимую функцию – выражение единичности предмета или множественности предметов:

diṣāē andhakār se bharī huī. kṣitij bhī gahrā kālā thā. keval kuch tārīkāē ākhmicauṇī kar rahī thī. dūr par ek tārīkā kuch ādhik jyotirmay thī (CC, 95) ‘Вокруг стало темно. Горизонт тоже скрылся за плотной черной пеленой. Только перемигивались некоторые з в е з - д ы. Одна з в е з д а вдали была поярче других’;

anrakṣak savārō ke ghore arte, laṛkharāte, cābuk khāte āre tirche cal rahe the... pīche vāle ek savār kā ghorrā bahut hī kamzor thā ... (NM, 122) ‘К о н и под всадниками-телохранителями, подстегиваемые плетью, нехотя тащились, упираясь и спотыкаясь... К о н ь последнего всадника совсем обессилел...’;

*Но уже по всему непомерно высокому небесному куполу начали высыпать **звезды**, сияющие, зеленоватые созвездия, – ледяные лучи их кололи глаза. Мрачная **звезда**, восходя, разгоралась* (А. Толстой);

Лошадь была ранена в голову. Она не упала, но, разорвав треногу, бросилась к другим лошадям, прижавшись к ним, поливала кровью молодую траву (Л. Толстой).

Вместе с тем у категории числа имени существительного языка хинди может проявляться в плане содержания и оппозиция «общее

число (поддающийся счету названный объект количественно не охарактеризован): множественное число»: *cābī kā guccā* (YD, 319) букв. ‘к л ю ч а связка’: *cābiyō kā guccā* (ND, 69) ‘связка ключей’, *madhumakkhī kā chattā* (GS, 216) ‘пчелиный улей’ (букв. ‘п ч е л ы улей’): *madhumakkhiyō ke jhuṇḍ ke jhuṇḍ* (VL, 1960. VIII, 1) ‘целые рои п ч е л’, ‘рой за роєм п ч е л’, *āsū kī dhārā* (S, 49) букв. ‘с л е з ы поток’: *āsuō kī dhārā* (P, 345) ‘поток с л е з’. Здесь воплощающие первый член оппозиции имена существительные в форме единственного числа с генитивным послелогом *kā*, согласуемым с именами – опорными компонентами образованных атрибутивных словосочетаний (синтагм), семантически отвечают относительным прилагательным других языков (в частности, русского). Они как бы возмещают собой определенную нехватку относительных прилагательных в хинди. Такую роль формы единственного числа существительных иллюстрируют и следующие примеры: *bher kī khāl* (KE, 15) ‘овечья шкура’ (букв. ‘овцы шкура’), *kele kī katārē* (VM, 312) ‘ряды бананов’ (букв. ‘банана ряды’), *sigreṭ kā ḍibbā* (YD, 237) ‘пачка сигарет’, ‘пачка от сигарет’ (букв. ‘сигареты пачка’), *diyāsālā kī ḍibiyā* (LK, 138) ‘спичечный коробок’ (букв. ‘спички коробок’), *ṭiḍṭī ke dal kī tarah* (GS, 250) ‘словно полчище саранчи’, *ām ke bāg mē* (PG, 25) ‘в манговой роще’ (букв. ‘в роще [дерева] манго’).

В обоих языках категория числа имени существительного, как и категория падежа, является, в отличие от категории рода – категории классифицирующей, категорией словоизменительной. Но если в хинди противопоставление форм (различие в плане выражения между формами) единственного и множественного числа проявляется в рамках двухпадежной системы (прямой падеж ~ косвенный падеж)¹ на фоне распределения существительных по двум родам (мужской ~ женский), то в русском языке – в рамках шестипадежной системы на фоне распределения по трем основным родовым классам (мужской ~ женский ~ средний). Иначе говоря, сопоставляемые языки значительно отличаются друг от друга количеством падежных форм единственного и множественного числа существительных.

В языке хинди отличие формы множественного числа от формы единственного числа существительных носит фронтальный характер в к о с в е н н о м п а д е ж е ввиду того, что первой из двух форм присуща флексия *-ō*, принимаемая существитель-

¹ С учетом вокатива становится возможным говорить о трехпадежной системе.

ными всех четырех типов словоизменения. В п р я м о - п а д е ж н о й ф о р м е множественного числа ей на парадигматической оси противостоят у существительных женского рода флексии $\tilde{a}$ и $\tilde{e}$ (соответственно III и IV типы словоизменения) и у существительных мужского рода нулевая флексия и флексия $-e$ с ее назализованным вариантом $\tilde{e}$ (соответственно II и I типы словоизменения). Для единственного числа всех существительных, кроме тех, относящихся к мужского рода, которые располагают флексией $\tilde{a}$ с ее назализованным вариантом $\tilde{a}$ в прямом падеже и флексией $-e$ с ее назализованным вариантом $\tilde{e}$ в косвенном падеже (здесь речь идет об омонимии с флексией прямого падежа множественного числа у существительных I типа словоизменения), характерна нулевая флексия.

В русском языке формами множественного числа сглаживается в плане выражения противопоставление существительных в грамматическом роде: в дательном, творительном и предложном падежах существительные всех трех родов принимают одинаковые флексии. В категории числа имени существительного русского языка получает преломление категория одушевленности – неодушевленности: во множественном числе форма винительного падежа совпадает с формой родительного у одушевленных существительных и с формой именительного у неодушевленных существительных.

В обоих языках различие в значении числа может находить (и находит) отражение в сочетающихся с существительными словах как носителях форм согласования. Это значит, что хинди и русский относятся к кругу тех языков, где налицо совмещение внутреннего и внешнего способов выражения числа.

В хинди к кругу синтаксически связанных с существительными форм, которыми выражается число, относятся формы с числовыми (точнее, если принять во внимание значение третьего лица, с личе-числовыми) флексиями (у единиц чисто глагольной парадигмы словоизменения), формы с родо-число-падежными или родо-числовыми флексиями (у единиц адъективной парадигмы словоизменения), число-падежные формы (у местоимений общевыделительного типа семантико-синтаксической общности), лице-родо-числовые формы простого футурума глаголов со значением третьего лица, релевант-

ным для существительных². Именно синтактика обеспечивает разграничение граммем числа у существительных мужского рода, относимых ко II типу словоизменения, в прямом падеже: *harā khet* ‘зеленое поле’ – *hare khet* ‘зеленые поля’, *phūl khil gayā* ‘цветок распустился’ – *phūl khil gaye* ‘цветы распустились’ (здесь мы видим частный вид согласования – восполнительное согласование).

В русском языке во флексиях синтаксически связанных с существительными форм тех слов, которые подтверждены словоизменению в рамках адъективной парадигмы, граммема множественного числа совмещается с падежной граммемой, а граммема единственного числа – с граммемой падежа и граммемой рода. Значение числа (единственного или множественного) существительных отражают глагольные формы настоящего и будущего времени, а также формы прошедшего времени и сослагательного наклонения, которые в случае выражения значения единственного числа указывают и на родовую принадлежность существительных.

В хинди и русском языке помимо грамматических средств (приемов) сферу выражения количественных значений обслуживают также, взаимодействуя с грамматическими средствами, слова определенных лексических разрядов, как-то: количественные числительные, слова семантики “все”, “каждый”, “много”, “мало”, “несколько” и др.

В хинди встречаются формы множественного числа существительных, образованные по иранской или арабской модели от слов иранского или арабского (реже тюркского или даже английского) происхождения, а именно формы, образованные путем:

(а) суффиксации при помощи иранского суффикса *-ān*, например: *sāhabān* ‘господа’ (< *sāhab* ‘господин’), *afsarān* ‘чиновники’ (< *afasar* ‘чиновник’ < англ. *officer*), *gavāhān* ‘свидетели’ (< *gavāh* ‘свидетель’), *mulzimān* ‘обвиняемые’ (< *mulzim* ‘обвиняемый’), *mālīkān* ‘хозяева’ (< *mālīk* ‘хозяин’);

(б) суффиксации при помощи арабского суффикса *-āt*, например: *begamāt* ‘госпожи’ (< *begam* ‘госпожа’), *jinnāt* ‘джинны’, ‘демоны’ (< *jinn* ‘джинн’, ‘демон’), *zevarāt* ‘украшения’, ‘драгоценности’, (< *zevar* ‘украшение’, ‘драгоценность’), *kāgazāt* ‘бумаги’, ‘до-

---

² Квалификация флексий или словоформ как лично-родо-числовых, лично-числовых, родо-числовых, число-падежных представлена в работе Б.А.Захарына [61, с. 89, 91, 108].

кументы' (< *kāgaz* 'бумага', 'документ'), *māmlāt* 'дела' (в частности судебные) (< *māmlā* 'дело', 'вопрос'), *tāllukāt* 'отношения', 'связи' (< *tālluk* 'отношение'), *mahalāt* 'дворцы', 'чертоги' (< *mahal* 'дворец', 'чертог'), *mālūmāt* 'сведения', 'информация' (< *mālūm* 'известный'), *javāharāt* или *javāhirāt* 'драгоценные камни' (< *javāhar* или *javāhir* 'драгоценные камни' < *jauhar* 'драгоценный камень');

(в) трансфиксации, создающей так называемое ломаное множественное число от слов арабского происхождения, например: *hukkām* 'должностные лица', 'правители' (< *hākīm* 'должностное лицо', 'правитель'), *umrā* 'богачи', 'правители', 'аристократы' (< *amīr* 'богач', 'правитель', 'аристократ'), *ulamā* / *ulemā* 'ученые [муж]' (< *ālīm* 'ученый'), *javāhar* / *javāhir* 'драгоценные камни' (< *jauhar* 'драгоценный камень'), *huḳūk* / *haḳūk* 'права' (< *haḳ* / *haḳḳ* 'право'), *ahkām* 'приказы' (< *hukm* 'приказ')³.

В составе предложений они, выражая значение множественности, выступают в позиции как прямопадежной формы, так и косвеннопадежной формы перед послелогом:

āj tum dekh rahe ho kī sāre aḡsarān... (GS, 648) 'Ныне ты сам видишь, что все чиновники...'; *lekin māī apnī zabān detā hū kī merī taraf se aḡsarān par koī bejā dabāv nahī̄ paregā...* (VB, 174) 'Но я обещаю, что с моей стороны не будет никакого давления на [судейских] чиновников...';

par balvā kā andeśā dekhkar, mulzimān bhāg gaye (GS, 725) 'Но в смятении обвиняемые убежали', *...mulzimān kā gol karīb pacās ādmiyō kā thā ...* (GS, 725) '...группа обвиняемых насчитывала примерно пятьдесят человек...';

sunā hai, rāt ko jinnūt ākar kharīd le jāte hāī (PG, 38) 'Слышал я, что ночью приходят джинны и купают [все сласти]', *aise rupaye jinnūt ko kahā se mil jāyēge?* (PG, 38) 'Откуда у джиннов возьмется столько денег?';

³ Язык хинди при использовании таких форм сближается в стилистическом отношении с урду, где они, как уже было показано в лингвистической литературе [50, с. 48-53; 63, с. 204-217], представлены гораздо шире. Имеющая хождение в урду арабская форма множественного числа на *-īn* в хинди практически не используется. Показательно в связи с этим, что словосочетание *hāzarīn jalsā*, встретившееся во фрагменте текста на хинди, воспроизводящем публичное выступление оратора на урду, подверглось в скобках "расшифровке" *sabhā mē upasthito* (YV, 116) 'участники митинга' (букв. 'на митинге присутствующие'; *upasthito* – вокатив).

us sikh yuvak ke hāth mẽ ek fāil thī, jis mẽ kuch kāgazāt the (GD, 197) ‘В руке этот молодой сикх держал папку, в которой было несколько документов’, *jvālāprasād unke ghar jākar salāh-mašvirā le liyā karte the aur āvašyak sarkārī kāgazāt par unke dastkhāt karā lete the* (VB, 42) ‘Джвалапрасад приходил к нему (к Мир-сахибу. – В.Л.) домой советоваться и давал ему на подпись необходимые официальные бумаги’;

iskī mā karīb pacās hazār ke gahne va javāharāt choṛkar marī thī (VB, 488) ‘Ее мать, уходя из жизни, оставила ей драгоценностей (букв. украшения и драгоценные камни) тысяч на пятьдесят’; *hamāre pās itnā rupayā hai ki tum ko hīre-javāharāt mẽ lapeṭ saktā hū* (GD, 229) ‘У меня столько денег, что я могу осыпать тебя драгоценными камнями’;

raīsō ke voṭ solāhō āne unkī taraf hāī hī, hukkām bhī unke madadgār hāī (P, 97) ‘Голоса богачей на сто процентов за него. Должностные лица тоже его поддерживают’, *rāy sāhab rāṣṭravādī hone par bhī hukkām se mel-jol banāye rakhte the* (P, 12) ‘Будучи националистом, рай-сахиб тем не менее сохранял дружеские отношения с должностными лицами’.

В позиции косвеннопадежной формы “арабская модель” может, однако, оказаться осложненной окончанием *-ō*, т.е. присущей языку хинди приметой косвенного падежа множественного числа, например:

...pariyō-jinnātō ko bas mẽ karnā āsān kām nahī... (NM, 32) ‘...подчинять своей воле фей и джиннов – нелегкое дело...’;

rājā ne use ūṭnī par lade javāharātō se dugune javāharāt aur dhan diyā... (S, 356) ‘Раджа дал ему драгоценных камней и денег вдвое больше, чем было на верблюдице’;

māī rājā se bātē karne vālā hū, māmūlī hukkāmō se nahī (US, 50) ‘Я намерен говорить с раджей, а не с заурядными правителями’;

bahut se ulemāō ko yah hinduānī sudhār pasand nahī ātā thā (NM, 74) ‘Многим мусульманским богословам это индуское новшество не нравилось’.

Напрашивается двоякая интерпретация этого явления:

1) флексия *-ō*, будучи навязанной давлением системы, является плеонастической, поскольку сама арабская форма предстает как самодостаточная форма для выражения значения множественности в рамках числовой (единственное число ~ множественное число) оппозиции;

2) флексия *-ō* создает “запас прочности” в выражении значения множественности на случай возможной лексикализации соответствующей арабской формы в значении единственного числа.

У ряда существительных их форма множественного числа, построенная по арабской модели, оказывается в плане содержания не противопоставленной форме единственного числа как своей исходной форме, и поэтому они вопреки своему оформлению предстают как отдельные лексические единицы, которым не чужда граммема единственного числа. Редукция числовой оппозиции по-разному сказывается на семантической стороне отношения производной формы (“формы множественного числа”) к исходной форме:

(1) производная форма предстает как синоним исходной формы: *tahkīkāt* ж. ‘расследование’ < *tahkīk* ж. ‘выяснение’, ‘дознание’, например: *tahkīkāt āge barhī...* (YD, 265) ‘Расследование продолжилось...’;

(2) производная форма остается синонимом исходной формы многозначного слова в одном из значений последнего: *tavārīkh* ж. ‘история’ < *tārīkh* ж. ‘дата’, ‘число’, ‘хроника’, ‘история’, например: *kyā āp apne is gāv kī tavārīkh ke bāre mē bhī kuch jānte hāī?* (GS, 230) ‘А известно ли вам что-либо об истории этой вашей деревни?’;

(3) производная форма отличается от исходной формы сферой функционирования в составе предложений: *šuruāt* ж. ‘начало’ (< *šurū* м. ‘начало’ < ар. *šurū*‘), например: *...vakālat kī šuruāt to šān se huī...* (VB, 442) ‘... свою адвокатскую практику [ты] начал блестяще’ (букв. ‘...начало адвокатской практики произошло с блеском’); исходная форма *šurū* используется преимущественно в качестве компонента сложноотыменных глаголов *šurū honā* ‘начинаться’ и *šurū karnā* ‘начинать’, а также в обстоятельственных оборотах, например: *šurū hī se* ‘с самого начала’, *šurū mē* ‘вначале’, ‘сначала’;

(4) производная форма характеризуется значением, отличным от того значения, которое несет исходная форма имени (точнее, имя в своей исходной форме): *akhbār* м. ‘газета’ < *khabar* ж. ‘весть’, ‘новость’, ‘сообщение’, например: *paṇḍīt jī ne kanak aur kancan ko akhbār dikhāyā...* (YB, 98) ‘Пандит-джи показал газету Канаке и Канчане...’;

(5) производная форма не имеет употребительного в языке хинди коррелята в виде исходной формы: *afvāh* ж. ‘молва’, ‘слух’ (< ар. *fūh* ‘рот’), например: *jab yah afvāh kālej mē phailī, tab to aur bhī ho-hallā šurū ho gayā* (GS, 13) ‘А когда эта молва распространилась в колледже, начался еще больший переполох’.

Лексикализацию имен, представляющих в арабских формах множественного числа, отражают также следующие примеры: *karāmāt* жс. ‘чудо’, ‘диво’ (< *karāmat* жс. ‘величие’, ‘чудо’, ‘диво’), *khurāfāt* жс. ‘выдумка’, ‘вымысел’, ‘вздор’, ‘нелепица’ (< ар. *khurāfat* ‘суеверие’, ‘предрассудок’, ‘сказка’, ‘вымысел’), *dehāt* м./жс. ‘деревня’ (< *deh* м. ‘деревня’ < перс. *deh* ‘деревня’), *vārdāt* / *vāridāt* жс. ‘происшествие’, ‘событие’, ‘инцидент’ (< ар. *vārid* ‘приходящий’, ‘прибывающий’), *aukāṭ* жс. ‘житье’, ‘средства’; тж. м. ‘время’, ‘времена’ (< *vaqt* м. ‘время’ < ар. *vaqt* ‘время’), *ḡavāyad* жс. ‘военные упражнения’, ‘маневры’, ‘парад’, ‘грамматика’; тж. м. мн.ч. ‘правила’, ‘распорядок’, ‘грамматические правила’ (< *kāyda* м. ‘правило’, ‘обычай’, ‘порядок’, ‘грамматическое правило’ < ар. *qā'idat* ‘основа’, ‘основание’, ‘правило’, ‘принцип’, ‘образец’), *usūl* м. ‘принцип’ (< *asal* м. ‘основа’, ‘суть’), *asbāb* м. ‘багаж’, ‘вещи’, ‘имущество’ (< ар. *sabab* ‘причина’, ‘способ’, ‘средство’, ‘предмет’, ‘вещь’; в урду *sabab* ‘причина’, ‘способ’, ‘средство’ – м.р.), *aulād* жс. ‘потомство’, ‘потомок’ (< ар. *valad* ‘дитя’, ‘потомок’, ‘сын’, ‘отпрыск’; в урду *valad* ‘сын’, ‘отпрыск’ – м.р.), *auzār* м. ‘орудие’, ‘инструмент’ (< ар. *vizr* ‘тяжесть’, ‘бремя’), *akhlāq* м. ‘мораль’, ‘этика’ (< ар. *khulq* ‘характер’, ‘натура’, ‘нрав’, ‘настроение’; в урду *khulq* ‘веселый характер’, ‘приветливость’, ‘вежливость’ – м.р.), *riāyā* жс. ‘подданные’, ‘земледельцы’, ‘крестьяне-арендаторы’ (< *raiyaṭ* жс. ‘подданный’, ‘подвластный’, ‘крестьянин-арендатор’, ‘райот’ (< ар. *ra'īat* ‘паства’, ‘подданные’, ‘население’).

Лексические единицы – существительные, внешне отличающиеся арабской формой множественного числа, – могут принимать (если на то имеются семантические основания) регулярные формы множественного числа языка хинди, т.е. функционировать в рамках регулярной парадигмы словоизменения:

āpne hindostān aur duniyā kī tavārīkhē paṛhī hōgī... (GS, 230) ‘Вы, наверное, читали что-то по истории (букв. и с т о р и и – мн.ч.) Индии и других стран света...’;

yah khat duniyā ke tamām akhbārō mẽ chap cukā hai (NK. 1961. XII, 122) ‘Это письмо уже опубликовано во всех г а з е т а х мира’;

...logō mẽ ajīb-ajīb afvāhē phail rahī hāī (ND, 43) ‘...среди людей распространяются невероятные с л у х и’.

Различие в формах числа (единственное ~ множественное) таких лексических единиц показывают приведенные попарно следующие примеры:

...uskā man phir vahī **khurāfāt** socne lagegā ki uskā vizan ek gol ādherī dīvār se **ṭakrākar tūṭ** rahā hai (RA, 164) ‘...душу его снова будет одолевать в ы м ы с е л , что его внутренний мир вдребезги разбивается о какую-то круглую темную стену ~ *zindagī mẽ to na jāne kinī* **khurāfātē** karte hāi ham log (VB, 486) ‘Бог весть, сколько н е л е п ы х п о с т у п к о в совершаем мы в своей жизни!’;

yahā **dehāt** mẽ kyā ho saktā hai? (GS, 514) ‘Какие здесь, в д е р е в н е , возможности?’ ~ *gomī nahāne āye hāi log* **dehātō** se (VB, 484) ‘Для омовения в Гомти люди пришли из д е р е в е н ь’;

yah vahī **vārdāt** hai, jis ne gāv ko tabāh kar diyā... (GS, 267) ‘Это как раз то с о б ы т и е, которое погубило деревню...’ ~ ...*kal kī mīṭing ke bād yahā jaunpur mẽ lūṭ-mār aur āgzanī kī* **vārdātē** hone vālī hāi (VB, 498) ‘...завтра после митинга здесь, в Джаунпуре, ожидаются г р а б е ж и с у б и й с т в а м и и п о д ж о г и’;

...sulemānjāh šāhī **aulād** nahī, subhdaulat kī kisī dhobī se paidā harāmī **aulād** hai (NM, 243) ‘... Сулеманджах не шахский о т - п р ы с к, а внебрачное д и т я , которое Субхдаулат родила от какого-то дхоби’ ~ *yah unkī tīsrī bīvī thī. pahlī se kuch* **aulādē** thī ... (NK. 1962. XII, 102) ‘Это была его третья жена. От первых [двух у него] было несколько д е т е й ...’;

aur uske hāth mẽ to koī **auzār** bhī nahī hai (P, 143) ‘А в руке у него нет даже о р у д и я ~ *acche* **auzār** – *adhik paidāvar* ‘Хорошие о р у д и я – больше продукции’ (лозунг), *hamāre khet-khalihān kī fasal uske hī banāye* **auzārō** se paidā hotī hai (CC, 86) ‘Хлеба наших закровов производятся о р у д и я м и , изготовленными им же’.

В хинди также встречаются отдельные арабские по происхождению слова в форме двойственного числа, образованной, разумеется, тоже вне пределов грамматической системы хинди: *vālidain* ‘родители’ (< *vālid* м. ‘отец’), *farīḳain* ‘[обе] стороны’ (< *farīḳ* м. ‘сторона’ [напр., в суде, игре], ‘противник’ < ар. *farīq* ‘сторона’). См.: ...*mujhe vāladain kā farz nibhāne ke lie tumhē bacānā paṛegā* (VB, 116) ‘...мне придется во исполнение родительского долга спасти тебя’, ...*yahī acchā hogā ki kuch āge-pīche haṭkar donō* **fariken** āpas mẽ koī *saṃjhautā kar lē* (GS, 686) ‘...будет лучше, если бы обе стороны пришли к какому-нибудь взаимному соглашению’.

Оппозиция «единичность: множественность», определяющая в хинди и русском языке специфику категории числа имени существи-

тельного, выглядит в отношении лексической дистрибуции неполной, поскольку как в хинди, так и в русском языке не все существительные располагают коррелятивными формами единственного и множественного числа. В обоих языках помимо существительных, способных принимать формы обоих чисел (т.е. выступать, воплощая указанную оппозицию, и в единственном, и во множественном числе), имеются существительные, употребляемые только в единственном числе, и существительные, употребляемые лишь во множественном числе.

Как в хинди, так и в русском языке количественно преобладают существительные, употребляемые и в единственном, и во множественном числе.

В первую очередь к ним относятся такие существительные, у которых в силу их лексической семантики различие в формах числа бывает связанным с выражением чисто количественного («один ~ много») противопоставления, отражающего имеющие место во внеязыковой действительности различия. Их функционирование иллюстрируют следующие примеры:

ek thī buṛhiyā, uskā ek beṛī thā (SV3, 16) ‘Жила-была старушка, у нее был сын’ ~ *ek rājā thā. uske kāṭe beṛe the...* (AY1, 54) ‘Жил-был один раджа. У него было несколько сыновей...’;

cārō ṭhaḡ kisān ko pakar pāne kī hī soc mẽ ḍūbe rahte (S, 362) ‘Четверо грабителей ломали голову над тем, как поймать [этого] крестьянина’ ~ *sab milākar anna kā cauthā bhāḡ kisānō ke pās se nikal gayā* (VM, 31) ‘Всего у крестьян была изъята одна четвертая часть зерна’;

bāhar rājā kā kuttā soyā huā thā (AY1, 22) ‘Снаружи спала собака раджи’ ~ *sab khānā kutte pahle hī caṭ kar cuke the* (AY1, 40) ‘Всю еду собаки уже успели сожрать’;

munṣī kī havelī mẽ ek bahut barā kuā thā... (VB, 13) ‘У мунши [Рамсахая] во дворе усадьбы был большой колодец...’ ~ *jo īn kuē bace the ve choṭe-choṭe the* (VB, 14) ‘...три сохранившихся колодца были мелкими’;

māi yah ciṭṭhī post karke ḍek par calā jāṅgā (RA, 142) ‘Оправив это письмо, я выйду на палубу’ ~ *ve ciṭṭhiyā āj bhī nīlimā ke pās surakṣit hāi ...* (RA, 136) ‘Эти письма и сейчас хранятся у Нилимы...’;

Мальчик попытался было встать, но не держали ноги (А.Толстой) ~ Он заглянул за штабеля и увидел трех **мальчиков**... (А. Толстой);

Коляска остановилась у крыльца. **Слуга** соскочил с козел, отпер дверцы... (А. Пушкин) ~ **Слуги** суетились, расставляя бутылки и графины и прилаживая скатерти (А. Пушкин);

По милости Пугачева, я имел добрую **лошадь**... (А. Пушкин) ~ **Лошади** были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться со зрителем и его дочкой (А. Пушкин);

Страшная **туча** надвигалась не спеша, сплошной массой... (А.Чехов) ~ Грозовые **тучи** утонули на северо-востоке (А. Толстой);

Бутылка армянского коньяка, припрятанная на всякий случай, не давала мне покоя: старики, вероятно, сроду не пивали такого (В.Белов) ~ Иван же Африканович поставил **бутылки** на стол... (В.Белов).

Марья Ивановна приняла **письмо** дрожащею рукою и, заплавав, упала к ногам императрицы... (А. Пушкин) ~ Владимир положил **письма** в карман, взял свечу и вышел из кабинета (А. Пушкин).

Выделенные в приведенных примерах существительные языка хинди и русского языка принадлежат к широкому кругу существительных конкретно-предметной семантики, т.е. таких существительных, которыми обозначаются материальные объекты, отличающиеся дискретностью, т.е. вычлененностью из ряда себе подобных, а следовательно, и считаемостью – параметром, позволяющим различать единичность и множественность.

В межъязыковом плане формы числа таких “конкретно-предметных” или, лучше сказать, нарицательных (несобственных) предметных существительных обычно совпадают:

tujhe apne beṭe par nāz hai... (VB, 111) – А вот я горжусь **сыном**... (ВБ, 108);

āpke pās to do moṭurē hāī... (VB, 519) – У тебя, кажется, еще **два автомобиля**... (ВБ, 407);

usne baṛhkar ramlāl kā hāth rakṛā ... (VB, 243) – Подойдя к Рамлалу, он (Бхикху. – В.Л.) дернул его за **руку**... (ВБ, 211);

...[она] имеет двух **горничных, кучера**... (А. Чехов) – ...*vah do naukṛāṇīyā aur ek kocvān rakhe hue hāī...* (CL, 113);

По милости Пугачева, я имел добрую **лошадь**... (А. Пушкин) – *pugācev ko dhanyavād detā hū jiskī kṛpā se mere pās bahut baṛhīyā ghorā thā* (PK, 94);

У Швабрина было несколько французских книг (А. Пушкин) – *švābrin ke pās kuch frāṣīsī bhāṣā kī kitābē thī* (ПК, 33-34).

Оппозиция «единичность: множественность» оказывается в плане содержания снятой (нейтрализованной):

1) в случаях, когда существительное в форме единственного числа наделяется в контексте, благоприятном для родового множественного числа, семантической функцией обобщения:

kuttā svabhāv se niḍar, satarka, ājñākārī, svāmibhakta aur svāmī ke sneh kā bhūkhā hotā hai (VL.1960.V, 18) ‘С о б а к а по своему нраву является бесстрашным, чутким, преданным хозяину и нуждающимся в ласке хозяина животным’; ср. пример с родовым множественным числом: *kutte prakṛti se mānsāhārī hote hāī* (VL.1960. V, 19) ‘С о б а к и по своей природе плотоядны’;

Волк, евши, никогда костей не разбирает (И. Крылов); ср. пример с родовым множественным числом: *Что волки жадны, всякий знает* (И.Крылов);

2) при употреблении имени в форме единственного числа в благоприятном для дистрибутивного множественного числа контексте:

carvāhe gāyē-bhāīsē lekar laṭ rahe the. unke gale kī ghaṇṭiyō kā svar sumadhur rāginī-sā gūj rahā thā... (НК, 43) ‘Пастухи возвращались с коровами и буйволами. На шее животных мелодично позвякивали колокольчики’; ср. пример с дистрибутивным множественным числом: *dopahar ke sannāṭe mē bher-bakriyō ke galō mē bādhī huī ghaṇṭiyō kā svar havā mē bahtā huā sunāī de jātā thā* (LK, 113) ‘В полуденной тишине раздавался плывущий по воздуху звон колокольчиков, привязанных к шеям овец и коз’;

apne dostō kī thailī mē usne ek-ek cāinīz pen bhī dāl diyā thā (BJ, 179) ‘В сумки (букв. в сумку) своих друзей он также сунул по одной китайской авторучке’;

nāštā kar lene par apne sāmānō ko kandhe aur pīṭhī par lādkar ham cal paṛe (SA, 19) ‘После завтрака мы двинулись дальше, взгромоздив свою поклажу на плечи и спины (букв. на плечо и спину)’;

tīnō yuvatiyō kā niṣprāṇ cehrā ubhay se na dekhā gayā (NK.1961.XI, 56) ‘Убхай не смог смотреть на безжизненные лица (букв. безжизненное лицо) трех девушек’;

dillagībāz ne donō kī ākhō se paṭṭī bādh dī... (AY2, 8) ‘Шутник обоим завязал глаза лентами (букв. завязал ленту)...’;

pānī ke garbha se nikalkar choṭe-choṭe patthar bhī apnā sir uṭhāe ākāś ko nihār rahe the (LK, 74) ‘Даже мелкие камни, высунувшись из воды, вглядывались в небо’ (букв. ‘...поднявши свою г о л о в у, вглядывались в небо’);

На берегу стояло несколько верб, но **тень** от них падала не на землю, а на воду... (А. Чехов); ср. пример с дистрибутивным множественным числом: ...по краям дороги спешили куда-то назад облака пыли и их **мени** (А. Чехов);

...только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая **гриву** лошадей, покрытую инеем (М. Лермонтов);

...она вслух читала романы и виновата была во всех ошибках **автора**... (А. Пушкин);

Присутствовавшие подняли **голову** в сторону двери [159, с.56]; ср. пример с дистрибутивным множественным числом: *Тех, кто пел неверно, он шлепал линейкой по **головам** как-то особенно звучно и смешно, но не больно* (М. Горький);

3) при выражении обобщенно-собирательного значения существительным в форме единственного числа (отклонение формы единственного числа от выражения единичности выглядит проистекающим из обобщения, относящегося к множеству предметов, вовлеченных в описываемую ситуацию, а не ко всему классу или роду предметов):

*fārbisganj bāzār kī kisī dukān mẽ cale jāie, jyō hī mālūm huā ki purānpur kā **grāhak** āyā, dukāndār apnī bikhrī huī cīzō ko sameṭnā šurū kar detā hai* (RP, 24) ‘Зайдите-ка в какую-либо лавку базара в Форбсгандже. Как только станет ясным, что пожаловал **п о к у - п а т е л ь** из Паранпура, **л а в о ч н и к** тут же начинает собирать разложенные товары’;

*kḥazāne mẽ koī kamī nahī thī kyōki mālve kā **kisān** samay par apnā lagān cikāitā rahtā thā* (VM, 397) ‘Казна была полна, потому что **к р е с ь т ь я н и н** Мальвы своевременно выплачивал налог’;

Швед, русский – колет, рубит, режет (А. Пушкин);

В своей глуши мудрец пустынный, Ярем он барицины старинной Оброком легким заменил; **И раб** судьбу благословил (А. Пушкин);

Кедрачи кончились, пошла **лиственница**, потом сосняк, **елка** (С. Антонов).

Среди существительных конкретно-предметной семантики имеется ряд имен, обозначающих единичные (существующие или

мыслимые существующими, так сказать, в одном экземпляре, считаемые до “одного”) объекты, например: *cāḍ* ‘луна’, *jagat* ‘мир’, ‘вселенная’, *ākāś* ‘небо’ – в хинди; *солнце*, *космос*, *рай* – в русском. Форма множественного числа таким именам не свойственна.

К отражению различия между единичностью и множественностью формами числа (соответственно единственного и множественного) причастны и существительные, обозначающие совокупность дискретных объектов (людей, животных, вещей):

*pañjābī naujavāṇō kī ek **ṭolī** bhāgrā nāc rahī thī* (YV, 459) ‘Г р у п п а юношей-пенджабцев исполняла [танец] бхангра ~ *īdgāh jānevālō kī **ṭolīyā** nazar āne lagī* (PG, 40) ‘Стали появляться г р у п п ы людей, направляющихся к месту моления’;

*hiraṇō kā ek **jhuṇḍ** cartā huā nazar āyā* (P, 77) ‘Показалось с т а д о пасущихся антилоп’ ~ *jangal itnā viśāl, saghan aur bha-yankar thā ki hāthiyō ke baṛe baṛe **jhuṇḍ** is mẽ mauj ke sāth bicarte the* (VM, 226) ‘Лес был столь обширен и дремуч, что по нему свободно бродили огромные с т а д а слонов’;

*kamre mẽ ek kone mẽ kuch sūkhe donō kā aur kuch sābit aur **ṭīṭe kulhaṛō kā **ḍher** lagā thā*** (CC, 22) ‘В одном из углов комнаты находилась г р у д а сухих тарелок из листьев и глиняных чашек, целых и разбитых’ ~ *dīvārō ke sāth-sāth aur bāhar nikalne ke rāstō par lāśō ke **ḍher** lage the* (RD, 10) ‘Возле стен и на дорогах, ведущих наружу, лежали г о р ы (букв. к у ч и) трупов’;

... но могло стать и то, что *шайка* его продолжала свои действия и в отсутствие начальника (А. Пушкин) ~ Староста объявил мне, что на той стороне все деревни взбунтовались, *шайки* пугачевские бродят вокруг (А.Пушкин);

В первый раз выгнали скотину, и около *стада* ходили девушки и бабы, одетые по-праздничному (А. Чехов) ~ В лугах шумят бродящие *стада*... (А.Пушкин);

...они выносили оттуда всякую дрянь, пустые жбаны, одревенелые тулупы, масляные горшки, люльку с *кучей* тряпок и пестрым ребенком... (И.Тургенев) ~ На столах – *кучи* черствого хлеба и винтовок (А. Толстой).

В круг таких существительных (их круг едва ли можно строго очертить) вдобавок к именам *ṭolī* ‘группа’ (также ‘команда’, ‘бригада’, ‘стая’), *jhuṇḍ* ‘стадо’ (также ‘толпа’, ‘табун’, ‘отара’, ‘стая’, ‘рой’, ‘косяк’), *ḍher* ‘куча’ (также ‘груда’, ‘масса’), *шайка*, *стадо*, *куча*, помещенным в вышеприведенных примерах, попадают, в ча-

стности, *kāfilā* ‘караван’, ‘вереница’, *gaṭhrī* ‘связка’, ‘пачка’, ‘узел’, *gallā* ‘стадо’, ‘отара’, *giroh (garoh)* ‘группа’, ‘компания’, ‘банда’, ‘шайка’, ‘блок’, *gucchā* ‘букет’, ‘гроздь’, ‘связка’, ‘пучок’, *jaṭhā* ‘отряд’, ‘группа’, ‘компания’, *jaṃghaṭ* ‘большая толпа’, ‘сборище’, *jhurmuṭ* ‘толпа’, ‘сборище’, ‘скопление’, ‘заросли’, ‘чаща’, *ṭukrī* ‘группа’, ‘кружок’, ‘отряд’, ‘стая’, *dherī* ‘кучка’, *dal* ‘отряд’, ‘группа’, ‘команда’, ‘группа’, ‘бригада’, ‘стая’, ‘рой’ (также ‘партия’, ‘фракция’), *dastā* ‘отряд’, *bhūr* ‘толпа’, ‘скопление’, *majmā* ‘толпа’, ‘сборище’ (также ‘митинг’, ‘собрание’), *revar* ‘отара’, ‘стадо’, *samudāy* ‘коллектив’, ‘сообщество’, ‘группа’, ‘стадо’, ‘стая’, *samūh* ‘коллектив’, ‘сообщество’, *hujūm (hajūm)* ‘сборище’, ‘толпа’ // *вереница, гряда, команда, отара, рой, связка, стадо, табун, толпа...* В их кругу широко представлена синонимия. При этом по своему лексическому значению существительные одного языка близки существительным другого (в связи с этим показательно то, что имена русского языка зачастую соответствуют переводным эквивалентам имен языка хинди). Однако в русском языке выбор существительного, обозначающего совокупность, в большей мере, чем в хинди, определяется тем, совокупность каких объектов имеется в виду: *ghorō kā jhuṇḍ* – *табун* лошадей, *gāyō kā jhuṇḍ* – *стадо* коров, *kabūtārō kā jhuṇḍ* – *стая* голубей, *madhumakkhiyō kā jhuṇḍ* – *рой* пчел, *striyō kā jhuṇḍ* – *толпа* женщин, *laṛkiyō kā giroh* – *группа* девушек, *ḍakaitō kā giroh* – *банда* грабителей, *bheriyō kā dal* – *стая* волков, *karmiṇyō kā dal* – *бригада* рабочих, *makkhiyō kā dal* – *рой* мух, *phūlō kā gucchā* – *букет* цветов, *cābiyō kā gucchā* – *связка* ключей.

Сама совокупность, названная тем или другим существительным отмеченного круга, мыслится дискретной (а потому и считаемой), и ее дискретность по отношению к дискретности объектов, ее составляющих, является вторичной (второго порядка), что удобно отразить “пропорциями” двух видов:

а) *laṛkā* ‘мальчик’: *laṛke* ‘мальчики’ = *laṛkō kī ṭolī* ‘группа мальчиков’: *laṛkō kī ṭoliyā* ‘группы мальчиков’; *голубь*: *голуби* = *стая голубей*: *стаи голубей*;

б) *laṛkā* ‘мальчик’: *laṛkō kī ṭolī* ‘группа мальчиков’ = *laṛke* ‘мальчики’: *laṛkō kī ṭoliyā* ‘группы мальчиков’; *голубь*: *стая голубей* = *голуби*: *стаи голубей*⁴.

⁴ Для имени, называющего дискретные объекты, образующие совокупность, характерна в позиции зависимого компонента атрибутивной синтагмы форма множест-

Противопоставление форм единственного и множественного числа, связанное в плане содержания с противопоставлением количества, является релевантным также для существительных, которыми обозначаются организации, учреждения, объединения, общественные институты, формирования – словом, всё то, чему присущи функции, выполнение которых обеспечивается целенаправленной деятельностью людей (лиц), составляющих определенную общность. В межкультурном плане для таких существительных оказывается характерной лексическая эквивалентность: *hukūmat* – *правительство*, *kāunsil* – *совет*, *daftār* – *канцелярия (контора)*, *senā* – *армия (войско)*, *sampradāy* – *община (религиозная)*. Их отличает сочетаемость с глаголами, обозначающими действия, присущие субъектам-лицам.

Такие существительные, как *kisān* ‘крестьянин’, *kuttā* ‘собака’, *ciṭṭhī* ‘письмо’, *слуга*, *лошадь*, *туча*, как *jhuṇḍ* ‘толпа’, *ṭolī* ‘группа’, *отара*, *стая*, как *senā* ‘армия’, ‘войско’, *правительство*, являются “считаемыми”, и их “считаемость” предстает как отражение дискретности обозначаемых ими объектов.

К существительным, употребляемым только в единственном числе, т.е. к существительным *singularia tantum*, относятся, например, такие слова, как *kājal* м. ‘сажа’, *khamīr* м. ‘дрожжи’, *malāī* ж. ‘сливки’, *cāḍī* ж. ‘серебро’, *tābā* м. ‘медь’, *phūs* м. ‘солома’, *asbāb* м. ‘багаж’, ‘имущество’, ‘пожитки’, *vitta* м. ‘финансы’, *riāyā* ж. ‘подданные’, *pulis* ж. ‘полиция’, *mānav-jāti* ж. ‘человечество’ (‘род людской’), *mānavtā* ж. ‘гуманность’, *āzādī* ж. ‘свобода’, *gam* м. ‘печаль’, *basraṇ* м. ‘детство’, *akhaṇḍatā* ж. ‘неделимость’, ‘целостность’, *piṭāī* ж. ‘избиение’, ‘побои’, *bāt-cīt* ж. ‘разговор’, ‘беседа’, ‘переговоры’, *lukā-chipī* ж. ‘прятки’, *daur-dhūr* ж. ‘хлопоты’, ‘суета’, ‘суматоха’, *jhuṭṭiṭā* м. ‘сумерки’, *caurāī* ж. ‘ширина’, *dhūr* ж. ‘солнечный свет’, ‘солнечный зной’, *cesak* ж. ‘оспа’, *gaṭhiyā* ж. ‘ревматизм’, *zūkām* м. ‘простуда’, *pratiṣat* м. ‘процент’// *нефть*, *копоть*, *олово*, *водород*, *мякина*, *шелуха*, *посуда*, *мебель*, *листва*, *детвора*, *крестьянство*, *духовенство*, *молодежь*, *люд*, *беднота*, *челядь*, *дворя*, *родня*, *сброд*, *хлам*, *рухлядь*, *тряпье*, *зверье*, *дурачье*, *отрочество*, *баловство*, *старость*, *беготня*, *усталость*, *независимость*, *воодушевление*, *грипп*, *скарлатина*, *темнота*, *тепло*, *жара*.

венного числа. Однако возможно и появление формы единственного числа имени в данной позиции. См., например, в хинди: *cābī kā guccā* (YD, 319) букв. ‘связка ключа’ в отличие от *cābiyū kā guccā* (ND, 69) ‘связка ключей’, *ṭiḍḍī kā dal* (GS, 250) в отличие от *ṭiḍḍiyū kā dal* ‘туча саранчи’.

Среди них видное место в обоих языках занимают имена, которые обозначают вещество или однородную массу материи, совокупность однородных или разнородных объектов, выступают как названия качеств, свойств, действий в отвлечении от их носителей.

Вполне естественно, что в межъязыковом плане в таких существительных обнаруживается немало лексических эквивалентов, например: *cīnī* – сахар, *sonā* – золото, *surmā* – сурьма, *dhūl* – пыль, *īn* – шерсть, *burhāī* – старость, *thakāvaṭ* – усталость, *āvārāpan* – бродяжничество, *lambāī* – длина, *haizā* – холера, *koṛh* – проказа (болезнь), *sataḥ* – блеск (показательны также в своем большинстве и переводные эквиваленты приведенных выше слов хинди: *kājal* ‘сажа’ и т.п.).

Вместе с тем нередки случаи, когда существительным *singularia tantum* языка хинди в русском соответствуют: а) существительные, употребляемые только во множественном числе, т.е. существительные *pluralia tantum*, например: *burādā* – опилки, *jūṭhan* – объедки, *ākh-macaulī* – жмурки (см. также некоторые из переводных эквивалентов приведенных выше слов языка хинди: *khamīr* ‘дрожжи’ и т.п.); б) форма множественного числа существительных, не лишенная формы единственного числа, например: *riāyā* – подданные, *bandhuvarga* (*bandhu* ‘родственник’ + *varga* ‘класс’) – родственники (наряду с *rodnyā*).

При переходе же от русского языка к хинди бросается в глаза разнообразие в передаче на язык хинди русских существительных *singularia tantum*, отличающихся значением собирательности. Последним в хинди соответствуют:

1) форма множественного числа существительных, выступающих в формах обоих чисел, например: *тряпье* – *cithṛe* (*cithṛā* м. ‘тряпка’, ‘лоскут’), *детвора* – *bacce* (*baccā* м. ‘ребенок’), *артиллерия* – *torē* (*tor* ж. ‘пушка’, ‘орудие’);

2) композиты с заключительным компонентом *-gaṇ*, *-jan*, *-vṛnd*, *-varga*, *-samūh* или *-samudāy*, например: *клиентура* – *grāhak-gaṇ* (*grāhak* м. ‘клиент’, ‘покупатель’), ‘молодежь’ – *yuvā-jan* (*yuvā* м. ‘юноша’), *детвора* – *bāl-vṛnd* (*bāl* м. ‘ребенок’, ‘мальчик’), *крестьянство* – *kisān-varga* (*kisān* м. ‘крестьянин’), *студенчество* – *vidyārthī-samūh* (*vidyārthī* м. ‘студент’);

3) сочетания *N + log* (*log* м. мн. ‘люди’, ‘люд’, ‘народ’), например: *купечество* – *vyāpārī log* (*vyāpārī* м. ‘купец’), *чиновничество* – *klark log* (*klark* м. ‘чиновник’);

4) копулятивные композиты, например: *хлам* – *kūrā-kabār* (*kūrā* м. ‘мусор’, ‘отбросы’, *kabār* м. ‘рухлядь’), *челядь* – *naukar-cākar* (*naukar* м. ‘слуга’, *cākar* м. ‘слуга’);

5) описательные обороты, например: *пехота* – *paidal senā* (букв. ‘пешее войско’), *листва* – *per ke patte* (букв. ‘деревя листья’).

Представителем существительных pluralia tantum является в хинди существительное *log* м. ‘люди’, ‘люди’, ‘народ’: *caupāl mē baithe log sun rahe the* (BL, 137) ‘Люди, сидевшие под навесом, слушали’, *...par bahut kam logō ne kaimp choṛe the* (YB, 345) ‘...но лагеря покинуло совсем немного людей’, *vimal jī aur dāktar śyāmā, yahī do bhale log hāī* (YB, 168) ‘Вимал и доктор Шьяма – вот два достойных человека’.

Его отличает способность играть роль постпозитивного форманта множественного числа в сочетании, как правило, с личными существительными, причем такими, которым свойствен синкретизм форм числа в прямом падеже: *choṛe-choṛe klark log janatā se nipat rahe hāī...* (BJ, 121) ‘Мелкие чиновники отмахиваются от [простых] людей...’, *bāki netā logō ke lie bēt kī banī huī kursiyā rakhī gayī hāī* (BJ, 206) ‘Для остальных руководителей поставлены стулья из тростника’, *rājā logō ke vacanō kā kyā?* (VM, 134) ‘Чего стоят обещания раджей?’ (ср.: *klark* м. ‘чиновник’, *netā* м. ‘вождь’, ‘лидер’, ‘руководитель’, *rājā* м. ‘раджа’).

К разряду pluralia tantum словари причисляют существительное *pitar* м. ‘предки’. К нему же тяготеет имя *panc* м. при употреблении в значении ‘судебный панчаят’, ‘члены панчаята’: *...māī pancō ko jurmānā na vasūl karne dūgā* (P, 173) ‘...я не позволю панчаяту взымать штраф’. В него включают также синонимы *hastākṣar* м. и *dastkhat* м. ‘подпись’ [158, с. 19].

Тенденцию к употреблению только в формах множественного числа проявляют в хинди многие копулятивные композиты, чьи компоненты объединяются на базе синонимии или ассоциативного отношения: *bandhu-bāndhav* м. ‘родственники’, ‘родня’ (ср. *bandhu* м. ‘родственник’, *bāndhav* м. ‘родственник’), *naukar-cākar* м. ‘слуги’, ‘челядь’ (ср. *naukar* м. ‘слуга’, *cākar* м. ‘слуга’), *bāl-bacce* м. ‘дети’, ‘детвора’ (ср. *bāl* м. ‘ребенок’, ‘мальчик’, *baccā* м. ‘ребенок’, ‘дитя’, ‘мальчик’), *strī-bacce* м. ‘женщины и дети’ (ср. *strī* ж. ‘женщина’, *baccā* м. ‘ребенок’, ‘дитя’, ‘мальчик’), *nar-nārī* м. ‘мужчины и женщины’ (ср. *nar* м. ‘мужчина’, *nārī* ж. ‘женщина’), *bhāī-bahan* м. ‘братья и сестры’ (ср. *bhāī* м. ‘брат’, *bahan* ж. ‘сестра’), *kutte-billī* м. ‘собаки и кошки’ (ср. *kuttā* м. ‘собака’, *billī* ж. ‘кошка’), *bher-*

bakriyā ж. ‘овцы и козы’, ‘мелкий рогатый скот’ (ср. *bheṛ* ж. ‘овца’, *bakrī* ж. ‘коза’), *paṣu-pakṣī* м. ‘звери и птицы’ (ср. *paṣu* м. ‘животное’, *pakṣī* м. ‘птица’), *peṛ-paudhe* м. ‘растительность’, ‘флора’ (ср. *peṛ* м. ‘дерево’, *paudhā* м. ‘растение’), *galī-kūce* м. ‘переулки и закоулки’ (ср. *galī* ж. ‘переулок’, *kūcā* м. ‘переулок’, ‘закоулок’).

Употребление некоторых из них в таком качестве иллюстрируют следующие примеры:

aisā na ho ki mere pīche bāl-bacce bhīkh māgte phirē (PG, 110) ‘Нельзя допустить, чтобы д е т и из-за меня попрошайничали’, *pariṇām yah huā ki na to ve apne afsarō ko prasanna rakh sake aur na hī apne bāl-baccō ke lie kuch jamā kar sake* (GD, 77) ‘Вышло так, что он не сумел ни добиться расположения к себе своих чиновников, ни скопить сколько-нибудь денег для своих д е т е й ’;

...ghar-bhar ke nar-nārī inhē baṛī dūr tak pahūcāne āye (P, 102) ‘...м у ж ч и н ы и ж е н щ и н ы пошли всей деревней их провожать’, *sārī duniyā ke nar-nārīyō kī jīvan vyavasthā* (AN, 320) ‘жизненный уклад м у ж ч и н и ж е н щ и н всего света’;

...ham sab bhāt-bahan aur kabhī-kabhī anya bacce bhī ghaṇṭō mantra-mugdha hue baiṭhe sunte rahte the (S, 1) ‘...все мы, б р а т ь я и с е с т р ы, а иногда вместе с нами и другие дети часами сидели зачарованными и слушали [сказки]’, *mere dil mẽ ...apne bhāt-bahinō ke liye bhī utnā hī dard hai* (YB, 87) ‘Мое сердце испытывает такое же сострадание... и к своим б р а т ь я м и с е с т р а м ’;

kuch dūr āge āne par peṛ-paudhe itne ghane ho gaye ki unke bhītar se rāstā calnā asambhav jān paṛā (SA, 92) ‘На пути дальнейшего следования р а с т и т е л ь н о с т ь стала такой густой, что пробираться сквозь нее показалось невозможным’, *peṛ-paudhō ke rang ke sāth unke rang mẽ koī bhed na rahne se ekāek un par hamārī dṛṣṭī nahī paṛī thī* (SA, 80) ‘Мы их (слонов. – В.Л.) заметили не сразу, потому что по цвету они не отличались от р а с т и т е л ь н о с т и ’.

Категорию числа своеобразно преломляют, обнаруживая принадлежность к мужскому роду, лексические единицы, обозначающие совокупность двух лиц. Это композита *mātā-pitā* (*mātā* ж. ‘мать’ + *pitā* м. ‘отец’) ‘родители’ и ее такого же строения синоним *mā-bāp*, композита *pati-patnī* (*pati* м. ‘муж’ + *patnī* ж. ‘жена’) ‘супруги’, ‘супружеская пара’, ‘супружеская чета’ с ее такого же строе-

ния синонимом *miyā-bīvī*, существительное *dampati* ‘супружеская пара’, ‘супружеская чета’.

В позиции прямопадежной формы они формами согласования синтаксически связанных с ними слов (например, формами глагола, формами лексем адъективной парадигмы словоизменения) наделяются граммемой множественного числа не только при их отнесении к множеству пар, но и, как показано в приводимых ниже примерах, при сообщении об одной паре лиц:

t u m h ā r e mātā-pitā kyā tumhē itnī bhī āzādī na d ē g e ? (PM4s, 211) ‘Неужели твои родители не предоставляют тебе даже такой свободы?’;

kis phaṭe-hālī mē u s k e mātā-bāp zindagī b i t ā t e t h e. sārī zindagī unhō ne kamar-tor pariśram kiyā (НК, 76) ‘В какой же ужасной нищете прозябали его родители! А ведь всю свою жизнь они трудились в поте лица’ (показательна здесь и форма множественного числа, связанного с композитой анафорическим отношением местоимения – *unhō*);

pati-patnī donō ek dūsre ke pūrak h o t e h āi (Kd. 1984. XII, 182) ‘Муж и жена дополняют друг друга’ (показательна здесь и агрегативная форма числительного *do* ‘два’ – *donō* ‘оба’), *pati-patnī uske pāsvālī benc par jākar b a i t h g a y e. unke cehrō par halkā-sā prasanna bhāv thā aur ve dhīre-dhīre bātē kar rahe the* (НК. 1962. IV, 110) ‘Муж с женой сели на стоявшую недалеко от него скамейку. На их лицах отражалось чувство некоего удовлетворения, и они тихо беседовали’ (показательны и формы множественного числа, связанного с композитой анафорическим отношением местоимения – *un* в составе словосочетания *unke cehrō par* ‘на их лицах’ и *ve* ‘они’);

usī mē apnī tīn laṛkiyō aur do laṛkō ke sāth ve miyā-bīvī r a h t e h āi (BJ, 40) ‘На ней-то (веранде. – В.Л.) живет эта супружеская пара со своими тремя дочерьми и двумя сыновьями’ (показательна местоименная форма множественного числа *ve*);

nikaṭ hī ek gujarātī dampati mandir d e k h r a h e t h e. nārā sunkar ve man hī man khīje, par unhō ne kuch kahā nahī (Kd. 1984. XII, 141) ‘Тут же одна гуджаратская чета осматривала храм. Лозунг, который они слышали, больно задел их за живое, но они ничего не сказали’ (в данном примере местоименные формы множественного числа *ve* и *unhō*, связанные с существи-

тельным *dampati* анафорическим отношением, контрастируют на синтагматической оси с числительным *ek* ‘один’, помещенным перед данным существительным).

В позиции же косвеннопадежной формы они, если имеется в виду только одна пара, обходятся без окончания *-ō*, присущего данной форме во множественном числе, а естественным образом принимают это окончание, относясь к множеству пар (совокупностей двух лиц):

ākhir hamāre mātā-pitā ne hamē śikṣā dī hai (BD, 74) ‘В конце концов наши родители дали нам образование’ ~ *jin larḳiyō ke mātā-pitāō ne devkārya ke lie apnī kanyāō ko... arpī kar diyā unhē to yatheṣṭa dhan mil gaya...* (NM, 74) ‘Тем родителям девушкам, которые ради богоугодного дела... пожертвовали своими чадами, досталось вожделенное богатство...’;

pāsvālī benc par baiṭhe pati-patnī kī or dekhkar uske man mẽ ek dṛṣya tair gayā ... (NK.1962. IV, 110) ‘Когда он глянул на супружескую пару, сидевшую на соседней скамейке, перед его мысленным взором всплыла картина...’ ~ *māi ne hoṭal kā yah ang kuch bhale ghar ke pati-patniyō kī suvidhā ke lie kholā hai* (GD, 84) ‘Я открыл этот сектор гостиницы ради комфорта для некоторых знатных супругов’;

desāi-dampati ke pās lautkar profesar beherā ne sādhu kī sārī bātē batlāyī (Kd. 1984. XII, 141) ‘Вернувшись к супругам [по фамилии] Десаи, профессор Бехера сообщил им все то, о чем ему поведал садху’, *uske sātṽḍe din us dampati ne kuch cunindā daspandrah vyāpārī va bare sarkārī afsarō ko rātri-bhoj par āmantrit kiya ...* (JS, 61) ‘На седьмой день [после своего приезда] эта чета пригласила на ужин десятка полтора незаурядных бизнесменов и крупных правительственных чиновников...’ (в данном примере то, что имеется в виду одна пара, оттеняет местоименная форма единственного числа *us*, помещенная перед *dampati*) ~ *...kintu dekhne mẽ yah ātā hai ki adhikānś dampatiyō ke vaivāhik jīvan sukhī nahī hote* (Kd. 1984. XII, 182) ‘...но приходится наблюдать, что у большинства супругов брачная жизнь счастливой не бывает’.

Способность обозначать совокупность двух лиц (парную совокупность) в значении “супружеская пара / чета” проявляют также такие композиты, как *strī-puruṣ*, *nar-nārī*, *mard-aurat*, *aurat-mard*, чьи компоненты представлены существительными мужского рода *puruṣ*, *nar*, *mard* ‘муж’ (< ‘мужчина’) и женского рода *strī*, *nārī*, *aurat* ‘жена’ (< ‘женщина’).

Живой процесс создания композит, выражающих значение совокупности двух лиц, отражают такие примеры: *vahā ek kumhār-kumhārī bhī rahte the* (S, 324) ‘Там также жил гончар с женой’, *amar apne jeṭh-jeṭhānī ke liye bojh nahī thī ...* (VB, 637) ‘Амар для своего старшего деверя и его жены обузой не была...’.

Значение совокупности двух лиц можно трактовать как частное проявление значения множественности, отличающееся двумя смысловыми моментами, дополняющими друг друга: собирательностью и внутренней членимостью. Принадлежность существительных, обозначающих совокупность двух лиц, к разряду имен *pluralia tantum* нарушается лишь тем, что при отнесении к одной паре они не принимают флексии *-ō* в позиции косвеннопадежной формы.

Однако вовсе не исключается возможность наделять композиту, чьи компоненты представлены личными существительными, в позиции прямопадежной формы граммемой единственного числа: *bhalā, a i s ā kaun mā-bāp h o g ā jo apnī beṭī ko sukhī na dekhnā cāhtā ho* (HK, 34) ‘Ну что это за родители, которые не желали бы видеть свою дочь счастливой?!’, *gāṅv k ā koī bhī nar-nārī tumhāre hāth kā bharā-chuā pānī nahī p i y e g ā* (VM, 213) ‘Никто из жителей деревни [будь то мужчина или женщина] не будет пить воду, которой вы касались...’. Возможно, что в этих примерах выражению данной граммемы способствуют сочетающиеся с композитой местоимения: в одном случае – вопросительное *kaun* ‘какой’, ‘что-за’, в другом – неопределенное *koī* ‘какой-нибудь’.

Норме не противоречит наделение граммемой единственного числа тех копулятивных композит, чьи компоненты – “неодушевленные” существительные: *dāl-bhāt* м. ‘простая еда’ (*dāl* ж. ‘бобовые’ + *bhāt* м. ‘вареный рис’), *dhotī-kurtā* м. ‘дхоти с рубашкой навыпуск’ (типичная одежда) (*dhotī* ж. ‘набедренная повязка’, ‘дхоти’ + *kurtā* м. ‘рубашка навыпуск’), *pān-tambākū* м. ‘пан и табак’ (*pān* м. ‘пан’ + *tambākū* м. ‘табак’), *ḡalam-dāvāt* ж. ‘письменные принадлежности’ (*ḡalam* ж. / м. ‘перо’, ‘ручка’ + *dāvāt* ж. ‘чернильница’).

В качестве существительных *pluralia tantum* выступают композиты типа *matpuruṣa*, за первым компонентом которых – именем (преимущественно личным), определяющим в плане денотации их лексическое значение, следует компонент, восходящий к имени мужского рода *gaṇ* (‘толпа’, ‘скопление’, ‘разряд’, ‘класс’, ‘свита’, ‘челядь’) пласта лексики *mat-sama*⁵.

⁵ Такого рода композиты оказываются на границе между словообразованием и формообразованием: их заключительный компонент можно принять за формообразовательный суффиксоид, привносящий грамматическое значение множественного числа. А.С.Бархударов зачислил *-gaṇ* наряду с *-varge* и *-jan* в разряд словосуффиксов, образующих собирательные и множественные имена [16, с. 119].

В позиции прямопадежной формы граммема множественного числа получает выражение в формах согласования, в позиции косвеннопадежной формы – во флексии *-ō*.

śrotāgaṇ avaśya bhaṛbhaṛākā kar kamre se calne la ge t h e (CC, 19) ‘С л у ш а т е л и шумно повалили из комнаты’ ~ *śrotāgaṇō mē kuch khalbalī paṛ gaī ...* (CC, 18) ‘Среди с л у ш а т е л е й возникла некоторая сумятица...’ (ср. *śrotā m.* ‘слушатель’);

is din kāngres k e netāgaṇ musalmānō kī rakṣā ke lie n i - k a l p a ṛ e (GD, 18) ‘В тот день л и д е р ы Конгресса выступили в защиту мусульман’ ~ *yadī kisī kāraṇ ve pāṛī ke netāgaṇō se asantoṣ kī ek jhalak bhī mukh par āne dē...* (GD, 100) ‘А если почему-либо они позволят себе хотя бы мимикой выразить свое недовольство л и д е р а м и партии...’ (ср. *netā m.* ‘вождь’, ‘лидер’, ‘руководитель’);

kāngres aur brīṭiś-sarkār mē ek vikarāl sangharṣa chiṛ gayā thā, aur adhikārīgaṇ ṣankit aur cintit t h e (VB, 537) ‘Между Конгрессом и британским правительством разгорелась нешуточная борьба, и в л а с т и были встревожены и озабочены’ ~ *sambandhit adhikārī gaṇō ko anek bār sthiti se avagat karāne... kī māṅ ke bād* (JY. 13.05.1973, 5) ‘после требования... регулярно знакомить соответствующих п р е д с т а в и т е л е й в л а с т и с ситуацией’ (ср. *adhikārī m.* ‘должностное лицо’, ‘чиновник’, ‘представитель власти’).

Однако в позиции косвеннопадежной формы композита может обойтись и без флексии *-ō*, как во втором примере приводимой ниже пары примеров:

bhāratendu yug ke kavīgaṇ navīn bhāvnāō se udbuddha ho brajbhāṣā mē racnāē k a r t e r a h t e (KB, 10) ‘П о э т ы эпохи Бхаратенду [Харишчандры], взбодрившись новыми веяниями, продолжили творить на брадж-бхаша’ ~ *is asvābhāvikā kī or bābū śyāmsundardās ne ek bār paṇḍit śrīdhar pāṭhak, paṇḍit mahāvīrprasād dvivedī tathā anyā kavīgaṇ kā dhyān ākarṣit karte hue likhā thā...* (KB, 29) ‘Привлекая к этой несурзности внимание пандита Шридхара Патхака, пандита Махавирпрасада Двivedи и других п о э т о в, бабу Шьямсундардас однажды написал...’ (ср. *kavī m.* ‘поэт’).

Об обеих возможностях употребления (т.е. с флексией *-ō* или без оной) композиты в позиции косвеннопадежной формы дают наглядное представление следующие примеры:

ek jyotiṣī tārāgaṇō kā vicār karne ke liye rāt mē bāhar jāyā kartā thā (F, 3) ‘Один астролог выходил по ночам наблюдать за звездами’;

dhīre-dhīre tārāgaṇ kā lop ho gayā, ākāś-gangā bhī chip gayī. keval pūrva mē ek projjval tārā jagmagatā rah gayā (AA, 20) ‘Постепенно звезды померкли (букв. звезды исчезновение произошло). Млечный Путь тоже скрылся. Только на востоке осталась светить одна яркая звезда’ (ср. *tārā* м. ‘звезда’).

В этом отношении особенно показательна выступающая в общественно-политических текстах со значением ‘народы’ композита *janagaṇ*, первый компонент которой восходит к имени мужского рода *jan* ‘человек’, ‘народ’: *sabhī deśō ke janagaṇō / janagaṇ ke hit* ‘интересы народов всех стран’, *do mahān janagaṇō / janagaṇ ke bīc maitrī* ‘дружба между великими народами’, *donō deśō ke janagaṇō / janagaṇ kī icchā* ‘желание народов обеих стран’.

Выражению значения множественности содействует форма множественного числа местоимения, сочетающегося с композитой, например: *i n janagaṇ kā sāth denā* ‘быть солидарным с этими народами’. Вместе с тем с композитой, выступающей без флексии *-ō* в позиции косвеннопадежной формы, открывается возможность выражать значение единичности, что находит отражение в лексическом значении или форме синтаксически связанных с ней слов: *h a r janagaṇ ke punīt adhikār kā sammān karnā* ‘уважать священное право каждого народа’, *k i s ī bhī anya janagaṇ ke samān hī* ‘подобно всякому другому народу’. В этом своем значении данная композита выступает как эквивалент существительного женского рода *janatā* ‘народ’, ‘люд’ (также ‘люди’, ‘население’, ‘массы’, ‘публика’), которое форм множественного числа не принимает, что касается и тех случаев, когда привносится значение множественности, как например: *donō deśō kī janatā ke bīc sāṅskṛtik sambandh* ‘культурные связи между народами обеих стран’.

Композитам с их заключительным компонентом *gaṇ* в определенной мере уподобляются композиты, где на месте заключительного компонента оказываются *vṛnd* м. ‘группа’, ‘множество’, *jan* м. ‘человек’, ‘народ’, ‘люд’: *bāl-vṛnd yātrā ke ānand mē khānā-pīnā tak bhūle hue hāī* (PG, 135) ‘В предвкушении поездки детьми не до еды-питья’ (ср. *bāl* м. ‘ребенок’, ‘мальчик’), *pitāō aur gurujaṇō se, bahut se ucchṛṅkhal naujavān nāte kī pratiṣṭhā torṅkar uddand aur atyācārī ban gaye the* (NM, 121) ‘Многие своенравные юноши стали настоящими сорвиголовами и насильниками, пренебрегши репутацией, доставшейся им от отцов и наставников’ (ср. *guru* м. ‘гuru’, ‘духовный наставник’).

В русском языке существительные *pluralia tantum* представлены довольно широко. Вот как они распределены по семантическим разрядам в “Краткой русской грамматике” [72, с. 160]:

1) Названия “сложных предметов”, состоящих из одинаковых частей (“парные” предметы) либо имеющих две или более одинаковые части или много мелких частей, деталей: *ножницы, клещи, тиски, ворота, сани, весы, носилки, брюки, штаны, очки, грабли, часы, шахматы*.

2) Слова с собирательным значением: *деньги, финансы, дрова, всходы, дебри, письма*.

3) Названия веществ, однородных масс: *белила, дрожжи, духи, сливки, консервы, щи, макароны, помои, чернила, опилки*.

4) Названия “сложных действий” (действий длительных, состоящих из отдельных актов, а также совершаемых многими субъектами или имеющих много объектов), в том числе названия обрядов и игр: *бегá, выборы, дебаты, козни, толки, нападки, пересуды, переговоры, побои, роды, хлопоты, проводы, похороны, поминки, смотрины, посиделки, жмурки, прятки*.

5) Названия отрезков времени: *сутки, каникулы, сумерки, будни*.

6) Собственные имена — названия городов, проливов, групп островов, горных систем, созвездий: *Афины, Великие Луки, Дарданеллы, Курилы, Филиппины, Альпы, Карпаты, Близнецы, Плеяды*.

Существительные разряда 1 (или, по крайней мере, некоторые из них: *ножницы* и т.п.) поддаются осмыслению в качестве несущих в себе значение внутренней расчлененности объекта, противоположаемое значению внешней расчлененности (*молотки* = *молоток₁ + молоток₂ + молоток₃ + ... молоток_n*). Вместе с тем они обозначают дискретные считаемые объекты и как таковые способны сочетаться со словоформой *одни* числительного *один* (при соотношении с одним объектом), с собирательными числительными (вернее, с агрегативной формой некоторых количественных числительных), с количественными числительными, например: *одни ножницы, двое ножниц, тридцать ножниц*. Из разряда 5 к считаемым существительным явно относится слово *сутки*: *одни сутки, двое суток, тридцать суток*.

Существительные разряда 2 расцениваются как обозначающие множественную совокупность, существительные разряда 3 — как обладающие вещественно-собирательным значением, существительные разрядов 4 и 5 — как обладающие отвлеченно-собирательным значением [103, с. 69-70].

К группе существительных, располагающих формами только множественного числа, относятся также *девчата*, *ребята* (но только в значении “молодые люди”, “парни”, а не в значении множественного числа к *ребенок*), *родители* (в отвлечении от того, что *родитель* в разговорном языке имеет значение “отец”). К ней удобно причислить *люди* и *дети*, абстрагировавшись от соотношения каждой из этих единиц в пределах одной лексемы соответственно с *человек* и *дитя*.

Лишь отдельным существительным *pluralia tantum* русского языка соответствуют в области эквивалентной лексики существительные языка хинди. употребляемые только во множественном числе: *люди* – *log*, *родители* – (с оговоркой, касающейся передачи значения совокупности двух лиц) *mātā-pitā*, *mā-bāp*.

В основном же существительным *pluralia tantum* русского языка в хинди соответствуют:

(а) существительные, употребляемые только в единственном числе (т.е. существительные *singularia tantum*), например: *дрожжи* – *khamīr* м., *сливки* – *malāī* ж., *опилки* – *burādā* м., *финансы* – *vitta* м., *хлопоты* – *daur-dhūr* ж., *провода* – *vidāī* ж., *прятки* – *lukā-chipī* ж., *дебаты* – *vād-vivād* м., *козни* – *cālbāzī* ж., *сумерки* – *jhutpūṭā* м., *побои* – *mār-pīṭ* ж.;

(б) форма множественного числа существительных, употребляемых в формах обоих чисел, например: *всходы* – *kalle* (ср. *kallā* м. ‘побег’, ‘росток’), *козни* – *cālē* (ср. *cāl* ж. ‘хитрость’, ‘уловка’);

(в) существительные, употребляемые в единственном и во множественном числе с семантической дифференциацией форм числа, например: *ножницы* – *kāīcī* ж. / *kāīciyā*, *клеи* – *ciṁṭā* м. / *ciṁṭe*, *очки* – *caṣṭā* м. / *caṣṭe*, *грабли* – *pācā* м. / *pāce*;

г) существительные при их употреблении в единственном и во множественном числе без семантической дифференциации (т.е. при равнозначности) форм числа, например: *каникулы* – *chuṭṭī* ж. / *chuṭṭiyā*, *деньги* – *rupayā* м. / *rupaye*.

Возможен и описательный способ передачи смысла русских существительных *pluralia tantum*, например: *дебу* – *ghanā jangal* букв. ‘густой лес’ (ср. *jangal* м. ‘лес’), *толки* – *urtī khabrē* букв. ‘летающие вести’ (наряду с *afvāh* ж. ‘слух’ и *afvāhē* ‘слухи’, *kimvanantī* ж. ‘молва’. ‘слухи’; ср. *khabar* ж. ‘весть’. ‘новость’), *будни* – *kām ke din* букв. ‘работы дни’ (ср. *din* м. ‘день’).

При переходе же от хинди к русскому языку обнаруживается, что употребляемым во множественном числе копулятивным компо-

зита́м языка хинди в русском языке обычно соответствуют сочинительные словосочетания существительных в форме множественного числа, например: *strī-bacce* – женщины и дети, *kutte-billī* – собаки и кошки, *bhāt-bahan* – братья и сестры. Иное межъязыковое соотношение в следующих примерах: 1) *bandhu-bāndhav* – родня и родственники, *naikar-cākar* – челядь и слуги, *bāl-bacce* – детвора и дети; 2) *peṛ-paudhe* – растительность; 3) *bāp-dādā* – предки. Единичны следующие соотношения: *log* – люд и люди, *pītar* – предки, *raṅs* – члены панчаята, где хинди представлен существительными, которые композитами не являются.

Круг существительных, способных принимать формы обоих чисел (выступать в формах обоих чисел) ни в хинди, ни в русском языке не исчерпывается именами, обозначающими дискретные физические объекты или же перцептивно дискретные объекты.

В него попадают и существительные, которые в силу своей семантики являются абстрактными, вещественными (обозначающими массу, вещество) и собирательными.

Употреблением абстрактных существительных в форме множественного числа достигается привнесение в их семантику некоторых смысловых оттенков.

Так, в хинди множественное число абстрактных существительных показывает разнообразность и/или неоднородность в манифестации обозначенного существительным явления или качественную диверсификацию явления:

ye cār mahīne gopā ne vivāh kī taiyārīyō mē kāṭe (PG, 105) ‘Все эти четыре месяца Гопа провела в приготовлениях к свадьбе’ (ср. *taiyārī* жс. ‘подготовка’, ‘приготовление’);

kuttā lagātār bhāṅk rahā hai. pareśānīyō mē yah ek naī pareśānī aur juṛ rahī hai (NM, 66) ‘Собака непрерывно лает. К [уже дающим о себе знать] м у к а м добавляется еще эта’ (ср. *pareśānī* жс. ‘беспокойство’, ‘тревога’);

udhar sampādakī śrīmātī khannā se apnī ārthik kaṭhīnāyō kī kathā kah rahe the (P, 58) ‘А редактор тем временем расписывал госпоже Кханна свои экономические затруднения’ (ср. *kaṭhīnā* жс. ‘трудность’, ‘затруднение’);

usko apne kaī anubhavō kā smaraṇ thā (VM, 455) ‘Он не забыл некоторых уроков, полученных им в прошлом’ (ср. *anubhav* м. ‘[жизненный] опыт’);

frāns aur amerikā kī yātrāē unhō ne lungī mẽ hī kī hāī (BJ, 136) ‘П о е з д к и во Францию и Америку совершил он в на-
бедренной повязке’ (ср. *yātrā* ж. ‘путешествие’, ‘поездка’, ‘визит’);

*kisī kāl mẽ kāngresī, musalmānō ke apne ko hindustānī na hone kī
ghoṣṇā karne par bhī, unko viśeṣ suvidhāē dene ke lie taiyār rahe...*
(GD, 241) ‘Одно время даже после того, как мусульмане заявили о
том, что они – не индийцы, конгрессисты готовы были предоставить
им особые л ь г о т ы...’ (ср. *suvidhā* ж. ‘льгота’, ‘привилегия’).

Нечто подобное наблюдается в русском языке, где абстракт-
ные существительные выступают в формах множественного числа
для обозначения:

а) различных проявлений качества, свойства, действия, состоя-
ния: *возможность* – (широкие, новые) *возможности*, *скорость* –
(высокие, низкие) *скорости*, *красота* – *красоты* (природы), *глубина*
– (средние, морские) *глубины*, *радость* – (первые) *радости*;

б) большой длительности и интенсивности проявления признака,
состояния: *холод* – *холода́*, *мороз* – *морозы*, *боль* – *боли*, *му́ка* – *му́ки*;

в) расчлененности действия на многократно повторяющиеся
однородные акты: *крик* – *крики*, *постукивание* – *постукивания*,
подтягивание – *подтягивания* (на перекладине) [72, с. 159-160].

По-своему влияет на семантику вещественных и собиратель-
ных существительных, которым как таковым свойственна форма
единственного числа, принимаемая ими форма множественного
числа. При этом сдвиг в лексическом значении этих существитель-
ных, связанный с возможностью их функционирования в форме
множественного числа, может распространяться и на их форму
единственного числа.

Так, например, со значением “разные виды зелени” или “ово-
щи”, которым в форме множественного числа (*sabziyā*) наделяется
существительное *sabzī* ж. ‘зелень’ (в смысле “совокупность овоц-
ных культур”), оказывается соотнесенным значение “один вид / из
видов зелени” при употреблении данного существительного в фор-
ме единственного числа (*ek sabzī*):

*sabzī kī dukān mẽ hafte-bhar kī saṭī huī sabzī dūne dām mẽ bik rahī
thī...* (BJ, 195) ‘З е л е н ь, подгнившая за неделю, продавалась в
овощной лавке по двойной цене...’ ~ ...*bhinna-bhinna prakār kī chaḥ
sabziyā boī gaī hāī* (NG, 72) ‘...посеяны о в о щ и шести разных
видов’ ~ *har ek sabzī khet ke ek baṭā chaḥ bhāg mẽ boī huī hai, jaise*

gobhī (NG, 72) ‘Каждый из видов з е л е н и, в частности капуста, высеян на одной шестой части поля’.

В таких случаях форма множественного числа несет значение видовой или качественной диверсификации называемого существительным денотата. Это можно видеть и на примере существительных *anāj* м. ‘зерно’ и *anna* м. ‘хлеб’, ‘зерно’, т.ж. ‘провизия’, *miṭhāt* ж. ‘сласти’, ‘лакомства’:

anāj ke gahe jāne par usko bhī mandir ke nāte kuch anś miltā thā (VM, 26) ‘По завершению обмолота зерна ему (жрецу. – В.Л.) для нужд храма тоже доставалась определенная доля’ ~ *hamāre yahā kul anājō* ke kṛṣi-kṣetraphal ke 40 pratiṣat bhāg mẽ dhān kī khetī ho rahī hai aur *anājō* ke kul utpādan me se 46 pratiṣat hissā dhān kā hai (N. 1977, VII, 54) ‘У нас (в Индии. – В.Л.) рис возделывается на площади, составляющей 40 процентов от площади под з е р н о в ы м и к у л ь т у р а м и, и в совокупном производстве з е р н о в ы х к у л ь т у р на рис приходится 46 процентов’ ~ *usne san 1492 mẽ kyūbā dvīp mẽ mej (makkā) nāmak ek anāj* ke hone kā ullekh kiyā hai (VL. 1960. VII, 13) ‘В 1492 году он (Колумб. – В.Л.) упомянул о том, что на острове Куба произрастает злак, именуемый маисом’;

sab milākar anna kā cauthā bhāg kisānō ke pās se nikal gayā (VM, 31) ‘В общем крестьяне лишились четвертой части з е р н а’ ~ *khetī se hī dhān, gehū, makāī, arhar ityādi tarah-tarah ke anna utpanna hote hāī. inhī annō ko khākar ham-tum jūte hāī* (RS, 10) ‘Именно благодаря земледелию произрастают рис, пшеница, кукуруза, чечевица и другие разные к у л ь т у р ы. Питаясь этими з л а к а м и, мы с вами живем’ ~ *gehū* м. – *ek anna jiskī fasal cait mẽ kaṭī hai* (BH, 387) ‘Пшеница – з л а к, который убирают в месяце чайт’ (словарное толкование существительного *gehū* ‘пшеница’);

yah nām prāyaḥ baisākhī ke din rakhā jātā thā aur miṭhāt bāḡ jātī thī (BD, 88) ‘Этим именем нарекали обычно в день полнолуния месяца байсах, и распределялись л а к о м с т в а’ ~ *kek, pestrī aur biskut sandūk se nikāle gae. aur bhī miṭhāiyā thī. mā ne bādām kā halvā taiyār karvāyā* (BL, 157) ‘Из ящика были извлечены кексы, пирожные и печенье. Были и другие с л а с т и. Мать распорядилась приготовить миндальную халву’ ~ *jalebī* ж. – *...kuṇḍalī ke ākār kī ek miṭhāt* (BH, 484) ‘Джалеби – ...л а к о м с т в о в форме кольца’ (словарное толкование существительного *jalebī*).

По сути дела данные существительные языка хинди можно отнести, отвлекшись от понятия семантической транспозиции как перехода из одной семантической группы в другую, к разряду (множеству, классу) многозначных имен, которым в одном значении (в одних значениях) присуща форма только единственного числа, а в другом значении (в других значениях) отвечают в качестве экспонентов количественного противопоставления формы обоих (единственного и множественного) чисел.

Дифференциацию таких значений, опирающуюся на формы числа (ед.ч. ~ ед.ч. / мн. ч.), проявляют, в частности, нижепомещенные существительные:

jhārī ж. ‘кустарник’ (в смысле “заросль кустов”) ~ ‘куст’ / ‘кусты’;

lakṛī ж. ‘древесина’, ‘дрова’, ‘лес’ (материал) ~ ‘бревно’, ‘полено’, ‘палка’, ‘деревяшка’ / ‘бревна’, ‘поленья’, ‘палки’, ‘деревяшки’;

paṭṭhar м. ‘камень’ (горная порода или строительный материал) ~ ‘камень’ / ‘камни’;

dhāgā м. ‘пряжа’, ‘нити’ (ср. *пряжа* – *нити*, полученные *прядением* в русском) ~ ‘нить’, ‘нитка’ / ‘нити’, ‘нитки’;

cāval м. ‘очищенный рис’ ~ ‘зернышко риса’ / ‘зернышки риса’, ‘рисовые зерна’; ‘вид риса’ / ‘виды риса’;

diyāsalāī ж. ‘спички’ ~ ‘спичка’ / ‘спички’;

jan м. ‘народ’, ‘люди’ ~ ‘человек’ / ‘люди’.

В одной из работ, нацеленной на фиксацию норм современного хинди, такие имена – названия кондитерских или хлебобулочных изделий, как *jalebī* ж., *pūrī* ж., *kacaurī* ж., *roṭī* ж., *peṛā* м., *rasgullā* м., а также существительное *machlī* ж.р. ‘рыба’ предписывается употреблять в форме единственного числа в случаях их сочетания с именами – названиями меры веса, определяемыми словами счетной семантики, и в форме множественного числа в случаях их сочетания с количественными числительными или счетными существительными [170, с. 58].

В соответствии с этим правильными считаются, с одной стороны, предложения *māī ne pāc ser pūrī-jalebī kharīdī* ‘Я купил пять серов п у р и и д ж а - л е б и’, *mujhe do kilo kacaurī cāhie* ‘Мне нужно два кило к а ч а у р и’, *mujhe do ser machlī cāhie* ‘Мне нужно два сера р ы б ы’ и, с другой стороны, предложения *māī ne āj cār-pāc jalebīyā khāyī* ‘Я сегодня съел примерно пяток (букв. четыре-пять) д ж а л е б и’, *ek hamārā zamānā thā ki skūl se ākar darjanō kacauriyā urā*

jāte the ‘А в свое время мы, вернувшись [домой] из школы, уплетали десятки к а ч а у р и (букв. дюжинами *качаури*)’, *vah do-do machliyā akele caṭ kar jātā thā* ‘Он [каждый раз] съедает подчистую по две р ы б ы’.

Неправильными же признаются предложения *us ne pāc grām pūriyā aur tīn grām jalebiyā khāyī* ‘Он съел пять грамм п у р и и три грамма д ж а л е б и’, *māi ne do ser peṛe aur rasgulle kharīde* ‘Я купил два сера п е р а и р а с г у л л а’, *māi ne ek ser machliyā kharīdī* ‘Я купил один сер рыбы’.

Форма единственного числа признается подходящей для подобных “вещественных” (*dravyavācaka*) существительных при их функционировании в качестве названий кушаний (блюд): *māi sādī roṭī* (а не *roṭiyā*) *bahut pasand kartā hū* ‘Я очень люблю простые р о т и’, *mujhe pūrī acchī nahī lagtī* (а не *pūriyā ... lagtī*) ‘Мне не нравятся п у р и’, *us ne roṭī-machlī khāyī* (а не *roṭiyā-machliyā khāyī*) ‘Он поел р ы б у с р о т и’ [170, с. 58]. Отмечается также, что таким существительным, как *machlī* жс. ‘рыба’, *tel* м. ‘масло’, свойственно при их употреблении во множественном числе передавать значение видовой диверсификации названной ими субстанции [170, с. 59].

В русском языке формы множественного числа вещественных существительных передают: (а) значение видов, сортов вещества (например: *круп*a – *круп*ы, *вино* – *вин*a), (б) значение изделий из названного вещества (например, *Какие зеркала и ф а р ф о р ы !*), (в) значение изобилия вещества в пространстве (например, *п е с - к и пустыни, в о д ы океана, л ь д ы Арктики*) [72, с.159]. Значение видов, сортов вещества – это не что иное, как значение видовой или качественной диверсификации, которое, как было показано выше, и в хинди передается множественным числом вещественных (и собирательных) по своей лексической семантике существительных. Метонимический перенос с названия вещества на изделия из данного вещества, наблюдаемый в русском язык, языку хинди не свойствен. Выражение же значения, аналогичного значению (в), достигается в хинди редупликацией соответствующего существительного в форме единственного числа с интерпозицией выделятельно-ограничительной частицы *hī* ‘именно’, ‘же’, ‘лишь’ или его сочетанием с лексемой *bahut* ‘много’, ‘очень’: *barf hī barf* и *bahut barf* (*barf* жс. ‘снег’, ‘лед’) [159, с. 60]. Но и возможность появления формы множественного числа для передачи данного значения полностью, по-видимому, исключать нельзя: *...is samuy dāb ke tūfānī pāniyō mē ghusnā maut ke mūh mē ghusne ke barābar thā* (NK. 1962. I, 37) ‘...в такую пору лезть в бурные в о д ы озера значило подвергать свою жизнь смертельной опасности’ (ср. *pānī* м. ‘вода’).

В русском языке наблюдаются случаи, когда формы числа отражают появление разных лексем: *задаток* – *задатки* (ср. в хинди: *peṣgī* ж. – *janmasiddha guṇ* м. мн.), *вес* – *весы* (ср. в хинди: *vazan* м. – *tarāzī* м.), *грязь* – *грязи* (ср. в хинди: *kīcaṛ* м. – *svasthakar rank* м.), *выбор* – *выборы* (ср. в хинди: *caṇan* м., *cināī* ж., *cinān* м. – *cinān* м., *nirvācan* м.). Первые члены приведенных пар выступают в русском языке как существительные *singularia tantum*, вторые – как существительные *pluralia tantum*.

Иное соотношение форм числа наблюдается в *долг* (обязанность) – *долг* / *долги* (взятое займы), чему в хинди соответствует соотношение лексем {*kartavya* м., *farz* м.} – {*ṛṇ* м., *karz* м., *udhār* м.}.

Некоторые существительные располагают вариантами форм множественного числа, отражающими их многозначность, например:

корпус – {*корпусы* (туловища человека или животного), *корпуса* (остовы; здания)} при том, что только в форме единственного числа существительное *корпус* передает и значение “совокупность лиц определенного профиля” (в хинди эта многозначность “распределяется” по разным лексемам: *dhaṛ* м. ‘туловище’, *dhācā* м. ‘остов’, ‘каркас’, *bhavan* м. или *imārat* ж. ‘здание’, *samūh* м. ‘сообщество’, ‘коллектив’);

колени – {*колени* (суставы, соединяющие бедро и голень), *коленья* (сочленения или звенья), *колена* (изгибы; пассажи в музыке или пении; эффектные приемы в танце; поколения)} при том, что только *колени* отвечает и значению “часть ног от сустава, соединяющего бедро и голень, до таза” (ср. в хинди: *ghuṭnā* м. ‘колени’ (сустав), *por* ж. ‘сочленение’, *tor* м. ‘изгиб’, *ṭikṛā* м. ‘пассаж’, ‘фрагмент’, *gat* ж. ‘телодвижение’ или *mudrā* ж. ‘поза’, ‘жест’, *puṣṭ* ж. и *pīrhī* ж. ‘поколение’, *god* ж. в словосочетании *god mē lenā* ‘сажать на колени’);

пропуск – {*пропуска* (документы на право входа или въезда куда-нибудь), *пропуски* (случаи непосещения собраний, занятий и т.п.; не заполненные чем-то места)} (ср. в хинди: *pās* м. ‘билет’, ‘контрамарка’ и *parmit* м. ‘разрешение’, *anupasthiti* ж. и *gairhāzirī* ж. ‘отсутствие’, *kaṭautī* ж. ‘сокращение’, ‘вычет’ и *chūṭā huā bhāg* м. ‘опущенная [в тексте] часть’).

В подобных случаях следует считаться с возможностью распада полисемии, влекущего за собой появление отдельных слов-омонимов, не совпадающих в форме (формах) множественного числа, например: *лист* / *листья* ~ *лист* / *листы* (ср. в хинди: *patī* / *pattiyā* ~ *pannā* / *panne*).

В хинди имеется ряд существительных, например: *dām* м. ‘цена’, *prāṇ* м. ‘жизнь’, ‘жизненная энергия’, ‘жизненные силы’, *arth* м. ‘смысл’, ‘значение’, *māne* м. (*mānī* м./ж.) ‘смысл’, ‘значение’, *darśan* м. ‘видение’, ‘лицезрение’, *bhāgya* м. ‘доля’, ‘участь’, ‘удел’, *hoś* м. ‘сознание’, ‘разум’, – у которых единственное число и множественное число в своем функционировании семантически не разнятся. Противопоставление в числе оказывается у них нейтрализованным. См., в частности, предложения с существительным *darśan*: *māi ne rāt mẽ devī kā darśan pāyā hai* (DB, 288) ‘Ночью я сподобился лицезреть Деви’ – *prajā tumhāre darśanō ko taras rahī hogī* (AY1, 31) ‘Народ, наверное, жаждет тебя видеть’.

У таких существительных, как *garmī* ж. и *sardī* ж., формы числа различаются распределением семантической нагрузки. Первое из них в единственном числе передает значение ‘тепло’, ‘жара’ наряду со значением ‘лето’, а во множественном числе – преимущественно значение ‘лето’. Аналогичным образом второе в единственном числе характеризуется значением ‘холод’ или же значением ‘зима’, а во множественном числе – значением ‘зима’.

Существительным *jārā* м. в единственном числе передается значение ‘холод’, но в большей мере для него как в единственном, так и во множественном числе характерно значение ‘зима’, ‘холодный сезон’.

Существительное *chutti* ж. в единственном числе выражает как значение ‘досуг’, ‘свободное время’, ‘перерыв’ (в учебе, работе), так и значение ‘каникулы’, ‘отпуск’, а в форме множественного числа специализируется на выражении второго значения (особенно применительно к праздничным дням).

Существительное *rupayā* м. служит названием денежной единицы – рупии, а также денежного знака или монеты достоинством в одну рупию: *ek rupayā* ‘одна рупия’, *ek rupaye ke badle* ‘вместо одной рупии’, *bīs rupaye* ‘двадцать рупий’, *bīs rupayō ke badle* ‘вместо двадцати рупий’.

Не в меньшей мере ему присуща способность передавать в формах обоих чисел (единственного и множественного) значение

“деньги”, “капитал”, “денежная сумма” (причем не обязательно в рупиях):

māi ne ek makān kharīdā hai. uskā rupayā māi ne jue mē jītā thā (GD, 14) ‘Я купил дом. И д е н ь г и на него я добыл игроу в азартные игры’;

śekspiar ne jo kuch likhā, rupaye ke lobh se likhā (PM4s, 82) ‘То, что написал Шекспир, написал он, прельстившись д е н ь г а - м и’;

mere pās rupae rukte hī nahī (NK. 1961. XII, 12) ‘Д е н ь г и у меня не задерживаются’;

navābō ko apnī śān dikhlāne aur vilāsītā ke lie rupayō kī āvaśyaktā thī (NM, 90) ‘Навабы нуждались в д е н ь г а х для демонстрации своего величия и для утех’.

Со словами количественно-числовой семантики оно сочетается в формах не только множественного (а), но и, что показательно, единственного (б) числа, обозначая денежную сумму в рупиях:

(а) *lākhō rupayō kā māmālā hai... aparādhī sarkār ke lakhō rupaye ṭhag lene ke aparādh mē pakre gaye hāi* (GD, 304) ‘Дело касается сотен тысяч р у п и й... преступников арестовали за то, что они надули правительство на сотни тысяч р у п и й’;

(б) *par māi ne isko pāc sau rupaye par kharīdā thā aur phir isko sidhāne kā pāc sau rupayā ganī ko diyā thā* (GD, 259) ‘Но я купила ее за пятьсот р у п и й, а потом на ее укрощение пятьсот рупий отдала Гани’.

При этом в случаях с косвеннопадежной формой е д и н - с т в е н н о г о числа существительного *rupayā* связанное с ним по смыслу местоимение (в частности, указательное) может в позиции перед словом количественно-числовой семантики принимать форму косвенного падежа как единственного, так и, что больше отвечает норме современного литературного хинди, м н о ж е с т в е н н о г о числа: *is chaḥ rupaye terah āne mē* (NK. 1962. VI, 94) ‘за эти шесть р у п и й и тринадцать ана’ – *in do hazār rupaye kā intazām* (VB, 154) ‘обретение этих двух тысяч р у п и й’ [ср. *in do hazār rupayō kā intazām* (VB, 158) с *rupayō* – формой косвенного падежа множественного числа существительного *rupayā*].

Особенности функционирования существительного *rupayā* во многом разделяет существительное *paisā* ‘пайса / деньги’.

Своеобразие в отношении манифестации категории числа проявляют имена существительные, называющие (или призванные называть) единицы измерения или исчисления времени, длины (протяженности), площади, веса, мощности и др. Им свойственно выступать в форме е д и н с т в е н н о г о числа (обходиться без флексии *-ō* – приметы формы множественного числа) при условии их сочетания в позиции косвенного падежа с количественными числительными, сигнализирующими м н о ж е с т в е н н о с т ь, или с лексемами – показателями неопределенной (количественно не фиксированной) м н о ж е с т в е н н о с т и:

(а) *pichle tīn mahīne se use santo kā koī patra nahī milā thā...* (VB, 371) ‘За минувшие три м е с я ц а он не получил от Санто ни одного письма...’ (*mahīnā* м. ‘месяц’);

(б) *kaī dīn ke bād ek śām ko pannā dhān ropkar lauṭī* (PG, 18) ‘Спустя несколько д н е й однажды вечером Панна вернулась [домой], высадив рис (*dīn* м. ‘день’);

(в) *hamārī dhartī apnī dhurī par 24 ghaṇṭe mẽ ek bār pūrī ghūm jāī hai* (VL. 1960. X, 23) ‘Наша Земля совершает один полный оборот вокруг своей оси за 24 ч а с а’ (*ghaṇṭā* м. ‘час’);

(г) *pāc minaṭ mẽ abhī nahākar cāy taiyār kar dūgī* (YD, 282) ‘За пять м и н у т я умоюсь и приготовлю чай’ (*minaṭ* м. ‘минута’);

(д) *lākhī ne pīṭh pher lī aur kuch kṣaṇ tak nāk aur gale ko sāf kartī rahī* (VM, 282) ‘Лакхи отвернулась и несколько м г н о в е н и й прочищала нос и горло’ (*kṣaṇ* м. ‘мгновение’);

(е) *apnī is pacās varṣa kī zindagī mẽ use ek dīn bhī to rāhat nahī milī* (HK, 77) ‘За пятьдесят л е т этой жизни (букв. в своей этой пятидесяти л е т жизни) у него не было и дня покоя’ (*varṣa* м. ‘год’);

(ж) *usse prāyaḥ das-pandrah ḡadam kī dūrī par hotal se nikalne vāle dvār se ek āgrez aḡasar ke sāth do bhāratiyā striyāṅ niklī* (VB, 377) ‘Примерно в десяти-пятнадцати ш а г а х (букв. на удалении примерно десяти-пятнадцати шагов) от него из дверей отеля вышли две индианки в сопровождении английского офицера’ (*ḡadam* м. ‘шаг’);

(з) *ravī nadī se do mīl par ek ḡāv thā – cabbā* (NK. 1962. VI, 109) ‘В двух м и л я х от реки Рави лежала деревня Чабба’ (*mīl* м. ‘миля’);

(и) *gvāliyar ke paścim-dakṣiṇ mē lagbhag chaḥ kos kī dūrī par sāṅk nadī ke kināre rāī nām kā gāv thā* (VM, 3) 'Примерно в шести к о с а х к юго-западу от Гвалиора на берегу реки Санк находилась деревня Раян' (*kos* м. 'кос' – мера длины, около трех-четырёх километров);

(к) *unke sirō par koī sāt gaz kī ūcāī par ek rassī laṭak rahī thī...* (BD, 149) 'Поверх их голов на высоте примерно семи г а з о в свисала веревка...' (*gaz* м. 'газ' – мера длины, равная приблизительно одному ярду ≈ 90 см.);

(л) *barjorsinh ke pās karīb sau bīghe kī khudkāst thī...* (VB, 39) 'У Барджорсинха было земельное угодье примерно в сто б и г - х о в...' (*bīghā* м. 'бигх' – мера площади, около четверти гектара);

(м) *gyārah rattī kā hīrā hai yah* (VB, 272) 'Это же бриллиант в одиннадцать р а т т и' (*rattī* ж. 'ратти' – мера веса, равная весу восьми зерен риса, около одной восьмой части грамма);

(н) *...iskā vazan bīs lākh ṭan se bhī zyādā hogā* (VL. 1960. VII, 10) '...его (атомного ядра, представленного в форме капли воды. – В.Л.) вес превысит аж два миллиона т о н н' (*ṭan* м. 'тонна');

(о) *chat se laṭak rahā cālīs vāt kī balb phuṭṭ se jal uṭhā hai* (BJ, 158) 'Лампочка на сорок в а т т, свисающая с потолка, моментально вспыхивает' (*vāt* м. 'ватт').

В круг существительных отмеченной функциональной ориентации вовлекаются и другие имена, например: *patlī-sī prāyaḥ sau panne kī kitāb* (NK. 1962. III, 105) 'тоненькая, примерно в сто л и с т о в, книга' (*pannā* м. 'лист'), *ek caudah manzil kī bilḍiṅg* (NK. 1962. IV, 114) 'здание в четырнадцать э т а ж е й' (*manzil* ж. 'этаж'), *tīn duniyā ke sartāj* (NM, 413) 'владыка трех м и р о в' (*duniyā* ж. 'мир', 'свет').

Особо следует отметить имена *pratiṣat* м. 'процент', *prakār* м. 'разновидность', 'вид' (также 'способ', 'манера'), *ḥism* ж. 'разновидность', 'вид'. 'сорт', *or* ж./м. 'сторона': *gehū ke utpādan mē 80.08 pratiṣat kī vṛddhi* (N. 1977. VII, 146) 'рост производства пшеницы на 80,08%', *kā prakār ke rog* (VL. 1960. VIII, 9) 'заболевания нескольких видов', *lagbhag sau ḥism kī ṭṭē* (VL. 1960. VI, 30) 'кирпичи примерно ста видов'. *do or se* (NM, 173) 'с двух сторон'.

Тем же синтаксическим условиям удовлетворяет и форма множественного числа, что выглядит естественным в помещенных ниже примерах с некоторыми из уже приведенных выше существительных:

- (a') āṭh-das **maḥīnō** se (NM, 285) 'за восемь-десять месяцев',
 (б') kaī **dinō** ke bād (PG, 64) 'спустя несколько дней',
 (в') pāc **ghaṇṭ** mẽ (PG, 154) 'за пять часов',
 (г') pāc **minaṭ** mẽ hī (SA, 67) 'всего за пять минут',
 (д') kuch **kṣaṇō** tak (HG, 114) 'несколько мгновений',
 (е') chaḥ **varṣō** kī avadhi (NK, 1962. III, 63) 'шестилетний срок' (букв. 'шесть лет срок'),
 (ж') racās **ḱadamō** kā fāsālā (ND, 132) 'расстояние в пятьдесят шагов'.

Благоприятным условием для появления существительных в форме множественного числа является их сочетание с лексемами – показателями неопределенной множественности:

- kuch **maḥīnō** mẽ (LK, 104) 'через несколько месяцев',
 thore hī **dinō** mẽ (BS, 118) 'всего лишь через несколько дней',
 bahut **dinō** se (HK, 75) 'в течение многих дней',
 cand **minaṭ** mẽ hī (SA, 74) 'всего за несколько минут',
 kuch **barasō** se (BJ, 186) 'в течение нескольких лет',
 kuch **gazō** kī dūrī ke bhītar (SA, 24) 'на дистанцию в несколько газов', kuch **mīlō** kī dūrī par (AD, 132) 'на расстоянии в несколько миль',
 iske kuch **dinō** bād hī (NM, 51) 'спустя после этого всего лишь несколько дней' (при сомнительной грамматичности *iske chaḥ **dīnō** bād hī* 'спустя после этого всего лишь шесть дней'),
 kuch **minaṭ** bād (SA, 17) 'спустя несколько минут' (при сомнительной грамматичности *chaḥ **minaṭ** bād* 'спустя шесть минут').

В отмеченной функциональной общности различающихся между собой форм числа проявляется нейтрализация числового (форм числа) противопоставления, обусловленная лексико-синтаксически (ею затрагиваются существительные определенного лексического значения, в позиции косвенного падежа сочетающиеся с лексемами, сигнализирующими множественность). Однако данный вид нейтрализации остается нереализованным применительно к именам (как правило, названиям стандартных мер, например: *ṭan* 'тонна', *kilomīṭar* 'километр', *pāuṇḍ* 'фунт', *vāt* 'ватт', *volṭ* 'вольт'), которые в данных синтаксических условиях форму множественного числа не принимают.

Такую нейтрализацию воочию можно наблюдать в одном и том же фрагменте текста, помещенного в разных номерах журнала: *do hazār varṣa / varṣō tak elaurā mē ek pathar kī mūrī ke rūp mē rahne ke bād* (НК. 1962. I, 99 / НК. 1961. XII, 155) ‘после того, как [Кешав] прожил две тысячи лет (букв. до двух тысяч лета / до двух тысяч лет) в Эллоре в виде каменной статуи’ (*varṣa* м. ‘год’).

Такое же расхождение в формах числа при совпадении передаваемого значения наблюдается в ряде одних и тех же предложений текста на хинди и урду романа Премчанда, например:

(1) *is das-gyārah mahīne mē hī / in das gyārah mahīnō hī mē* (P, 204 / PC, 328) ‘все-го лишь за эти десять-одиннадцать месяцев’ (букв. ‘за этот десять-одиннадцать месяцев / за эти десять-одиннадцать месяцев’);

(2) *pāc-chaḥ mahīnō mē hī / pāc-chaḥ mahīne hī mē* (P, 267 / PC, 433) ‘за какие-нибудь пять-шесть месяцев’ (букв. ‘за пять-шесть месяцев / за пять-шесть месяцев’);

(3) *in tīn-cār dīnō mē / in tīn cār dīn mē* (P, 288 / PC, 468) ‘за эти три-четыре дня’ (букв. ‘за эти три-четыре дня / за эти три-четыре день’).

Примечательно то, что местоимение, синтаксически зависимое от стоящего в форме единственного числа существительного, может принимать форму как единственного (например, *is* в *is das-gyārah mahīne mē hī*), так и множественного (например, *in* в *in tīn cār dīn mē*) числа. В одном случае на выбор формы местоимения влияет форма существительного, во втором случае по влиянию на форму местоимения существительное уступает стоящему при нем числительному.

Появление существительного, сочетающегося с лексическим сигнализатором множественности (будь то количественное числительное или показатель количественно не фиксированной множественности), в форме единственного числа есть не что иное, как фактор устранения избыточности в выражении семы “множественность”. В позиции косвенного падежа эта сема, как свидетельствуют соответствующие примеры из приведенных выше, не подкрепляется флексией *-ō* – флексией именной формы косвенного падежа множественного числа. Таким образом, статус категории числа имени существительного, как категории морфологической, оказывается ослабленным или, лучше сказать, размытым.

Наличием лексических сигнализаторов множественности при существительном может быть обусловлен и иной случай устранения избыточности в передаче соответствующего значения: синтаксически связанный с существительным, занимающим позицию прямого падежа, финитный глагол предстает в форме не множественного, а единственного числа. Такую

возможность, реализация которой, по всей видимости, лежит за пределами литературной нормы современного хинди, отметил в своей “Грамматике урду” Абдулхак, поместив среди прочих такие примеры: *qaḥṭ. mē saikṛō jānvar bhūkā m a r g a y ā* ‘Во время засухи от голода погибли сотни животных’, *pandrah hazār paidal khet r a h ā* ‘Пятнадцать тысяч пехотинцев пали на поле боя’, *pāsau ādmī k h a ṛ ā h a i* ‘Стоят пятьсот человек’, *ek hazār kursī p a ṛ ī h a i* ‘Валяется тысяча стульев’ [117, с. 157-158]. [В *kursī* ж. ‘стул’ представлена форма единственного числа, тогда как существительным мужского рода *jānvar*, *paidal*, *ādmī* присущ в прямом падеже синкретизм форм числа.] Некоторое сходство с данным видом устранения избыточности в передаче значения множественности демонстрируют в русском языке предложения, где при подлежащем, выраженном количественно-именным словосочетанием, из подверженных колебанию форм числа глагольного сказуемого избирается форма единственного числа⁶.

Отступление от литературной нормы, идущее от диалектов, являются собой случаи, когда при выражении значения множественности существительные женского рода в позиции прямого падежа не принимают характерной для их парадигмы словоизменения флексии *-ā* (III тип словоизменения) или *-ē* (IV тип словоизменения): *ek thā rājā. uske chaḥ rānī thī* (S, 305) ‘Жил-был раджа. У него было шесть ж е н’ (ср. *rāniyā* – прям.п. мн.ч.), *calte calte unhō ne dekhā ki bahut acchī āṭh-das bhāīs bādh rahī hāi* (S, 376) ‘По пути следования они увидели, что на привязи находятся с десяток (букв. восемь-десять) великолепных б у й в о л и ц’ (ср. *bhāīsē* – прям.п. мн.ч.). Множественность сигнализируется в каждом из этих примеров выступающим при существительном числительным и формой финитного глагола, синтаксически связанного с существительным, но не формой самого существительного. Итак, нарушающим литературную норму современного хинди оказывается, по сути дела, синкретизм форм числа у существительных женского рода в позиции прямого падежа, подключаемый к отвечающему норме синкретизму форм числа у существительных мужского рода вне рамок I типа словоизменения, т.е. у существительных, не располагающих флексией *-ā* (*-ā*) в форме прямого падежа единственного числа.

---

⁶ Такие случаи колебания в формах числа отмечены в лингвистической литературе. См., в частности, [72, 419-421]. Кстати сказать, одному из приведенных выше иллюстративных примеров отвечает и такой русский перевод, как ‘Пятнадцать тысяч пехотинцев п а л о на поле боя’.

В хинди допустимы количественно-именные словосочетания, состоящие из собирательного существительного, не располагающего формой множественного числа, и предшествующего ему слова (слов) счетной (количественно-числовой) семантики. Их ниже иллюстрируют примеры с существительными *janatā* ж. ‘народ’, ‘люди’ и *pulis* ж. ‘полиция’: *unke vyākhyān dene ke liye khare hone par pāc sau ke bajāy s ā t s a u j a n a t ā ikaṭhī ho jāī* (YD, 81) ‘Когда он вставал [на трибуну] для выступления, вместо пятисот собиралось уже с е м ь с о т ч е л о в е к’, *ko ī d o h a z ā r k e l a g – b h a g j a n a t ā ekatrit thī* (GD, 166) ‘Собралось примерно д в е т ы с ы ч и ч е л о - в е к’, *hamārī l ā k h ḍ j a n a t ā is saccāī ko pahcānne lagī hai* (JY. 13..08.1978, 6) ‘С о т н и т ы с ы ч наших г р а ж д а н начали осознавать эту истину’, *udhar p ā c s a u s a ś a s t r a p u l i s rāstā roke kharī thī...* (PSY, 14) ‘Там, перекрыв дорогу, стояли п ы т ь с о т в о о р у ж е н - н ы х п о л и ц е й с к и х’. Такими количественно-именными словосочетаниями обозначается количественно фиксированная часть называемой существительным совокупности. В примерах финитный глагол согласован в числе (единственном) и роде (женском) с субстантивным компонентом словосочетаний.

Существительное *janatā* выделяется еще тем, что связанное с ним анафорическим отношением кореферентное местоимение обычно принимает форму множественного числа: *kyā deś kī janatā ko svatantratā kī āvaśyaktā nahī? kyā ve apnī avasthā sudhārnā nahī cāhte?* (YD, 36) ‘Разве народ страны не нуждается в свободе? Разве он (букв. они) не желает (букв. не желают – м.р.) улучшить свое положение?’, *...janatā kā utsāh barh gayā thā. unhō ne samjhā, ki svarājya mil gayā* (YD, 64) ‘...народ еще больше воодушевился . Он посчитал, что достигнуто самоуправление’. Такая же особенность присуща и собирательному существительному *riāyā* (riyāyā) ж. ‘подданные’, ‘подневольный люд’, ‘[подневольный] народ’: *tum riyāyā ke aman mẽ khalal dālte ho. – agar unhē un kī hālat batānā un ke aman mẽ khalal dālnā hai, to beśak ham un ke aman mẽ khalal dāl rahe hāī* (PSY, 156) ‘– Вы сеете в народе смуту. – Если объяснять народу (букв. им) его (букв. их) положение означает сеять в нем смуту (букв. в их спокойствие вносить разлад), то, действительно, мы сеем в нем смуту’.

В количественно-именных словосочетаниях языка хинди, состоящих из количественного числителя и постпозитивного по отношению к нему существительного, их стержневым (синтаксически ведущим) компонентом является существительное, а зависимым (подчиненным) компонентом – числительное: *ek kitāb* ‘одна книга’, *tīn bhāī* ‘три брата’, *cār larṇiyā* ‘четыре девочки’, *das larṇō mē se* ‘из десяти мальчиков’.

В русском же языке словосочетания аналогичного состава предстают в двух разновидностях: 1) такие, в которых стержневым компонентом является числительное; 2) такие, в которых, как и в хинди, стержневым компонентом является существительное. Распределение словосочетаний по этим двум разновидностям оказывается обусловленным: а) позицией словосочетания в структуре предложения (высказывания), б) самим числительным в его конкретной данности, в) отношением существительного к признаку одушевленности / неодушевленности.

К первой разновидности относятся находящиеся в позиции именительного падежа количественно-именные словосочетания, в которых, характеризуясь формой именительного падежа, изменяемые по родам числительные *два* и *оба*, числительные *три* и *четыре* управляют формой родительного падежа единственного числа, а числительное *пять* и далее – формой родительного падежа множественного числа существительных: {*две, обе, три, четыре*} + {*книги, подруги, коровы*}, {*два, оба, три, четыре*} + {*стола, окна, друга, слона*}, {*пять, шесть...*} + {*книг, подруг, коров, столов, окон, друзей, слонов*}.

Такое же управление родительным падежом существительных со стороны числительных наблюдается и в винительном падеже за исключением сочетаний числительных *два, оба, три, четыре* с одушевленными существительными, где данные числительные оказываются согласующимися с существительными, наделенными качеством стержневого компонента словосочетаний: *видеть* {*двух, трех, четырех*} + {*подруг, коров, друзей, слонов*}, *видеть* *обеих* + {*подруг, коров*}, *видеть* *обоих* {*друзей, слонов*}.

В общем вторая разновидность количественно-именных словосочетаний отмеченного выше состава воплощается в русском языке согласованием числительных с существительными в косвенных падежах (*сидеть за одним столом, лишиться двух коров, дове-*

раться трем друзьям, ограничиться десятью книгами, обитать в четырех океанах). Она представлена и в именительном падеже единственного числа: *один стол, одна книга, одно окно*.

В сферу выражения квантитативности, базирующегося на считаемости денотатов, вовлекаются в языке хинди количественно-именные сочетания, в составе которых в препозиции к существительным – их стержневым компонентам находятся:

(а) оформленные (без участия послелого) флексией *-ḍ* количественные числительные, например: *chaḍ rāj Kumār* (S, 140) ‘шестеро принцев’ (ср. *chaḥ* ‘шесть’), *caubīsḍ ghaṇṭe* (YD, 201) ‘все двадцать четыре часа’, ‘круглые сутки’ (ср. *caubīs* ‘двадцать четыре’, *ghaṇṭā* м. ‘час’), *bīsḍ gārīyā* (LK, 37) ‘десятка два повозок’ (ср. *bīs* ‘двадцать’, *gārī* ж. ‘повозка’);

(б) выступающие (без участия послелого) в форме на *-ḍ* названия крупных разрядов чисел (счетные существительные, вовлеченные в систему имени числительного), например: *hazārḍ log* (HA, 689) ‘тысячи человек’ (ср. *hazār* ‘тысяча’), *lākhḍ cīṭiyā* (HA, 562) ‘сотни тысяч муравьев’ (ср. *lākh* ‘сто тысяч’, *cīṭī* ж. ‘муравей’);

(в) обходящиеся в форме на *-ḍ* без послелого счетные существительные, например: *darjanḍ bhāṣāḍ* (KE, 156) ‘дюжины языков’ < ‘дюжинами языки’ (ср. *darjan* м. / (ж.) ‘дюжина’, *bhāṣā* ж. ‘язык’), *bīsīyḍ ḍabbe* (ND, 23) ‘десятки (букв. двадцатки) банок’ (ср. *bīsī* ж. ‘два десятка’, *ḍabbā* м. ‘банка’), *saikrḍ kudālḍ* (ND, 117) ‘сотни мотыг’ < ‘сотнями мотыги’ (ср. *saikrā* м. ‘сотня’, *kudāl* ж. ‘мотыга’);

(г) бинарные комплексы, состоящие из счетного существительного и препозитивного по отношению к нему числительного, например: *ek darjan choḥ mombattiyā* (NM, 93) ‘одна дюжина маленьких восковых свечек’ (ср. *darjan* м. / (ж.) ‘дюжина’, *mombattī* ж. ‘восковая свеча’), *ādhā darjan ādmī* (UK, 67) ‘полдюжины человек’, *tīn joṛī ghore* (RD, 63) ‘три пары коней’ (ср. *joṛī* ж. ‘пара’, *ghorā* м. ‘лошадь’, ‘конь’), *hazārḍ joṛe pakherū* (RP, 10) ‘тысячи пар птиц’ (ср. *joṛā* м. ‘пара’, *pakherū* м. ‘птица’), *cār koṛī gilās* (HA, 117) ‘восемьдесят (букв. четыре двадцатки) стаканов’ (ср. *koṛī* ж. ‘два десятка’, *gilās* м. ‘стакан’), *ek saikrā ām* (HA, 675) ‘одна сотня плодов манго’ (ср. *saikrā* м. ‘сотня’, *ām* м. ‘манго’), *tīn joṛe pair* (VL, 1961. II, 14) ‘три пары ног’ (ср. *joṛā* м. ‘пара’, *pair* м. ‘нога’).

Этим количественно-именным сочетаниям языка хинди в русском языке семантически соответствуют в основном, о чем можно судить хотя бы по предложенным переводам, такие сочетания, в

составе которых существительные, являющиеся названиями “считаемых” объектов, выступают в родительном падеже множественного числа, будучи синтаксически зависимыми от слов со значением числа / количества – стержневых компонентом словосочетаний. Отклонение от данного вида соответствия имеет место в сфере передачи по-русски смысла количественно-именных сочетаний, подпадающих под рубрику (а). Оно предстает, во-первых, как согласование числительных с существительными, названиями “считаемых” объектов, в косвенных падежах (*шестеро принцев*, но *шестерых принцев*, *шестерым принцам*, *о шестерых принцах*) и, во-вторых, как наделение существительных формой родительного падежа единственного (а не множественного) числа при некоторых числительных (*два*, *оба*, *три*, *четыре*) в именительном – винительном падеже (*cārō pahīye* = *все четыре колеса*).

В значение количественно-именных сочетаний, подпадающих под рубрику (а), формой числительных вносится семантический оттенок собирательности или приблизительного количества.

В случаях выражения собирательности форму числительных на -ō можно рассценивать как их агрегативную форму. В пределах обозначения чисел первого десятка числительным языка хинди, наделенным этой (агрегативной) формой (*donō, tīnō, cārō, pācō, chaō / chahō, sāiō, āṭhō, navō, dasō*), соответствующими в межкультурном плане выглядят русские собирательные числительные (*двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, восьмеро, девятеро, десятеро*) с той, однако, оговоркой, что последние употребляются в основном с обозначающими лиц именами мужского рода (*трое братьев / три сестры, трое пассажиров*, но **трое сестер, *трое быков, *трое столов, *трое окон, *трое тарелок*) при допустимости их употребления и с некоторыми (в частности, с обозначающими “парные” предметы) существительными *pluralia tantum* (*трое ножиц, трое щипцов, трое ворот, трое суток*). В этой форме выступают числительные не только первой десятки (она, правда, чужда числительному *ek* ‘один’). При некоторых существительных они сигнализируют замкнутую совокупность, называя число объектов, составляющих нечто целое, как-то: *āṭhō pahar* ‘круглые сутки’ (букв. ‘восемь страж’), *bārahō mahīne* ‘все двенадцать месяцев’ (= ‘круглый год’), *caubīsō ghaṇṭe* ‘все двадцать четыре часа’ (= ‘круглые сутки’), *tīsō din* ‘тридцать дней напролет’ (= ‘весь месяц’), *cārō or* ‘со всех четырех сторон’, ‘кругом’, *solahō āne* ‘целиком’, ‘полностью’, ‘на все сто процентов’ (букв. ‘на все шестнадцать ана’, т.е. ‘на целую рупию’), *pācō ūgliyā / ūglī* ‘все пять пальцев [руки]’ (= ‘пятерня’), *navō nidhī* ‘все девять сокровищ [Куберы]’; *cārō ved, chahō śāstra, chaṭṭīsō smṛti aur aṭṭārahō purāṇ* (UK, 26) ‘четыре веды, шесть шастр, тридцать шесть смрити и восем-

надцать пуран'. Ряд этих количественно-именных сочетаний стали достоянием словарных статей.

Оттенок приблизительного количества обычно привносится формой на -*ḍ* числительных, обозначающих круглые десятки (в пределах сотни): *āp mere sekretṛt, dasō riṃsātō kī khāk āp ke chehre par hai, batlāie, māi kyā sazā dū kalākār ko?* (US, 39) 'Вы мой секретарь, на лице у вас пыль д е с я т к а к н я ж е с т в. Так скажите же мне, как мне покарать музыканта' [ср. пример, где передается оттенок собирательности: *bād mē usne use dasō patte ek-ek karke dikhāye...* (N. 1969. V, 95) 'Потом он показал ему по одной в с е д е с я т ь к а р т...', *bīsō gāriyā ek sāth kacacākar ruk gāi* (LK, 37) 'Д е с я т к а д в а п о - в о з о к сразу же со скрежетом остановились'. Возможность появления других (не обозначающих круглые десятки) числительных в той же семантической функции иллюстрируется следующим примером: *paccīsō gorō kī ek ṭukṛt caudhrī nūrmuhammad kī banī huī pakṛī havelī ṭorkar andar ghus gāi* (NM, 137) 'Отряд англичан численностью ч е л о в е к в д в а д ц а т ь п я т ь штурмом взял возведенный Нурмухаммадом каменный особняк' [ср. пример с тем же (называющим два с половиной десятка) числительным, где передается оттенок собирательности: *agar vah jhallākar paccīsō rupae nokherām ko na de detā, to nokhe kyā kar lete* (P, 191) 'Если бы он в порыве отчаяния не отдал Нокхераму в с е д в а д ц а т ь п я т ь р у п и й, то что предпринял бы Нокхерам?'].

В количественно-именных сочетаниях, подпадающих под рубрики (б) и (в), передается значение неопределенного множества единиц названного разряда чисел или же, метафорически, значение огромного количества.

Семантика количественно-именных сочетаний рубрики (г) всецело определяется лексическим значением их компонентов. В составе таких сочетаний счетное существительное из круга имен мужского рода, располагающих флексией -*ā* в форме прямого падежа единственного числа, обычно принимает флексию -*e*, если оно определяется квантификатором, обозначающим число больше единицы (ср. *īn jore pair* 'три пары ног', но *ek saikṛā ām* 'одна сотня плодов манго'). Счетные существительные, находящиеся вне указанного круга имен, выступают, так сказать, в своей словарной форме, не отличимой от формы единственного числа прямого (да и косвенного) падежа.

Количественно-именным сочетаниям рубрики (г), отмеченным выше, близки в структурном отношении количественно-именные комплексы, в которых выражение квантитативности базируется на исчисляемости объектов не в натуральных числах (т.е. не на считаемости), а в мерах (единицах измерения), подлежащих счету. Их строение обобщенно отражает следующая формула:

{*QM, M-ō, M-bhar*} *N*, где: *N* – существительное, называющее объект исчисления (*tīn man anāj* ‘три мана зерна’; *man* м. ‘ман’ – мера веса, около 40 кг; *anāj* м. ‘зерно’);

M – существительное, служащее названием меры (*tīn man anāj* ‘три мана зерна’);

M-ō – название меры в форме на -*ō*, сигнализирующей количественно не фиксированную множественность (*manō anāj* ‘маны зерна’ < ‘зерно [целыми] манами’);

M-bhar – название меры, сопровождаемое частицей *bhar* ‘всего лишь’ / ‘сполна’, ‘целиком’ (*man-bhar anāj* ‘всего лишь [один] ман зерна’ / ‘целый ман зерна’);

Q – квантификатор, который бывает представлен:

(а) количественным числительным, в том числе составным с конечным компонентом – названием крупного разряда чисел, т.е. счетным существительным, вовлеченным в систему имени числительного (*ek man anāj* ‘один ман зерна’, *do man anāj* ‘два мана зерна’, *tīn hazār man anāj* ‘три тысячи манов зерна’);

(б) дробным числительным (*ādhā man anāj* ‘половина мана зерна’);

(в) неопределенно-количественным числительным (*kaṭ man anāj* ‘несколько манов зерна’);

(г) оформленным флексией -*ō* названием крупного разряда чисел (*hazārō man anāj* ‘тысячи манов зерна’);

(д) оформленным флексией -*ō* счетным существительным (*saikrō man anāj* ‘сотни манов зерна’);

(е) сочетанием количественного числительного или его функционального эквивалента с дробным числительным (*paune tīn man anāj* ‘три без четверти мана зерна’, *dhāt hazār man anāj* ‘две с половиной тысячи манов зерна’);

(ж) названием крупного разряда чисел с находящимся в позиции к нему сочетанием количественного числительного с дробным числительным (*sārhe tīn hazār man anāj* ‘три с половиной тысячи манов зерна’).

Квантификаторы пунктов (е) и (ж) – это по сути дела расширенные варианты квантификаторов пункта (а), в пунктах (г) и (д)

формой на -ō квантификаторов сигнализируется количественно не фиксированная множественность.

Элементами *QM*, *M-ō* и *M-bhar* в составе приведенной формулы обозначаются количественные определители одного дистрибутивного класса. Семантическую специфику (исчисляемость в единицах измерения) комплексов полно раскрывают те из них, которые имеют структуру *QMN*, где *Q* – количественное числительное: *ek ekaṣ zamīn* (ND, 15) ‘один акр земли’, *āṭh sau liṭar pānī* (N. 1977. VII, 151) ‘восемьсот литров воды’, *pandrah man anāj* (ND, 116) ‘пятнадцать манов зерна’, *do sau kyūrī śaktī* (VL. 1961. III, 9) ‘двести кюри энергии’, ‘энергия в двести кюри’, *ek gārī bhūsā* (P, 10) ‘один воз соломы’, *do botal śarāb* (CC, 17) ‘две бутылки вина’, *pāc ṭin ghī* (PG, 70) ‘пять банок топленого масла’, *do būd cāy* (JJ, 16) ‘две капли чая’, *tīn varṣa jel* (YB, 396) ‘три года тюремного заключения’.

Под *M* подводятся названия как стандартных (эталонных) единиц измерения (исчисления), например: *ekaṣ* м. ‘акр’, *liṭar* м. ‘литр’, *man* м. ‘ман’, *kyūrī* жс. ‘кюри’, – так и окказиональных (обиходных, ситуационных), например: *gārī* жс. ‘воз’, ‘повозка’, *botal* жс. ‘бутылка’, *ṭin* м. ‘банка’, *būd* жс. ‘капля’. См. также: *ādhi chaṭhṅ makḥhan* (GS, 396) ‘половина чхатанка масла’ (*chaṭhṅ* жс. ‘чхатанк’ – мера веса, около 60 г.), *inc-bhar bhī zamīn* (P, 273) ‘всего лишь пядь (букв. дюйм) земли’, *ādhi muṭṭhī gehū* (JJ, 82) ‘полгорсти пшеницы’ (*muṭṭhī* жс. ‘горсть’), *saiḥṛō ghare pānī* (ND, 130) ‘сотни кувшинов воды’ (*gharā* м. ‘кувшин’), *cullū-bhar pānī* (NK. 1961. XI, 130) ‘всего лишь пригоршня воды’ (*cullū* м. ‘пригоршня’, ‘горсть’). В роли *M* выступают со значением “процент” лексемы *pratiṣat* и *fisadī*, например: *pacās pratiṣat bhūmi* (N. 1977. VII, 151) ‘пятьдесят процентов земли’, *assī fisadī jāyādā* (YV, 315) ‘восемьдесят процентов имущества’.

В следующих примерах в качестве объектов исчисления названы дискретные (считаемые) объекты и соответствующие существительные выступают наделенными граммемой множественного числа: *saiḥṛō man kaṇḍe* (ND, 164) ‘сотни манов кизяка брусками’, *pāc gārī ām* (VB, 197) ‘пять возов плодов манго’, *das ser kīl-kāṭe* (ND, 149) ‘десять серов скобяных изделий’ (букв. ‘твордей – скоб’; *ser* м. ‘сер’ – мера веса, приблизительно 900 г), *savā ser laḍḍiū mē se* (VB, 187) ‘из сера с четвертью [находящихся в корзине] ладду’

(*laḍḍū* м. – кондитерское изделие в виде шарика), *thailiyō moharē* (GS, 263) ‘кошельки с м у х у р а м и’ < ‘кошельки мухуров’ (*mohar* ж. ‘мухур’ – золотая монета достоинством около двух фунтов стерлингов), *ek jhuṇḍ lar̥kiyā* (GS, 345) ‘целая ватага д е в у ш е к’, [*ās-pās ke gāvō ke*] *sattar pratiṣat log* (ND, 23) ‘семьдесят процентов ж и т е л е й [соседних деревень]’, *navve fīsadī lar̥ke* (GS, 627) ‘девяносто процентов ю н о ш е й’.

Воплощая компонент *М* в составе количественного определителя *QM*, существительные, не относящиеся к I типу словоизменения (т.е. существительные, не относящиеся к кругу имен мужского рода, располагающих в форме прямого падежа единственного числа флексией *-ā*), выступают в своей исходной (словарной) форме, не отличимой от формы прямого падежа единственного числа, не только с квантификатором *ek* ‘один’, но и с квантификаторами, называющими числа больше единицы (два и далее): *ek gārī bhūsā* ‘один в о з соломы’ – *pāc gārī ām* ‘пять в о з о в плодов манго’ (*gārī* ж. ‘воз’, ‘повозка’; ср. *gārīyā* – прям.п. мн.ч.), *ek botal śarāb* ‘одна б у т ы л к а вина’ – *do botal śarāb* ‘две б у т ы л к и вина’ (*botal* ж. ‘бутылка’; ср. *botalē* – прям.п. мн.ч.), *ek liṭar pānī* ‘один л и т р воды’ – *āṭh sau liṭar pānī* ‘восемьсот л и т р о в воды’ (*liṭar* м. ‘литр’ при отличающем существительные мужского рода от существительных женского рода синкретизме форм числа в прямом падеже).

При квантификаторах, называющих числа больше единицы, существительные I типа словоизменения принимают флексию *-e*, которую можно трактовать как форму прямого падежа множественного числа, но допускается и сохранение флексии *-ā*: *ek bīghā upajāū zamīn* (NB, 45) ‘один б и г х плодородной земли’ – *pan-drah bīghe zamīn* (P, 146) ‘пятнадцать б и г х о в земли’ – *do sau bīghā zamīn* (GS, 104) ‘двести б и г х о в земли’; ср. также: *do bore āṭā* (PG, 71) ‘два м е ш к а муки’ – *das borā sīment* [*kī zarūrāt*] (ND, 70) ‘[нужда] в десяти м е ш к а х цемента’, *cār ghaṛe pānī* (ND, 126) ‘четыре к у в ш и н а воды’ – *cār ghaṛā pānī* (PG, 128) ‘четыре к у в ш и н а воды’, *pacīs rupaye jur-mānā* (NK, 1961. XI, 132) ‘двадцать пять р у п и й штрафа’, ‘штраф в двадцать пять рупий’ – *āṭh ānā nazarānā* (BL, 125) ‘восемь а н а подати’, ‘подать в восемь а н а’.

В рассматриваемых комплексах, воплощающих “конструкцию измеряемости”, ее стержневым компонентом является естественно

тот, с которым синтаксически связываются слова, находящиеся вне их пределов. Литературной норме явно отвечают комплексы, в которых в качестве стержневого компонента выступает *N*, т.е. существительное, являющееся названием объекта, исчисляемого в единицах измерения.

Такая роль компонента *N* проявляется в следующем:

1) именно с ним согласуется финитный глагол, когда соответствующий комплекс занимает позицию прямого падежа, например:

das hazār bīghe zamīn hai (RP, 31) ‘Имеется десять тысяч бигхов з е м л и’ (налицо согласование в единственном числе с *zamīn* жс. ‘земля’),

kuē se saikrō ghare pānī nikālā gayā thā (ND, 130) ‘Из колодца были вычерпаны сотни кувшинов в о д ы’ (налицо согласование в единственном числе и мужском роде с *pānī* м. ‘вода’),

kal pāc gārī ām yahā se ilāhābād bikne gae hāī (VB, 197) ‘Вчера отсюда было отправлено в Аллахабад на продажу пять возов м а н г о’ (налицо согласование во множественном числе и мужском роде с *ām* м. ‘плод манго’),

...*ayyar ke garm dūdh ke pyāle mẽ do būd cāy to ḍāl* hī dī (JJ, 16) ‘...[она] все же добавила две капли чая в чашку горячего молока Ай-яра’ (налицо согласование в единственном числе и женском роде с *cāy* жс. ‘чай’),

uske sāmne se ek jhuṇḍ laṛkiyā ...*ghar mẽ ghus* gayī (GS, 345) ‘Прямо перед ним целая ватага д е в у ш е к... протиснулась в дом’ (налицо согласование во множественном числе и женском роде с *laṛkiyā* ‘девушки’),

munśī śivalāl ne kuch rupaye bacākar dās bīghe zamīn kharīd lī thī... (VB, 89) ‘Мунши Шивалал купил на оставшиеся у него деньги десять бигхов з е м л и...’ (налицо согласование в единственном числе и женском роде с *zamīn* жс. ‘земля’);

muškil se ādhī botal dūdh piyā hai (AD, 31) ‘[Он] едва выпил полбутылки м о л о к а’ (налицо согласование в единственном числе и мужском роде с *dūdh* м. ‘молоко’ при том, что название меры *botal* жс. ‘бутылка’ имеет при себе согласованное определение – *ādhī*);

2) к нему относится, находясь в препозиции к сочетанию, т.е. перед *Q*, атрибут, например: *meṛī sau bīghe zamīn* (VB, 49) ‘мои сто бигхов з е м л и’ (букв. ‘моя сто бигхов з е м л я’), *amṛāī kī cār*

bīghe zamīn ke sāth (VB, 180) ‘вместе с четырьмя бигхами земли мангового сада’, *barjorsinh kī sau bīghe khudkāšt par* (VB, 92) ‘на сто бигхов угоды Барджорсинха’, ‘на угоды Барджорсинха в сто бигхов’ (в данных примерах атрибуты *merī, amrāī kī, barjorsinh kī* согласуются в женском роде с *N: zamīn* ж. ‘земля’, *khudkāšt* ж. ‘угоды’).

Однако допустимы и такие количественно-именные комплексы, в которых роль стержневого компонента отводится *M* – названию единицы измерения:

...*durgā ne pakaurī aur **ek pyālā** cāy uske sāmne rakh diyā* (BS, 137) ‘...Дурга поставила перед ним чашку чая с пирожками’ (финитный глагол согласуется – в единственном числе и мужском роде – с *pyālā* м. ‘чашка’, а не с *cāy* ж. ‘чай’).

...*māñik nāriyal kā pānī aur **ek baṇḍal** bīrī māngā ke sāmne lā rakhā* (BS, 118) ‘...Маник принес и положил перед Мангой пачку сигарет вместе с кокосовым соком’ (финитный глагол согласуется – в единственном числе и мужском роде – с *baṇḍal* м. ‘пачка’, а не с *bīrī* ж. ‘сигарета’),

pancāyat ne assī rupae ḍār lagāye (P, 213) ‘Панчаят наложил штраф в восемьдесят рупий’ (финитный глагол согласуется – во множественном числе и мужском роде – с *rupae*, а не с *ḍār* м. ‘штраф’),

*kyā yah sac hai ki rāy sāhab ne apne ilāke ke ek asāmī se **assī rupae** tāvān islie vasūl kiye ki uske putra ek vidhavā ko ghar mẽ ḍāl liyā thā?* (P, 175) ‘А правда ли то, что рай-сахиб взыскал со своего арендатора восемьдесят рупий (букв. восемьдесят рупий штраф) за то, что сын этого арендатора отважился взять в дом вдову?’ (финитный глагол согласуется – во множественном числе и мужском роде – с *rupae*, а не с *tāvān* м.)⁷,

...*aur do botalē biyar bhī thī* (YB, 616) ‘...и были еще две бутылки пива’ (финитный глагол согласуется во множественном числе и женском роде с *botalē* – существительным женского рода *botal* ‘бутылка’ в форме множественного числа, обусловившей своим появлением данное согласование).

---

⁷ В тексте на урду данному примеру и помещенному перед ним соответствуют предложения, где в качестве стержневого компонента количественно-именного комплекса выступает *N*, а именно, *tāvān* м. ‘штраф’; ...*assī rūpa’e tāvān* ...*vaṣūl kiya*... (PC, 279), ...*assī rūpa’e tāvān* lagāyā (PC, 343).

В следующих примерах главенствующая роль имени, называющего меру, диагностируется его формой косвенного падежа единственного числа в составе комплекса перед послелогом: ...*par koṭ ek loṭe pānī ko bhī nahī pūchtā* (P, 219) ‘...но никто даже к у в ш и н а воды не предложит’⁸, *ghaṛe-bhar tel ko girākar* (S, 397) ‘у р о н и в ц е л ы й к у в ш и н масла’.

В *barjorsinh ke is sau bīghe zamīn kā paṭṭā* (VB, 103) ‘аренда принадлежащих Барджорсинху этих / этой с т а б и г х о в з е м л и’ за стержневой компонент выделенного комплекса следует принять скорее *M* (*bīghe*), чем *N* (*zamīn*), поскольку атрибут *barjorsinh ke* формально не относится к *zamīn* ‘земля’ – существительному женского рода, а *is*, местоименную форму единственного числа, можно считать синтаксически зависимой от *zamīn* или, напротив, от *bīghe*.

В межъязыковом плане рассмотренным количественно-именным комплексом языка хинди отвечают в основном такие русские количественно-именным комплексы, в которых аналог компонента *M* управляет родительным падежом аналога компонента *N*: *несколько фунтов хлеба, шесть килограммов муки, три пригоршни пшена, одна рюмка водки, тридцать ведер холодной воды, десять процентов сена, пятнадцать суток ареста, два мешка луку, полведра горючего, три тысячи литров молока* (примеры извлечены из произведений А. Чехова, М. Горького, В. Белова). Это подтверждается и многими помещенными выше примерами перевода с хинди на русский: *ek gāṛī bhūsā* – *один воз соломы*, *pandrah bīghe zamīn* – *пятнадцать бигхов земли*, *do botal śarāb* – *две бутылки вина*, *cullū-bhar pānī* – *всего лишь пригоршня воды* и др.

Языку хинди не чужды также словосочетания, в которых с генитивным послелогом *kā* выступает аналог компонента *N* в роли атрибута при аналоге компонента *M*, например: *sebō kī gaṭhrī* (YB, 588) ‘пакет с яблоками’ (букв. ‘яблоком пакет’), *sabzī kā thailā* (RA, 535) ‘сумка с зеленью’ (букв. ‘зелени сумка’), *dūdh kā kaṭorā* (ND, 27) ‘чашка молока’, *āṣū kī būdē* (BS, 171) ‘капли слез’, *soḍe kī botalē* (VB, 274) ‘бутылки с содовой водой’ (букв. ‘содовой воды бутыл-

---

⁸ В соответствующем фрагменте текста на урду помещено *ek loṭā pānī ko* (PC, 353), где стержневым компонентом остается “измеряемое” существительное (*N*) – *pānī* м. ‘вода’.

ки'), *gehū kī boriyā* (ND, 47) 'мешки с пшеницей' (букв. 'пшеницы мешки'). Такие словосочетания при условии появления квантификатора перед их заключительным компонентом оказываются семантически эквивалентными с рассмотренными выше количественно-именными комплексами, о чем свидетельствуют следующие пары примеров: *nazarāne ke sau-do sau rupāye* (VB, 103) 'сто-двести рупий подати' – *āṭh ānā nazarānā* (BL, 125) 'восемь ана подати'; *ṣarāb kī chaḥ botalē* (VB, 452) 'шесть бутылок вина' – *do botal ṣarāb* (CC, 17) 'две бутылки вина'; *āsū kī do būdē* (P, 363) 'две капли слез' – *do būd āsū* (S, 370) 'две капли слез'; *rākh kī ek cuṭkī* (PG, 67) 'одна щепотка пепла' – *ek cuṭkī rākh* (PG, 67) 'одна щепотка пепла'; *kāṭī kī ek pyālī* (RA, 12) 'одна чашечка кофе' – *ek pyālā kāṭī* (SK, 30) 'одна чашка кофе'.

И именно таким сочетаниям (с оформленным при помощи генитивного послелога именем-атрибутом) близки в структурном отношении отмеченные выше количественно-именные комплексы (с управляемым родительным падежом) русского языка.

В хинди образуются также словосочетания, при сравнении которых со словосочетаниями, упомянутыми выше (типа *dūdh kā kaṭorā*, *ṣarāb kī chaḥ botalē*), их компоненты предстают как поменявшиеся синтаксическими ролями: *tumhāre gilās kī jūṭhī hviskī* (VB, 329) 'недопитое виски из вашего стакана' (букв. вашего стакана), *das boriyō kā anāj* (ND, 47) 'зерно десяти мешков', *ḡarīb sau bīghe kī khudkāṣṭ* (VB, 39) 'земельное угодье примерно в сто бигхов' (букв. примерно ста бигхов угодье), *do-arhāt ser kī gaṭhrī* (YB, 588) 'пакет [весом] в два – два с половиной сера', *sāṭh tole kā zavar* (YV, 477) 'украшение [весом] в шестьдесят тола' (*tolā* м. 'тола' – мера веса, около 12 г).

Анализ материала приводит к следующему обобщению: с комбинированным словосочетанием русского языка типа *три стакана чая*, где названа обиходная единица измерения, можно в хинди соотнести: 1) *tīn gilās cāy* со стержневым компонентом *cāy* ж. (...*cāy lāyī gayī*) или, что для хинди не столь показательно, со стержневым компонентом *gilās* м. (*tīn gilās... lāye gaye*), 2) *cāy ke tīn gilās*, 3) *tīn gilāsō kī cāy*; равным образом с *три мешочка зерна* можно соотнести: 1) *tīn borī anāj* (со стержневым компонентом *anāj* м.: ...*anāj lāyā gayā*), 2) *tīn boriyā anāj* (со стержневым компонентом *boriyā* ж. мн.: *tīn boriyā... lāyī gayī*), 3) *anāj kī tīn boriyā*, 4) *tīn boriyō kā anāj*. Вме-

сте с тем словосочетаниям *cāy ke tīn gilās, anāj kī tīn boriyā* языка хинди в русском языке семантически отвечают *три стакана с чаем, три мешочка с зерном*.

С количественными определителями, состоящими из квантификатора и следующего за ним существительного – названия меры (единицы измерения), сочетаются в постпозиции к ним прилагательные, которые называют признак, положенный в основу исчисления параметра (величины) обозначаемого (или подразумеваемого) объекта. В наиболее типичных и очевидных случаях называется стандартная единица измерения, в роли квантификатора выступает числительное, а само прилагательное выполняет атрибутивную функцию при существительном, называющем объект: *battīs kilomīṭar cauṛā jalḍamrūmadhya* (N. 1977. VII, 46) ‘пролив шириной в тридцать два километра’ (букв. тридцать два километра широкий пролив), *tīn sau mīl lambā tāpū* (VL. 1960. V, 26) ‘остров длиной (букв. длинный) в триста миль’, *bāīs inc lambe aur aṭhārah inc caure kāgaz par* (YB, 247) ‘на бумажном листе длиною (букв. длинном) в двадцать два дюйма и шириною (букв. широко) в восемнадцать дюймов’, *prāyaḥ do inc ūcī viṣṇu kī mūrti* (VB, 402) ‘статуэтка Вишну высотой (букв. высокая) примерно в два дюйма’, *cālīs sāl purānā sainik śāsan* (Кр. 32) ‘существующий на протяжении сорока лет военный режим’ (букв. ‘сорок лет старый военный режим’). О продуктивности данной модели свидетельствует такой пример, как *tīn pīṛhī dūr riṣṭedār* ‘родня в третьем колене’ [109, с. 388], букв. ‘[на] три поколения далекие родственники’.

В эквивалентных по смыслу словосочетаниях русского языка употребляется не прилагательное, а существительное, являющееся названием соответствующего параметра (при этом оно предстает синтаксически связанным как с количественным определителем, так и с существительным, называющим тот объект, к которому относится параметр). См. образец: *tīn mīṭar lambā takhtā* букв. ‘[на] три метра длинная доска’ – *доска длиной в три метра*.

Сочетания прилагательных с количественными определителями находят применение в оборотах, выражающих сравнение объектов: *[candar] nirmalā se tīn sāl choṭī aur kṛṣṇa se do sāl barā thā* (PN, 27) ‘[Чандар] был на три года моложе (букв. маленький) Нирмалы и на два года старше (букв. большой) Кришны’, *māī tum se pāc sāl barā hū aur*

hameśā rahūgā (PG, 98) ‘Я старше тебя на пять лет и таким останусь навсегда’.

Существительными при их сочетании в форме единственного числа с такими местоимениями как, например, *har* ‘каждый’, *pratyek* ‘каждый’, ‘всякий’ – в хинди, *каждый*, *всякий* – в русском языке, передается значение единичности среди множества однородных объектов: *māine har strī aur har puruṣ ke mūh se yahī sunā thā* (ST, 247) ‘Это же я слышала из уст каждой женщины и каждого мужчины’, ...*pratyek kālī ghaṭī ke gird safed dhārī hotī hai* (ST, 96) ‘...каждое темное (букв. черное) облаго обрамляется светлой (букв. белой) полоской’ // *Ему много этих гаек требуется. На каждый невод, почитай, штук десять* (А. Чехов), *Каждый язык имеет свои обороты, свои условные риторические фигуры, свои усвоенные выражения* (А. Пушкин), *На всякого мудреца довольно простоты* (А.Островский).

В хинди повтором существительного в форме единственного числа достигается выражение значения множественности с привнесением семантического оттенка обособленности каждого из однородных объектов: *āmō kī ṭokrī sir par rakhkar rāj Kumārī galī-galī jāti aur āvāz lagātī – ām le lo, ām!* (SV2, 11) ‘Поставив на голову корзину с плодами манго, принцесса обходила переулочка за переулочком и восклицала: «Берите манго! Манго!»» (ср. *galī* ж. ‘переулок’), *kamrun kā ang-ang thakān se ṭūṭne lagā thā* (BJ, 222) ‘Каждой частицей своего тела Камрун ощущала неодолимую усталость’ (ср. *ang* м. ‘часть тела’. ‘член’, ‘орган’).

Сходную семантическую нагрузку несет сочетание существительного с повтором числительного *ek* ‘один’, т.е. с *ek-ek*, например: *uske ek-ek ang se ātmagaurav kī jyoti-sī nikal rahī thī* (PG, 55) ‘Каждой частицей своего тела она излучала чувство собственного достоинства’. Однако такое сочетание больше подходит для выражения дистрибутивного значения: *mahendra, mek aur māine rāste mē āte hue ek-ek bhārī lakṛī uṭhā lī thī* (SA, 70) ‘По пути Махендра, Майки и я подняли с земли по увесистой палке’, *apne dostō kī thailī mē usne ek-ek cāinīz pen bhī ḍāl diyā thā* (BJ, 179) ‘В сумки (букв. в сумку) своих друзей он также сунул по одной китайской авторучке’.

В хинди множественному числу свойственна и функция, не имеющая отношения к понятию количества, числа. Это функция

передачи почтительного отношения к обозначаемому существительным одному единственному лицу – гонорифическая функция. Показателем употребления существительного в этой функции служат формы множественного числа синтаксически связанных с ним слов (в частности, финитных глаголов) и/или кореферентных с ним местоименных субститутов, что ниже иллюстрируется примерами, где соответствующее существительное занимает позицию:

1) прямопадежной формы:

ḍāktar sāhab kauc par baiṭhe hue soc rahe the, par kuch soc na pāte the. **āj unhē** kuch kahne ke liye śabda tak na sūjh rahe the (AB, 24) ‘Д о к т о р сидел в кресле и размышлял, но ничего не мог придумать. Даже слова сегодня не шли е м у на ум’,

nambardār akele nahī̃ āe the. **unke** sāth ek ādmī thā jiske sir par ek jhābā thā (VB, 28) ‘Н а м б а р д а р пришел не один. Вместе с н и м был человек, на голове которого была корзина’,

gādhījī sadbhāvnā kī apilē kar rahe the. **ve** nirantar māg kar rahe the ki sarkār dillī mẽ musalmānō kī rakṣā kā pūrā prabandh kare (YB, 195) ‘Г а н д и взывал к добрым чувствам. О н не переставал требовать, чтобы правительство обеспечило мусульманам в Дели полную безопасность’,

lambardārīn jvālāprasād ko devar bhī kahtī thī, aur **unhō** ne jvālāprasād se apne ko bhaujī kahlā diyā thā (VB, 53) ‘Ж е н а с т а р о с т ы называла Джвалапрасада деверем, а его о н а заставила называть себя невесткой’,

bhābhī use bahut māntī thī. **un** ke man mẽ manne ke liye baṛī izzat aur muhabbat thī (GS, 324) ‘Н е в е с т к а считалась с ним. В душе своей о н а испытывала к Маннэ чувство большого уважения и любви’;

2) косвеннопадежной формы:

bhuvan hāsne lagā, kyōki **in sajjan** se baṛī manoranjak bhēt huī uskī (AN, 143) ‘Бхуван рассмеялся, потому что с э т и м г о с п о д и н о м у него состоялась интересная встреча’,

idhar kuch dinō se munṣijī aur **un ḍāktar** sāhab mẽ **jinhō** ne man-sārām kī davā kī thī yarānā ho gayā thā (PN, 125) ‘Недавно мунши [Тотарам] подружился с т е м д о к т о р о м, к о т о - р ы й в свое время лечил Мансарама’,

natījā yah huā ki in mahāśay ko muft kā dhan milā (PG, 110)

‘Результатом стало то, что э т о м у г о с п о д и н у даром достался капитал’,

rāt ko in sāhab ke lie sigreṭ kī ek ḍibbī bhī lāyā thā (RA, 535) ‘А вечером [я] принес для э т о г о г о с п о д и н а еще пачку сигарет’,

vah apne kinhī śirṭṣ bhūī sāhab kī bātē nihāyat hī śraddhā evan gadgad bhāv se batāyā kartā (YS, 75) ‘О н е к о е м с в о е м б р а т е Ш и р и ш е он всегда говорил с крайним уважением и упоением’.

В морфологии самого имени существительного как части речи эта функция получает отражение только у существительных I типа словоизменения, меняющих в позиции прямопадежной формы -ā (флексию формы единственного числа) на -eфлексию множественного числа): «*ab āp māmūlī gadhe nahī rahe*», – *barjūṭiyā ne prasannatāvaś camakte hue kahā*, «*ab āp bhārat-vikhyāt balki viśva-vikhyāt gadhe hāī - sansār ke mahāntam gadhe!*» (KE, 90) ‘«Теперь вы уже не просто о с е л, – проговорил. сияя от удовольствия, Барджутия. – Теперь вы о с е л, прославившийся не только на всю Индию, но и на весь мир. Самый великий в мире о с е л!»’.

В обоих языках – в хинди и русском – одушевленные существительные в форме множественного числа обладают по сравнению с существительными в форме единственного числа бóльшим потенциалом для того, чтобы называть лиц или животных в отвлечении от пола (биологического рода): *ve tīnō din caṛhe naṭ-šivir mē pahūc gaye. naṭ ne ninnī aur lākhī ko dūr se pahcān liyā* (VM, 139) ‘Уже рассвело, когда они втроем подошли к лагерю натов. [Шедших] Нинни и Лакхи н а т ы узнали еще издали’, *caṭṭānō ke pīche kuch bakriyā rūkhī jhāriyō ke ḍaṇṭhal cabāne kā yatna kar rahī thī* (YD, 13) ‘За скалами несколько к о з норовили глотать веточки жестких кустов’ // *Наконец картина кончилась.[...] Старики расходились по избам, молодые растаскивали по сторонам скамейки, очищали место для танцев* (С. Антонов). *Сколько сажали пионеры – обгладывают их* (посаженные тополя. – В.Л.) *козы на первом взросте* (А. Солженицын).

Аспектуальность и проблема глагольного вида

Глаголу как части речи языка хинди присущи грамматические категории наклонения, времени, вида (при том, что существуют разные подходы к трактовке этой категории), залога, лица, рода и числа. Все они предстают как категории словоизменительные.

Категория наклонения и категория времени предстают как категории чисто предикативные, так как именно в плане этих категорий глаголом актуализируется в рамках предложения понятие о действии. Обе эти категории, а также категории вида, залога и лица являются, в отличие от категорий рода и числа, исключительно глагольными. При этом значимость категории лица как категории словоизменительной проявляется на синтагматической оси в соотнесенности соответствующих глагольных форм с личными местоимениями, мыслимыми в качестве субъектной составляющей предложений.

Категории рода и числа раскрываются у глагола в согласовании его финитных форм с существительными (или их местоименными субститутами) по роду (мужской ~ женский) и в числе (единственное ~ множественное).

В тех языках, где имеется грамматическая категория вида, вид образует ядро функционально-семантического поля аспектуальности – системы разноуровневых языковых средств, объединенных семантикой протекания и распределения действия во времени.

В хинди категория вида, согласно одной из точек зрения, зиждется на противопоставлении причастий. В частности, принимается во внимание оппозиция, противочленами которой являются причастия структуры *V-t-f* и причастия структуры *V-ø-f*, где *V* – основа глагола, *-t-* и *-ø-* – формообразующие суффиксы (из них *-ø-* – это нулевой формообразующий суффикс), *-f* – символ родо-число-падежных флексий, характерных для адъективной парадигмы словоизменения: *āīā*

mehmān ‘приходящий / приходивший гость’ ~ *āyā mehmān* ‘пришедший гость’ (ср. *ānā* ‘приходить’, ‘прибывать’), *bujhī lāl̥tēn* ‘гаснувший / гаснувший фонарь’ ~ *bujhī lāl̥tēn* ‘угасший фонарь’ (ср. *bujhnā* ‘гаснуть’), *inām pāte lar̥ke* ‘премию получающие / получавшие мальчики’ ~ *inām pāte lar̥ke* ‘премию получившие мальчики’ и *āj pāyā inām* ‘сегодня полученная премия’ (ср. *pānā* ‘получать’), *khat likhī lar̥kiyā* ‘письмо пишущие / писавшие девочки’ ~ *lar̥kiyō kā likhā khat* ‘девочками написанное письмо’ (ср. *likhnā* ‘писать’).

“Видовой” характер этой оппозиции отражается в таких наименованиях ее противочленов, как имперфективное причастие и перфективное причастие, нерезультативное причастие и результативное причастие, причастие несовершенного вида и причастие совершенного вида.

Кроме имперфективного и перфективного причастий имеется также причастное новообразование – процессивное, или дуративное (продолженное), причастие, отвечающее формуле строения *V-rah-f*, где статусом формообразующего суффикса наделенной оказывается основа глагола *rahnā* ‘оставаться’: *sāth cal rahā ajnabī* ‘рядом шагающий / шагавший (в данный момент) незнакомец’ (ср. *calnā* ‘идти’, ‘двигаться’), *chat par par rahī būdē* ‘на крышу падающие / падавшие (в данный момент) капли’ (ср. *parnā* ‘падать’), *cāy lā rahā bairā* ‘чай разносящий / разносивший (в данный момент) официант’ (ср. *lānā* ‘приносить’).

Занимая разные позиции в предложении или, иначе говоря, выполняя разные синтаксические функции, неперфективное и перфективное причастия выступают не только в, так сказать, своей исходной форме, но и осложненными постпозитивной формой перфективного причастия от глагола *honā* ‘быть’, ‘становиться’, т.е. в качестве составных причастий. Это ниже иллюстрируется примерами, где:

1) определение выражается:

имперфективным причастием непереходного глагола: *merā sāmān bas mē thā, islie māī daurkar calī bas mē savār ho gayā* (LK, 129) ‘Мой багаж был в автобусе, и поэтому я опрометью вскочил в движущийся автобус’ – *...māno calī huī tren se koī unhē dekh rahā ho* (LK, 100) ‘...словно кто-то смотрел на них из движущегося поезда’ (ср. *calnā* ‘идти’, ‘двигаться’),

перфективным причастием непереходного глагола: *kintu phir jab apne sāmne dīvār par ṭāgī huī vah ṭūṭ talvār dekhtā hū, to haṭhāt uskī sat-*

yatā mān lenī paṛtī hai (AA, 64) ‘Но когда я вижу висящий на стене напротив этот сломанный меч, мне невольно приходится признавать истинность этого [события]’ – *jab bhī merī dṛṣṭi us **ṭūṭ** huī talvār par paṛtī hai, ek gambhīr kintu bhāvātīrek se kampāytmān dvani mere kāñḍ mē gūj uṭhī hai...* (AA, 65) ‘Всякий раз, когда мне на глаза попадает этот сломанный меч, в моих ушах раздаётся густой на слух, но проникновенно трепещущий от наплыва чувств звук...’ (ср. *ṭūṭnā* ‘ломаться’),

имперфективным причастием переходного глагола: *lālājī kā pīchā kartī govind kī nigāh ab un logō kī or muṛ gaī...* (LK, 22) ‘Взор Говинда, следящий за лалой-джи, теперь устремился на этих людей...’ – *uskā pīchā kartā huā bāz jhapaṭṭā huā, baṛhā jā rahā thā* (SV3, 22) ‘Преследующий его (голубя. – В.Л.) сокол уже готов был его настигнуть’ (ср. *pīchā karnā* ‘преследовать’, букв. ‘преследование делать’),

перфективным причастием переходного глагола: *usmē āgrezī mē likhā koī khat thā* (US, 92) ‘В нем (конверте. – В.Л.) было написанное по-английски письмо’ – *ek din ujjayinī mē merā hī likhā huā prakaraṇ abhinīṭ honevālā thā* (DB, 9) ‘Однажды в Уджджайни готовилась к постановке написанная мною же драма’, ...*aur ḍaliyā mē avaśeṣ phūlpattiyō ko, aur āj pāe paisa aur anāj ko alag-alag sāgvākar uṭh kharī hoī hai...* (JJ, 83-84) ‘...и разложив отдельно друг от друга оставшиеся в корзине цветы и полученные сегодня мелочь и зерно, [она] поднимается...’ – ... *kisī ne muniyā se inām-iḱrām mē pāt huī raḱm ke bāre mē savāl pūchne śurū kiye* (NM, 45) ‘... а кто-то принялся спрашивать у Муниан о полученной в качестве почетного дара сумме’ (ср. *pānā* ‘получать’), *pākhāne mē ek kone mē purānā, zang khāyā kanastar rakhā thā* (CC, 48) ‘В углу уборной стояла проржавленная (букв. ‘ржавчину съевшая’) банка’ – *kṣubdha aur coṭ khāe hue svar mē kalpanā bolī...* (NK. 1961. X, 26) ‘Взволнованным и надтреснутым (букв. ‘удар съевшим’) голосом Калпана сказала...’ (ср. *khānā* ‘есть’);

2) в функции обстоятельства выступает:

имперфективное причастие непереходного глагола: *rāste calte vah kisī strī ko dekhkar ruk jātī thī* ‘Идя по улице [и] увидев какую-нибудь женщину, она останавливалась’ [51, с. 225] – *aur rāste mē calte hue vah bār-bār merī taraf dekhtī rahī...* (LK, 146) ‘И идя по улице, она то и дело поглядывала на меня...’ (ср. *calnā* ‘идти’, ‘двигаться’),

перфективное причастие непереходного глагола: *vah baṛī der tak nirmalā kī god mē baiṭhā rotā rahā aur rote-rote so gayā* (PN, 65) ‘Он долго плакал, сидя (< букв. ‘севший’) на руках у Нирмалы, и, наконец,

уснул' – *udaybhānūlāl andar baiṭhe hue kharc kā takhmīnā lagā rahe the* (PN, 30) 'Сидя у себя, Удайбханунал подсчитывал расходы' (ср. *baiṭhnā* 'садиться', 'сидеть'),

имперфективное причастие переходного глагола: *...aur māi dha-nyavād kahkar punarvās-vibhāg se niklā aur lambe-lambe ḍag bhartā mazdūrō ke vibhāg kī or calā gayā* (KE, 46) '...И я, выразив благодарность, покинул департамент расселения и широким шагом (букв. 'длинные-длинные шаги заполняющий') направился в департамент труда' – *“ādmī hoṣiyār mālūm hote ho”, māi ne santrī kī praśansā karte hue kahā aur lambe-lambe ḍag bhartā huā jamunā ke is pār ā rahā* (KE, 34) '«Ты парень не промах», – похвалил я часового и широким шагом перебрался на этот берег Джамны' (ср. *bharnā* 'заполнять'),

перфективное причастие переходного глагола: *sir jhukāye sūṭhes mẽ se ustarā, sābun, bruṣ ḍhūḍh rahī thī* (YV, 484) 'Наклонив голову, [Урмила] извлекала из чемодана бритву, мыло и помазок' – *ḍākṭar sāhab ne sir jhukāye hue kahā – āī hōgī* (PN, 199) 'Наклонив голову, доктор сказал: «Она сейчас придет»' (ср. *jhukānā* 'наклонять');

3) в качестве объектно-предикативного члена выступает:

имперфективное причастие непереходного глагола: *...sahsā usne apne kālej ke profesar ḍākṭar rāmendra ko āte dekhā* (PM4, 37) '...вдруг она увидела, что к ней приближается преподаватель ее колледжа доктор Рамендра' (букв. '...преподавателя ... приближающимся увидела') – *jyō hī maheś jelar sāhab ke daftar ke dvār par pahūcā ki usne rameś ko āte hue dekhā* (NN, 106) 'Как только Махеш подошел к двери канцелярии тюремного надзирателя, он увидел, что приближается Рамеш' (ср. *ānā* 'приходить', 'прибывать', 'приближаться'),

перфективное причастие непереходного глагола: *ādhā ghañṭā bād dukhmocan apne parivār kī sudh lene āe to sab ko dahṣat mẽ ḍūbā pāyā* (ND, 130) 'Когда спустя полчаса Дукхмочан пришел провести свою семью, то всех он застал обуйанными страхом (букв. 'погрузившимися в страх')' – *usne pitā ko kisī gahrī cintā mẽ ḍūbā huā dekhā to kāraṇ jānne kī zid karne lagī* (BG, 47) 'Она увидела отца глубоко впадшем (букв. погрузившимся) в раздумье и стала настойчиво докапываться до причины' (ср. *ḍūbnā* 'тонуть', 'погружаться'),

имперфективное причастие переходного глагола: *mihir kumār ko kisī se bātē karte dekhkar do-tīn larke aur ā gae the* (ND, 51) 'Увидев Михира Кумара с кем-то беседующим, подошло еще несколько юношей' (ср. *karnā* 'делать', *bātē karnā* 'беседовать', 'разговаривать' <

‘вести разговор’) – *bhāiyo, merī lālsā thī ki kabhī baudhū cācā ko rāṣṭrīya patākā uttolit karte hue dekhū* (ND, 172) ‘Братья, моим заветным желанием было когда-либо увидеть дядюшку Баудху поднимающим национальный флаг’ (ср. *karnā* ‘делать’, *uttolit karnā* ‘поднимать’ < ‘поднятым делать’),

перфективное причастие переходного глагола: *...rekhā ko usne rangīn sārī kam hī pahne dekhā hai, par safed pahne to kabhī dekhā hī nahī* (AN, 103) ‘...ему редко доводилось видеть Рекху одетой в цветное сари, а в белом он ее и вовсе никогда не видел’ – *yahā par māī ne bahut-se logō ko bher kī khāl ke bālō ke kapre pahne hue dekhā hai* (KE, 15) ‘Здесь я увидел многих людей носящими одежду из овечьей шерсти’ (ср. *pahannā* ‘надевать’, ‘носить’);

4) в качестве субъектно-предикативного члена выступает:

имперфективное причастие непереходного глагола: *ekāek use ek sundar naukā ghāt kī or ātī dikhāī detī hai* (PN, 29) ‘Вдруг перед взором ее появляется пристающей к берегу красивая лодка’ – *itne mē hī uske sāmne ek mahā bhayankar piṣāc ātā huā dikhāī parā* (BG, 44) ‘А тут перед ним (шахом. – В.Л.) возник (букв. появился приближающимся) страховидный демон’ (ср. *ānā* ‘приходить’, ‘прибывать’),

перфективное причастие непереходного глагола: *use is bas ke andar bahut se log baiṭhe nazar āe* ‘Он увидел в этом автобусе много сидящих людей’ [51, с. 198], букв. ‘Ему внутри автобуса много людей севшими в поле зрения попали’ – *use apne bilkul sāmne mirāzuddīn aur gulāmdīn baiṭhe hue nazar āye* ‘Он увидел сидевших прямо напротив себя Миразуддина и Гуламдина’ [51, с. 205], букв. ‘Ему прямо напротив себя Миразуддин и Гуламдин севшими в поле зрения попали’ (ср. *baiṭhnā* ‘садиться’, ‘сидеть’),

имперфективное причастие переходного глагола: *log aksar yah śikāyat karte sunāī dete hāī ki...* ‘Приходится слышать, как люди часто жалуются на то, что...’ (букв. люди часто эту жалобу делающие слышны, что...) [51, с. 183] – *...tarah-tarah kī lālā pīlī cīriyā bhī cah-cah kartī huī dikhāī partī hāī* (BJ, 221) ‘... и бросаются в глаза со своим щебетанием разные птицы причудливого оперения’ (ср. *śikāyat karnā* ‘жаловаться’ < букв. ‘жалобу делать’; *cah-cah karnā* ‘щебетать’ < букв. ‘щебет делать’),

5) в роли предикатива при связочном глаголе, обеспечивая передачу предикатом значения результитивного состояния, выступает:

имперфективное причастие непереходного глагола: *maidān cārō taraf se peṛō se ghirā thā aur bīc mē pāc-chaḥ jālīdār kāṭej bane the...* (LK, 136) ‘Площадь была со всех четырех сторон окружена деревьями, а посередине было построено пять-шесть решетчатых коттеджей...’ – *māi is koṭhī kā kyā ullekh karū jo cārō or se sundar bāg-bagīcō se ghiri huī thī* (KE, 60) ‘Что мне сказать об особняке, который со всех четырех сторон был окружен великолепными цветниками!’, *vahā ek koṭhī banī huī thī* (AY1, 35) ‘Там был возведенным особняк’ (ср. *ghirnā* ‘быть окруженным’, *bannā* ‘строиться’, ‘создаваться’),

перфективное причастие переходного глагола в связи с выражением объектного (а) и субъектного (б) результата:

(а) *lāl aur pīle telō kī do śīṣiyā rakhī thī* (ND, 34) ‘[Здесь же] стояли (букв. поставленные были) два флакона: один с красным маслом, другой – с желтым’ – *ṭebal par kāṣe kī cār kaṭoriyā rakhī huī thī* (ND, 121) ‘На столе стояли (букв. поставленными ставшие были) четыре чашки из латуни’ (ср. *rakhnā* ‘ставить’, ‘класть’);

(б) *ḍrāivar ek hāth se gārī kā ṣṭiyar pakre thā, dūsre hāth se makhiyō se laṛ rahā thā* (YV, 533) ‘Водитель одной рукой удерживал (букв. схвативши был) руль машины, а другой отмахивался от мух’ – *sukhiyā ek hāth se baccō ko pakre hue thī...* ‘Сухая одной рукой держала детей...’ [51, с. 219] (ср. *pakarnā* ‘хватать’, ‘схватывать’, ‘ловить’)¹.

Не исключается возможность появления составного имперфективного причастия в качестве предикатива при глаголе-связке, например: *us kā ḡad chah fuṭ se nikaltā huā thā* ‘Его рост был (букв. выходящий из) более шести футов’, *us kutte ke kān laṭakte hue hote hāi* ‘У этой собаки уши обычно висят (букв. висание есть)’ [51, с. 188], *savere jab unkī ākhē khultī, to śraddhā unke snān ke lie pānī tapātī huī hotī...* [172, с.85] ‘Когда утром он открывал глаза, Шраддха уже грела (букв.

---

¹ Приведенный выше языковой материал изложен с отвлечением от того, что: 1) причастия в одних случаях оказываются согласованными, в других – не согласованными с именами – членами предложения, 2) перфективное причастие некоторых переходных глаголов приобретает в определенных условиях активное значение, хотя в целом перфективным причастиям переходных глаголов исконно присуще пассивное значение, 3) принятая трактовка роли причастий не обошлась без учета их позиций в составе предложений. Существует точка зрения, согласно которой причастия в несогласованной с именем форме, а именно, в форме на -е, трактуются как деепричастия.

греющей бывала) воду для его омовения’ (ср. *nikalnā* ‘выходить’, *laṭaknā* ‘свешиваться’, ‘висеть’, *tapānā* ‘греть’).

Составное перфективное причастие переходных глаголов может участвовать в формировании предиката предложений, где имя субъекта соответствующего действия принимает послелог *ne*, например: *rāj Kumārī ne hīrāman nām kā ek totā palā huā thā* (SV3, 33) ‘Принцесса приручила попугая по имени Хираман’ (ср. *pālānā* ‘растить’, ‘воспитывать’), ...*aur apnī dūsrī patnī ko usne jālandhar mē apne bāp ke ghar mē chorā huā hai* (RA, 183) ‘... и свою вторую жену он оставил в Джаландхаре в доме своего отца’ (ср. *chorānā* ‘оставлять’, ‘покидать’, ‘бросать’).

В целом же составные причастия по сравнению с исходными (простыми) служат более четкому выявлению у причастий принимаемых ими на себя соответствующих семантико-синтаксических функций. При этом, однако, сохраняется возможность конкуренции между причастием составным и причастием исходным (простым) на основе их взаимозаменяемости в определенных условиях функционирования.

Косвенным, но тем не менее наглядным свидетельством такой взаимозаменяемости служит, в частности, то, что исходным (простым) причастиям отдельных фрагментов текста на хинди известного романа Премчанда (“Жертвенная корова” в переводе на русский с урду) соответствуют в тексте на урду составные причастия, например:

rūpā ne pahle gobar ko āte dekhā thā (P, 36) / *pahle rūpā ne gobar ko āte hue dekhā thā* (PC, 58) – Гобара первой заметила Рупа... (П, 60), букв. ‘Сперва Рупа Гобара приближающимся увидела ...’ (ср. *ānā* ‘приходить’, ‘прибывать’),

lekin rūpā ghar se niklī hī thī kī dhaniyā tel liye mil gayī (P, 40) / *magar rūpā ghar se niklī hī thī kī dhaniyā tel liye hue mil gayī* (PC, 64) – Но на этот раз не успела Рупа пробежать и полдороги, как наткнулась на Дханию, которая возвращалась из лавки с керосином (П, 66), букв. ‘...Дхания, керосин взявши, встретилась’ (ср. *lenā* ‘брать’),

donō larḳiyā bāp ke pāvō (pāō) se lipḡ / lipḡ huī cillā rahī thī... (P, 110 / PC, 177) – ...обе девочки плакали навзрыд, цепляясь за ноги (букв. прилипшие к ногам; ср. *lipāṭnā* ‘прилипать’, ‘прилипать’, ‘лынуть’) отца (П, 170),

sab ke sab horī ko tiraskār kī ākhō se dekhṭe, parāst hokar lauṭ pare, aur vijayī bholā śān se gardan uḡhāye bailō ko le calā (P, 159) / *sab ke sab horī ko ḥiqārat se dekhṭe hue hār kar lauṭ pare aur fataḥmand bholā śān se gardan uḡhāye hue bailō ko le calā* (PC, 255) – Все пошли обратно, с презрением оглядываясь на Хори... А торжествующий победу Бхола повел быков в свою деревню (П, 239), букв. ‘Все, с презрением глядя на Хори, уступив, пошли обратно, а одержавший верх Бхола, величаво голову (букв. шею) под-

няв, двинулся с быками к себе' (ср. *dekhnā* 'смотреть', 'глядеть', 'видеть'; *uḥṇā* 'поднимать'),

jab māi vahā kī suṣikṣit bālikāō ko apne rūp kā, yā bharī huī gol bāhō yā apnī nagnatā kā pradarśan karte dekhīā hū, to mujhe un par dayā ātī hai (P, 167) / *jab māi vahā kī ta'īmīyāfta larḳiyō ko apnī śakāl kī yā apne bhare hue gol bāzūō kī, yā apnī 'uryānī kī numāīś karte hue dekhīā hū* to mujhe un par raham ātā hai (PC, 267) – Когда я вижу, как образованные девушки Запада выставляют напоказ (букв. ...девушек... делающими показ вижу; ср. *pradarśan* / *numāīś karnā* 'демонстрировать' < 'показ делать') свою фигуру, свои плечи или грудь (букв. наготу), мне становится жаль их (П, 250),

māi ek zarūrī kām mẽ lagā / lagā huā thā (P, 234 / PC, 378) – Я был занят весьма спешной работой (П, 349), букв. 'Я в неотложную работу вникший был' (ср. *lagnā* 'приставать', 'прилипать'),

...cuhīyā śīšu ko liye baiḥī hai aur vah sāf sārī pahne leī huī hai / pahne hue leī hai (P, 282 / PC, 458) – ...Чужия сидит рядом с ней, держа на руках ребенка, а сама она лежит, переодетая в чистое сари (П, 419), букв. '...чистое сари надевши, лежит' (ср. *rahanā* 'надевать', 'носить'),

gobar tāṛī piye osāre mẽ paṛā thā / piye hue dālān mẽ paṛā thā (P, 283 / PC, 458) – Воробей пьющий (букв. вина выпивши; ср. *pīnā* 'пить') Гобар валялся на веранде (П, 419),

sahasā / daf'atan sāmne śarak par hazārō ādmī mil kī taraf dauṛe jāte / dauṛe jāte hue nazar (naz'ar) āye (P, 293 / PC, 475) – Неожиданно улица, прилегающая к дому Мэхты, наполнилась толпами людей, бежавших к заводу (П, 435), букв. 'Неожиданно впереди тысячами люди в сторону завода стремглав бежавшие (бежавшими) показались' (ср. *daurā jānā* 'стремительно бежать'),

...aur sīt se kāṛṭ / ḥarḍ se kāṛṭ huī āge baḥī (P, 303 / PC, 492) – и, вздрагивая от холода, пошла в деревню (П, 450), букв. '...и, от холода дрожащая, двинулась вперед' (ср. *kāṛṇā* 'дрожать'),

veṣyā abhī tak kone mẽ dabkī khaṛī thī (P, 327) / *raṇḍī abhī tak goṣe mẽ dabkī huī khaṛī thī* (PC, 533) – Танцовщица, несчастная продажная девушка, до сих пор стояла, сжавшись в углу (П, 484), букв. '...сжавшаяся стояла' (ср. *dabaknā* 'сжиматься', 'сезживаться'),

mirzā sāhab ...apne jhōṛe ke barāmdē mẽ do bārānganāō ke sāth baiḥe / do t'avāīfō ke sāth baiḥe hue bātī kar rahe the... (P, 329 / PC, 537) – Мирза-сахиб сидел на веранде своего домика и беседовал с двумя проститутками... (П, 487), букв. '...севши (сидя) беседовал' (ср. *baiḥnā* 'садиться', 'сидеть').

Действия, обозначаемые глаголами в форме имперфективного причастия, мыслятся находящимися в процессе своего протекания, тогда как действия перфективных причастий предстают как закончен-

ные, завершившие процесс своего протекания. Имперфективное причастие и перфективное причастие приобретают в предложении значение относительного времени – соответственно настоящего и прошедшего.

Сказанное иллюстрируют следующие примеры:

ḍīpṭī-saikreṭṭī kā caprāsī tārā ke kamre kā darvāzā thel kar bhītar āyā aur apne pīche āte vyakti ke liye darvāzā khole rahā (YB, 621) ‘Посыльный помощника секретаря толчком открыл дверь комнаты Тары и, войдя внутрь, оставил дверь открытой для **идущего** вслед за собой человека’ – *ṣekhūpurā se āyī striyā kauṣalyādevī ke sāth sāmne barāmdē kī or baṛh rahī thī* (YB, 109) ‘**Прибывшие** из Шекхупуры женщины направлялись вместе с Каушальядеви к веранде напротив’,

...bāhar gīrtī huī varṣā kī būdē dabe svar se kah rahī hāī, ‘samay bītā jā rahā hai, bītā jā rahā hai’ (AA, 133) ‘...снаружи **падающие** капли дождя приглушенно твердили: «Время истекает, время истекает»’ – *...us ne ek hāth pīche moṛkar pīṭh par gīrā phūl pakar liyā...* (AN, 307) ‘...изловчившись, она дотянулась рукой до **упавшего** ей на спину цветка и взяла его...’,

tabhī use ek larḳā bīc dhār mē ḍībṭā nazar āyā ‘Именно тогда он увидел **тонувшего** в стремнине мальчика’ [51, с. 183] – *ghanṭā bād dukhmocan apne parivār kī sudh lene āe to sab ko dahṣat mē ḍībā pāyā* (ND, 130) ‘Когда спустя полчаса Дукхмочан пришел провести свою семью, то всех он застал **обуянными** страхом (букв. **погрузившимися** в страх)’,

mis vuḍ ne apne ūce eṛī ke saiṇḍal se jalī huī diyāsalāī ko dabā ḍālā... (LK, 113) ‘Своей туфлей на высоком каблуке мисс Вуд придавила **горящую** спичку...’ – *cārō or bīṛī ke jale hue ṭukre, diyāsalāī kī jalī huī tīliyā, pīk, pān kī sīṭhiyā aur murgiyō aur kabūtarō kī bīṭē bikhrī paṛī thī* (GS, 323) ‘Вокруг были разбросаны окурки (букв. **обгоревшие** сигаретные фрагменты) и **обгоревшие** спички, виднелись красные сгустки слюны с выплюнутым бетелем, валялся куриный и голубиный помет’,

māī ne to abhī hāl mē hī ek asādhya aur marte hue rogī ko isī se bacāyā hai (BGS, 51) ‘Совсем недавно я этим же снадобьем спас безнадежного **умирающего** больного’ – *jab ve donō ghar pahūcī to unhō ne buṛhiyā ko acet nahī, marā huā pāyā* (VM, 61) ‘Когда они обе вошли в дом, они застали старушку не лишившейся чувств, а уже **умершей**’,

kaṭorā hāth mē lete hue ṭhaḡ ne kahā ... (SV3, 2) ‘Беря чашу в руки, плут сказал...’ – *kuch der mē vah peṭikoṭ liye hue kamre se bāhar āī* (LK, 155) ‘Вскоре она вышла из комнаты, **захватив** юбку’,

...koṛhī ... use kahī zṡādā kaṣṭa pāte dikhāī dete (AG, 487) ‘...прокаженные казались ему **испытывающими** (букв. **получающими**) гораздо больше страданий’ – *daṣṭar mē asthāyī naukarī pāye bahut se log us se asantuṣṭa the* (YB, 345) ‘Многие из **получивших** в офисе временную работу были этим недовольны’.

Имперфективным причастиям языка хинди соответствуют в русском языке причастия настоящего и прошедшего времени глаголов несовершенного вида (причем применительно к переходным глаголам причастия действительного, а не страдательного залога), а также деепричастия глаголов несовершенного вида.

Перфективным причастиям **н е п е р е х о д н ы х** глаголов языка хинди в основном отвечают по значению русские причастия глаголов (разумеется, непереходных) совершенного вида (разумеется, причастия прошедшего времени, поскольку глаголы совершенного вида причастий настоящего времени не имеют) или же деепричастия глаголов совершенного вида. Типичное отклонение от данного соотношения причастных форм являют собой случаи:

1) с русским причастием (или деепричастием) от таких глаголов **н е с о в е р ш е н н о г о** вида, которые призваны обозначать состояние, возникающее в результате завершения процесса, называемого глаголами того же корня – лексическими эквивалентами соответствующих глаголов хинди: *kallovānī ke apne uṣī kamre mē cup-cāp bistar par leṭī huā cetan anyamanaska sā khīrkī ke bāhar dekh rahā thā* (AG, 315) ‘Лежа (букв. **лежащий**) молча в своей комнате в Калловани, Четан безучастно смотрел в окно’ (ср. *leṭnā* в значении “ложиться” и *ложиться* – *лечь* – *лежать*), *...aur us ne apne sāth tāḡe mē baiṭhī huī nav-parīṇītā patnī kī or dekhā...* (AG, 224) ‘...и он посмотрел на **сидящую** рядом с ним в тонге свою новобрачную жену...’ (ср. *baiṭhnā* в значении “сидеть” и *сидеться* – *сесть* – *сидеть*);

2) с русским страдательным причастием (разумеется, от переходного глагола) прошедшего времени, отражающим семантику причастия от медиопассивного (пассивного по своему лексическому значению) глагола языка хинди:

dopahar ke sannāṭe mē bheṭ-bakriyō ke galō mē bādhī huī ghaṇṭiyō kā svar havā mē bahtā huā sunāī de jātā thā (LK, 113) ‘В полуденной

тишине раздавался плывущий по воздуху звон **привязанных** к шеям овец и коз колокольчиков' (ср. *bādhnā* в значении "быть привязанным"), *ek baṭī sundar kaṛhī huī jhol merī pīṭh par paṭī huī thī* (КЕ, 95-96) 'На спине у меня лежала очень красивая **расшитая** попона' (ср. *kaṛhnā* в значении "быть расшитым").

Перфективными причастиями переходных глаголов языка хинди обычно соответствуют в русском языке:

1) страдательные причастия прошедшего времени (разумеется, переходных глаголов): *māī ne use jangal mẽ nanhī-sī phēktī huī pāyā thā* (US, 109) 'Я нашел ее, крошку, **брошенной** в лесу [на произвол судьбы]' (ср. *phēknā* 'бросать', 'выбрасывать'), ...*vah ek jāl mẽ pakṛe hue pakṣī kī tarah chaṭṛaṭā rahā hai...* (RA, 299) '...он трепыхается, как **пойманная** в сеть птица...' (ср. *pakaṛnā* 'хватать', 'схватывать', 'ловить');

2) действительные причастия прошедшего времени от глаголов совершенного вида: *jab vah lāhaur mẽ śikṣā pāye hue apne hī muhalle ke mitrō ko dekhtā thā, to apne āp ko unke sāmne nirā skūl kā chāṭra pātā thā* (AG, 36) 'Когда он видел друзей из своего же квартала, **получивших** образование в Лахоре, то ощущал себя заурядным школьником' (ср. *pānā* 'получать'), *usne us maun vrat dhāraṇ kiye hue sikh ko phir bulāyā* (CC, 72) 'Он снова вызвал **давшего** (букв. **принявшего**) обет молчания сикха' (ср. *dhāraṇ karnā* 'принимать', 'брать на себя');

3) деепричастие прошедшего времени переходных глаголов совершенного вида: *jalpā āīnā sāmne rakhe hue sārī pahan rahī thī* 'Джалпа, **поставив** (ср. *rakhnā* 'ставить', 'класть') перед собой зеркало, надевала сари [51, с. 247], *sāmne kalyāṇī bhāūhē sikoṛe hue khaṛī thī* 'Впереди, **нахмутив** (ср. *sikoṛnā* 'стягивать', 'морщить') брови, стояла Кальяни [51, с. 247].

В русском языке выделяются причастия четырех разновидностей, а именно: причастия настоящего времени действительного залога (действительные причастия настоящего времени), причастия прошедшего времени действительного залога (действительные причастия прошедшего времени), причастия настоящего времени страдательного залога (страдательные причастия настоящего времени) и причастия прошедшего времени страдательного залога (страдательные причастия прошедшего времени), – при том, что: 1) все четыре разновидности могут принадлежать только переходным глаголам несовершенного вида, 2) непереходные глаголы не располагают страдательными

причастиями, 3) причастия настоящего времени чужды глаголам совершенного вида.

Воплощение указанных разновидностей можно видеть на примере переходных глаголов *читать* и *прочитать* (соответственно несовершенного и совершенного вида) и непереходных глаголов *прыгать* и *прыгнуть* (соответственно несовершенного и совершенного вида):

<i>читать</i>	<i>читающий</i>	<i>читавшийiz</i>	<i>читаемый</i>	<i>читанный</i>
<i>прочитать</i>	–	<i>прочитавший</i>	–	<i>прочитанный</i>
<i>Прыгать</i>	<i>прыгающий</i>	<i>прыгавший</i>	–	–
<i>прыгнуть</i>	–	<i>прыгнувший</i>	–	–

В наборе имеющихся деепричастий – *читая, прочитав, прыгая, прыгнув* – нет страдательных причастий.

Межъязыковое сопоставление причастий, осуществленное выше, позволяет говорить о наличии определенной зоны соответствия друг другу, во-первых, имперфективных причастий языка хинди и русских причастий глаголов несовершенного вида и, во-вторых, перфективных причастий языка хинди и русских причастий (и деепричастий) глаголов совершенного вида. Не задействованными в этой зоне остаются русские страдательные причастия переходных глаголов несовершенного вида.

Что же касается процессивных причастий, то они функционируют преимущественно как альтернанты имперфективных причастий, призванные выделить связь выражаемого ими признака (действия) с текущим моментом времени:

kankhiyō se hāl kī or dekhte hue usne kāpte apne hāthō se him-buk kholī (LK, 102) ‘Посматривая искоса в зал, он **дрожащими** руками открыл сборник церковных гимнов’ – *...par uskī kāp rahī pīṭh ko dekh māī samajh gayā kī vah ro rahī hai* (NK. 1962. VI, 82) ‘...но увидев ее **дрожащую** спину, я догадался, что она плачет’,

yū mujhe rāh calte logō ko rokkar unse rāstā pūchnā acchā bhī nahī lagtā (RA, 48) ‘А вообще-то мне казалось не совсем приличным останавливать **идуших** своим путем людей и допытывать их расспросами о дороге’ – *donō ko cup dekh sāth cal rahe ajnabī ne kahā...* (GD, 65)

‘Увидев, что они оба замолчали, **идуший** рядом незнакомец сказал...’,

ghare mē parte hue pānī kī ‘ghahar ghahar ghar!’ sunte-sunte use apnā tiraskār bhūl gayā... (AA, 50) ‘Слушая, как журчит льющаяся (букв. **падающая**) в кувшин вода, он забыл о нанесенном ему оскорблении...’ – *māi vimanaska-sā hokar chat par par rahī būdē ginne kī ceṣṭā karne lagā* (AA, 72) ‘Я от нечего делать попытался считать **падающие** на крышу капли’,

phir is deṣ kī barhī huī bekārī kā kyā hogā? (KE, 72) ‘А как быть с **растущей** безработицей в этой стране?’ – *is prakār donō mē barh rahī vicār-samāntā ko caudharī mathurāsīnh śankit dṛṣṭi se dekhne lagā* (GD, 102) ‘На **растущее** единодушие обоих чаудхри Матхурасинх стал смотреть с подозрением’,

ḍorī se laṭkte hue balb ko apalak dekhtā huā vah apne atīt aur bhaviṣya kī gahrāiyō mē utartā calā gayā (LK, 19) ‘Глядя пристально на **висящую** на шнуре лампочку, он глубоко задумался о своем прошлом и будущем’ – *chat se laṭak rahā cālīs vaṭ kā balb phuṭṭ se jal uṭhā hai* (BJ, 158) ‘**Свисающая** с потолка лампочка в сорок ватт тотчас зажигается’.

От переходных глаголов образуются и страдательные формы имперфективных (а), перфективных (б) и процессивных (в) причастий, маркированные выступающим в качестве вспомогательного (в сочетании с перфективным причастием смыслового глагола) глаголом *jānā* ‘идти’, ‘уходить’:

(а) *vah ...kahte hue pati ko dekhtī aur kahe jāte śabdō ko suntī rah gaī* (JJ, 71) ‘Она... по-прежнему смотрела на говорящего мужа и слушала **произносимые** им слова’ (ср. *kahnā* ‘говорить’), *janatā par barhāye jāte ṭaiksō ke khilāf laṭāī karnā ek rāṣṭrīya kārya hai* ‘Бороться против возрастающего налогообложения (букв. против **увеличиваемых** налогов; ср. *barhānā* ‘увеличивать’) народа – общенациональное дело’ [51, с. 212], *joṭī jāī kul bhūmī kā das pratiṣat baṭāī ke antargat hai* [172, с. 109] ‘Десять процентов всей **пахотной** земли подлежит сдаче в аренду издольщикам’ (ср. *joṭnā* ‘пахать’);

(б) *paṇḍit girdhārīlāl jī ko ḍākṭar prāṇ aur tārā par kiye gaye nīc ākramaṇ kī bāt mālūm huī to uskā man dukh aur glānī se bhar gayā* (YB, 703) ‘Когда пандиту Гирдхарилалу стало известно о подломе нападения, **совершенном** на доктора Прана и Тару, его душа преисполни-

лась чувством горечи и негодованием’ (ср. *karnā* ‘делать’, ‘совершать’), *adhikānś log śrotāḍ ke liye bichāī gayī dariyō par na baiṭh kar ās-pās ghūmkar krodh prakat kar rahe the...* (YB, 85) ‘Большинство людей не сели на **расстеленные** для слушателей коврики, а, слоняясь вокруг, выражали свой гнев...’ (ср. *bichānā* ‘расстилать’), *naiyar ne tārā aur ḍāḍṭar nāth ko diye gaye noṭis dekhe* (YB, 698) ‘Найяр увидел извещения, **выданные** Таре и доктору Натху’ (ср. *denā* ‘давать’);

(в) *kharībolī par kie jā rahe in ākṣepō ko avāstavik pramāṇit karne mē kharībolī-pakṣa ke samarthak vidvān bhī lage hue the* (KB, 83) ‘Однако же] необоснованность этих **совершаемых** на кхари-боли нападок доказывали ученые – сторонники кхари-боли’ (ср. *karnā* ‘делать’, ‘совершать’), *unhō ne kahā ki bhārat sthāyī śānti kī diśā mē uṭhāye jā rahe kadamō ko baṛī dilcaspī se dekh rahā hai* ‘Он сказал, что Индия с большим интересом следит за мерами, **предпринимаемыми** (ср. *kadam uṭhanā* ‘предпринимать меры’) в целях укрепления мира’ [51, с.213], *nīce dī jā rahī tālikā ṛi ke vibhinna srotō ko pradārṣit kartī hai* [172, с.110] ‘Приводимая (букв. **даваемая**) ниже таблица показывает различные источники долга’ (ср. *denā* ‘давать’).

Приведенные примеры показывают, что русские страдательные причастия переходных глаголов несовершенного вида, специально упомянутые выше в качестве не задействованных в зоне межъязыкового соответствия причастий, все же оказываются отвечающими по смыслу имперфективным и процессивным причастиям языка хинди, облаченным в страдательную форму.

Страдательные перфективные причастия языка хинди в определенных синтаксических условиях функционируют как альтернанты перфективных причастий (разумеется, от переходных глаголов), не маркированных в отношении залога, например: *apne hāthō likhā patra* (AA, 112) ‘собственноручно написанное письмо’ – *dūsṛī dafē likhā gayā patra* (ND, 90) ‘вторично написанное письмо’, *ek jāl mē pakṛe hue pakṣī kī tarah* (RA, 299) ‘как пойманная в сеть птица’ – *unke sāth pakṛe gaye do anya vyaktiyō ko* (NM, 137) ‘двух других человек, схваченных вместе с ним’, *sevak ke sāth kī huī pratijñāḍ* (UK, 98) ‘данные (букв. ‘сделанные’) при слуге обещания’ – *kiye gaye nīc ākramaṇ kī bāt* (YB, 703) букв. ‘совершенного подлого нападения факт’.

В той мере, в какой на семантике финитных форм сказывается значение участвующих в их строении причастий, этим формам оказывается присущим видо-временной (в рамках изъявительного наклонения) или видо-модальный (в рамках сослагательного и условного на-

клонений) характер. Иначе говоря, есть основания признавать наличие в хинди видо-временных и видо-модальных форм (а, в общем-то, видо-модально-временных форм), так или иначе попадающих в функционально-семантическое поле аспектуальности. Специфику в аспектуальном отношении проявляют формы, образованные при участии форм типа *hotā'*, *hotā hū*, *hotā thā* и (гипотетически) *hotā hūgā* (*hoīgā*) вспомогательного глагола *honā*. Недаром соответствующие времена (формы времени) называются в имеющихся грамматических работах *обычными*.

Некоторое представление о постулируемой “видовой” дифференциации финитных форм дают помещенные ниже предложения с разными формами глаголов *parhnā* ‘читать’, *dekhnā* ‘смотреть’, ‘видеть’, *jānā* ‘идти’, ‘уходить’, *ānā* ‘приходить’, ‘прибывать’:

devakī ne apnī jeb se ek purānī ciṭṭhī nikāl kar mere sāmne rakh dī ...māī ne āścarya se ciṭṭhī parhī (ST, 134) ‘Деваки, достав из своего кармана потрепанное письмо, положила его передо мной... Я с удивлением письмо прочитал’ – *vah jab-jab in panktiyō ko parhītā tab-tab uskā sir is tarah cākṛāne lagtā jaise kisī das-manzile makān se nīce jhāṅk rahā ho* (LK, 12) ‘Всякий раз, когда он читал эти строки, у него так начинала кружиться голова, будто он смотрел вниз с крыши десятиэтажного дома’ – *ek dīn sandhyā samay māī rāmāyaṇ parh rahī thī* [172, с. 201] ‘Однажды вечером я читала Рамаяну’ – *phir jab uske pās samay hotā to ve aīsā upanyās parh rahe hote jise parhnā us ke vicār mē samay naṣṭa karne ke barābar hotā* (AG, 335) ‘Когда же у него (у старшего брата Четана. – В.Л.) оказывалось свободное время, он читал такой роман, чтение которого, по его (Четана. – В.Л.) мнению, было пустой тратой времени’;

balvantsinh aur sādhorām ne vah kāīcī dhyānpūrvak dekhī (CC, 45) ‘Балвантсинх и Садхорам тщательно осмотрели эти ножницы’ – *tum ne abhī duniyā bilkul hī kam dekhī hai* (GS, 196) ‘Ты пока еще мало чего видел на белом свете’ – *jarnalisṭ log sapne nahī dekhte. kam-se-kam nīd mē to sapne vah bahut hī kam dekhte hāī...* (RA, 263) ‘Журналисты не видят снов. По крайней мере когда спят, снов они видят совсем мало...’ – *tīn sāl mē āj māī pahlī bār tumhē yahī dekh rahā hū* (RA, 13) ‘За прошедшие три года я сегодня впервые вижу тебя здесь’ – *tārā ke pīche-pīche adheṛ vyakti calā ā rahā thā, āgan mē kharī praurhā aur ek javān larṅkī sahmī huī dṛṣṭi se use dekh rahī thī* (YV, 401) ‘Следом за Тарой шел пожилой мужчина. На него испуганно смотрели стоявшие во

дворе женщина средних лет и совсем юная особа’ – *kaī bār aisā bhī hotā ki uske pās hī koī vyakti khare khare uskī hī kavītā athavā kahānī dekh rahā hotā, tab uske cehre par ek rang ātā aur ek jātā* (AG, 252) ‘А бывало и так, что кто-то, стоя рядом с ним (Четаном. – В.Л.), взирал на его стихотворение или рассказ, меняя одно выражение лица на другое’;

purī dūsre din firozpur šahar mẽ śarṇārthiyō ke kaimpō kī chānbīn ke lie chāvnī se šahar gayā (YV, 476) ‘На другой день Пури для осмотра фирозпурских лагерей беженцев ушел из военного городка в город’ – *is liye mām jāb bhī udās hotā thā, uske pās jātā thā...* (KG, 106) ‘Поэтому всякий раз, когда мне было грустно, я шел к ней...’ – *mām us samay sindhiyā hāus ke sṭāp par bas se utrā thā aur kāfī kī ek pyālī pīne ke irāde se kāfī hāus kī taraf jā rahā thā* (RA, 12) ‘Я только что вышел из автобуса на остановке у Синдхия-хаус и с намерением выпить чашечку кофе шел к кафе’ – *hā, kabhī kabhī vah ammā kī ghuṛkiyō kī bhī parvāh nahī kartā thā. ammā taštārī mẽ phal rakhe hue abbā ke kamre mẽ jā rahī hoī to vah unkī ṭṭgō mẽ lipaṭ jātā* ‘Да, иногда он не обращал внимания даже на окрики матери. [Когда] мама с фруктами на подносе по обыновению шла в комнату к отцу, он прижимался к ее ногам [51, с. 280] – *vah jāb bāhar gayā hotā, mannī binā kahe uskā kamrā jhāṛ detī; uskī pustakē karīne se lagā detī...* (AG, 473) ‘Когда он выходил [надолго], Манни без лишних слов убиралась в его комнате, приводила в порядок его книги...’;

thakā hārā cetan lāhaur se āyā thā (AG, 186) ‘Усталый и разбитый приехал Четан из Лахора’ – “*kaun ho? kahā se āyī ho?*” *us ne bhī praśna kiyā* (YV, 401) ‘«Кто ты? Откуда ты явилась?» – он тоже спросил’, – *lakṣmīnārāyaṇ ghar se apnā khānā lekar ātā thā aur batrā aur mām vahī se kuch khāne ko le lete the, kyōki khānā ham khākar āte the* (RA, 64) ‘Лакшминараян приходил [в чайхану], захватив съестное из дома, а Батра и я брали здесь из снеди, что придется, потому что приходили, уже поевши’ – *vah hāthō mẽ do-ek paiket sābhāle merī taraf ā rahā thā* (RA, 12) ‘Со свертками в руках он шел в мою сторону’ – *koī sāmne se ā rahā hotā, to vah thoṛā jhukkar use salām bhī kar detā...* (RA, 28) ‘Если кто-либо шел навстречу, он (Ибадат Али. – В.Л.) спешил поздороваться, почтительно склонив голову...’.

Наиболее наглядно такая дифференциация форм проявляется тогда, когда они оказываются контрастирующими на синтагматической оси в пределах определенного фрагмента текста:

rāt ke nau baje the. udaybhānūlāl andar baiṭhe hue kharc kā takhmīnā lagā rahe the. vah prāyaḥ roz hī takhmīnā lagāte the... (PN, 30) ‘Было девять часов вечера. Сидя у себя, Удайханулал подсчитывал расходы. Он почти каждый день подсчитывал расходы...’ (ср. *takhmīnā lagānā* ‘расходы подсчитывать’),

pratidin dūkān ko jāne se pahle hās kar ve uske kām kā byorā le lete - pūch lete ki usne kaun sā nayā adhyāy likhā hai, vah kaun sā nayā adhyāy likh rahā hai, yā phir āgāmī adhyāy mẽ vah kyā likhnā cāhtā hai? cetan ne kuch likhā hotā to pās baiṭh kar use sunte. na likhā hotā to pūchte ki uskī tabīyat to ṭhīk hai, vah sair to kar rahā hai... (AG, 408) ‘Каждый день, прежде чем пойти в свою лечебницу, он (Кавирадж. – В.Л.) шутиливо добивался от него (Четана. – В.Л.) отчета о проделанной работе: спрашивал, какую новую главу он, Четан, написал уже, какую новую главу еще пишет и о чем хочет писать в следующей главе. Если Четан успевал что-нибудь написать, то Кавирадж садился рядом и слушал. Если же ничего нового написано не было, он вопрошал, здоров ли Четан, гуляет ли...’ (ср. *likhnā* ‘писать’). См. пример с другим (отличным от *likhā hotā*) “обычным” временем того же глагола: *kaī bār jab vah candā ko patra likh rahā hotā to cāhtā ki nīlā ke sambandh mẽ kuch pūche* (AG, 477) ‘Не раз, когда он писал письмо Чанде, ему хотелось спросить что-то о Ниле’.

В предложениях аналитическим финитным формам языка хинди, содержащим в своем составе имперфективное или процессивное причастие, отвечают в русском языке финитные формы глаголов несовершенного вида:

sardār bahut gaur se uske cehre kī taraf dekhtā hai... (RA, 236) – Сардар пристально **смотрит** в лицо Харбансу... (PM, 199),

koṭhrī mẽ rāt ko cūhe bahut śor macāte the (RA, 23) – Ночью в нашей комнате **затекали** возню голодные крысы (PM, 30),

uske hāth ceṣṭar kī jebō mẽ ṭhīṭhur rahe hāī (RA, 235) – Руки, засунутые в карманы пальто, **стынут** от холода (PM, 199),

...gāṅgāprasād khel samāpta karke uṭh rahā thā (VB, 264) – ...Ганганпрасад уже **вставал** из-за ломберного столика, закончив партию (ББ, 226).

В плане настоящего времени иного соотношения форм заведомо быть не может, потому что в русском языке формы настоящего времени образуются только у глаголов несовершенного вида.

Вполне естественно, что такого рода межъязыковое соотношение форм может наблюдаться при переходе от русского языка к хинди:

...влюбленные **понимают** друг друга лучше, когда **молчат**... (А. Чехов) – *preṁī jab mīk hote hāī tabhī ek dūsre ko zyādā acchī tarah samajhte hāī...* (CL, 43),

Они **обожали** друг друга (А. Чехов) – *ve donō ek dūsre ko pyār kartī thī* (СК, 108),

В кои-то веки ребят своих **вижу** – и молчком? (В. Распутин) – *itne sālō bād apne bacchō ko dekh rahī hāī aur tū kahtī hai ki sup baiṭhī rahī* (RT, 42),

С востока **надвигались** темные грозовые тучи... (А. Чехов) – *pūrvākāś mē barasne vāle kāle bādāl ghīr rahe the...* (СК, 3).

Однозначно финитной форме изъявительного наклонения языка хинди, равной имперфективному причастию, т.е. прошедшему неопределенному времени, соответствует в русском языке прошедшее время глаголов несовершенного вида:

donō choṭe larke usī skūl mē parhte the. nirmalā roz unse mansārām kā hāl pūchhtī (PN, 95) – Младшие мальчики учились в той же школе, и Нирмала каждый раз **спрашивала** о нем (о Мансараме. – В.Л.) (ПН, 74),

islie sāhab ghaṇṭī bajākar sureś ko bulātā aur usse kahtā ki vah nīce jākar dekh āe ki sūtārām kyā kar rahā hai (RA, 63) – Но время от времени сахиб **вызывал** к себе Суреша и **приказывал** ему спуститься вниз – взглянуть, чем там занимается посыльный Ситарам (РМ, 66),

mālī bāg mē ātī to use jhuniyā kā bālak dhūl-miṭṭī mē kheltā miltā (Р, 336-337) – Когда Малти **выходила** в сад, она всякий раз **видела** игравшего там ребенка Джхунии (П. 497).

Семантически обусловлены случаи, когда в переводе с русского на хинди прошедшему времени русских глаголов несовершенного вида отвечает в хинди прошедшее неопределенное время:

В пятом часу она **обедала** с мужем (А. Чехов) – *cār aur pāc baje ke bīs vah apne patī ke sāth ghar par bhojan kartī* (CL, 134),

Потом каждый полдень они **встречались** на набережной, **завтракали** вместе, **обедали**, гуляли, **восхищались** морем (А. Чехов) – *phir ve roz bārah baje samudra ke kināre milte, donō samay sāth-sāth khānā khāte, ghūmne jāte, samudra kā saundarya dekhte* (СК, 64).

Аналитическим формам языка хинди, построенным на базе перфективного причастия, а также финитной форме в облике перфективного причастия, т.е. прошедшему аористическому времени, легко найти соответствие в формах русских глаголов совершенного вида:

*usne mujh se pūrā-pūrā vādā **kiyā thā** ki vah ḍīnar mẽ zarūr āegā. kahtā thā ki lāvaṇya ko upahār mẽ dene ke lie usne ek hīre kā broc **kharīdā hai** – haimilṭans ke yahā se* (VB, 395) – *Напротив, он совершенно **уверил** меня, что придет на наш обед, и уже **купил** в магазине Гамильтона бриллиантовую брошь для Лаваны* (ББ, 328),

*horī ko is bīt-yaunvā mẽ bhī vahī komal hṛday bālikā nazar āyī, jis ne paśīs sāl pahle uske jīvan mẽ praveś **kiyā thā*** (P, 125) – *В стоявшей рядом с ним преждевременно состарившейся, увядшей женщине Хори вдруг снова увидел ту нежную, прекрасную и великодушную девушку, которая двадцать пять лет назад властно **вторглась** в его жизнь* (П, 190),

*nīlimā, tumhārā patra māl ne utne dhairya se hī **parhā hai** jitne dhairya se tum ne **likhā hai** ki māl parhū* (RA, 146) – *Налима, твое письмо я **прочел**, вооружившись мужеством в той самой мере, какой ты **пожелала** мне в нем* (PM, 131),

*mansārām ne mere bhāv-parivartan ko dekhkar dil mẽ kyā-kyā **sam-jhā hogā?*** (PN, 93) – *Что **подумает** обо мне Мансарам после этой комедии, которую пришлось разыграть?* (ПН, 72),

*āj sabhī deviyā sone aur reṣām se ladī huī thī, māno kisī barāt mẽ **āyī hō*** (P, 162) – *Все женщины, сидевшие в зале, были разодеты в шелковые сари, словно **собрались** на праздник* (П, 243),

*...agar māl ne barjorsinh ke **khlāf** bayān na **diyā hotā** to barjorsinh ke nāt vāraṇṭ na nikaltā...* (VB, 78) – *Не **дай** я показаний, не было бы ордера на арест Барджорсинха...* (ББ, 83),

*kapre pahankar jvālāprasād baiṭhak mẽ **āe*** (VB, 220) – *Одевшись, Джвалапрасад **вошел** в кабинет* (ББ, 194),

*ālīrazā ne makān kā darvāzā **kholā**...* (VB, 574) – *Али Реза нехотя **открыл** дверь...* (ББ, 443),

*yahī socte hue bābā sāhab **uṭhe**, reṣmī cādar gale mẽ **ḍālī**, kuch rupae **liye**, apnā kārd nikālkar ek dūsre kurte kī jeb mẽ **rakhā**, chaṛī **uṭhā** aur cupke se bāhar **nikle*** (PN, 35) – *С такими мыслями Удай Бханулал **встал** с постели, **обмотал** вокруг шеи шелковый шарф, **взял** немного*

денег, **положил** в карман визитную карточку и, **прихватив** трость, тихо **вышел** из дому (ПН, 21-22).

Неслучайный характер отмеченного межъязыкового соотношения финитных форм подтверждается и примерами на перевод с русского на хинди:

Не **прошло** трех недель с той поры, как она в первый раз **увидела** в окошко молодого человека... (А. Пушкин) – *us dīn ke bād abhī tīn hafte bhī nahī **guzre the**, jab usne khīrkī mẽ se pahlī bār is naujavān ko **dekhā thā**...* (PR, 120),

У нее в номере было душно, пахло духами, которые она **купила** в японском магазине (А. Чехов) – *kaṃrā band thā aur usmē us itr kī khuṣbū ā rahī thī jo usne jāpānī dukān se **kharīdā thā*** (СК, 59),

[Астров:] Ты **взял** у меня из дорожной аптеки баночку с морфием (А. Чехов) – [āstrov:] *tum ne mere davāiyō ke baig mẽ se mārfiyā kī ṣīṣī **nikālī hai*** (CN, 191),

Все эти дни я ни разу не **отступил** от своей системы (М.Лермонтов) – *in sāre dīnō māī apne dharre se zarā bhī idhar-udhar nahī **haṭā hū*** (LH, 131),

Но едва **успел** он **выехать** со двора, как отец ее вошел... (А.Пушкин) – *abhī rājkumār hāte ke bāhar hī **gayā hogā**, kī māriyā kā pitā uske kaṃre mẽ ā gayā...* (PD, 108),

Если бы Грушницкий не **согласился**, я бросился б ему на шею (М.Лермонтов) – *agar gruṣṇītskī ne is yojnā ko na **mānā hotā**, to māī usī samay lapak kar uske gale se jā lapatā* (LH, 156),

Я **пришел** к Сильвио в назначенное время и **нашел** у него весь полк (А. Пушкин) – *māī niyat samay sīlviyō ke yahā **pahūcā** aur regiṃeṇṭ ke lagbhag sabhī afsarō ko vahā **pāyā*** (PR, 17),

Потом он **позвонил** и **сказал**, чтобы ему принесли чаю... (А.Чехов) – *phir usne ghaṇṇī **bajāī** aur cāy lāne kī ājñā **dī*** (СК, 78),

Михаил **достал** еще одну бутылку... (В. Распутин) – *mīkhāīl ne ek botal aur **uṭhāyī**...* (RT, 72),

Они ее **поцеловали** и, по обыкновению, **благословили**... (А.Пушкин) – *unhō ne beṭ ko **cūtā** aur har dīn kī bhāī āṣīrvād **diyā*** (PR, 32),

Она увидела, что Нади нет, а все остальные спят, и кряду раз пять громко и тяжело **вздыхнула**... (В. Распутин) – *use nādyā nahī*

dikhāī dī aur bākī sab so rahe the. usne pāc bār lagātār zor se gahrī sās **II** ... (RT, 24).

Однако межъязыковой параллелизм в функционировании перфективных форм языка хинди и форм глаголов совершенного вида русского языка выдерживается не всегда. Так, имеются типичные случаи, когда перфективным финитным формам языка хинди в русском языке соответствуют формы глаголов несовершенного вида:

(а)

śimlā pahūcne ke pahle din to usne unhī ke sāth khānā **khāyā** *aur vahī* **soyā** *bhī...* (AG, 403) – В день своего приезда в Симлу Четан **ужинал** вместе с семьей Рамдаса. Там же, в их доме, он и **ночевал** (АУ, 112),

rājābahādur ho gayā hai. kalkattā mẽ jauharī hai. samajh gayā. to uske yahā **gaye the** (VB, 408) – Ведь он (калькуттский ювелир Радхакишан. – В.Л.) теперь **раджабахадур**, не так ли? Стало быть, вы к нему **ездили**? (ББ, 337),

iske bād nīlā uske pās na **āyī thī** (AG, 313) – После этого Нула большие не **приходила** к нему (АУ, 90);

(б)

unse kah dījegā ki thākur gajarājsinh ek zarūrī kām se **āe the. mātī parsō subah unse milne āūgā** (VB, 91) – Передайте наибу-джи, что **приходил** тхакур Гаджа Раджасинх. Послезавтра утром я еще **наведаюсь** (ББ, 93),

– *tumhārī patnī nahī āyī? – nahī. – tum use lene sṛṣṭan par* **gaye the? – mātī vahī se ā rahā hū** (RA, 239) – – Погоди, а разве твоя жена не приехала? – Нет. – Но ты же **ходил** встречать ее! – Я иду с вокзала (РМ, 202-203),

jāie! socā thā, khūb kabāb uṛāyēge, so āp ne sārā mazā kīrkīrā kar dīyā (P, 97) – – Ну что ж, делать нечего, идемте! А я-то **надеялся**, что мы всласть полакомимся жарким. Вы испортили все дело (П, 152);

(в)

batā, tujhe apnā var pasand hai? uskī tasvīr to **dekhī hogī?** (PN, 140) – Скажи-ка лучшие, тебе нравится твой жених? Ты **видела** его, хотя бы на фотографии? (ПН, 111),

*lālā rādhākīṣan kā śāyad āp ne nām **sunā ho** aur jānte bhī hō unhē āp* (VB, 407) – Впрочем, я думаю, вы **слышали** имя Радхакишана или даже знакомы с ним? (ВБ, 337);

(г)

*dekho beṭā māīne sadā tumhē ādeś **diyā hai**, āj māī tum se vinay kartā hū...* (AG, 136) – Ну, сынок, я тебе всегда **приказывал**, а вот сегодня, видишь, прошу... (АУ, 39),

*tum ne sadaiv mujhe parīkṣā kī ākhō se **dekhā**, kabhī prem kī ākhō se nahī* (P, 315) – Вы всегда **смотрели** на меня глазами экзаменатора, никогда – глазами влюбленного (П, 467);

(д)

*mehtā ne apne jīvan mẽ kabhī kabaḍḍī na **khelī thī**. mirzā is fan ke ustād the* (P, 148) – Мэхте никогда в жизни не **приходилось** участвовать в кабадди, а Мирза был опытным игроком (П, 223),

*aisā kabhī nahī **huā thā**. lālā, kabhī nahī* (P, 209) – Никогда с ним такого не **случалось**, Лала! Никогда! (П, 313);

(е)

*māī socā kartā hū nīlā, māī do bār candā ko dekhne **āyā** aur donō bār hī māī ne tumhē **dekhā*** (AG, 239) – Вот я думаю, Нула, два раза я **приходил** смотреть на Чанду, а оба раза **видел** тебя (АУ, 71),

*mahārāj jāntā hai. māī ne laṛāī ke hī kāl mẽ kabhī-kabhī **sunāyā hai*** (VM, 45) – Махараджа помнит, во время войны я часто (в оригинале – *kabhī-kabhī* ‘время от времени’, ‘изредка’. – В.Л.) **пересказывал** ее («Васава-пурану». – В. Л.) (ВБ, 53);

(ж)

*...bahut dīn se utnā acchā khānā nahī **khāyā hai*** (VB, 315) – ...давно я не **ел** с таким удовольствием, как у вас... (ВБ, 265),

*kaī mahīnō se mālī unke pās na **āyī thī**...* (P, 332) – Малти не **заходила** к нему уже несколько месяцев... (П, 490),

*usne khūṛī par āgā tennis kā raiket utārā. ek mahīne se usne vah raiket nahī **chūā thā*** (VB, 596) – Он снимает со стены теннисную ракетку – целый месяц не **прикасался** к ней! (ВБ, 456);

(з)

*māī ne to use itnā **manā kiyā** rāybahādur sāheb, lekin vah māntā hī nahī* (VB, 622) – Я **пытался отговорить** его, господин райбахадур, но он и слушать не хочет (ВБ, 472).

В случае (а) формы русских глаголов несовершенного вида несут общефактическое (обобщенно-фактическое) значение: факт осуществления действия констатируется безотносительно к особенностям его, действия, протекания. В этом своем значении такие формы глаголов русского языка конкурируют при описании какой-либо определенной ситуации с передающими конкретно-фактическое значение формами глаголов совершенного вида, когда выбор вида определяется установкой говорящего. Выступая именно в общефактическом значении, формы русских глаголов несовершенного вида находят себе соответствие при переводе на хинди в перфективных формах глаголов этого языка:

Утром бабушка жаловалась, что в саду ночью ветром побило все яблоки и сломало одну старую сливу (А. Чехов) – *dūsre din saveere dādī ne śikāyat kī ki havā ne sāre seb ukhār diye the aur purāne ber ko bīc se cīr diyā thā* (CL, 364),

Пили чай со сладким пирогом. Потом Вера Иосифовна читала вслух роман... (А. Чехов) – *cāu aur kek āye. phir verā yosīfovñā ne zor se apñā upanyās parhā* ... (CL, 257),

– Как? Как? – *спрашивал* он, хватая себя за голову. – Как? (А.Чехов) – ‘kaise? kaise?’ *apñā sir pakarte hue pūchā*. ‘kaise?’ (СК, 81),

– Перестань, моя хорошая, *говорил* он, – *поплакала и будет...* (А.Чехов) – ‘roo mat, merī pyārī’, *usne kahā*. ‘tum man bhar kar ro cukī, itnā kāfī hai...’ (СК, 80),

В четыре часа она обедала вместе с Коростелевым. Он ничего не ел, пил только красное вино и хмурился. Она тоже ничего не ела (А. Чехов) – *cār baje vah korostelyov ke sāth khāne par baiṭhī. korostelyov ne kuch nahī khāyā, bas thoṛī lāl śarāb pītā aur mūh banātā rahā. usne bhī kuch nahī khāyā* (CL, 159),

Я не обманывала (А. Пушкин) – *māī ne āp se koī viśvāśghāt nahī kīyā* (PD, 123),

Маша приготовилась, но дверь ее заперта на ключ. Горничная отвечала ей из-за двери, что Кирила Петрович не приказал ее отпустить (А.Пушкин) – *rāt hote hī māśā jāne ko taiyār ho gaī, par darvāzā to band thā. dāsī ne bāhar se hī kahā ki mālik kā hukm hai ki use bāhar na nikalne diyā jāy* (PD, 111),

*Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно **смот-**рели друг на друга* (А. Пушкин) – *khlopūṣā aur beloborodov ne ek dūsre kī taraf rūkhepan se **ghūrā*** (PK, 107),

*Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, **предводительствовал** отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами* (А. Пушкин) – *kahte hāi ki aleksandr ipsilāntī ke vidroh ke samay sīlviyo ne ek faujī daste kī kamān **sābhālī** aur skulyānī ke nikaṭ hue yuddha mē khet rahā* (PR, 29),

– *Да ты же, Михайлик, этого не **читал!** – спорит она громко. – Я же тебе говорю, клянусь, ты не **читал** же этого вовсе! //* – *А я тебе говорю, что **читал!** – кричит Коваленко, гремя палкой по тротуару* (А. Чехов) – *vah zor se kahtī – ‘lekin mikhāilik, tum ne yah nahī **parhī hai**, māi jāntī hū! māi dāve ke sāth kah saktī hū ki tum ne yah hargiz nahī **parhī!**’. kovalenko apnī chaṛī paṭakkar cillātā – ‘aur māi tum se kahtā hū ki māi ne **parhī hai*** (CL, 270).

В случае (б) формами русских глаголов несовершенного вида привносится значение аннулированного, устраненного результата соответствующих действий. В русистике оно квалифицируется как разновидность общефактического значения, противопоставленная перфектному (а не аористическому) варианту конкретно-фактического значения форм глаголов совершенного вида. Это значение соотносится со значением снятой (суппрессированной) перфектности (актуальность результата действия мыслится для ситуации момента речи утратившей силу), передаваемым в хинди такой перфективной формой, как предпрошедшее время, или плюсквамперфект (формой типа *bolā thā*).

В случае (в) несовершенный вид, отвечающий перфективу языка хинди, представлен русскими глаголами, обладающими значением достижения результата, – *видеть, слышать*. Данное межъязыковое соотношение форм прослеживается и при переводе с русского на хинди:

*Он **видел**, как замерцала изнутри изба...* (В. Распутин) – *usne takān ko andar se cāḍhiyāte hue **dekhā thā*** (RT, 348),

*Старуха **слышала**, как загудела корова...* (В. Распутин) – *būṛhī ānnā ko gāy ke rābhāne kī āvāz **sunāyī dī**...* (RT, 64).

В случаях (г) и (д) отражено, что в русском языке с наречиями *всегда* и (при отрицании) *никогда* может сочетаться форма прошед-

шего времени глаголов не иначе как несовершенного вида, тогда как в хинди совместная встречаемость такого рода обстоятельств всеобщности (см. *sadā* и *sadaiv* ‘всегда’, *kabhī* ‘когда-нибудь’, ‘когда-то’ с отрицательной частицей при глаголе) и перфективных глагольных форм оказывается естественной, чем, кстати сказать, оттеняется различие в функционировании (и естественно в семантике) между перфективными формами глаголов языка хинди и формой прошедшего времени русских глаголов совершенного вида. Соответствующее межъязыковое соотношение форм при переводе с русского на хинди иллюстрируют следующие примеры:

Если не брать трех лет армии, Михаил всегда был возле матери... (В. Распутин) – *yadi tīn sāl senā ke na gine jāyē to mikhāil sadā mā ke pās hī rahā hai* (RT, 45),

Одно мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины... (М. Лермонтов) – *mujhe hamešā (= sadā. – В.Л.) yah barā ajab-ajab lagā hai ki jin auratō ko māī ne pyār kiya unkā gulām kabhī nahī banā* (LH, 116).

В случае (е) форма прошедшего времени русских глаголов несовершенного вида предстает отвечающей перфективным формам глаголов хинди в связи с обозначением как ограниченной кратности, или счета, так и неограниченной кратности, или итеративности, при наличии соответствующих обстоятельств в составе предложений (см. *do bār*, *donō bār*, *kabhī-kabhī*, *два раза*, *оба раза*, *часто*). Примечательно то, что в русском языке формам глаголов совершенного вида не свойственно сочетаться с лексическими показателями итеративности, тогда как в хинди совместная встречаемость такого рода показателей и перфективных форм глагола вполне допустима:

matrū uskā sahayogī thā isliye śāyad nāsir bār-bār bacā (VM, 332) ‘Матру был его сообщником, и, пожалуй, поэтому Насир раз за разом оказывался неуязвимым’,

aksar hāfizī ke mūh se sunā hai ki bahišt mē ādmī kī sārī icchāē pūrī hotī hī (NK. 1961. XII, 109) ‘[Я] часто слышал из уст Хафиза, что в раю сбываются все желания человека’,

kabhī-kabhī to mujhe aisā lagā ki koī pulis kā adhikārī kisī aparādhī se uskā aparādh kabūl karvā rahā ho (HG, 77) ‘Порой мне казалось, будто какой-то полицейский чин добывается от обвиняемого признания вины’,

usne in yuddhabandiyō par muḥadmā calāye jāne kā lagātār vi-rodh kiṃhai (JY. 5.08.1973) ‘Он постоянно выступал против судебного процесса над этими военнопленными’.

С показателями же счета в русском языке используются формы глаголов не только несовершенного, но и совершенного вида: *Товарищ Игнатъев приезжал три раза...* (С. Антонов), *После этого он заходил еще раза два-три...* (С. Антонов), *Мне это надоело. Три раза подогревала тебе обед* (К. Симонов) ~ *А мне велел: вези, мол, осторожно. Помни, кого везешь. Как следует вези...* *Три раза повторил, да при людях, чтобы свидетели были* (С. Антонов), *Он ...в полусне дважды лягнул ногой воздух и перевалился на другой бок* (В. Богомолов), *Равняясь с ними, Алексей мигнул пять раз подряд* (М. Шолохов). Совершенным видом при этом обеспечивается выражение ограниченно-кратного значения в его суммарном варианте или, иначе говоря, значения членимой целостности действия.

В хинди имперфективные формы сочетаются с лексическими показателями счета, когда последние совмещаются в предложениях с обстоятельствами циклично повторяющегося периода времени:

sirājuddīn sāl mē ek-do bār hī gāṇ mē āte the... (GS, 262) ‘Пару раз в год Сираджуддин приезжал в деревню...’,

albattā vah mūh din mē kāī bār dhoṭī (NK. 1962. VI, 110) ‘Однако она умывалась несколько раз в день’,

bābā saptāh mē do bār āte the (YV, 181) ‘Баба приходил два раза в неделю’.

Однако и перфективная форма глагола может быть использована в сочетании с обстоятельственным комплексом, состоящим из лексического показателя счета и показателя цикличности:

kāḥ bāzār se māī do-ek bār din mē guzrā thā, magar isī tarah jaise ek badbūdār galī mē se ādmī nāk par rūmāl rakhkar guzar jātā hai (RA, 49) ‘Дровяным базаром я [до этого] проходил по несколько раз в день, и каждый раз так, как минует зловонный переулок человек, держа у носа носовой платок’. Ср. *Дровяным рынком мне случалось проходить иной раз дважды или трижды в день, и всегда я испытывал при этом примерно то же чувство, с каким избалованный комфортом горожанин пробирается, зажав нос, сквозь зловонный окраинный переулок* (PM, 53).

Здесь перфективной формой привносится в предложение значение сведенного воедино всего множества периодически повторяющихся неоднократных событий.

Этим значением характеризуется перфективная форма перевода на хинди русского предложения в следующем примере:

И потом он встречал ее в городском саду и на сквере, по нескольку раз в день. Она гуляла одна... (А. Чехов) – *aur phir usne use pārk mẽ aur cauk mẽ ghūnte hue din mẽ kaī bār **dekhā**. vah akelī ghūm rahī thī...* (СК, 53).

Случай (ж) – это особый случай межъязыкового соотношения перфектива языка хинди и несовершенного вида русского языка: отрицается факт осуществления определенного действия в фиксируемом временном диапазоне (в хинди показателен послелог *se* обстоятельственных оборотов), причем неосуществление действия мыслится, как правило, актуальным для более позднего временного плана.

Данный параллелизм в функционировании форм виден и при движении в направлении от русского языка к хинди:

*Я не **видел** вас целую неделю* (А. Чехов) – *māī ne tumhẽ pūre ek hafte se nahĩ **dekhā hai**...* (CL, 246),

[Гаев:] *А у меня дрожат руки: давно не **играл** на бильярде* – [gāyev:] *mere to hāth kāpte hāī, ek arse se biliyarḍ nahĩ **khelā*** (CN, 377).

В случае (з) несовершенный вид обязан своим появлением тому, что перфективная форма глагола хинди несет значение безуспешной попытки достичь желаемого результата. Возможность передачи такого значения, значения тендентивно-конативного, перфективной формой (в частности, аористом) отдельных глаголов хинди иллюстрируют следующие примеры:

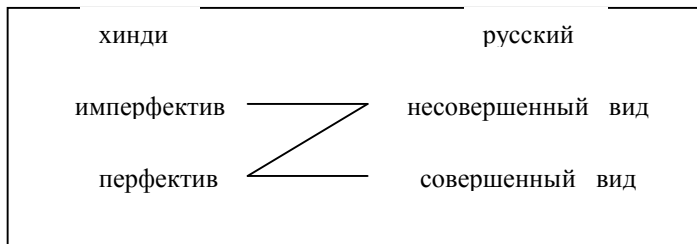
*māī ne unhẽ **rokā**, par mere roke vah ruke nahĩ* (JK, 40) ‘Я его удерживала, но, несмотря на все мои попытки удержать его, он не остался’ (ср. *roknā* ‘останавливать’, ‘задерживать’),

*vah jhapaṭ kar uṭhā aur chatrī ke bāhar ākar bhūkne lagā. halkū ne use kaī bār cumkār kar **bulāyā** par vah uske pās na āyā* (PG, 160) ‘Стремительно выскочив из-под зонта, он (пес. – В.Л.) принялся лаять. Халку несколько раз причмокиванием позвал его, но он к Халку не приблизился’ (ср. *bulānā* ‘звать’).

См. также: *Тут же путалась под ногами Нинка: Надя **знала** ее и никак не могла прогнать...* (В. Распутин) – *vahī par pāvō ke bīc tē nīnkā bhī ulajh paī, nādyā ne use **bhagāyā** par bhagā nahī sakī* (RT, 41).

В русистике значение безуспешной попытки трактуется или как вариант конкретно-процессного значения несовершенного вида, или наряду с конкретно-процессным и постоянно-непрерывным значениями как частный вариант процессного значения несовершенного вида, или же как вариант общефактического нерезультативного значения, входящего в суммарный перечень частных видовых значений несовершенного вида.

Итак, имперфективным формам (имперфективу) глагола предложений языка хинди соответствуют в предложениях русского языка формы глаголов несовершенного вида (несовершенный вид), а перфективные формы (перфектив) языка хинди, которым, в общем-то, свойственно находить себе соответствие в формах совершенного вида русского глагола, покрывают также зону функционирования форм несовершенного вида в общефактическом значении, в неограниченно-кратном значении, в значении безуспешной попытки, а также в контексте отрицания реализации действия в определенном временном диапазоне. Данное положение дел отражено в следующей диаграмме:

Имея в виду складывающееся соотношение «несовершенный вид ↔ перфектив», можно сказать и так: формы несовершенного вида русского глагола в ряде случаев своего употребления находят себе соответствие в перфективных формах глагола языка хинди.

В рамках данного соотношения перфективным формам “обычных” времен (т.е. формам типа *bolā hotā hai* и *bolā hotā' /bolā hotā thā*) неизменно соответствует несовершенный вид русского глагола.

Процессивным формам глагола языка хинди соответствуют в русском языке формы глаголов несовершенного вида по преимуществу в своем конкретно-процессном значении.

На фоне финитных форм глагола хинди, построенных на базе причастий, нейтральными в аспектуальном отношении являются формы повелительного наклонения, простая форма (настоящее-будущее время) сослагательного наклонения, простое будущее время (простой футурум). Все они по своей структуре синтетические.

Нейтральной в аспектуальном отношении оказывается, однако, равная имперфективному причастию финитная форма, относимая к условному наклонению, – простая форма условного наклонения. В качестве именно таковой она конкурирует в определенных синтаксических условиях с простой формой сослагательного наклонения:

*iske pahle ki jvālāprasād yā rādhelāl kuch **kahē**, bhīkhū ne baṛhkar mīṭhāi kī ḍaliyā sāmne rakh dī* (VB, 191) ‘Прежде чем Джвалапрасад или Радхелал успели что-либо сказать, подскочил Бхикху и поставил перед ними корзину со сладостями’ – *isse pahle ki gangāprasād kuch **kahtā**, ek ādmī ne kahā, “sabhā to hogī hī; hamē sarkār ke hukm kī parvāh nahī hai!”* (VB, 501) ‘Прежде чем Гангапрасад успел что-либо сказать, кто-то из присутствующих воскликнул: «А митинг все равно будет. Власти нам не указ!»’.

*māi aisī bholī nahī hū ki tumhāre man kā rahasya na **samajhū*** (PB, 11) ‘Я не настолько уж проста, чтобы не догадаться (букв. что не догадалась бы), что у вас на сердце’ – *tum patthar nahī ho ki mere āsuḍ se na **pasījīte*** (PS, 261) ‘Ты ведь не камень, чтобы не расчувствоваться (букв. что не расчувствовался бы) от моих слез’.

В языке хинди только глагол *honā* располагает такими формами, как простое настоящее время (простой презенс) и простое прошедшее время (простой имперфект) изъявительного наклонения, отличающимися в плане содержания от аналитических настоящего общего времени и прошедшего общего времени этого же глагола по признаку «индивидуализация: типизация» применительно к описываемой ситуации:

*dillī mē naī dillī hai aur naī dillī mē kanāṭ ples **hai*** (KE, 15) ‘В Дели находится Новый Дели, а в Новом Дели находится Коннот-плейс’ – *ṭīṭīya samassthānik ke nuṃkliyas mē ek proḡān tathā do nuṃṭrān **hote hū*** (VL. 1960. IX, 7) ‘В ядре третьего изотопа находятся один протон и два нейтрона’.

māi ne kahā 'tumhāre dāt bahut acche hāī' (KH, 65) '«У вас очень хорошие зубы», – сказал я' – *ānand bolā 'hindīyō ke dāt bahut acche hote hāī'* (KH, 65) '«У индийцев [вообще] зубы очень хорошие», – сказал Ананд',

yūsuf apnī mātā kī tarah hī bahut sundar the (N. 1977. VII, 72) 'Юсуф под стать своей матери был очень красив' – *isī kāraṇ se roman sāmrajya ke dinō mē striyō kī tvacā itnī śvet, ciknī aur sundar hoī thī* (KE, 111) 'Именно во времена Римской империи кожа женщин была такой светлой, гладкой и красивой'.

Противопоставление по такому признаку вряд ли можно считать аспектуальным.

Синтетические финитные формы глагола и его аналитические финитные формы, представленные структурой «{*V-t-f, V-ø-f, V-rah-f*} + вспомогательный глагол *honā*», – это формы, которые, определяя модально-временной план предложений, призваны в своем изначальном функционировании быть принадлежностью глаголов как глаголов полнозначных (автосемантических). Они могут быть названы базовыми формами, а аналитические формы из их круга – первичными аналитическими формами.

В некоторые из базовых форм облакаются определенные глаголы, когда они играют служебную роль, становясь заключительным компонентом формирующихся мультивербальных комплексов с первым компонентом – смысловым глаголом, нацеленных на выражение залоговых и/или аспектуальных (например, относящихся к способам действия) либо модальных значений и их оттенков. Формирующиеся мультивербальные комплексы разнятся по числу в определенной последовательности входящих в их состав глагольных компонентов. Всем компонентам, кроме первого, представляющего собой смысловой глагол, присуща в той или иной степени служебная роль, сопряженная с грамматикализацией соответствующих глаголов.

В структурном отношении мультивербальный комплекс представляет собой последовательность глагольных словоформ, характеризующихся жестким порядком расположения. В литературе по грамматике хинди мультивербальные комплексы трактуются по-разному: как сверхсложные, или комплексные, глаголы, как аналитические (разумеется, не первичные) формы смыслового глагола, как синтаксические конструкции. Включающимися в морфологическую

систему глагола считаются среди мультивербальных комплексов бивербальные комплексы, связанные с категорией залога.

“Причастной” трактовке вида противостоит точка зрения, признающая лежащей в основе этой категории языка хинди оппозицию, в рамках которой базовым (первозданным) формам глаголов противопоставляются бивербальные комплексы, состоящие из деепричастия-основы смыслового (автосемантического) глагола и формы изменяемого в парадигме определенного глагола из круга глаголов, способных ценой утраты своего лексического значения или части лексического значения выполнять в составе комплексов служебную роль.

В имеющихся грамматических описаниях бивербальные комплексы подобного рода именуются интенсивными (*intensive*, *avadhāraṇ bodhak*) глаголами (С.Г. Келлог, К. Гуру, А.П. Баранников, З.М. Дымшиц), формами определенности (П. Хаккер), сложными или, точнее, экспликаторными сложными глаголами (П.Э. Хук, К. П. Масика), премоρφологическими конструкциями, образуемыми сочетанием деепричастия-основы с глаголом-модификатором для передачи значения интенсивного аспекта, или способа действия (О.Г. Ульцифоров), предельными формами (В.П. Липеровский), перфективными глагольными выражениями в облике модифицированных глагольных выражений (В. Поржизка, Г. Неспитал). Вторые компоненты данных комплексов, играющие служебную роль, называются образующими глаголами (в частности, применительно к интенсивным глаголам), экспликативными глаголами (применительно к формам определенности), экспликаторами, модифицирующими глаголами, векторными глаголами (векторами), операторами. Первый компонент комплексов квалифицируется как (помимо деепричастия-основы) основа, краткий абсолютив, соединительное (*conjunctive*) причастие, [дее]причастие предшествования (*pūrvakālik kṛdant*) смыслового (главного, полюсного) глагола.

Своим аспектуальным характером отмеченная оппозиция оказывается обязанной значению, которое считается присущим противочлену оппозиции – бивербальному комплексу, а именно значению перфективности – значению реализации действия как з а м к н у - т о г о ц е л о г о. Эта перфективность, очевидно, отлична от перфективности, вытекающей из рассмотренной выше “причастной” интерпретации категории вида языка хинди. И именно она мыслится близкой семантически совершенному виду русского языка. Чтобы как-то оттенить своеобразие этой перфективности, назовем ее тотивной (от лат. *totum* – целое), бивербальный комплекс, имея в виду пе-

редаваемое им значение, а не структуру, будем считать тотивным, а саму отмеченную оппозицию представим со стороны ее содержания как «тотив: не-тотив»². Имеется больше оснований считать эту оппозицию привативной, нежели эквиполентной, с маркированным, разумеется, первым членом. Но при этом важна одна существенная оговорка: привативным характером данной оппозиции не затрагиваются процессивные формы, поскольку последние, не будучи в силу своей семантики (изображение действий находящимися на данный момент в процессе реализации) нейтральными к признаку тотивности, сами выступают в качестве маркированных относительно признака “процессивность”.

Альтернативным принятому целым рядом лингвистов решению считать процессивные формы входящими в морфологическую систему глагола в качестве его форм времени и наклонения является взгляд на данные структуры как на содержащую в своем составе в роли служебного компонента глагол *rahnā* ‘оставаться’ разновидность бивербальных комплексов (модифицированных глагольных выражений) с присущим ей значением процессивности, а отнюдь не перфективности (тотивности) – семантического признака всех остальных бивербальных комплексов. Немодифицированные глаголы выглядят при этом нейтральными в отношении вида, немаркированными по отношению как к признаку “процессивность”, так и к признаку “перфективность” (“тотивность”). Хорошо известна также трактовка процессивных форм как дуративных глаголов, т.е. особого разряда сложновербальных глаголов.

Бивербальные комплексы формируются при условии лексико-семантической совместимости единиц, становящихся их (комплексов) компонентами. Круг (или, иначе говоря, количественный состав) глагольных лексем, принимающих участие в образовании наделенных отмеченным выше видовым значением бивербальных комплексов в роли их (этих комплексов) служебного компонента, нельзя очертить достаточно строго, поскольку формирование таких комплексов есть

---

² Принимая во внимание традицию использовать атрибут *интенсивный* касательно бивербального комплекса, эту оппозицию можно представить как «интенсив: не-интенсив». План ее выражения отражен в имеющейся литературе, как «интенсивные глаголы: неинтенсивные глаголы», «модифицированные глагольные выражения: немодифицированные глаголы», «перфективные глагольные выражения: не-перфективные простые глаголы», а также «сложные (compound, *sanyukta*) глаголы: простые глаголы».

находящийся в динамике живой процесс преобразования в них всё новых сочетаний краткого деепричастия со следующим за ним глаголом, связанный с грамматикализацией последнего.

Так, некоторыми исследователями называются цифры, как-то: 47 и 43 (Г. Неспитал [151, с. 41; 155, с. 385]), 16 (О.Г. Ульциферов [172, с. 272]), 22 (П.Э. Хук [140 а, с. 130]), 17 (У.Н. Сингх [169, с. 175, 179, 180]), – с перечислением составляющих эти числа единиц – глагольных лексем. В отдельных работах разных авторов (таких, как А.П. Баранников, З.М. Дымшиц, В.П. Липеровский, К.П. Масика, О.Г. Ульциферов, П. Хаккер) перечисляются от восьми до девятнадцати глагольных лексем в качестве образующих бивербальные комплексы отмеченного выше строения. Общими для всех перечней являются следующие восемь глаголов: *ānā* ‘приходить’, ‘прибывать’, *uṭhnā* ‘вставать’, ‘подниматься’, *jānā* ‘идти’, ‘уходить’, *ḍālnā* ‘бросать’, *denā* ‘давать’, *paṛnā* ‘падать’, *baiṭhnā* ‘сидеться / сидеть’, *lenā* ‘брать’. В большинстве работ не оставлены без внимания глаголы *rakhnā* ‘держать’, ‘сохранять’, ‘класть’, *choṛnā* ‘оставлять’, ‘покидать’, *calnā* ‘ходить’, ‘двигаться’, *rahnā* ‘оставаться’. В круг глагольных лексем, подходящих для роли второго компонента образующихся бивербальных комплексов, зачисляются также *khaṛā honā* ‘стоять / вставать’, *mārnā* ‘бить’, *marnā* ‘умирать’, *nikālnā* ‘появляться’, *nikālnā* ‘извлекать’, *lānā* ‘приносить’, *le jānā* ‘приносить’. Наиболее представительными в роли второго компонента бивербальных комплексов оказываются заключающие в себе сему направления непереходные глаголы движения и переходные глаголы перемещения объекта в пространстве.

В составе образованных бивербальных комплексов их второй компонент служит более четкому выражению смыслового момента, уже содержащегося в значении первого компонента, дублируя этот смысловой момент (*pakaṛnā* ‘хватать’, ‘ловить’ + *lenā* ‘брать’ = *pakaṛ lenā* ‘схватывать / схватить’), вносит в лексическое значение первого компонента некий дополнительный элемент смысла (*lauṭnā* ‘возвращаться’ + *ānā* ‘приходить’ = *lauṭ ānā* ‘возвращаться, приближаясь / возвратиться, приближаясь’, *ronā* ‘плакать’ + *denā* ‘давать’ = *ro denā* ‘расплакаться’), выделяет одно из значений многозначного первого компонента (*mārnā* + *baiṭhnā* ‘сидеться’ = *mār baiṭhnā* ‘избивать / избить’, *mārnā* + *ḍālnā* ‘бросать’ = *mār ḍālnā* ‘убивать / убить’).

Вместе с тем своему второму компоненту бивербальные комплексы оказываются обязанными обилием коннотаций, проявляющихся в передаче относящихся к действию таких разноплановых зна-

чений или их оттенков, как, например, интенсивность, мимолетность, оплошность, основательность, внезапность, заинтересованность, сожаление и др.

Образуемые бивербальные комплексы могут различаться (и различаются) первым компонентом (главным) при одном и том же втором (играющем служебную роль) компоненте (*kāṭ ḍālnā* ‘отрезать’, *ujār ḍālnā* ‘разорить’, ‘опустошить’, *mār ḍālnā* ‘убить’; *pakar lenā* ‘схватить’, *pī lenā* ‘выпить’, *bacā lenā* ‘спасти’) и, наоборот, вторым компонентом при одном и том же первом компоненте (*kah jānā* ‘высказать’, *kah denā* ‘сообщить’, *kah ḍālnā* ‘брякнуть’; *bhāg ānā* ‘прибежать’, *bhāg jānā* ‘убежать’, *bhāg kharā honā* ‘пуститься бежать’).

Некоторые исследователи (в частности, Л.М. Бахугуна, Дж. Д’соуза) считают ошибочным мнение, что бивербальные комплексы, о которых здесь идет речь, имеют аспектуальную природу. Утверждается, что вторые компоненты бивербальных комплексов (“экспликатеры” в составе “сложных глаголов”) являются маркерами исходящего из контекста или ситуации (навеянного контекстом или ситуацией) отношения говорящего к действию, названному главным глаголом. Проявление такого отношения видится в выражении чувства радости, гнева, опасения, беззаботности и т.п. Одним словом, рассматриваемым бивербальным комплексам приписывается функция передачи только коннотативных созначений.

Понятие вида считается перенесенным в общее языкознание из грамматики славянских языков. Аспектуальную природу рассматриваемых бивербальных комплексов языка хинди можно усмотреть в наблюдаемых линиях их сходства в функционировании с глаголами совершенного вида русского языка.

1) В обоих языках названные единицы (сущности) не соединимы с глаголами — показателями фазовости: *Занавес начал падать* (*упасть) // *pardā girne* (*gīr jāne) *lagā*, *Он начал писать* (*написать) *письмо* // *vah ciṭhī likhne* (*likh dene) *lagā*. В русском языке с такими показателями сочетается инфинитив глагола несовершенного вида, в хинди — инфинитив простого (т.е. “немодифицированного”) глагола:

Подняв руку, она стала гладить (*погладить) *девчонку по плечу...* (В. Распутин) — *hāth ūpar karke vah uske kandhe sahlāne lagī* (RT, 193), *Входит, по обыкновению жена, садится и начинает говорить* (*сказать)... (А. Чехов) — *apnī ādat ke mutābiq merī bīvī ākar baiṭh gayī aur kahne lagī...* (CL, 111), *Щепкин стал извиняться* (*извиниться) *за*

беспорядок, **припоминать** (*припомнить), где может стоять сундук (А. Толстой), Жук перестал **лаять** (*полаять)... (А. Толстой);

ninnī khānā banāne (*banā dene) lagī (VM, 124) ‘Нини начала **готовить** еду’ – Нинни занялась **стряпней** (BB, 106), ...*usī din se naī attmā ne tujh se paṛhnā* (*paṛh lenā) *chor diyā* (PN, 102) – И с того самого дня мачеха перестала со мной **заниматься** (ПН, 79), *usne itē phēknā* (*phēk denā) *band kar diyā* (NK. 1962. V, 39) ‘Он перестал **бросать** кирпичи’, ...*ve donḍ... paḡdaṇḍī se nīce utarne* (*utar jāne) *lage* (LK, 108) ‘...они вдвоем... стали по тропинке **спускаться** вниз’,

2) В обоих языках названные единицы неизменно используются для выражения пожелания, чтобы не исполнилось вызывающее опасение действие, или опасения касательно осуществления нежелательного действия (т.е. в семантической функции апрехенсива):

Только бы не **напились** (В. Распутин) – *kaḥī bahut na pī lē* (RT, 60), ...как бы чего не **вышло**, как бы его не **зарезал** Афанасий, как бы не **забрались** воры... (А. Чехов) – ...*kaḥī aīsī-vaīsī bāt na ho jāye, afā-nāśī use kaṭl na kar de, cor na ghus jāyē* ... (CL, 267),

horī ne aur kuch na kaḥā. kaḥī dhaniyā phir na kuch kaḥ baiṭhe (P, 34) ‘Хори ничего больше не сказал [боясь], как бы Дхания снова не **напустилась** [на него]’ – *Хори ничего не ответил, боясь, как бы Дхания снова не взяла его в оборот* (П, 57), *yah kahte-kahte bābū sāhab ko bhay huī ki kaḥī yah mahārāj sacmuc na rah jāyē*... (PN, 52) – Когда у Бхальчанды вырвались эти слова, он не на шутку испугался: как бы пандит в самом деле не **застрял** (букв. не остался) в его доме! (ПН, 37), *yah āj kidhar calī gaī hai? kaḥī bīmār na ho gaī ho?* (KT, 12) ‘Куда же сегодня она запропастилась? Уж не **заболела** ли она?’, *kaḥī dūr se hī rang-birangī kavar kī tasvīr dekhkar yah kambakht caukīdār hī na māḡ baiṭhe* (LK, 18) ‘Как бы этот несчастный чаукидар не **насел** с просьбой [отдать ему журнал], увидев издалека красочную картинку на обложке’.

3) В обоих языках упомянутым единицам отводится место в придаточной части сложноподчиненных предложений с семантикой предшествования одного события другому при обозначении такого непротяженного действия, реализация которого мыслится влекущей прекращение положения дел, отображенного в главной части:

...[Павел] **станет бродить**, пока не **приберутся** (В. Распутин) – ...*bhaṭaktā rahēgā jab tak ki kām tamām nahī ho jāī* (RT, 479), И одинокая фигура Николая Ивановича долго еще маячила в глубине улицы,

пока его не **закрыл** трамвай (А. Толстой), Но пока он не **налепил** самым аккуратным образом на чью-то клюню последнюю сводку, он не повернул домой (В. Катаев), Почему-то я молчаливому указанию собаки не придавал значения и занимался своими думами до тех пор, пока сзади меня не **послышался** новый шорох (М. Пришвин);

...aur yah silsilā tab tak jāṛī rahā jab tak is krūr dadiyā sās kī mṛtyu ne cetan kī māṅ ko in sab yātnāḍ se mukta na **kar diyā** (AG, 130) ‘...и это продолжалось до тех пор, пока кончина суровой матери свекра не **избавила** мать Четана от этих мучений’ – И все это продолжалось до тех пор, пока бабушка не **умерла** (АУ, 36), jab tak koī śikār hāth na ā **jāy**, hamē āṛām karne kā adhikār nahī (Р, 77) ‘Пока не **попадет** в руки дичь, у нас нет права отдыхать’ – Пока не **добудем** дичи, мы не имеем права отдыхать (П, 122), yād rakhnā, jab tak tum vakālat nahī **pās kar lete** tab tak māī tumhē sakriyā rājñīti mē nahī āne dūgā (VB, 685) ‘Помни – пока не **приобретешь** профессию адвоката, я не позволю тебе активно заниматься политикой’ – Помни – пока не **закончишь** учебу, о политике и думать нечего! (ББ, 512), māī kharā-kharā use dekhtā rahā, jab tak vah dṛṣṭī se ojhal nahī **ho gayā** (NS, 80) ‘Я стоял и смотрел ему вслед, пока он не **скрылся** из виду’.

Однако нельзя исключить возможность появления (с той же семантической функцией) формы глагола несовершенного вида русского языка и простого (“немодифицированного”) глагола языка хинди: Пока не **требуется** поэта К священной жертве Аполлон, В заботы суетного света Он малодушно погружен (А. Пушкин), ākhir vah tab tak use yātnā par yātnā detā rahā jab tak nīlimā ne jānā manzūr nahī **kīyā** (JS, 65) ‘И он мучил ее до тех пор, пока она не согласилась идти’, Алена достояла до момента, пока на нее не наткнулся Иван Петрович (В.Распутин) – alyonā tab tak kharī rahī jab tak ki ivān petrovic usse nahī **ṭukṛāyā** (RT, 246).

В образующихся формах инактивного залога его маркером (глаголом *jānā* ‘идти’, ‘уходить’) осложняется второй компонент бивербальных комплексов, о которых шла речь выше, т.е. комплексов, которым приписывается значение перфективности, отличной от перфективности “причастной” трактовки вида, а именно значение, которое (см. выше, с. 208-209) можно назвать тотивным (или значением тотивности): ...pattiyā ubālkar **pīs lī jāñ** (NB, 52) ‘...листья после кипячения растирились’, ...acchī zamīnē paṭhānō dvārā **harap lī gāñ** (NM, 145) ‘...хорошие земли были присвоены патанами’, vah motīlāl ke pās **lākar biṭhā diyā gayā** (GD, 302) ‘Его (Матхурасинха. – В.Л.) привели и

усадили возле Мотилала', *tāg dene ke bād is ghare ko hilā diyā jāyḡā* (VM, 105) 'Сначала этот кувшин подвешат, а потом покачнут', *madansinh ko takht se utār diyā jāe* (US, 100) 'Мадансинх должен быть свергнут с престола', *bīc-bīc mẽ jangal bhī kāṭṭ ḡālā gayā thā...* (VM, 1) 'Леса тоже были вырублены...'

Оппозиция «тотив: не-тотив» является более полной в своем проявлении по сравнению с оппозицией «перфектив: имперфектив», выводимой из "причастной" трактовки вида: она релевантна не только для форм, в строении которых участвует причастие (будь то перфективное или имперфективное), но и для форм непричастного строения, которые в свете "причастной" трактовки вида выглядят аспектуально нейтральными, как-то: формы повелительного наклонения, простая форма сослагательного наклонения, простое будущее время.

Воплощение первого члена данной оппозиции (тотива) в упомянутых формах последовательно иллюстрируют следующие примеры (в скобках в конце каждого примера приведена форма простого глагола, отвечающая первому компоненту помещенного бивербального комплекса):

(1) *horī ne dhīre se rupaye uḡhā liye...* (P, 189) 'Хори молча поднял деньги...' (ср. *uḡhāye*), *paṭešvarī lāl āge barḥ gaye. šobhā aur horī kuch dūr cupcāp cale. māno is dhikkār ne unḡe sanjñāhīn kar diyā ho* (P, 189) 'Патешвари Лал двинулся дальше, а Шобха и Хори пошли поодаль молча, словно эта ругань лишила их обоих дара речи' (ср. *barḥe, kiṡā ho*), *ab vah khetō ke bīc kī pagḡaṇḡī chorḡar ek khaleḡi mẽ ā gayā thā...* (P, 7) 'Он сошел с тропинки, бежавшей среди полей, и вступил в низину...' (ср. *āyā thā*);

(2) *mujhe to yahī āścarya hotā hai ki kyō tumhārī āḡō kā dāvānal hamē bhasma nahī kar ḡālā* (P, 14) 'Я диву даюсь, почему пламя ваших страданий не испепеляет нас' (ср. *kartā*), *bhagvān, ādmī mūh se bāt kahkar itnī besarmī se mukur jāṭā hai* (P, 111) 'О боже! Человек с таким бесстыдством отпирается от своих слов!' (ср. *mukurtā hai*), *ek gārī din bhar mẽ sāt-āḡh cakkar kar leṭī thī* (P, 188) 'Одна повозка совершала за день семь-восемь ездов' (ср. *kartī thī*);

(3) *gobar ko ūkh ḡorne bhej denā* (P, 5) 'Отправь Гобара землю под сахарным тростником рыхлить' (ср. *bhejnā*), *jī nahī, lākar meḡtājī ke hāth mẽ rakḡ dīje* (P, 63) 'Так не пойдет! Вручите [деньги] госпо-

дину Мехте’ (ср. *rakhie*), *mār chālo dādā, sab jane milkar mār chālo* (P, 256) ‘Убей [меня], дада! Вы все, убейте [меня]! (ср. *māro*);

(4) *māi aisī anārī nahī hū ki kisī ke jhāse mē ā jāū* (P, 191) ‘Не такая же я глупая, чтобы поддаться чьему-либо обману’ (ср. *āū*), *agar isī bāt par vah faujdārī mē dāvā kar de, to logō ke hāthō mē hathkarīyā par jāyē* (P, 213) ‘А если он по этому вопросу обратится с иском в уголовный суд, то, пожалуй, они сами окажутся в наручниках’ (ср. *kare, parē*), *terī icchā hai ki zamīn rehan rakh dū?* (P, 274) ‘Ты хочешь, чтобы я заложил землю?’ (ср. *rakhū*);

(5) *paccīs hazār par to mān jāēge?* (P, 235) ‘Ну, а на двадцать пять тысяч он согласится?’ (ср. *mānēge*), *acchī bāt hai, likh dūgī* (P, 244) ‘Хорошо, я напишу!’ (ср. *likhūgī*), *dulārī, māi tumhāre rupae lekar bhāg na jāūgā* (P, 274) ‘Дулари, я ж не убегу с твоими деньгами’ (ср. *na bhāgūgā*).

Приведенный выше ряд примеров уместно дополнить примерами с бивербальными комплексами в простой (причастной по происхождению) форме условного наклонения, в аспектуальном отношении нейтральной, как и простая форма сослагательного наклонения, при “причастной” трактовке вида: *ammā vahā hotī, to mahājan ko mazā cakhā detī* (P, 191) ‘Была бы там мать, уж она-то задала бы жару этому ростовщику’ (ср. *cakhāitī*), *...de diyā hotā, to ek bojh sir se utar jātā...* (P, 109) ‘...если бы ты отдал [корову тхакуру], то одна ноша пала бы с плеч...’ (ср. *utartā*), *...rupae hote to āp ko de detā* (P, 205) ‘...если бы были [у меня] деньги, так неужто не дал бы вам!’ (ср. *detā*).

Такие формы бивербальных комплексов, как формы повелительного наклонения (а), простая форма сослагательного наклонения (б), простая форма будущего времени (в), простая форма условного наклонения (г), обычно переводятся на русский язык формами глаголов совершенного вида:

(а) *hā, sarkār? ab yah pācō bhī merī or se rakh līje* (P, 222) – Так, саркар! Только **возьми** ты у меня и эти последние пять рупий! (П, 330), *tum, māi jo kah rahā hū, vah suno aur jākar larke ko sulā do* (RA, 229) – Ты **слушай**, что я тебе говорю. Иди, **уложи** ребенка (PM, 194), *bandūk bhī sāmān ke sāth calī jāygi, apne naukar ko de dīje!* (VB, 283) – Пусть и **ружье уложат** вместе с вещами, **отдайте** его слуге!’ (ВБ, 240);

(б) *māi aisi aurat cāhtī hū, jo mere jīvan ko pavitra aur ujval banā de, apne prem aur tyāg se* (P, 151) – Я хочу иметь такую жену, которая своей преданностью и самоотверженной любовью **сделала бы** мою жизнь свет-лой и чистой (П, 228), *baṭī bujhā dū?* (RA, 231) – Свет **погасить?** (PM, 196), *jī cāhtā hai uskā mūh noc lū* (VB, 388) – Так **бы** и **выцарапала** ему глаза (ББ, 323);

(в) *acchā hone par bhūl jāoge* (P, 288) – Выздоровеешь, так сразу **забудешь**, о чем сейчас говорил (П, 427), *jis din tankhāh milegī, us din byāj samet adā kar dūgā* (RA, 36) – С первого жалования **отдам** с процентами (PM, 42), *...ṭahro, māi un logō kā akl ṭhikāne lagā dūgā* (VB, 191) – Погоди, я **наставляю** их на ум! (ББ, 172);

(г) *jhingurī pakkā behayā hai. koī dūsrā hotā to pāgal ho jātā* (P, 225) – Джингури Сингх совсем стыд потерял. Другой на его месте давно **бы с ума сошел**, а он терпел! (П, 336), *pāc hote, to āj māi tumhē pāc hī de detī* (RA, 36) – А будь пять [рупий], так и пять **отдала бы!** (PM, 42), *hamē kyā patā thā ki tum āj hī lauṭ āoge, nahī to ham rājā sāheb ko rok lete* (VB, 218) – Жаль, не знал я, что ты так скоро приедешь, иначе **задержал бы** раджу-сахиба (ББ, 192).

Такого рода “переключка” форм наблюдается при переводе с русского на хинди:

(а') Гм! ...**Надень-ка**, брат Елдырин, на меня пальто... (А. Чехов) – *hūh... yeldīrin zarā mujhe koṭ to pahṇā do...* (CL, 14),

(б') Мать, ты не будешь возражать, если мы с Михаилом за твоё выздоровление немножко **выпьём?** (В. Распутин) – *amṭā, mujhe āpatti to nahī hogī agar māi aur mikhāil tere svāsthya-lābh kī kāmānā ke lie thoṛī-sī vodkā le lē?* (RT, 56),

(в') [Дуняша (в волнении):] Я сейчас **упаду**... Ах, **упаду!** (А. Чехов) – [dunyāśā (atyadhik ghabrāhaṭ se):] *māi to abhī behoṣ hokar gir jāūgī ... hāy abhī gir jāūgī!* (CN, 333),

(г') ... и он **бы упал**, если **бы** сын не **поддержал** его (А. Пушкин) – ...*aur yadi beṭā sābhāl na letā, to vṛddha avaśya hī gir partā* (PD, 28).

При переводе с хинди на русский перфективными формам бивербальных комплексов соответствуют формы глаголов совершенного вида (А), а их имперфективными формам (если только это не простая форма условного наклонения) – формы глаголов несовершенного вида (Б):

(A)

dhaniyā ne lapak kar pagahiyā uske hāth se chhīn lī (P, 42) – Подскочив к Хори, Дхания **вырвала** из его рук веревку (П, 69),

tumhī ne is curail kā mizāj caṛhā diyā hai (P, 284) – Это ты, наверно, так **настроила** эту ведьму! (П, 422),

uske in nirāśā-bhare śabdō ne dhaniyā ke coṭ khāye hue hṛday mẽ ātankmay kampan-sā chāl diyā thā (P, 6) – Слова Хори, полные горечи и безнадёжности, **породили** в ее (Дхания. – В.Л.) сердце смутную тревогу (П, 13),

raṇḍit ne jaise bakhār mẽ pānī chāl diyā ho (P, 184) – Пандит словно нарочно в него (в амбар. – В.Л.) воды **подбавил** (П, 276),

tumhī ne rāṛ ko mūr par caṛhā rakhā thā, nahī māt ne pahle hī din jhārū mārkar nikāl diyā hotā (P, 247) – Это ты на руках носил эту деву! Я бы ее в первый же день метлой из дому **выгнал**! (П, 367),

to phir āp baiṭh jāie, bahut thak gae hōge (VB, 289) – Пожалуйста, садитесь. Наверное, очень **устали**? (ВБ, 245);

(Б)

bhaviṣya kī cintā hamē kāyar banā detī hai, bhūt kā bhār hamārī katar tor detī hai (P, 202) – Раздумья о будущем **вселяют** в наши сердца трусость, а тяжкий гнет прошлого **отнимает** у нас надежду (П, 303),

...jhūṭh se mere badan mẽ āg lag jāī hai (P, 173) – ...меня просто **коробит**, когда я слышу такую ложь! (П, 258),

tab vah sās se rūṭh jāī thī aur sās use dulārkar manātī thī (P, 197) – Бывало, она **сердилась** на свекровь, а та терпеливо ее успокаивала (П, 296),

udāsī mẽ maūt kī yād turat ā jāī hai (P, 197) – Когда человека одолевает печаль, в голове у него тотчас **рождаются** мысли о смерти (П, 296),

choṭe-choṭe jhagre āpas hī mẽ tay karā dete the (P, 129) – Мелкие ссоры и распри между деревенскими жителями он **разбирал** и **улаживал** сам (П, 196),

cuhiyā roz savere ākar jhuniyā ke lie harīrā aur halvā pakā jāī, aur din mẽ bhī kāī bār ākar bacce ko ubṭan mal jāī aur ūpar se dūdh pilā jāī (P, 282) – Чухия с этих пор каждое утро заходила к ней (к Джхунии. – В.Л.), **готовила** для нее хариру – сладкое питье и **варила**

халву, а потом она забежала несколько раз на дню: **смазывала** тельце ребенка убитаном и **подкармливала** его чужим молоком (П, 419).

Возможность такого рода соответствия форм очевидна и при переводе с русского на хинди:

(А')

Прошло около часа. Зеленый огонь **погас** (А. Чехов) – *ek ghañṭā bīt gayā. harī roṣṇī bujh gaī* (СК, 122),

Он посидел две минуты, виновато улыбнулся и **вышел** (А. Чехов) – *vah kuch minaṭ tak vahā baiṭhā rahā aur phir is prakār maskurāte hue māno kṣamā māḡ rahā ho, uṭkar cal diyā* (CL, 153),

...вы ужасно **переменились** с тех пор, как я вас не видал... (М. Лермонтов) – *...pichlī mulākāt ke bād āp bilkul badal gaī hāī* (LH, 142),

...но я **покаялся** не говорить ни слова – из любопытства (М. Лермонтов) – *...lekin māī ne kutūhalvaś kasam khā lī thī ki ek śabda bhī na bolūgā* (LH, 153),

Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачевым как-нибудь да **дошел** до правительства (А. Пушкин) – *tumhārī pugacev ke sāth mitratāpūrṇa yātrāḍ kī sūcnā kisī prakār sarkār ko pahūc gaī hogī* (РК, 129);

...словно кочевали с места на место, **остановились** переждать непогоду и отдохнуть, да так и **застряли** (В. Распутин) – *...jaise ki ghumantū log mausam sudharne ke intazār mẽ āram karne ko ruk gae hō, aur phir yahī phās gae hō* (RT, 214-215),

Все теперь понятно. Не выливаются [бутылки] говоришь? А ведь **вылила бы**... (В. Распутин) – *ab sab samajh gayā. khālī nahī ho rahī? kahī khālī kar dī hoī to...* (RT, 89);

(Б')

Затем она **тушит** лампу, **садится** около стола и **начинает** говорить (А. Чехов) – *tab vah battī bujhā deṭī hai, mez ke sāmne baiṭh jāī hai aur bāt-cīt śurū kar deṭī hai* (CL, 57),

Наступает лето, и жизнь **меняется** (А. Чехов) – *garṁiyā āne ke sāth jīvan badal jātā hai* (CL, 105),

Иногда я **уходил** из дома и до позднего вечера бродил где-нибудь (А.Чехов) – *kabhī-kabhī māi ghar se bāhar nikal jātā aur śām gahrī hone tak idhar se udhar ghūmtā rahtā* (СК, 96),

И только когда все от слова до слова **сходилось**, старуха успокаивалась... (В. Распутин) – *jab ek-ek śabda mil jātā thā tab jākar unhē śānti pahūcī thī...* (РТ, 147),

А если [кражи] случались, дядя Миша **переживал** страшно (В.Распутин) – *agar ho gaī to mīśā kākā burī tarah pareśān ho jātā thā* (РТ, 261),

...и, возясь с дровами, все чаще **стыкал** он колун в чурку... (В.Распутин) – *lakṛī kāṭe samay vah bīc-bīc mẽ kulhārī ko kunde mẽ gāṛ detā thā* (РТ, 260),

Дни стояли длинные, старухи **успевали** все и, устав, **ложились** после обеда отдохнуть... (В. Распутин) – *ājkal din lambe the, vṛddhāḥ sab kām pūrā kar leṭī thī aur jab thak jātī thī to dopahar ke bhojan ke bād leṭjātī thī* (РТ, 364).

К сказанному следует добавить, что в лексикографической практике при создании словарей, предназначенных в первую очередь для нужд носителей хинди, имеющих дело с русским языком или изучающих русский язык, именно бивербальные комплексы (“интенсивные глаголы”) приводятся в качестве соответствующих семантически русским глаголам совершенного вида, а для перевода последних на хинди привлекаются исключительно бивербальные комплексы (“интенсивные глаголы”).

Существует, однако, возможность равнозначного функционирования простого (немодифицированного) глагола и бивербального комплекса (“интенсивного глагола”), когда последний отклоняется от соблюдения известной сформулированной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном закономерности “чем больше формы, тем больше содержания” [75а, с. 158]:

ilāvapur kī samasta ghaṭnā uske sāmne ghūm gaī aur usne becaīnī se karvaṭ badlī (AG, 320) ‘Перед его мысленным взором промелькнула картина всего того, что произошло в Илавапуре, и он беспокойно повернулся на другой бок’ – *cetan kī nīd bilkul ur gaī. uskī ākhē bhī mūdī na rah sakī, usne karvaṭ badal lī* (AG, 697) ‘Спать Четану стало совсем не в мочь, глаза не закрывались. Он повернулся на другой бок’;

ranjīt ne jaldī se ākhē kholī (SK, 68) ‘Ранджит быстро открыл глаза’ – *ranjīt ne jaldī se ākhē khol dī...* (SK, 94) ‘ – Ранджит быстро открыл глаза...’;

vinod ne dhīre se darvāzā kholā aur phir use band kar diyā (SK, 111) ‘Винод медленно открыл дверь, а затем ее закрыл’ – *vinod ne baḥkar darvāzā khol diyā aur phir haṭkar kharā ho gayā* (SK, 111) ‘Винод, подавшись вперед, открыл дверь и, отступив в сторону, остановился’;

dūsre dīn lāl ripudamansinh ko sāth lekar gangāprasād śām ke karīb cār-sārhe cār baje śrīkiśan gopīkiśan kī dukān par pahūcā (VB, 302) ‘На другой день примерно в четыре – половине пятого вечера вместе с Лалом Рипудамансинхом Гангапрасад пришел в магазин «Шрикишан-Гопикишан»’ – *rāt ko thīk sārhe sāt baje satvantī ko sāth lekar rād-hākiśan gangāprasād ke kheme mẽ pahūc gayā* (VB, 315) ‘Вечером ровно в половине восьмого Радхакишан вместе с Сатванти вошел в шатер Гангапрасада’.

В этом отношении показательны примеры на встречающиеся варианты перевода отдельных фрагментов текста художественных произведений с русского языка на хинди:

Я пришел к Сильвио в назначенное время и нашел у него почти весь полк (А. Пушкин) – *māī niyat samay par sīlviyo ke yahā pahūcā aur regiment ke lagbhag sabhī afsarō ko vahā pāyā* (PR, 17) / *māī niyat samay par pahūc gayā aur vahā lagbhag sabhī sāthī afsarō ko pāyā* (PK, 163),

Тут он было вошел, но остановился в дверях, оглянулся на простреленную мною картину, выстрелил в нее, почти не целясь, и скрылся (А.Пушкин) – *itnā kahkar vah bāhar jāne lagā, lekin darvāze ke pās rukā, usne us citra kī or dekhā jise māī ne ched ḍālā thā, lagbhag niśānā sādhe binā uspar golī calāī aur gāyab ho gayā* (PR, 28) / *yah kahkar vah calne hī ko thā ki dvār mẽ rukkar usne sūrākhḍār tasvīr kī or dekhā, aur binā niśānā sādhe hue uspar golī calā dī, phir calā gayā* (PK, 175),

...бывало, увидим он, села на стену муха: вы смеетесь, графиня? Ей-богу, правда. Бывало, увидим муху и кричит: Кузька, пистолет!... (А.Пушкин) – *kabhī-kabhī aisā hotā thā, huzūr, ki vah kisī makkhī ko dīvār par baiṭhe dekhtā – āp hās rahī hāī kāuñṭes? ḥasam khākar kahtā hū ki yah bilkul sac bāt hai. vah makkhī ko dekhtā aur naukar ko pukārtā, ‘kūzkā, merī pistaul lāo!’... (PR, 25) / ...yadi vah dīvāl par ek makkhī dekht letā thā – āp muskarā rahī hāī kāuñṭes! kintu yah bilkul satya hai, sacmuc.*

*jab kabhī vah makkhī **dekh letā thā**, vah turant pukārtā thā, ‘kūskā, merī pistaulē’...* (PK, 172),

*Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот **приподнял** его с кровату...* (А. Пушкин) – *sab gunādhō kī ek hī sazā kāfī hoī hai. pitā jī ne kālar pakar kar use palang se **uṭhāyā**...* (PR, 137) / *keval ek hī daṇḍ uske sabhī aparādhō ke lie paryāpta ho gayā. uske koṭ kā kālar pakar kar mere pitā ne use palang par se **uṭhā liyā**...* (PK, 7),

*Я **приехал** в Казань, опустошенную и погорелую* (А. Пушкин) – *māī jalkar **kḥāk hue aur sunsān kazān mē pahūcā*** (PR, 258) / *māī kazān **pahūc gayā**, jise māī ne karīb karīb pūrā hī jalā huā aur vinaṣṭa hālat mē pāyā* (PK, 130),

*Меня **подняли** и оставили на свободе* (А. Пушкин) – *mujhe **kharā kiyā gayā** aur mukta chor diyā gayā* (PR, 202) / *māī uṭhakar **kharā kar diyā gayā** aur mukta kar diyā gayā ...* (PK, 73).

За косвенное свидетельство сходства в функционировании простого (немодифицированного) глагола и бивербального комплекса (“интенсивного глагола”) можно принять то обстоятельство, что в отдельных фрагментах изданного на хинди и урду известного романа Премчанда одной из этих единиц, помещенной в тексте на хинди, соответствует в тексте на урду в качестве ее эквивалента другая единица:

*aur usī premonmād mē unhō ne **pukārā** – mālī, zarā dvār khol do. mālī ne ākar dvār khol diyā* aur unki or jīñāsā kī ākhō se dekhā (P, 340) / *aur usī majnūnāna muḥabbat mē vah **pukār uṭhe** – mālī zarā darvāza khol do. mālī ne ākar darvāza **kholā** aur unki t̤arāf savāliya nigāhō se dekhā* (PC, 554) – Охваченный этим сильным чувством, Мэхта **окликнул** Малти: «Малти, отойдите, пожалуйста, дверь!» Малти **открыла** дверь и вопросительно посмотрела на него (П, 501),

*mālī kā bāglā ā gayā. kār **ruk gāī*** (P, 172) / *mālī kā bāglā ā gayā. moṭar **rukī*** (PC, 275) – Машина подкатила к бунгалу Малти и **остановилась** (П, 257),

*abhī dopahar hone mē kuch kasar thī, lekin mirzā sāhab ne dopaharī isī gāṅ mē kāṭhe kā **nīṣcay kiyā*** (P, 102) / *abhī do pahar hone mē kuch kasar thī, magar mirzā ne isī gāṅ mē do pahar kāṭhe kā **irāda kar liyā thā*** (PC, 164) – До полудня оставалось еще немало времени, однако Мирза-сахиб **решил** переждать полуденный зной в этой деревне (П, 157).

Закономерность “чем больше формы, тем больше содержания” дает о себе знать в языке прессы, когда форме простого (немодифицированного) глагола, помещенной в заголовке газетной заметки, соответствует в тексте самой заметки форма бивербального комплекса:

*kanāḍā ke yuvā tairāk ne cār svarṇa padak **jīte*** ‘Юный канадский пловец завоевал четыре золотые медали’ – *rāṣṭramaṇḍlīya **khelō mē***

kanāḍā ke bīs-varṣīya grāham smith ne tairākī mẽ cār svarṇa pādak jūt liye hāt ‘На играх Содружества наций двадцатилетний канадец Грэхем Смит завоевал в плавании четыре золотые медали’ (JY. 09.08.1978, 6),

luterō ne hoḷal lūtī ‘Грабители ограбили отель’ – *pāc luterō ne kal yahā ek hoḷel se do lākh ḍālar mūlya ke zavarāt evam nakdī lūt lī* ‘Вчера пятеро грабителей похитили здесь в одном из отелей драгоценности и наличность на сумму в двести тысяч долларов’ (JY. 27.11.1979, 3),

yamunā mẽ do yuvak ḍube ‘В Джамне утонуло двое юношей’ – *dillī mẽ yamunā kā jalstar baṛhne mẽ bhī kāfī tezī ā gaī hai. āj is bahāv mẽ do yuvak ḍub gae* ‘В Дели на реке Джамна быстро поднялся уровень воды. Сегодня в этом водном потоке утонуло двое юношей’ (NT. 18.07.1988, 1),

inglainḍ ne pāk ko harāyā ‘Англия обыграла Пакистан’ – *inglainḍ ne āj pratham ek divasīya antarrāṣṭrīya krikeṭ maic mẽ viśva kap vijeṭā pākistān ko harā diyā* ‘Сегодня в первом однодневном международном матче по крикету Англия одержала верх над победителем кубка мира Пакистаном’ (NT. 21.05.1992, 1),

dame ke rogī ne ātmadāh kiyā ‘Больной астмой совершил самосожжение’ – *dame ke rog se pareśān śrī arjundev ṭhagrāl (pātālīs varṣa) ne kal śām ātmadāh kar liyā* ‘Измученный астмой, Арджундев Тхакрал (сорока пяти лет) совершил вчера вечером самосожжение’ (NT. 20.07.1988, 4),

pāk haidarābād mẽ senā bulāt gaī ‘В пакистанский Хайдарабад направлены войска’ – *sindh ke dūsre bare śahar haidarābād ke meyar kī hatyā kī nākām kośiś ke bād vahā senā ko bulā liyā gayā* ‘В Хайдарабад, второй по величине город провинции Синд, после неудавшегося покушения на жизнь его мэра направлены войска’ (NT. 18.07.1988, 1).

В этих примерах бесстрастная констатация определенного факта, присущая заголовку, уступает в самой статье место интонированному сообщению о нем.

Проблема вида – это одна из наиболее широко обсуждаемых проблем русистики. Ей посвящено огромное число работ, а при этом многие из высказанных в ходе ее решения точек зрения не стали общепринятыми. До сих пор предметом горячего обсуждения остаются вопросы, касающиеся семантики видов, характера выявляемого видового противопоставления, статуса членов видовой корреляции, поиска инвариантного значения видов (или одного из видов – скажем, со-

вершенного), толкования семантического признака “предельность” – признака существенного для идентификации видов. В качестве отражающей суть категории вида русского глагола, тонущей в разнообразии ее описаний, была предложена, в частности, следующая дефиниция: “Категория вида – это система противопоставленных друг другу рядов форм глаголов: ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы несовершенного вида). Ограничение действия пределом означает ограничение действия абстрактным, внутренним пределом, представляющим действие как целостный факт, в отличие от представления действия как процесса в его длительности или повторяемости” [100, с. 583].

Категория вида присуща всем глаголам русского языка в том смысле, что ни один глагол с его формами не остается вне видовой характеристики (точнее говоря, не остается не характеризованным в отношении своей принадлежности к какому-то одному из двух видов). При этом некоторые глаголы (например, *велеть, обещать, ранить, казнить, женить, исследовать, ликвидировать* и др.), в отличие от составляющих большинство глаголов однозначной видовой характеристики, могут проявлять значение как совершенного, так и несовершенного вида.

Однокоренные глаголы, отличающиеся друг от друга видовым значением, являются разными словами (например, *запеть – петь, толкнуть – толкать, проиграть – играть, приехать – ехать*). Те из них, которые различаются т о л ь к о видовым значением, образуют видовые пары (например, *дать – давать, сделать – делать, переписать – переписывать, подмести – подметать*). В отдельных случаях видовые пары составляются из разнокоренных глаголов (например, *сказать – говорить, взять – брать, найти – находить, положить – класть, поймать – ловить*).

Имеются глаголы (как совершенного, так и несовершенного вида), у которых нет соотносительных с ними в паре глаголов другого вида (например, *очутиться, понадобится, хлынуть, воспрянуть, грянуть* // *находиться, нуждаться, чуждаться, обожать, противоречить*).

Объединение глаголов в видовые пары предстает как системная категориальная черта вида. Принято считать, что видовые пары образуются только предельными глаголами (т.е. глаголами, отличающи-

мися присущей им семей “ограниченность действия пределом, конечной точкой в его развитии”), которые в таком случае принимаются за семантическую базу видового противопоставления.

Надежным показателем того, что та или иная пара глаголов относится к видовым парам, является обратимость глагола совершенного вида в глагол несовершенного вида в переводе повествования в плоскость исторического настоящего: Он осторожно **отогнул** (> **отгибает**) у плинтуса старые отставшие обои, **вытащил** (> **вытаскивает**) из-под них листы чертежей и **свернул** (> **свертывает**) их трубкой. **Снял** (> **снимает**) с полок несколько книг и все это, вместе с чертежами и частями физических приборов, **уложил** (> **укладывает**) в чемодан. Поминутно прислушиваясь, **отнес** (> **относит**) чемодан вниз и в одном из темных деревянных подвалов **спрятал** (> **прячет**) его под кучей мусора. Снова **поднялся** (> **поднимается**) к себе, **вынул** (> **вынимает**) из письменного стола револьвер, **осмотрел** (> **осматривает**), **сунул** (> **сует**) в задний карман... В сумерки он **натянул** (> **натягивает**) грубые сапоги, **надел** (> **надевает**) парусиновое пальто и **вышел** (> **выходит**) из дому (А. Толстой). Налицо видовые пары: *отгибать* – *отогнуть*, *вытаскивать* – *вытащить*, *свертывать* – *свернуть*, *снимать* – *снять*, *укладывать* – *уложить*, *относить* – *отнести*, *прятать* – *спрятать*, *подниматься* – *подняться*, *вынимать* – *вынуть*, *осматривать* – *осмотреть*, *совать* – *сунуть*, *натягивать* – *натянуть*, *надевать* – *надеть*, *выходить* – *выйти*.

Пониманию предельности (в смысле реального достижения предела) как универсального свойства значения совершенного вида отвечает выделение двух таких разновидностей предела, как предел абсолютный и предел относительный: Он **надел** пальто ~ Цены уже **повысились** и продолжают повышаться (*Он уже **надел** пальто и продолжает его надевать).

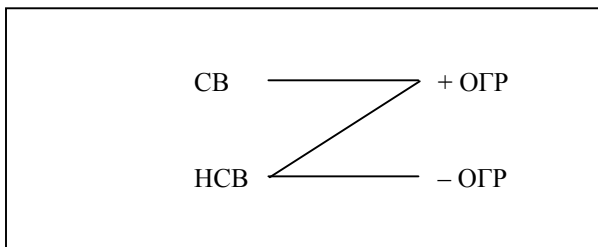
Различают также внутренний предел и внешний предел. В первом случае ограничение протекания действия во времени определяется характером самого действия, отраженным в значении глагола, например: *догнать*, *влезть*, *надеть*. Во втором случае временная граница протекания действия определяется внешними по отношению к действию факторами, например, истечением временных рамок осуществления действия. Это касается глаголов “охвата длительности”, как-то: делимитативного способа действия – *полежать*, *поспать*, *поговорить*, пердуративного способа действия – *проболеть*, *пролежать*.

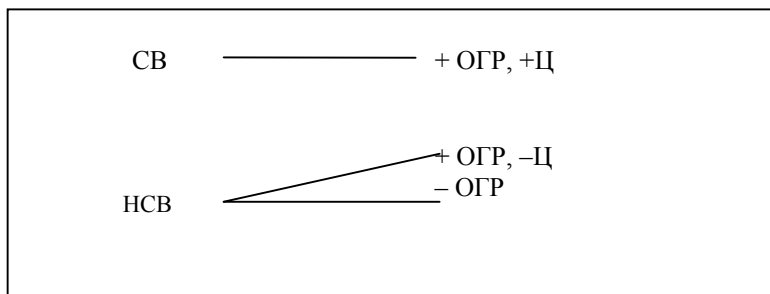
Пожалуй, их можно отнести к кругу глаголов, чей предел мыслится относительным, а не абсолютным.

В приписываемом совершенному виду значении (“ограниченное пределом целостное действие”) интегрированы два семантических признака: признак ограниченности действия пределом (ОГР) и признак целостности (полного охвата, неделимости на фазы) действия (Ц). Важно то, что второй из этих признаков, признак Ц, не может мыслиться в отрыве от положительной оценки первого признака – признака ОГР.

В полном согласии с тем, что видовые пары образуются только предельными глаголами, признак ОГР предстает как атрибут всех глаголов совершенного вида (СВ) и тех глаголов несовершенного вида (НСВ), которые включаются в состав видовых пар:

Если глаголы совершенного вида выражают целостное представление ограниченного пределом действия [+ОГР, +Ц], то глаголы несовершенного вида выражают либо ограниченное пределом действие в нецелостном представлении [+ОГР, – Ц], либо, если они не входят в состав чисто видовых пар, не ограниченное пределом действие [–ОГР]:

Для раскрытия специфики совершенного вида прибегают и к таким понятиям, как “начало” (“начать”), “смена ситуаций”, “возникновение новой ситуации”, “переход в новое состояние”, “секвентная связь”.

Вид проявляет способность иметь смысловозначительную функцию в плане категории модальности, что можно видеть на примере инфинитивных предложений (а) и предложений с формой сослагательного наклонения (б):

(а)

Ему не сдать (SV) экзаменов = Он не сможет сдать экзамены / Ему не сдавать (НСВ) экзаменов = Он не будет сдавать экзамены,

Не опоздать бы (SV) мне = Боюсь, что опоздаю / Не опаздывать бы (НСВ) мне = Сожалею, что я опоздал,

Не опоздать бы (SV) ему! – опасение, предостережение / Не опаздывать бы (НСВ) ему! – желание; совет, просьба; сожаление;

(б)

Не опоздал бы (SV) он! – опасение, предостережение / Не опаздывал бы (НСВ) он! – желание; совет, просьба; сожаление.

Показательны также примеры на предложения, где инфинитив следует за словом – модальным модификатором:

Он должен к нам прийти (SV) – долженствование; предположение / Он должен к нам приходить (НСВ) – долженствование,

Он не должен к нам прийти (СВ) – предположение / *Он не должен к нам приходиться* (НСВ) – долженствование,

Он может к нам прийти (СВ) – разрешение, предположение / *Он может к нам приходиться* (НСВ) – разрешение,

Он не может к нам прийти (СВ) – невозможность, предположение / *Он не может к нам приходиться* (НСВ) – запрещение,

Он может к нам не прийти – предположение / *Он может к нам не приходиться* (НСВ) – разрешение.

Глагол только несовершенного вида может принимать форму повелительного наклонения с отрицательной частицей *не* в связи с выражением просьбы (или требования) не производить действие, мыслимое контролируемым со стороны субъекта: – **Не кричи** (*Не крикни), – *оборвал его Галкин. – Тут тебе не собрание* (В. Распутин), **Не пой** (*Не спой), *красавица, при мне...* (А. Пушкин), *На заре ты ее не буди...* (*не разбуди...) (А. Фет), *Ты не спрашивай* (*не спроси), *не распытывай*...(*не распытай...) (А. Толстой), **Не шей** (*не шшей) *ты мне, матушка, Красный сарафан, Не входи* (*Не войди), *родимушка, Попусту в изъяз!* (Н. Цыганов), **Не пробуждай** (*не пробуди) *воспоминаний минувших дней...* (неизвестный автор), *Ямщик, не гони лошадей!* (Н. Риттер), **Не брани** *меня, родная...* (А. Разоренов), **Не уходи** (*Не уйди), *побудь со мною...* (неизвестный автор), **Не уезжай** *ты, мой голубчик!* (неизвестный автор), *Так забудь же про свою тревогу, Не грусти* *так шибко обо мне. Не ходи* *так часто на дорогу В старомодном ветхом шушуне* (С.Есенин), **Не нарушайте** (*не нарушьте) *ж, я молю, Вы сна души моей И слова страшного: люблю* **Не повторяйте** (*не повторите) *ей!* (А. Дельвиг). С использованием глаголов совершенного вида в аналогичных условиях бывает связано выражение предостережения против действий, которые не мыслятся преднамеренными: **Не откажите** *мне в любезности Пройтись со мной слегка туда-сюда, А то погибнут в неизвестности Моя любовь и красота!* (В. Котов), *Если правду прокричать Вам мешает кашель, Не забудьте* *отхлебнуть Этих чудных капель* (Б. Окуджава).

Категория вида русского глагола тесно связана с категорией времени. Исследователями отмечены следующие основные моменты проявления этой связи:

а) у глаголов несовершенного вида имеются формы настоящего (*решаю*), прошедшего (*решил*) и будущего (*буду решать*) времени, а у глаголов совершенного вида, тоже располагающих формой прошедшего (*решил*) и будущего (*решу*) времени, форма настоящего времени отсутствует;

б) у глаголов несовершенного вида будущее время – сложное (аналитического строения: *буду решать*), у глаголов совершенного вида – простое (*решу*);

в) глаголы несовершенного вида располагают причастиями настоящего времени – действительными (*решающий*) и страдательными (*решаемый*), тогда как у глаголов совершенного вида нет причастий настоящего времени;

г) деепричастие несовершенного вида обычно обозначает действие, одновременное с действием, выраженным глаголом-сказуемым, а деепричастие совершенного вида – предшествующее действие (*решая ~ решив*).

В формах повелительного и сослагательного наклонений выступают глаголы обоих видов.

В различных типах употребления финитные формы глаголов как совершенного, так и несовершенного вида несут частные аспектуальные значения, в которых конкретизируется общая оценка каждого из видов. В рамках изъявительного наклонения эти формы носят аспектуально-темпоральный характер.

Среди частных видовых значений совершенного вида главным, основным является конкретно-фактическое значение, характеризующееся наименьшей зависимостью от контекста и максимально широким охватом глагольных форм. Другие частные значения совершенного вида, как-то: наглядно-примерное, суммарное, потенциальное, – представляются производными от конкретно-фактического значения.

Важнейшими в рамках категории вида являются семантические оппозиции, где совершенному виду в его конкретно-фактическом значении (действие констатируется как факт в его естественной целостности) оказывается противопоставлен несовершенный вид в следующих своих частных значениях: 1) в процессном значении с его главным вариантом – конкретно-процессным значением (*Он все-таки открыл окно ~ Когда я вошел в комнату, он открывал окно*), 2) в значении повторяемости с его главным вариантом – неограниченно-кратным значением (*Он все-таки открыл окно ~ Когда в*

комнате становилось душно, он **открывал** окно), 3) в общефактическом значении (– Вы прочитали эту книгу? – Да. – Тогда решите я ее возьму // – Вы **читали** эту книгу? – Да. – Стоит ее взять?).

Первые две оппозиции связаны с передачей разных ситуаций объективной действительности, а третья оппозиция отражает разные интерпретации одной и той же ситуации.

Глаголы несовершенного вида (те из них, которые входят в видовые пары) способны обозначать повторение ситуации, обозначаемой глаголами совершенного вида (Он приходил к нам по субботам ~ Он пришел к нам в субботу): Потом каждый полдень они **встречались** на набережной... (А. Чехов), И вот уже прошло полгода, как Саша живет у нее во флигеле. Каждое утро Оленька **входит** в его комнату... (А. Чехов), ...а вокруг ямы, мешая работать, густо клубилась взбудораженная ребятня. Ее **отгоняли**, она **отступала** и непонятно как снова **оказывалась** у ямы (В. Распутин), Там сад какой! Больиущий. Я к тебе за черешнями теперь **буду приходить**! (Ю. Беляев). Ср.: В полдень они **встретились**..., Утром Оленька **вошла**..., Ее **отогнали**, она **отступила** и непонятно как снова **оказалась**, Я к тебе за черешнями завтра **приду**! Существует мнение, что при употреблении несовершенного вида для выражения повторяющихся действий в прошлом имеет место нейтрализация видового противопоставления.

Семантическая сторона этой нейтрализации оттеняется на материале языка хинди тем, что в этом языке для выражения значения повторяемости используется и простой (немодифицированный) глагол, и бивербальный комплекс, которому приписывается семантический признак тотивности:

harbans aksar der se kālej se lauṛā thā (RA, 67) ‘Из колледжа Харбанс часто возвращался довольно поздно’,

aksar ve mīr sāheb ke yahāñ šātranj khelne pahūc jāte the (VB, 90) ‘Он часто заходил к Мир-сахибу играть в шахматы’.

В языке хинди выражение значения, которое можно принимать за процессное, является функцией имперфективных форм, образованных от простых (немодифицированных) глаголов, и процессивных форм.

Конкретно-фактическому значению совершенного вида русских глаголов близко в хинди, на наш взгляд, значение, передаваемое

мое бивербальными комплексами, т.е. значение, которое в связи с изображением действия глаголами как замкнутого целого, квалифицируется как тотивное (см. выше, с. 208-209). В этом отношении показательны перфективные и аспектуально нейтральные в свете “причастной” трактовки вида формы бивербальных (тотивных со стороны содержания) комплексов, что подтверждается, в частности, следующими примерами на перевод с хинди на русский и с русского на хинди:

dhaniyā ne lapak kar pagahiyā uske hāth se chīn lī (P, 42) – Подскочив к Хори, Дхания **вырвала** из его рук веревку (П. 69),

Прошло около часа. Зеленый огонь **погас**... (А. Чехов). – *ek ghañṭā bhī gayā. harī roṣṇī bujh gayī* (СК, 122),

hā, sarkār? ab yah pācō bhī merī or se rakh lījīe (P, 222) – Так, саркар! Только **возьми** ты у меня и эти последние пять рупий! (П. 330),

Гм!... **Надень-ка**, брат Елдырин, на меня пальто... (А. Чехов) – *hūh... yeldīrin zarā mujhe koṭ to pahnā do...* (CL, 14),

jhingurī pakkā behayā hai. koī dūsrā hotā to pāgal ho jātā (P, 225) – Джингури Сингх совсем стыд потерял. Другой на его месте давно **бы с ума сошел**, а он терпит! (П. 336),

...и он **бы упал**, если **бы** сын не **поддержал** его (А. Пушкин) – *...aur yadi beṭā sābhāl na letā, to vṛddha avaśya hī gir paṛtā* (PD, 28).

Значение, близкое конкретно-фактическому значению совершенного вида русских глаголов, способны в хинди передавать и перфективные формы простых (немодифицированных) глаголов, что иллюстрируют, в частности, следующие примеры:

usne mujh se pūrā-pūrā vādā kiyā thā ki vah ḡinar mẽ zarūr āegā. kahtā thā ki lāvaṇya ko upahār mẽ dene ke lie usne ek hīre kā broc kharīdā hai – haimilṭans ke yahā se (VB, 395) – Напротив, он совершенно **уверил** меня, что придет на наш обед и уже **купил** в магазине Гамильтона бриллиантовую брошь для Лаваньи (ВБ, 328),

karṇe rahankar jvālāprasād baiṭhak mẽ āe (VB, 220) – Одевшись, Джвалапрасад **вошел** в кабинет (ВБ, 194),

Не прошло трех недель с той поры, как она в первый раз **увидела** в окошко молодого человека... (А. Пушкин) – *us din ke bād abhī tīn hafte bhī nahī guzre the, jab usne khīrkī mẽ se pahlī bār is naujavān ko dekhā thā...* (PR, 120),

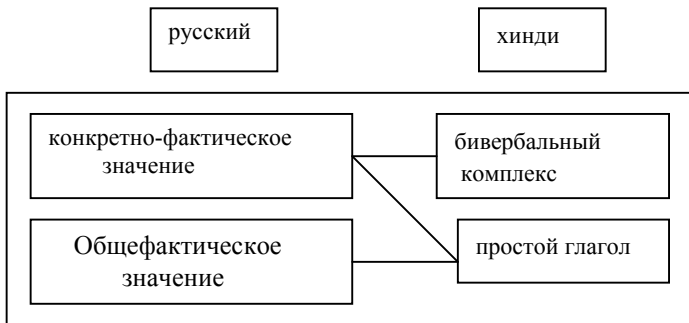
Михаил **достал** еще одну бутылку... (В. Распутин) – *mīkhāl ne ek botal aur uṭhāyī...* (RT, 72).

Однако им не чужда и способность передавать значение, отвечающее общефактическому значению несовершенного вида русских глаголов, о чем свидетельствуют, в частности, следующие примеры:

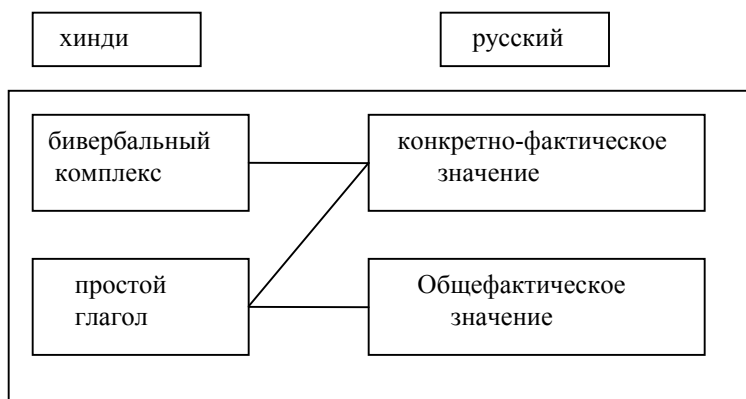
*šimlā pahūcne ke pahle din to usne unhī ke sāth khānā **khāyā** aur vahī **soyā** bhī...* (AG, 403) – В день своего приезда в Симлу Четан **ужинал** вместе с семьей Рамдаса. Там же, в их доме, он и **ночевал** (АУ, 112),

*Утром бабушка **жаловалась**, что в саду ночью ветром побивало все яблоки и сломало одну старую сливу* (А. Чехов) – *dūsre dīn savere dādī ne śikāyat **kī** ki havā ne sāre seb ukhāṛ diye the aur purāne ber ko bīc se cīr diyā thā* (CL, 364).

Итак, складывающееся в плане содержания соотношение между конкретно-фактическим и общефактическим значением финитного глагола русского языка, с одной стороны, и наделенными в перфективных формах семантической функцией простым глаголом и бивербальным (тотивным со стороны содержания) комплексом языка хинди, – с другой, можно схематически представить следующим образом:

или, что тоже самое,

В языке хинди по сравнению с русским языком финитные формы глагола обладают большей специализацией в плане отражения типичных в общелингвистическом отношении аспектуальных оппозиций, к которым, в частности, причисляются: 1) оппозиция *совершенный вид : несовершенный вид* (в международной терминологии – *перфектив : имперфектив*), 2) *имперфект : аорист*, 3) *прогрессив : непрогрессив*, 4) *кратность и / или обычность : некрatность*, 5) *перфект : неперфект*.

П е р в а я из оппозиций, *совершенный вид : несовершенный вид*, получает в хинди преломление в плане выражения в двух оппозициях, а именно: *перфективная форма : форма имперфективная или процессивная, бивербальный (тотивный в плане содержания) комплекс : простой (немодифицированный) глагол*, – что было показано выше.

Качественная сторона в т о р о й оппозиции, *имперфект : аорист*, определяется применительно к хинди наличием формы изъявительного наклонения, выделяющейся в плане прошедшего времени нарративной (повествовательной) функцией. В этом своем качестве эта форма, восходящая к перфективному причастию, т.е. форма типа *bolā*, противопоставляется в первую очередь прошедшему общему времени (форме типа *bolā thā*), или имперфекту.

Ее как носителя нарративной функции принимают и простые глаголы (а), и бивербальные (тотивные в плане содержания) комплексы (б):

(a) *tankhā ne jūte kā fītā phir se bādhā, koṭ utārkar lakarhāre ko diyā, patlūn ūpar carhāyā, rūmāl se mūh pōchā aur is tarah hiran ko dekhā, māno okhlī mē sir dene jā rahe hāi* (P, 100) ‘Танкха завязал покрепче шнурки своих ботинок, снял пиджак и отдал его дровосеку, подтянул штаны, вытер лицо носовым платком и посмотрел на оленя так, будто собирался прыгнуть в омут’, *jhuniyā ne ākar ancal se choṭī sās ke caraṇ chue. puniyā ne asīs diyā. sonā āg jalāne calī, rūpā ne pānī ke lie kalsā uṭhāyā* (P, 154) ‘Дхания подошла и коснулась краем своего сари ног своей младшей невестки, Пуния ответила благословением. Сона пошла зажигать огонь, а Рупа взяла кувшин, чтобы пойти за водой’;

(б) *usne bīc kī roṣnī bujhākar kone kī taraf kā zīro kā balb jalā diyā. kamre ke vātāvaraṇ mē ek rūmānī alastā phail gāt* (RA, 461) ‘Выключив верхний свет, она зажгла ночной светильник в углу. В комнате воцарилась романтическая обстановка’, *lakṣmīcand kī āvāz sunte hī prabhudayāl ne apnī ākhē uṭhāi aur jvālāprasād ko dekhte hī vah uṭhar khare ho gae. munīm aur paṭvārī ke kāgaz band ho gae aur paṭvārī sītāprasād hāth joṛkar alag haṭ gayā* (VB, 56) ‘Услышав голос Лакшмичанда, Прабхудаиял поднял глаза и при виде Джвалапраасада сразу же встал с места. Бумаги, которые до этого занимали внимание приказчика и патвари Ситлапраасада, были поспешно убраны, и патвари, сложив в знак приветствия ладони, отошел в сторону’.

В русском языке нарративную функцию выполняет прошедшее время глаголов совершенного вида:

Гуров **постоял** немного, **прислушался**, потом, когда всё утихло, **отыскал** свою вешалку и **ушел** из театра (А. Чехов) – *gurov kuch der tak kharā rahā, kān lagākar sunā aur jab sab tarah kī āvāzē śānt ho gāi to usne apnā koṭ dhūḍhā aur thieṭar se bāhar nikal āyā* (СК, 76),

Он **вышел** на крыльцо, **кликнул** ямщика и **уехал**, прежде чем успел я опомниться (А. Пушкин) – *bāhar jākar usne apne kocvān ko pukārā aur mere sambhal pāne se pahle hī gāyab ho gayā* (PR, 29),

И мужиков **познали** в деревню. Они облегченно, обрадованно **заторопились**; старухи, не попевая за ними, **потребовали** укоротить шаг (В. Распутин) – *mujhikō ko khadeṛ kar gāv kī taraf le gaye. māre khuṣī ke aur jaise bojh halkā ho gayā ho log jaldī-jaldī calne lage. vṛddhāē unī tez nahī cal pā rahī thī aur unhōne cāl dhīmī karne ko kahā* (RT, 294).

Рассматриваемую форму хинди можно с полным правом назвать прошедшим аористическим временем, или аористом, можно ее назвать (с известными оговорками) и претеритом. В противопоставлении прошедшему общему времени она осознается так же, как, скажем, во французском языке осознается форма *passé simple* на фоне формы *imparfait*.

Вместе с тем эта форма отличается от прошедшего времени актуального результата в настоящем, или перфекта (т.е. формы типа *bolā hū*), и от предпрошедшего времени, или плюсквамперфекта (т.е. формы типа *bolā thā*), нейтральным отношением к бинарному признаку «неразобщенность / разобщенность» [действия с ситуацией момента речи], значимому для идентификации двух названных форм глагола хинди, которым (особенно перфекту), как и аористу, семантически соответствует в русском языке прошедшее время глаголов совершенного вида.

Качественное своеобразие третьей оппозиции, *прогрессив : непрогрессив*, определяется применительно к хинди тем, что в этом языке получили развитие формы, специализирующиеся на выражении конкретно-процессного значения – значения приуроченности протекания действия к определенному моменту или отрезку времени, четко выделяемому среди других моментов или отрезков времени. Это считающиеся построенными на базе процессивного причастия аналитические формы, чью структуру обобщенно отражает формула $V\text{-rahā} + \{hū, thā, hūgā (hoūgā), hoū, hotā' / hotā'', hotā hū, hotā thā, hotā hūgā (hoūgā)\}$:

«*tum kisī ko **ḍhūḍh** rahe ho?*» – *māīne pūchā*. «*nahī, dekh rahā hū ki koī skūṭar mil jāe, to tumhē apne ghar le calū*» (RA, 14) «Ты кого-то ждешь?» – спросил я. «Нет, смотрю, не подвернется ли скутер, чтобы отвезти тебя к нам домой», [– ответил он],

harbans pair phailāe pās kī kursī par baiṭhā thā aur ek kitāb ke panne palaṭ rahā thā. unkā larkā aruṇ nīce darī par baiṭhā ḍrāiṅ pepar par surme kī salāī se lakīrē khīc rahā thā (RA, 206) «Харбанс сидел рядом на стуле, вытянув ноги, и листал страницы какой-то книги, а их сын, Арун, сидя на коврик, выводил палочкой с сурьмой каракули на листе рисовальной бумаги»,

*bāhar ke barāmdē mē māī citra **banā rahā hūgā**, vahī ā jānā aur dekh, hukkā bhī bhar lānā* (N. 1969. V, 55) «Я буду рисовать на на-

ружной веранде. Туда-то ты и приходи, да и не забудь приготовить и принести кальян’,

*hāy yah pīrā! māno tīvra lahrē taṭ se **ṭukrā rahī hō*** (KG, 43) ‘О эта боль! Будто могучие волны неистово бьются о берег’,

*cetan ne yah bhī dekhā ki jab dhobī na hote yā dūsrā kām **kar rahe hote** to bhāī sāhab svayam hī istrī lekar kaprō ke ḍher ke ḍher pres kar dete* (AG, 67) ‘Четан видел и то, что когда прачек не было на месте или они выполняли другую работу, брат сам брался гладить утюгом груды белья’,

*belā kī umr bārah sāl se zyādā nahī thī jab vah cauthī mẽ paṛhī thī. apne ghar par hotī to āj vah pācṣvī jamāt mẽ **paṛh rahī hotī*** (KH, 46) ‘Беле было не более двенадцати лет, когда она училась в четвертом классе. Будь она у себя дома, она теперь училась бы в пятом классе’,

*rukiyā prasād kā dūsrā donā **lagā rahī hotī hai*** (JJ, 82) ‘Рукия [каждый раз] готовит другую чашу для подношения’,

*un āyojanō ke viṣay mẽ mujhe itnā hī yād hai ki jab nṛtya **cal rahā hotā thā** to mujhe nīd ā jāī thī...* (RA, 79) ‘Об этих представлениях я помню только одно: когда исполнялся танец, меня начинало клонить ко сну...’,

*jab vah udhar pahūctī hogī tab vah **ā rahā hotā hogā*** [150, с.294] ‘Всякий раз, когда она туда придёт, он будет все еще идти’.

Конкретно-процессное значение (его называют и актуально-длительным) осознается противопоставленным в первую очередь конкретно-фактическому значению: выявляемая в плане выражения оппозиция *конкретно-процессное значение: конкретно-фактическое значение* не подвержена нейтрализации в плане содержания, в чем видится проявление абсолютной антонимии видовых значений.

В русском языке функция выражения конкретно-процессивного значения выпадает на долю глаголов несовершенного вида, и именно в этом значении несовершенный вид наиболее четко противопоставляется совершенному виду:

*Что же это **делается-то**, Иван?! Что **делается**?! Все **тащат**!* (В.Распутин) – *ivān yah kyā ho rahā hai? kyā ho rahā hai? sab lie jā rahe hāī* (RT, 247),

– *Кого **грабют**? Че ты **мелешь**?!* – *Дарья налила чай...* (В.Распутин) – *«kise lūt rahe hāī? kyā baṛbaṛā rahā hai?» dāryā ne cāy ḍālī* (RT, 289),

– *Что вы тут смотрите?* – спросил я (А. Чехов) – «*is taraf kyā dekh rahe ho?*» *māīne pūchā* (СК, 91),

Было уже часов десять вечера, и над садом **светилась** полная луна (А. Чехов) – *rāt ke das baj cuke the aur bagīce mē pūrā cāḍ camak rahā thā* (CL, 348),

Слышно было, как где-то далеко, очень далеко, должно быть, за городом, **кричали** лягушки (А. Чехов) – *bahut dūr se, śāyad śahar ke bāhar se mēḍhakō ke ṭarrāne kī āvāz ā rahī thī* (CL, 348).

Итак, батюшка **читал** Придворный календарь... (А. Пушкин) – *is tarah pitā jī rāj-darbār kī is riporṭ -pustak ko parh rahe the...* (PR, 138),

Я **шел** медленно; мне было грустно... (М. Лермонтов) – *gahrī udāsī mē ḍūbā māī āhiste-āhiste cal rahā thā* (LH, 142).

Ч е т в е р т а я оппозиция, *кратность и /или обычность: некратность*, реализуется в хинди в первую очередь благодаря наличию прошедшего неоднократного времени, или итеративного имперфекта, – восходящей к имперфективному причастию формы изъяснительного наклонения (формы типа *boltā* или, вернее, *bolta* в отличие от *bolta* – простой формы условного наклонения, принимаемой за грамматический омоним).

В своем функционировании данная форма охватывает часть семантической зоны прошедшего общего времени (формы типа *boltā thā*), или имперфекта, конкурируя с ним:

dopahar ko jab bābū log daftarō mē hote aur gṛhīṇiyā ghar ke kām-kāj se nibaṭ kar sair yā sāmān kharīdne ko nikal jāṭī yā so jāṭī to ruldū bhaṭṭe mē ek tarah kī nīravṭā chā jāṭī. aise samay mē mannī prāyaḥ cetan ke kamre kī caukhaṭ par ā baiṭhī (AG, 467) ‘В полдень, когда чиновный люд был в конторах, а домохозяйки, раздалавшись с делами по дому, отправлялись прогуляться либо сделать покупки или же погружались в сон, на Рулду Бхатта воцарялось безмолвие. В такое время Манни часто усаживалась на пороге комнаты Четана’,

uske āne par ham ek-ek kāṭī aur pīte aur phir bāhar cale āte. bāhar ākar vah merā hāth pakar letā aur hameśā vahī haṭh kartā ki māī uske sāth ghar calū (RA, 72-73) ‘С его приходом мы выпивали ещё по одной чашке кофе и выходили на улицу. Там он всякий раз брал меня за руку и принимался настаивать на том, чтобы я пошел с ним к нему домой’,

kisān bār-bār zor lagātā aur bār-bār jhūjhlākar bailō ko mārātā, lekin gārī utarne kā nām na leī. becārā idhar udhar nirāś hokar tūktā, magar vahā koī sahāyak nazar na ātā thā (PSS, 110) ‘Крестьянин раз за разом напрягал свои силы, раз за разом в сердцах колотил быков, однако телега никак не вылезала [из грязи на дне потока]. Бедняга в отчаянии поглядывал по сторонам, ища помощи, но никто не показывался’.

В русском языке значение регулярной повторяемости или обычности действия в прошлом передается формой прошедшего времени глаголов несовершенного вида:

Иногда я уходил из дому и до позднего вечера бродил где-нибудь (А. Чехов) – *kabhī-kabhī māī ghar se bāhar nikal jātā aur śām gahrī hone tak idhar se udhar ghūmtā rahtā* (СК, 97),

Ежедневно, вставши с постели часов в одиннадцать, Ольга Ивановна играла на рояле, или же, если было солнце, писала что-нибудь масляными красками. Потом, в первом часу, она ехала к своей портнихе (А. Чехов) – *olgā ivānovnā har roz gyārah bajē jāgtī, rūpō bajātī yā agar dhūp hotī to tail citra banātī. bārah ke thorī der bād vah apnī darzin ke yahā ātī* (CL, 133),

И, приступая опять к работе, приходили в себя, говорили: «Ну, совсем обезумели бабы, дорвались до Матёры. Она, поди-ка, и не верит, что это мы», – но в следующий раз с удовольствием безумели снова (В. Распутин) – *phir se kām mē lagne par unhē hoś ātā aur kahtī – «ye lugāiyā bhī kaisī paglā gayī hāī? matyōrā ke sir carh gayī hāī. dekho, vo to māntī tak nahī hāī ki ye ham hī hāī». lekin jab dubārā ārām kī bārī ātī to phir se paglā jāī* (RT, 366).

Прошедшее неоднократное время, или итеративный имперфект, находит применение при переводе предложений русского языка, описывающих относимый к прошлому заведенный порядок вещей с использованием форм настоящего времени глаголов (как, например, в рассказе А. Чехова “Душечка”):

И вот уже прошло полгода, как Саша живет у нее во флигеле. Каждое утро Оленька входит в его комнату; он крепко спит, подложив руку под щеку, не дышит. Ей жаль будить его [...] Он встает, одевается, молится Богу, потом садится; выпивает три стакана чаю и съедает два больших бублика и пол французского хлеба с маслом [...] Затем он идет по улице в гимназию [...] За ним бесшумно идет Оленька [...] Она останавливается и смотрит ему вслед не

мигая, пока он не скрывается в подъезде гимназии [...] В третьем часу вместе обедают, вечером вместе готовят уроки и плачут – *sāśā chaḥ mahīne uske sāth choṭe makān mẽ rahā. har roz subah hote hī olenkā uske sone ke kamre mẽ aūt aur use gahrī nīd mẽ sotā pātī* – *cupcār gāl ke nīce hāth rakhe hue. use usko jagāne mẽ dukh hotā* [...] *vah uḥtā, kapre pahantā aur phir nāštā karne baiḥ jātā, tīn gilās cāy pītā aur do baṛe biskuṭ aur ādhā makhan se bharā huā roḥ kā ṭukrā khātā* [...] *phir vah skūl jāne ke lie saṛak par nikal jatā* [...] *olenkā cupcār uske pīche cal detī* [...] *vah cupcār khaṛī ho jātī aur tab tak uskī taraf dekhitī rahī jab tak ki vah skūl ke phāṭak mẽ gāyab na ho jātā* [...] *tīn baje ve donō sāth-sāth khānā khāte, šām ko donō sāth sāth sabak yād karte aur cīkhte* (СК, 18-19).

В таком употреблении прошедшее неоднократное время представляется конкурирующим с настоящим общим временем, чьё вполне естественное и ожидаемое использование в том же амплуа иллюстрируют следующие примеры, извлеченные из текста перевода на хинди повести “Скучная история” А.П. Чехова:

Затем она тушит лампу, садится около стола и начинает говорить – *tab vah battī bujhā detī hai, mez ke sāmne baiḥ jātī hai aur baitcī šurū kar detī hai* (CL, 57),

После лекции я сижу у себя дома и работаю. Читаю журналы, диссертации или готовлюсь к следующей лекции – *bhāṣan ke uparānt mātī ghar par rahkar kām kartā hū, mātī patrikāē yā thīsīs parḥtā hū yā apne agle vyākhyān kī taiyārī kartā hū* (CL, 70),

Мое превосходительство ведут на улицу, сажают на извозчика и везут. Я еду и от нечего делать читаю вывески справа налево – *huzūr bāhar saṛak par nikālē jāte hātī aur gārī par ghumāye jāte hātī. gārī mẽ āge barhte niṭhallepan mẽ sāin-borḍō ko dāhine se bāyē ulṭe parḥtā hū* (CL, 105).

В отмеченную (четвертую) оппозицию, придавая ей масштабность, вовлекаются в качестве ее первого противочлена построенные на базе причастий (имперфективного, перфективного, процессивного) аналитические формы, называемые *обычными* (см. выше, с.192). Их функционирование иллюстрируют следующие примеры (в цифровых индексах, предваряющих примеры, первая цифра соответствует виду участвующего в образовании аналитической формы причастия: 1 – имперфективному, 2 – перфективному, 3 – процес-

сивному; вторая цифра соответствует форме вспомогательного глагола *honā*: 1 – прошедшему неоднократно времени (итеративному имперфекту), 2 – настоящему общему времени, 3 – прошедшему общему времени):

(1.1) *koī kām karī hōī, to bār-bār ākar us guldaste ko dekh jāī* (PM4, 95) ‘Когда [я] что-либо делала, то все равно раз за разом ходила взглянуть на этот букет’,

(2.1) *vah jab bāhar gayā hotā, mannī binā kahe uskā kamrā jhā detī; uskī pustakē karīne se lagā detī ...* (AG, 473) ‘Когда он выходил [надолго], Манни без лишних слов убиралась в его комнате, приводила в порядок его книги...’,

(3.1) *jab vah akhroṭ ke per ke nīce baiṭhā huā jūtiyā banā rahā hotā, to uskā bholā aur pavitra cehrā kisī devtā jaisā lagtā* (KG, 135) ‘[Всякий раз] когда он, сидя под ореховым деревом, тачал туфли, его простодушное и чистое лицо казалось божьим’,

(1.2) *jab aur raīs mīṭhī nīd ke maze lete hote hāī, to āp nadī ke kināre ūṣā kā ṣṅgār dekhte hāī* (PM4, 77) ‘Когда другие вельможи обычно наслаждаются сладким сном, сам он на берегу реки любит-ся красотой утренней зари’,

(2.2) *jab usne vardī pahan rakhī hōī hai vah barā sundar lagtā hai, parantu vaise vah sundar nahī* (NK. 1961. X, 6) ‘Когда он облачается в униформу, он выглядит очень красивым, а вообще-то он некрасив’,

(3.2) *rukiyā prasād kā dūsrā donā lagā rahī hōī hai* (JJ, 82) ‘Рукья [каждый раз] готовит другую чашу для подношения’,

(1.3) *rāmamūrtti prātaḥ uṭhkar niyampūrvak vyāyām kartā hotā thā* ‘Рамамуртти, встав утром, обычно регулярно делал зарядку’ [51, с. 277],

(2.3) *uske bād das din un logō ko dān diyā jāī thā jo dūr-dūr se āe hote the* ‘Затем десять дней выдавали пожертвования тем людям, которые обычно приходили издалека’ [107, с. 343],

(3.3) *un āyōjanō ke viṣay mẽ mujhe itnā hī yād hai ki jab nṛtya cal rahā hotā thā to mujhe nīd ā jāī thī...* (RA, 79) ‘Об этих представлениях я помню только одно: когда исполнялся танец, меня начинало клонить ко сну...’.

Едва ли можно усмотреть семантическое различие между формой типа *bolṭā hotā*’ (1.1) и формой типа *bolṭā hotā thā* (1.3), между формой типа *bolā hotā*’ (2.1) и формой типа *bolā hotā thā* (2.3),

между формой типа *bol rahā hotā'* (3.1) и формой типа *bol rahā hotā thā* (3.3). В грамматических описаниях хинди формы каждой из приведенных пар принято считать принадлежащими одной форме среди форм обычных времен, в которой допускается опущение элемента *thā*.

Однако кажется предпочтительным усматривать здесь наличие двух нацеленных на выражение значения кратности и/или общности действия вариантов – скажем, хабитуального и узитативного – прошедшего общего времени, или имперфекта, преждепрошедшего времени, или плюсквамперфекта, и прошедшего актуального времени (т.е. вариантов, надстроенных над формами типа *boltā thā*, *bolā thā* и *bol rahā thā*). Формы типа *boltā hotā hū* (1.2), *bolā hotā hū* (2.2) и *bol rahā hotā hū* (3.2) выглядят воплощающими хабитуальный вариант соответственно настоящего общего времени, прошедшего времени актуального результата в настоящем, или перфекта, и настоящего актуального времени (т.е. надстроенными над формами типа *boltā hū*, *bolā hū*, *bol rahā hū*).

Из обычных форм времени изъявительного наклонения наиболее востребованной в языке хинди оказывается форма типа *bol rahā hotā'* (хабитуальный вариант прошедшего актуального времени), используемая для обозначения повторения действий, каждый раз приуроченных к конкретному моменту времени в прошлом (3.1):

kaī bār jab vah candā ko patra likh rahā hotā to cāhtā ki nīlā ke sambandh mẽ kuch pūche (AG, 477) 'Не раз, когда он писал письмо Чанде, ему хотелось спросить что-то о Ниле',

kaī bār aisā bhī hotā ki uske pās hī koī vyakti khare-khare uskī hī kavītā athavā kahānī dekh rahā hotā, tab uske cehre par ek rang ātā aur ek jātā (AG, 252) 'А бывало и так, что кто-то, стоя рядом с ним (Четаном. – В.Л.), взирал на его стихотворение или рассказ, меняя одно выражение лица на другое',

koī sāmne se ā rahā hotā, to vah thorā jhukkar use salām bhī kar deta... (RA, 28) 'Если кто-либо шел навстречу, он (Ибадат Али. – В.Л.) спешил поздороваться, почтительно склонив голову...',

bātcīt mẽ use adhik sukh tabhī miltā thā jab vah khud bol rahī hoī (RA, 430) 'От беседы она получала больше удовольствия тогда, когда сама говорила',

dopahar ko jab ve d̥yorhī mẽ baiṭhkar cāval chāṭrahī hoī, yā masālā kūṭrahī hoī, to vah ākar cupcāp d̥yorhī ke caukhaṭ par khaṭī ho jātī... (RA, 26) 'Когда в полдень они, сидя при входе в дом, просеи-

вали рис или толкли в ступках пряности, приходила она и молча становилась у порога...»,

cetan ne yah bhī dekhā ki jab dhobī na hote yā dūsarā kām kar rahe hote to bhāī sāhab svayam hī istrī lekar kaprō ke dher ke dher pres kar dete (RA, 67) ‘Четан видел и то, что когда прачек не было на месте или они выполняли другую работу, брат сам брался гладить утюгом груды белья’.

П я т а я оппозиция, *перфектность*: *неперфектность*, имеет в хинди в качестве своего первого члена формы, передающие как раз то значение, которое принято в лингвистической литературе называть перфектным, т.е. значение актуальности результата прошедшего действия для последующего момента или отрезка времени.

Прежде всего, это форма, передающая значение актуальности результата реализованного в прошлом действия для ситуации момента речи или, другими словами, значение связанности действия через его результат с ситуацией момента речи.

Функционирование этой формы (типа *bolā hū*), называемой перфектом, иллюстрируют следующие примеры:

«*bāī, sāhab ko salām karo*», *pahalyān ne kahā*. «*sāhab kanāṭ ples se āyā hai!*» (RA, 53) ‘«Поклонись, подружка, господину, – проговорил верзила. – Господин явился сюда с Коннот-плейс»’,

tumne jo kahā hai, vah māīne sun liyā hai. mujhe tumse kam-se-kam yah āśā to nahī thī (RA, 229) ‘Я уже слышала, что ты сказал. Уж от тебя-то я этого не ожидала’,

ham log to aise dūlhe dhūḍh dēgī ki nāyakin mā ne tumhāre hāth dekhkar batlāye hāī (VM, 130) ‘Мы вам найдем таких женихов, каких каждой из вас по руке наша мать нагадала’,

naṭō ke mukhiyā ne kahā, ‘rāstā to sīdhā hai’. aguā bolā, ‘ham log bhūl gaye hāī. calo sāth’ (VM, 93) ‘«Дорога здесь прямая», – сказал глава натов. «Но мы сбились с пути. Пойдемте с нами», – распорядился старший [из лазутчиков]’,

yahī bāt vālmīki ne tāitālīs ślokō mē kahī hai (HS, 229) ‘Это же содержание Вальмики изложил в сорока трех шлоках’.

Если же действие мыслится имеющим результат, актуальный для определенного момента, определенной ситуации в прошлом, то для выражения такого перфектного значения используется предпрошедшее время (форма типа *bolā thā*), или плюсквамперфект:

māine sahāytā ke lie idhar-udhar dekhā, lekin maukā pākar seṭhī khisak gae the (KE, 121) ‘Я посмотрел по сторонам в поисках помощи, но, воспользовавшись случаем, сеṭх уже улизнул’.

māltī bacce ko god mẽ liye baiṭhī thī aur baccā anāyās hī ro rahā thā. śāyad usne koṭ svapna dekhā thā, yā aur kiś vajah se đur gayā thā (P, 340) ‘Малти сидела с ребенком на руках, а ребенок безутешно плакал. Возможно, он увидел какой-то [страшный] сон или же напугался по какой-либо другой причине’.

В перфектном значении могут пониматься перфективные формы косвенных наклонений:

сослагательного (форма типа *bolā hoū*), например:

devakī apne sthān se uchal parī, jaise uske kām ke pās kiś ne bandūḱ calā dī ho (SP, 48) ‘Деваки вскочила с места, как будто кто-то выстрелил из ружья у ее уха’, *mere śarīr par koṛh phūṭe, jo māine corī kī ho* (SS, 114) ‘Пусть поразит меня проказа, если я совершил кражу’;

условного (форма типа *bolā hotā*), например:

yurop mẽ hotā to sone kā mahal kar liyā hotā (SS, 91) ‘Если бы [я] был в Европе, то возвел бы уже дворец из золота’, *agar yahī bātẽ kiś dūsre manuṣya ne kī hoñ to vah avaśya uskī zabān pakar letā* (PS, 213) ‘Если бы все это сказал кто-либо другой, то он (Садан) надолго заставил бы его замолчать’.

Формы, передающие перфектное значение, принимаются, что видно из примеров, и простыми (немодифицированными) глаголами, и бивербальными (тотивными по содержанию) комплексами (“интенсивными глаголами”).

Явное предпочтение простому глаголу, а не бивербальному комплексу отдается, однако, тогда, когда в предложении сообщается об охвате действием значительного периода времени с привлечением соответствующих аспектуально значимых лексем (*sadā* и *sadaiv* ‘всегда’, *hameśā* ‘всегда’, ‘постоянно’, *lagātār* ‘постоянно’, ‘непрерывно’, *aksar* ‘часто’, ‘обычно’, *mahīnō mẽ* ‘на протяжении многих месяцев’ и др.):

dekho beṭā māine s a d ā tumhẽ ādeś diyā hai, āj māt tumse vinay kartā hū... (AG, 136) ‘Видишь ли, сынок, я всегда тебе приказывал, а вот сегодня обращаюсь с просьбой...’,

māṇe bhī s a d a i v āpko apnā baṛā bhāī samjhā hai, aur ab bhī samajhtā hū (P, 239) ‘Я тоже всегда считал вас старшим братом, и сейчас считаю’,

usne in yuddhabandiyō par muḡadmā calāye jāne kā l a g ā - t ā r virodh kiyā hai (JY. 05.08.1973) ‘Он постоянно выступал против судебного процесса над этими военнопленными’,

...pārṭī ne h a m e ś ā hī ...sabhī bāmpanthī pārṭiyō ke sāth kāryagat ektā kāyam karne kī himāyat kī hai (JY. 05.08.1973) ‘...партия всегда выступала за установление единства действий... со всеми левыми партиями’,

a k s a r hāfizī ke mūh se sunā hai ki bahišt mē ādmī kī sārī icchāē pūrī hotī hāī (NK. 1961. XII, 109) ‘Я часто слышал из уст Хафиза, что в раю сбываются все желания человека’,

i n k a ī m a h ī n ō m ē māi kitnā pachtāyā hū, kitnā lajjī huā hū, kitnā dukhī huā hū, śāyad tum iskā andāz na kar sako (P, 340) ‘Вы представить себе не можете, как я раскаивался все эти месяцы, как мне было стыдно, как я страдал!’

Перфектное значение – это, согласно разделяемой многими лингвистами точке зрения, значение совмещения двух временных планов, предшествующего и последующего, и в зависимости от того, какой из этих временных планов оказывается в фокусе внимания говорящего, глагольной формой, наделенной этим значением, подчеркивается исполнение действия, влекущего определенный актуальный для последующего временного плана результат, или же состояние, явившееся результатом исполнения действия (т.е. результитивное состояние). Таким образом, различают перфектность акциональную и перфектность статальную, а саму глагольную форму в зависимости от того, какая перфектность ее передается, квалифицируют или как акциональный перфект / плюсквамперфект, или как статальный перфект / плюсквамперфект, или результатив. В общетеоретическом плане перфект / плюсквамперфект состояния рассматриваются в качестве начального этапа эволюции перфекта / плюсквамперфекта – эволюции, которая приводит к формированию перфекта / плюсквамперфекта действия, т.е. собственно перфекта / плюсквамперфекта как видо-временных форм глагола.

В языке хинди перфект (форма типа *bolā hū*) и плюсквамперфект (форма типа *bolā thā*) нацелены, равно как и другие финитные

формы, способные передавать перфектное значение, в основном на выражение акциональной перфектности.

В русском языке для выражения такой перфектности обычно используется форма прошедшего времени глаголов совершенного вида:

– Точно так-с. Я **приехала** подать просьбу государыне (А.Пушкин) – *jī hā. māl samrājīnī ko apnā āvedan patra dene āyī hū* (PR, 266),

– **Проснулся!** – с веселой злостью отозвался Афоня. Скоро уж сгорим, а ты только **хватился**. Давай, браток, подбегай, пока не поздно. Завтра шабаш, завтра не опохмелишься (В. Распутин) – «*ab jāgā hai!*» *afonyā ne mastī mẽ gusse ke sāth kahā. «bas, ab jalne ko hāī aur tumhē ab hoś āyā hai. are bhāī, daur kar jāo, abhī bhī samay hai. kal sab khatam ho jāegā, kal pīne ko nahī rahegā»* (RT, 239),

До того, как кинуться куда-то, взглянул еще Иван Петрович на склад, откуда его **выхватил** Афоня... (В. Распутин) – *kahī aur daur parne se pahle ivān petrovic ne ek bār phir godām mẽ nazar dālī jahā se afonyā ne use khīckar nikālā thā...* (RT, 244).

Статальную же перфектность, или значение результативного (результатирующего) состояния, выражают в хинди на предложенческом уровне предикаты, где в роли предикатива при связочном глаголе выступают перфективные причастия (скорее составные, чем простые):

(a) *bāhō ke sthān par vāyalan banī huī thī, gardan ke sthān par sitār ke tār khīce hue the* (KE, 166-167) ‘На месте рук была изготовлена скрипка, на месте шеи были натянуты струны ситара’, *kamre mẽ ek taraf ko takht parā thā, jis par sundar kālīn bichā huā thā* (AY1, 20) ‘С одной стороны комнаты располагалась тахта, на которой был расстелен красивый ковер’, *bāhar varṣā ho rahī thī aur cetan apne kamre mẽ cupcār bistar par leṛī huā thā* (AG, 433) ‘Снаружи шел дождь, а Четан молча лежал в своей комнате на постели’, *dūsre hāthī par kaun baiṭhā huā hai, samajh mẽ nahī ātā* (PN, 144) ‘Кто сидит на втором слоне, мне невдомек’, *rāt ke das baj gaye the, munṣī jī āj kahī dāvat khāne gaye hue the* (PN, 89) ‘Пробило десять часов вечера, а мунши [Тотарам] все еще был (букв. был ушедший) где-то в гостях’;

(б) *ṭebal par kāse kī cār kaṭoriyā rakhī huī thī* (ND, 121) ‘На столе стояли (букв. были поставлены) четыре чашки из латуни’, *lifāfe par uskā nām aur hoṣṭal kā patā likhā huā thā* (LK, 116) ‘На конверте были написаны ее имя и адрес общежития’, *jis vṛkṣa ke nīce vah nitya*

baiṭhī thī, vah uske pati kā lagāyā huā thā (AA, 122) ‘Дерево, под которым она постоянно садилась, было посажено ее отцом’;

(в) *vah krīm rang kī pūrī bāhō kī ūnī jaiket pahne hue thī* (LK, 108) ‘Она была в шерстяном жакете (букв. жакет надевши была) кремового цвета с длинными рукавами’, *donō khālī ḍibbe vah apne hāthō mē liye hue thī* (LK, 159) ‘Обе пустые коробки она держала (букв. взявши была) в руках’, *baṛī rānī so gaī thī aur apnī paṛosin ke kandhe par sir laḡāye huye thī* (VM, 322) ‘Старшая рани спала, положив голову (букв. и голову свесивши была) на плечо сидевшей рядом рани’, *aucitya kā bandhan nahī, bhirutā kā kaccā tāgā unkī zabān ko roke hue thā* (PN, 199) ‘Не узы приличия, а драная нить робости связывала (букв. остановивши была) его язык’, ...*is bacchī kā moh mujhe bādhē hue hai, nahī to ab tak kabhī kī calī gaī hoī* (PN, 205) ‘...обаяние этой девочки удерживает (букв. связавши есть) меня, а то меня давно бы здесь не было’, *vastutaḥ vah piye huī thī* (DB, 22) ‘Она на самом деле была выпивши’;

(г) *donō hāthō aur pairō kī ūgliyō mē vah tābe kī bahut-sī āguthiyā pahnī huī thī* (SA, 34) ‘На пальцах обеих рук и ног она носила (букв. надевшая была) много модных колец’, ...*unhō ne use batāyā ki ve lakhnaū ke myūzik kālej mē śikṣā pāye hue hāī aur samasta vādyā yantra baṛī nipuntā se bajā sakte hāī* (AG, 549) ‘...он ему (Четану. – В.Л.) поведал, что образование он получил (букв. получивши есть) в музыкальном колледже [города] Лакнау и может с большим мастерством играть на всех музыкальных инструментах’.

В примерах (а), (в) и (г) представлен субъективный результатив [в (а) – с участием причастий **н е п е р е х о д н ы х** г л а г о л о в, в (в) и (г) – с участием причастий **п е р е х о д н ы х** глаголов], в примерах (б) – объективный результатив (с причастием **п е р е х о д н ы х** глаголов).

Использование простых (не составных) причастий в составе предикатов, служащих выражению значения результативного состояния, иллюстрируется следующими примерами:

(а') *tumhē sudhā rānī bulā rahī hāī. tumhāre kamre mē baiṭhī hāī* (PN, 147) ‘...вас зовёт Судха. Она сидит у вас в комнате’, *dūsarī taraf cārpaī par dukhmtocan kā bistar bichā thā* (ND, 148) ‘С другой стороны на кровати была постлана постель Дукхмочана’, *jaideī palang par*

ākhē mūde leḡ thī... (VB, 98) ‘Джайдеи с закрытыми глазами лежала на кровати...’³;

(б') *ūpar dīvār mē hāthīdāt kī khūṭiyō par lāl kapre mē lipaḡ huī ek vīṇā rakhī thī* (DB, 25) ‘Вверху на настенной вешалке из слоновых бивней висела (букв. помещенной была) обернутая в красную материю вина’, ...*ek khopṛī aur do haḍḍiyō ke krās ke nice «khatrā» aur «ḍenjar» likhe the* (LK, 23) ‘...под изображением черепа с двумя перекрещенными костями были написаны [слова] «опасно» и «danger»’;

(в') *vah bahut khulā lambā kurtā aur uspar vāskeḡ pahne thā* (GD, 226) ‘Он был в просторной длинной рубашке с надетым поверх нее жилетом’, *hāth mē vah ek thailā liye thī* (LK, 128) ‘В руке она держала сумку’.

Все же специализированным средством передачи значения результиативного состояния стали и остаются составные перфективные причастия.

Составные перфективные причастия переходных глаголов способны появляться в составе предикатов предложений хинди, где имя (местоимение) субъекта действия оформляется послелогом *ne*:

tumhē śāyad patā nahī kī surjūt ab tak do bār byāh kar cukā hai aur apnī dūsṛī patnī ko u s n e jālandhar mē apne bāp ke ghar mē chorā huā hai (RA, 183) ‘Ты, видимо, не знаешь, что Сурджит уже успел два раза жениться и свою вторую жену он оставил в Джаландхаре в доме своего отца’ (ср. *chorṇā* ‘оставлять’, ‘покидать’, ‘бросать’),

rām pukārne kī zarūrat nahī, b h a g v ā n n e hamē sab kuch diyā huā hai (SV3, 46) ‘Нет необходимости взывать к Раме. Ведь всевышний даровал нам всё’ (ср. *denā* ‘давать’).

vah musalmān aurat hai aur t u m n e zabardastī ghar mē rakhī huī hai (GD, 197) ‘Она мусульманка, а ты насильно держишь ее у себя дома’ (ср. *rakhnā* ‘держат’, ‘помещать’),

r ā j k u m ā r ī n e hīrāman nām kā ek totā pālā huā thā (SV3, 33) ‘Принцесса приручила попугая, по имени Хираман’ (= ‘У

³ Следует, однако, признать, что живуча точка зрения, согласно которой глагольная составляющая таких предложений трактуется как перфект / плюсквамперфект глаголов.

принцессы был прирученный ею попугай, по имени Хираман') (ср. *pālñā* 'растить', 'воспитывать', 'выхаживать'),

yadyapi rāmlāl bahut hī nirāś ho rahā thā, is par bhī u s n e yah faisalā kiyā huā thā kī... (GD, 253) 'Хотя Рамлала одолевала сомнения в успехе, он все же принял решение, что ...' (ср. *karnā* 'делать', *faisalā karnā* 'принимать решение'),

g o k u l n e vāskeṭ hāth mē pakṛt huī thī (GD, 316) 'Токул держал жилет в руке' (ср. *pakṛñā* 'хватать', 'схватывать'),

u s n e salvār aur moṭi peśāvarī cappal pahñt huī thī (GD, 226) 'Он был в брюках и с пешеварскими сандалиями на ногах' (ср. *pa-hannā* 'надевать', 'носить'),

p u r ī n e tārā ke liye kālīcaran se pustakē udhār lī huī thī (YV, 266) 'У Пури были книги, взятые им на время у Каличарана для Тары' (ср. *udhār lenā* 'брать взаймы'),

sīrhiyō se saṭe jangle par h y ū b a r t n e apñā sir rakhā huā thā (LK, 123) 'Опустивши голову на перила лестницы, стоял Хьюберт' (ср. *rakhñā* 'ставить', 'класть'),

vah bhārat kī nāgarik nahī. s a r k ā r n e usko deś se nikāl diyā huā hai (GD, 318) 'Она ведь не гражданка Индии. Правительство выдворило ее из страны' (ср. *nikālñā* 'вынимать', 'удалять', *nikāl denā* – бивербальный комплекс, или "интенсив" глагола *nikālñā*, со вторым компонентом *denā* 'давать').

Составные причастия данных примеров предстают не в роли предикатива, а в качестве составной части образующихся аналитических финитных форм глагола – стательного варианта перфекта и стательного варианта плюсквамперфекта предложений активно-объектной или активно-нейтральной структуры.

Возникает вопрос, можно ли усмотреть наличие стательного варианта перфекта / плюсквамперфекта у *н е п е р е х о д н ы х* глаголов. По нашему мнению, близкими по статусу стательным вариантам упомянутых финитных глагольных форм кажутся сочетания «составное перфективное причастие + *honā*» в предложениях, где указывается местонахождение лица, обусловленное выполнением им действия, названного соответствующим глаголом:

rāt ke das baj gaye the, munṣī jī āj kahī dāvat khāne gaye hue the (PN, 89) 'Пробило десять часов вечера, а мунши [Тотарам] все еще был где-то в гостях' (ср. *jāñā* 'идти', 'уходить'),

...use patā calā ki candā to sāt din se bastī **gaī huī hai** (AG, 681) ‘...он узнал, что вот уже семь дней, как Чанда уехала в Басти (= гостит в Басти)’,

mujhe patā hotā ki tum manālī **mē āye hue ho** to māī bhī kuch din ke lie vahā calī āī (LK, 141) ‘Знай я, что ты обретаешься в Манали, то и сама бы приехала туда на несколько дней’ (ср. ānā ‘приходить’, ‘прибывать’),

niyābābū kā baiṭhakkhānā gulzār thā. potī kā dūlhā **āyā huā thā**; do-tīn mehmān aur bhī the (ND, 76) ‘Гостиная Натьябабу была празднично убрана. Здесь уже находился жених внучки, было еще несколько гостей’,

mujhe dekhte hī jāunhāl ke bhītar jitne mānanīya sajjan **padhāre hue the**, uṭh khare hue... (KE, 96) ‘Увидев меня, все почтенные господа, находившиеся в ратуше, встали...’ (ср. padhārnā ‘прибывать’),

panḍit jī dillī **mē mā ke sāth ek hoṭal mē ṭhahre hue the** (YV, 462) ‘Пандит обитал вместе с матерью в Дели в гостинице’ (ср. ṭhaharnā ‘останавливаться’, ‘располагаться’).

Возможны случаи понимания перфекта и плюсквамперфекта в значении стательной перфектности:

ās-pās ke gāṅ **ujaṛ gaye hāī**. magronī naṣṭa **kar diyā gayā hai**. nar-var ke cārḍ or gherā **paṛ gayā hai** (VM, 256) – *Жители соседних с Нарваром деревень бежали* (букв. ‘Соседние деревни опустошились’). *Магрони разрушена. Нарвар окружен* (букв. ‘С четырех сторон Нарвара окружение возникло’) (BB, 191),

tabhī uskī dṛṣṭī sāmne barāmdē ke ek kone **mē gaī**. cik **uṭhā dī gaī thī** (AG, 220) – *Он посмотрел в противоположный угол веранды. Занавеска была приподнята* (AY, 66),

cehrā unkā jhurriyḍ se bharā thā aur caṣme kā frem nāk ke ūpar se **ṭūṭ gayā thā** (LK, 20) ‘Его лицо было покрыто морщинами, а оправа очков была над носом поломана’.

В русском языке стательная перфектность может быть выражена прошедшим совершенным временем (формой прошедшего времени глаголов совершенного вида):

*В больничном дворе стоит небольшой флигель, окруженный целым лесом репейника, крапивы и дикой конопли. Крыша на нем ржавая, труба наполовину **обвалилась**, ступеньки у крыльца **сгнили** и **поросли** травой, а от штукатурки **остались** только следы* (А. Чехов),

*Шоколадные от старости бревна длинно и глубоко **потрескались**, и в трещинах торчали черенки ножей и вилок* (С. Антонов).

Стабильным средством выражения статальной перфективности, или значения результативного состояния, является в русском языке конструкция с кратной формой страдательного причастия прошедшего времени (т.е. с причастием на *-н* или *-т*) в функции предиката или – в сочетании с глаголом *быть* – в качестве его, предиката, составной (причем назывной) части:

*Головы их **закутаны** грязными платками, за спинами берестовые котомки, ноги **обмотаны** грязными, оборванными онучами и **обуты** в тяжелые лапти* (Л. Толстой),

*Здесь у стен и около печки **навалены** целые горы больничного хлама* (А.Чехов),

*Дверь крыльца **была раскрыта** настежь. Замок **сорван*** (А.Толстой),

*Стены здесь **вымазаны** грязно-голубою краской, потолок **закончен**, как в курной избе...* (А. Чехов),

*Палевые брюки его **подтянуты** штрипками к туфлям...* (А.Толстой).

*Лицо у него **было подвязано** тряпкой и на голове торчало что-то вроде монашеской скудейки...* (А. Чехов),

*В переднем углу, возле икон, **были наклеены** бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги – это вместо картин* (А. Чехов),

*Возле постели **была прибита** картина, писанная на клеенке масляными красками* (С. Антонов),

*В конце газеты **был нарисован** огромный синий почтовый ящик, пересекающийся призывом: «Товарищи колхозники, пишите заметки»* (С. Антонов),

*На аптечном ярлыке, прикрепленном к пузырьку с лекарством, четкою рукою аптекаря **было написано**: «По рецепту профессора Пирогова»* (А.Куприн),

*Господин **был одет** в свежесвыглаженную чечунчовую пару...* (А. Чехов).

Данной конструкцией русского языка устойчиво отражается семантика предикатов, присущих аналогам предложений хинди, помещенных выше:

под рубриками (а) и (а'), например:

bāī or vālī barth par jo vyakti baiṭhā thā uskā bistar bichā huā thā... (VB, 427) – Слева сидел англичанин лет пятидесяти, его постель **была разложена**... (ББ, 350),

nahī bābū gangāprasād, yah hamārī sāmājik vyavasthā kuch ajīb tarah se uljhī huī hai, aur vah is tarah se to na sulajh sakegī! (VB, 357) – Нет, Ганга-бабу, в нашей общественной системе настолько все **запутано**, что не нам пытаться навести в ней порядок (ББ, 297),

is bālkonī ke sāth dakkhin kī or do kamre bane hue the (AG, 568) – С южной стороны к балкону **были пристроены** комнаты (АУ, 151),
uske bāl khūb kaskar bādhe hue the... (RA, 532) – Ее волосы **были туго затянуты** в узел... (РМ, 439),

katrā khulā huā thā (PN, 90) – Дверь (комната. – В.Л.) **была открыта** (ПН, 70),

uskī dṛṣṭī ek bhikhārīn par lagī huī thī, jo apne bālak ko god mẽ liye bhikṣā māṅ rahī thī (PN, 83) – Его взгляд **был прикован** к нищенке, которая, прижимая к груди ребенка, протягивала руку за милостыней (ПН, 64),

zatīn par dariyā bichī thī... (VB, 137) – На земле **были разостланы** коврики... (ББ, 126),

mānsinh ne garhī kā patā lagā liyā, phāṭak khule the (VM, 470) – Ман Сингх поскакал в крепость. Ворота **были открыты**... (ББ, 324),

ghar ke bāhar uske nām kī lakṛī kī takhī lagī thī, jo dhūp aur barsāt mẽ ādhī se zyādā gal cukī thī (RA, 27) – К стене нашего дома **была прилажена** деревянная табличка, некогда четко обозначающая имя владельца, но теперь, под воздействием солнца и ливней, наполовину истлевшая (РМ, 34);

под рубриками (б) и (б'), например:

katre kā darvāzā uṛkāyā huā thā, dhakkā dete hī vah khul gayā (VB, 351) – Дверь **была плотно закрыта**, и только с большим усилием удалось ее отворить (ББ, 293),

meṇtalpīs par kamre kī dīvārō ke rang se mel khātā huā ek kaprā bichā hai jis par ek kailēṇḍar, cīnī ke phūldān aur do cīnī hī ke cūhe karīne se rakhe hāī (AG, 526) – На полке, застланной куском материи, в тон стенам, **были расставлены** календарь, ваза для цветов (фарфоровые цветочные вазы. – В.Л.), и две фарфоровые статуэт-ки мышек (АУ, 142).

Проиллюстрированный выше примерами на перевод с хинди на русский язык вариант межъязыкового соответствия друг другу способов выражения стательной перфектности дает о себе знать и при переводе с русского на хинди:

Все его добро было уже уложено... (А. Пушкин) – *uskā sārā sāmān bādhā huā thā...* (PR, 17),

Ближе леса и левей от дороги огорожена была с двух сторон поскотина... (В. Распутин) – *jangal ke nikaṭ kā aur rāste se bāṭṭ taraf parṇe vālā carāgāh do taraf se ghirā huā thā...* (RT, 312),

На полу немалой горой были навалены пельмени... (В. Распутин) – *nīce zamīn par pilmeniyō kā dher paṛā huā thā* (RT, 225);

Две других стороны были, разумеется, обнесены глухим забором (В.Распутин) – *bākī do hisse to bārḥ lagākar band kie hue hī the* (RT, 209),

Хорошо еще, что над ним, вторым (складом. – В.Л.), была сбита крыша... (В. Распутин) – *acchā huā, ki uske yānī dūsre godām ke upar chat torī huī thī* (RT, 236),

Такого же рода предикатам языка хинди могут в предложениях русского языка соответствовать сказуемые, представленные финитными формами непереходных глаголов, нацеленных на выражение значения состояния (преимущественно результативного):

phir bhī vah bāhar nahī gaye. unke maṇ mē ghor dvandva macā huā thā (PN, 199) Доктор стоял, опустив голову, и не уходил. В его душе боролись противоречивые чувства (ПН, 163),

ākāś mē tāre chiṛke hue the (PN, 28) – В небе мерцали (рассеявшиеся были. – В.Л.) звезды (ПН, 16),

dvār par keval ek bail bādhā huā thā, vah bhī nīmjan (P, 356) – У ворот стоял (привязавшийся был. – В.Л.) только один бык, да и тот был едва жив (П, 522),

kamrā khulā thā, mansārām ek pustak sāmne rakhe mez par sir jhukāye baiṭhā thā ... (PN, 90) – Дверь была открыта. Мансарам сидел (севший был. – В.Л.) за столом, положив перед собой книгу и склонив на нее голову (ПН, 70),

jaiḍē arṇe palang par leḡ thī (VB, 105) – Джайдеи лежала (легшая была. – В.Л.) в постели (ББ, 103),

bīs mē ruāl bichā thā (P, 349) – Посреди хижины лежала (растелившаяся была) соломенная циновка... (П, 513),

cārō or nibiṛ ādhakār chāyā thā (AG, 353) – Вокруг **царил** непроглядный мрак (АУ, 100),

iske atirikta baṛe kamre kī chat mē bijlī kā pankhā bhī lagā huā hai (AG, 341) – Кроме этого, в большой комнате на потолке **есть** (прикрепившийся есть. – В.Л.) **фен** (АУ, 98),

ek taraf tābe kā hansō kā joṛā rakhā thā (RA, 458) – Слева от меня **стояли** два медных лебедя (РМ, 377),

harbans kī fāilē tipāi par khulī huī rakhī thī (RA, 532) – На табу-ретке возле моей постели все еще **лежали** раскрытые панки Харбанса (РМ, 439).

Такого вида межъязыковое соответствие наблюдается, естественно, и при переводе предложений с русского языка на хинди:

...в небе еще **держались** тучи... (В. Распутин) – *ākāś mē bādāl abhī bhī **ṭike hue the***... (RT, 403),

В поссовете **висела** схема поселка... (В. Распутин) – *bastī kī rapcāyat mē vahā kā nakṣā **ṭigā huā thā***... (RT, 215),

Жена **лежала** в обмороке... (А. Пушкин) – *merī patnī behoś **paṛī thī***... (PR, 28).

Форма прошедшего времени русских глаголов совершенного вида (прошедшее совершенное время) тоже подчас оказывается способной (способным) отражать семантику предикатов языка хинди, построенных на базе перфективных причастий:

*jo log nitya khāṭ par paṛe hukkā pīte rahte the, baṛī tatpartā se kām mē **lage hue hāī*** (PN, 30) – Все домочадцы, которые обычно валились в постелях и курили трубки, теперь с усердием **принялись** за работу (ПН, 17),

...uskā kauntārya uske gale se **cipṭī huā thā** (P, 46) – Но теперь юность его **созрела** (букв. ...с его шеей слипшаяся была) (П, 73),

*sudhā nadī-snān karne **gaī huī thī***... (PN, 198) – Судха **ушла** на реку купаться.. (ПН, 163),

...apne bāl-baccō ke sāth vah gajarājsinh ke yahā **ṭahrī huī hai** (VB, 93) – ...она **приехала** (букв. расположившаяся есть) с детьми к тахакуру Раджасинху на праздник холи (ББ, 94).

Выше в качестве сущностей, принадлежащих функционально-семантическому полю аспектуальности в языке хинди, были отме-

чены формы, воплощающие оппозицию *перфектив: имперфектив*, выявляемую на основе “причастной” трактовки вида, а также средства, воплощающие оппозицию *тотив: не-тотив*, связанную с пониманием бивербальных комплексов определенной структуры (деепричастие-основа смыслового глагола + один из глаголов-модификаторов) как несущих применительно к названному смысловым глаголом действию значение **з а м к н у т о г о ц е л о г о**, и средства выражения результитивного (результатирующего) состояния.

Вместе с тем видное место в функционально-семантическом поле аспектуальности языка хинди занимают также мультивербальные комплексы, которые, учитывая характер обозначаемых ими модификаций действия, допустимо считать способами глагольного действия или, лучше сказать, средствами выражения его, действия, совершаемости (совершаемость – это указание на то, как действие совершается). Для их квалификации пригоден и термин *аспект*, раз уж вид был соотнесен со сферой проявления двух упомянутых выше оппозиций⁴.

Эти комплексы получили освещение в работах ряда исследователей (А.П. Баранников, П. Хаккер, З. Линхард, З.М. Дымшиц, О.Г. Ульциферов, В.П. Липеровский). Однако в том, как они описываются, нет единообразия, по-разному очерчивается их круг (порой сюда включаются комплексы, принадлежащие полю модальности), в связи с чем имеются существенные расхождения в установлении их перечня, в определении их количества, в трактовке и наименовании тех или иных отдельных их разновидностей.

На основе обобщения результатов исследований в области аспектологии языка хинди и с учетом языкового материала, извлеченного из источников, можно констатировать, что для мультивербальных комплексов, воплощающих способы действия (совершаемости), релевантными в качестве их первых компонентов являются следующие нефинитные формы смысловых (основных, значащих) глаголов:

---

⁴ Отнесение же только оппозиции *перфектив: имперфектив* к категории вида должно сопровождаться отнесением бивербальных комплексов, характеризующихся семантическим признаком «тотивность», по крайней мере к одному из аспектов.

1) изменяемое в рамках адъективной парадигмы импективное причастие – $V-t-f$, где f – это символ родо-числовых флексий: $-ā$ – м.р. ед.ч., $-e$ – м.р. мн.ч., $-ī$ – ж.р.;

2) перфективное причастие от непереходного глагола, изменяемое в рамках адъективной парадигмы. – $V^t-ø-f$;

3) перфективное причастие в нейтральной (не затронутой согласованием) форме на $-e$ от непереходного глагола – $V^t-ø-e$;

4) перфективное причастие в нейтральной форме на $-e$ от переходного глагола – $V^t-ø-e$;

5) герундий на $-ā$ – $V-ā$;

6) супинный инфинитив – $V-n-e$;

7) деепричастие-основа (или основа) – $V-$;

8) деепричастие на $-kar$ – $V-kar$.

Каждой из этих нефинитных форм соответствует свой набор глаголов-модификаторов, играющих в составе образуемых комплексов служебную роль. В качестве глаголов-модификаторов выступают глаголы *ānā* ‘приходить’, ‘прибывать’, *karnā* ‘делать’, *calnā* ‘ходить’, ‘двигаться’, *cuknā* ‘кончаться’, ‘истекать’, *jānā* ‘идти’, ‘уходить’, *ḍālnā* ‘бросать’, ‘кидать’, *ḍolnā* ‘бродить’, *denā* ‘давать’, *paṛnā* ‘падать’, *phirnā* ‘вращаться’, *baiṭhnā* ‘садиться / сидеть’, *rakhnā* ‘ставить’, ‘класть’, ‘хранить’, *rahnā* ‘оставаться’ и *rah jānā* ‘остаться’ (тотив от *rahnā*), *lagnā* ‘приниматься’, ‘приступать’ и *lag jānā* (тотив от *lagnā*), *lenā* ‘брать’. Кроме того, качеством модификаторов наделяются образования *calā ānā* ‘приходить’, *calā jānā* ‘уходить’, *liye (lie) ānā* ‘приносить’ (букв. ‘взявши, приходить’), *liye (lie) jānā* ‘уносить’ (букв. ‘взявши, уходить’), где *calā* – изменяемое в рамках адъективной парадигмы перфективное причастие от *calnā* ($cal + \{-ā, -e, -ī\}$), *liye (lie)* – перфективное причастие в нейтральной форме на $-e$ от глагола *lenā*.

План выражения способов действия (совершаемостей) отражают следующие конфигурации (в фигурных скобках приводятся основы модификаторов):

(1) $V-t-f + \{\bar{a}, cal-, calā \bar{a}, calā jā-, jā-, ḍol-, phir-, rah-, rah jā-\}$,

(2) $V^t-ø-f + \{\bar{a}, calā \bar{a}, calā jā-, jā-, paṛ-, phir-, rah-\}$,

(3) $V^t-ø-e + \{\bar{a}, jā-\}$,

(4) $V^t-ø-e + \{\bar{a}, cal-, calā jā-, jā-, ḍāl-, de-, paṛ-, baiṭh-, rakh-, rah-le-, liye (lie) \bar{a}, liye (lie) jā-\}$,

(5) $V-\bar{a} + kar-$,

(6) $V-n-e + lag- (lag jā-)$,

(7) $V-$ + $cuk-$ (также $V-kar$ + $cuk-$),

(8) $V-kar$ + { $\bar{a}-$, $cal\bar{a} j\bar{a}-$, $j\bar{a}-$, $rah j\bar{a}-$ }.

При этом допускается возможность распределения модификаторов, сочетающихся с одной и той же инфинитной формой смыслового глагола, по разным способам действия в качестве компонентов структуры последних.

При функционировании комплекса в предложениях модификатор, как его конечный компонент, не может не принять облика той или иной базовой финитной глагольной формы либо какой-либо одной из нефинитных форм.

При имеющемся разнообразии способов действия их грамматическая направленность, проявляющаяся в плане выражения, все же не носит обобщенного характера цельной грамматической категории.

В комплексах $V-\bar{a}$ + $kar-$ и $V-$ + $cuk-$ допускается осложнение смыслового глагола маркером тотива, в результате чего получаются мультивербальные структуры, где соответствующее средство выражения способа действия оказывается совмещенным с тотивом смыслового глагола:

$V-$ + $V^m-\bar{a}$ + $kar-$,

$V-$ + V^m- + $cuk-$

(V^m- — основа глагола-модификатора как составной части бивербального комплекса, характеризующегося семантическим признаком тотивности).

В этих же комплексах, а также в комплексах $V-t-f$ + $rah-$ и $V-n-e$ + $lag-$ допускается осложнение смыслового глагола (переходного) маркером инактивного залога, в результате чего получаются мультивербальные структуры, где средство выражения способа действия совмещается с инактивным залогом смыслового глагола:

$V^t-\emptyset-f$ + $j\bar{a}-y-\bar{a}$ + $kar-$ / $V^t-\emptyset-\bar{a}$ + $j\bar{a}-y-\bar{a}$ + $kar-$

$V^t-\emptyset-f$ + $j\bar{a}-$ + $cuk-$ / $V^t-\emptyset-\bar{a}$ + $j\bar{a}-$ + $cuk-$

$V^t-\emptyset-f$ + $j\bar{a}-t-f$ + $rah-$ / $V^t-\emptyset-\bar{a}$ + $j\bar{a}-t-\bar{a}$ + $rah-$

$V^t-\emptyset-f$ + $j\bar{a}-n-e$ + $lag-$

$V^t-\emptyset-\bar{a}$ + $j\bar{a}-ne$ + $lag-$.

Не кажется маловероятной возможность появления мультивербальной структуры, где средство выражения способа действия, а

именно $V-\bar{a} + kar-$, совмещается с инактивным залогом тотива смыслового глагола:

$V'- + V^m -\emptyset-f + j\bar{a}-y-\bar{a} + kar-$.

Дает о себе знать комбинация двух способов действия, а именно: $V-t-f + rah-$ и $V-\bar{a} + kar-$, – на основе включения первого (“длительного”) в структуру второго (“многократного”):

$V-t-f + rah-\bar{a} + kar-$.

Не исключается возможность комбинации таких двух способов действия, как $V-t-f + j\bar{a}-$ и $V-n-e lag-$, на основе включения первого (“длительно-прогрессивного”) в структуру второго (“начинательно-го”):

$V-t-f + j\bar{a}-n-e + lag-$.

Так в сфере выражения способов действия (совершаемостей, аспектов) порождаются мультивербальные комплексы, на фоне которых бивербальные комплексы представляют собой их частную разновидность. При функционировании в составе предложений все они приобретают качество аналитических форм смыслового глагола, выходящих за рамки первичных аналитических форм:

gāṇ ke aur log tamāśā dekhte rahe hōge (PM7, 11) ‘И другие жители деревни, вероятно, взирали на это зрелище’ (комплекс $V-t-f + rah-$),

...inkī bhī puṣṭainī jāyādā sāl-dar-sāl chūṭī jā rahī thī (ND, 89) ‘...и у них наследственное имущество таяло с каждым годом’ (комплекс $V-t-f + j\bar{a}-$),

der tak māṣṭar dukhmocan ko khojī phirā (ND, 136) ‘Учитель [Текнатх] долго разыскивал Дукхмочана’ (комплекс $V-t-f + phir-$),

lāl! māī isī nām se bacpan hī se ise pukārtā ā rahā hū (UK, 11) ‘Лал! Именно так я зову его с тех пор, когда он был еще ребенком’ (комплекс $V-t-f + \bar{a}-$),

jidhar usne sanket kiya thā, māī udhar dekhtā hī rah gayā (AA, 81) ‘Я уставился туда, куда она показала’ (комплекс $V-t-f + rah j\bar{a}-$),

mansārām ko aisā mālūm huā, māno uskā dil phaṭī jātā hai (PN, 101) ‘Мансараму казалось, будто его сердце разрывается’ (комплекс $V-\emptyset-f + j\bar{a}-$),

rūpo andar āyī. vah ro rahī thī. roye jā rahī thī (BD, 156) ‘Вошла Рупо. Она плакала, плакала, не унимаясь’ (комплекс $V-\emptyset-e + j\bar{a}$),

puruṣ ne uske keś chore diye aur sir par hāth rakhkar baiṭh gayā (P, 139) 'Мужчина все же выпустил ее волосы и сел, положив руки на голову' (комплекс $V^{\circ}-\emptyset-e + de-$),

...*lekin vah yah kahe jātā hai – tere liye yahā jagah nahī hai* (PN, 29) '...но он твердит свое: «Для тебя здесь нет места»' (комплекс $V^{\circ}-\emptyset-e + jā-$),

mātā ne usko aur bhī ciptā liyā, māno koī uske hāth se use chīne liye jātā hai (PN, 149) 'Мать еще крепче прижала его (ребенка. – В.Л.) к себе, как будто кто-то вырывал его из ее рук' (комплекс $V^{\circ}-\emptyset-e + liye jā-$),

bijlī kī gati se vah kām kiyā karegī. jab vah subah subah daftar jāyā karegā to apne kapre dhule dhulāye taiyār pāyā karegā (AG, 369) 'Она будет действовать с быстротой молнии. Когда по утрам он будет уходить в свою контору, он будет находить свою одежду тщательно выстиранной' (комплекс $V-\tilde{a} + kar-$),

vah jaldī jaldī likhne lagā (AN, 185) 'Он принялся поспешно писать' (комплекс $V-n-e + lag-$),

māī is praśna kā uttar pahle de cukā hū (KE, 69) 'Я уже раньше дал ответ на этот вопрос' (комплекс $V- + cuk-$),

māī uske praśna kā uttar na de sakā, jhēp mē haṭhat muskarākar rah gayā (JK, 11) 'Я не смог ответить на его вопрос, только смущенно улыбнулся' (комплекс $V-kar + rah jā-$),

tab uskī anupasthiti mē cetan ke dādā khānā pakā liyā karte the (AG, 368) 'Тогда в его (отца Четана. – В.Л.) отсутствие еду готовил дед Четана' (комплекс $V- + V^m-\tilde{a} + kar-$),

māī uske hāth se nikal jā cukī hū 'Я уже вырвалась из его рук' [107, с.597-598] (комплекс $V- + V^m- + cuk-$),

har grām-sabhā ke pās apne nām kī muhar hogī jo hastākṣar ke sthān par prayog kī jāyā karegī (HN, 78) 'Каждый деревенский совет будет иметь свою печать, которая будет ставиться на месте подписи' (комплекс $V^{\circ}-\emptyset-f + jā-y-\tilde{a} + kar-$),

baṛe-baṛe netā pakṛe jā cuke the (AG, 69) 'Всех видных руководителей уже задержали' (комплекс $V^{\circ}-\emptyset-f + jā- + cuk-$),

phir vahī purānī kahānī duhrāt jāī rahī (NK. 1961. XII, 73) 'Вновь повторялась та же старая история' (комплекс $V^{\circ}-\emptyset-f + jā-t-f + rah-$),

sthān-sthān par jalse kie jāne lage... (GD, 110) 'Повсеместно стали устраиваться собрания...' (комплекс $V^{\circ}-\emptyset-f + jā-n-e + lag-$),

use bare-bare gharō mē bulāyā bhī jāne lagā (YD, 208) ‘Его даже стали звать в знатные дома’ (комплекс $V'-\emptyset-\bar{a} + j\bar{a}-n-e + lag-$),

vah madirā kā grāhak kuch dinō se saptāh mē lag-bhag do-ek bār uskī dukān se do-do, cār-cār botalē kharid le jāyā kartā thā (CC, 17) ‘Этот покупатель вина на протяжении некоторого времени раза два в неделю покупал в его (торговца. – В.Л.) лавке по две-четыре бутылки’ (комплекс $V'-V^m-\bar{a} + kar-$),

kabhī-kabhī milī rahā karo... (GD, 193) ‘Время от времени навещайся...’ (комплекс $V-t-f + rah-\bar{a} + kar-$),

vah apnā sab kuch kho dene ko taiyār hotī jāne lagī (JJ, 88) ‘Она стала постепенно склоняться к утрате всего своего’ (комплекс $V-t-f + j\bar{a}-n-e + lag-$).

Некоторые из них отличаются употребительностью в качестве нефинитных форм:

и н ф и н и т и в а, например:

ḍāktar sāhab kī rāy hai ki āp ko davā lete rahnā cāhie (JK, 139) ‘Доктор считает, что вам нужно продолжать принимать лекарство’,

vahā to bāzār mē bijlī ke hañḍō ke acānak jag uṭhne, bhīr ke adhi-kādhik hote jāne, dhuē aur dhūl ke kṣaṇ-kṣaṇ barhte jāne se patā cal ātā hai ki sandhya bī gaī hai (AG, 251) ‘О том, что уже вечер, там становится известно по тому, что на базаре внезапно загораются фонари, все больше становится толпа народа, с каждым мгновением воздух все больше насыщается дымом и пылью’,

...vah jāntī hai ki vah jān-būjhkar uske ghāv ko chīl rahī hai, magar vah use aur chūlī jānā cāhtī hai (RA, 297) ‘... она понимает, что нарочно берedit его рану, но ей хочется еще больше ее берedit’,

hem jāntā thā ki vipin ko uskā is prakār cārpāī par leṭe rahnā acchā nahī lagtā [172, с. 261] ‘Хэм знал, что Випину не нравится, что он, Хэм, так валяется на кровати’,

ḍaliyā sābhāle rakhnā burhiyā ko muškil ho gayā (JJ, 80) ‘Старушке стало трудно удерживать корзинку’,

...ek hazār karoṛ rupaye is mad se juṭīye jānā bahut kaṭhīn pratī hotā hai [172, с. 267] ‘...собрать десять миллиардов рупий по этой статье представляется весьма трудным делом’,

...phir unhī ke ghar se hokar yahā āyā karnā koī śak na kar sakegā (NM, 41) ‘...и визиты сюда из его же дома не вызовут подозрений’,

bahut kuch niruddeśya ghūm cukne ke bād ham sarak ke kī-nāre kī bainc par baiṭh gae (JJ, 34) ‘Побродив изрядно без всякой цели, мы уселись на скамейку у края дороги’;

п р и ч а с т и я, например:

māi ne pūchā – tab to idhar āp kuch likhī bhī rahī mālūm hoti hāi (JK, 54) ‘«Вы, поди, все еще пишете?» – спросил я’;

pās kharī pyāz kāṭ kar apnī jholī mē ḍālī jāī aurat bol paṛī ... (YV, 410) ‘Стоявшая рядом женщина, которая все чистила и бросала в свою сумку лук, воскликнула...’;

...yojnāō ke ārambh se mahāgāī ke kucakra mē pistā āyā upabhoktā ab kuch rāhat kī sās le sakegā [172, с. 263] ‘С началом осуществления планов потребитель, изнывающий под бременем дороговизны, сможет облегченно вздохнуть’;

...bāhar ko niklī paṛī baṛī-baṛī kauṛiyō-sī ākhō ke papoṭe bhārī ho gaye hāi [172, с. 267] ‘...веки выпученных, больших наподобие каури, глаз отяжелели’;

icchā huī kī nazdik soye paṛe sāthiyō ko jagā de... (NB, 11) ‘[У него] появилось желание разбудить уснувших рядом товарищей...’;

nirāśray hokar pravāh me bahe jāte rāvat jaise sahsā kināre ā lage [172, с.266] ‘Беспомощного, уносимого бурным потоком Равата будто внезапно выбросило на берег’;

purī ne dekhā, rāšan le cuke do puruṣ aur ek strī ek or khare the (YB, 9) ‘Пури увидел, что в стороне стоят двое мужчин и женщина, уже получившие свой паек’;

д е е п р и ч а с т и я, например:

thorī der uskā likhnā tākte rahkar larke ne... patrikā nikālkar uske sāmne rakh dī... (JJ, 13) ‘Поглядев некоторое время, как он (Говинд. – В.Л.) пишет, мальчик вынул журнал и положил перед ним...’;

kuch dūr uske pīche bhāge jākar gāliyā dete aur hāphte cācā ḍalcand vāpas laū āyā [172, с. 266] ‘Пробежав за ним (за ней? – В.Л.) некоторое расстояние, дядюшка Далчанд вернулся, бранясь и тяжело дыша’;

par sab taruṅ sanginiyō ke bīc ghīrī rahkar bhī jāne kaise use sunā lagtā hai (JJ, 7) ‘Но, даже будучи в окружении всех своих юных подруг, она невесть как испытывает чувство одиночества’;

с у п и н н о г о и н ф и н и т и в а как составной части глагольного прилагательного (причастия постоянного качества, перспективного причастия, причастия намерения), например:

apne hāth aur gardan ko hilāte rahne vāle un buzurg kī ākṛti mē (AG, 38) ‘в наружности этого почтенного старца с трясущимися руками и головой’ (букв. ‘в наружности трясущего руками и шеей этого старца’).

Среди многообразия способов действия могут находиться комплексы, обнаруживающие тенденцию к вхождению в морфологическую систему глагола. Это можно видеть, в частности, на примере комплексов $\{V^i - \emptyset - e, V^i - \emptyset - e\} + j\tilde{a}$ - при условии появления глагола-модификатора в облике процессивной формы:

par is yathārthatā ko samjhe binā vah likhe jā rahā thā (AG, 518) ‘Не осознав этой реальности, он все же писал [роман]’,

māi baiṭhā hū, baiṭhā parh rahā hū. kyā parh rahā hū? mālūm nahī. paṛhe jā rahā hū (JJ, 73) ‘Я сижу, сижу и читаю. Что читаю? Сам не знаю. Читаю да и только’,

rūpo andar āyī. vah ro rahī thī, roye jā rahī thī (BD, 156) ‘Вошла Рупо. Она плакала, плакала, не унимаясь’,

jāne kab se bulā rahā hū aur tū hai... ki bas alāpcārī bhare jā rahā hai ... murkar dekhtā tak nahī ‘С коих пор зову тебя, а ты ... знай свое треплешься... даже не обернешься’ [111, с. 254-255].

Данные комплексы передают значение прогрессива в его усиленном (интенсивном) варианте и как таковые углубляют в хинди типичную в общелингвистическом отношении видовую оппозицию *прогрессив* : *непрогрессив*, чье качественное своеобразие было отмечено выше (см. с. 234),

Примечательно то, что в тексте перевода на хинди повести В. Распутина «По-жар», где повествуется о чрезвычайной ситуации и о поступках в такой ситуации людей, данные комплексы широко использованы в качестве соответствующих семантически формам прошедшего несовершенного и настоящего (разумеется, несовершенного) времени в процессно-конкретном (актуально-длительном) значении:

...размахивал руками и все тыкал ими куда-то в сторону поселка главный инженер леспромхоза Козельцов, Борис Тимофеевич, слушая и не слушая его, подавал кому-то знаки, которые могли означать только одно: еще, еще... – ...*vanodyog vibhāg kā mukhya injīniyar hāth phailā-phailākar bār-bār bastī kī taraf iṣārā kie jā rahā thā. use sunkar aur ansunī karte hue borīs timofeyevic kiṣī ko sanket se kuch kahe jā rahā thā jiskā keval ek hī artha ho saktā thā – aur, aur...* (RT, 214),

Избы и дома поселка, далеко осиянные заревом, по которому оно ходило с пугающим смотром, боязливо вжимались в землю – *āg kī lau mē dūr-dūr tak samakte hue*

ghar aur makān jin ko āg ne ḍarāte hue apnī lapeṭ mẽ le liyā thā ḍar ke māre dhartī mẽ dubke jā rahe the (RT, 214),

Кто-то, и не разобрать было, мужик или баба, тревожно звал оголенным и рвущимся голосом... – koī – pahcānā nahī jā rahā thā ki ādmī hai yā aurat – cintit aur marmabhedī svar mẽ zor-zor se pukāre jā rahā thā... (RT, 238),

Кругом, повернутые в одну сторону, где все еще трещало и искрило, кричали и размахивали руками... – cārō taraf log ek hī diṣā kī or muḥkar jahā abhī bhī dīvārē tarak rahī thī aur cingāriyā nikalne mẽ thī cillāe jā rahe the aur zor-zor se hāthō ko hilā rahe the (RT, 246),

Вот они сидят вдвоем за чаем, он молчит, она говорит за него и за себя... – donō sāth baiṭhkar cāy pī rahe hāi, vah cup baiṭhā hai, alyonā hī donō kī taraf se bole jā rahī hai (RT, 255),

– Пожар! Склады горят! – āg lag gaī. godām jale jā rahe hāi (RT, 208).

Заслуживает внимания вопрос о совместной встречаемости мультивербальных комплексов, обозначающих способы действия, с аспектуально значимыми словами или словосочетаниями, выступающими в роли обстоятельств всеобщности, интервала, цикличности, узуальности, кратности, временного отрезка и др.: *sadā* и *sadaiv* ‘всегда’, ‘постоянно’, *hamešā* ‘всегда’, ‘постоянно’, *aksar* ‘часто’, *prāyaḥ* ‘часто’, *kabhī-kabhī* ‘иногда’, ‘временами’, *bār-bār* ‘раз за разом’, ‘то и дело’, *roz* ‘каждый день’, ‘ежедневно’, *prativarṣa* ‘каждый год’, ‘ежегодно’, *prati dūsre saptāh* ‘в каждую вторую неделю’, ‘[один раз] через неделю’, *har dam* ‘каждый миг’, ‘постоянно’, *lagātār* ‘непрерывно’, ‘постоянно’, *barābar* ‘беспрерывно’, ‘постоянно’, *nirantar* ‘непрерывно’, ‘постоянно’, *nitya* ‘постоянно’, ‘всегда’, *kaī bār* ‘несколько раз’, *do bār* ‘два раза’, *din-bhar* ‘целый день’, ‘в течение всего дня’, *sārī rāt* ‘всю ночь’, *din-rāt* ‘днем и ночью’, *kaī-kaī ghaṇṭe* ‘часами’, *kuch der* ‘какое-то время’, ‘некоторое время’ и др.

В этой связи представляется важным учет следующих моментов.

П е р в ы й – это возможность функционирования конкретного мультивербального комплекса, отвечающего определенному способу действия, в сочетании с разными обстоятельствами из числа вышеперечисленных. Ниже это иллюстрируется примерами с комплексом *V-t-f + rah-* (“длительный способ действия”) в форме настоящего общего времени (а) и примерами с комплексом *V-ā + kar-* (“многократный способ действия”) в форме прошедшего общего времени (б).

(a)

*sunā hai ki tum hamešā khucur **nikālī rahī ho**, bāt-bāt par tāne detī ho* (PN, 63) ‘Дошло до меня, что ты постоянно [к ней] придираешься, ругаешь ее по всякому поводу’,

*...sapnā to hamē aksar hī **ātā rahī hai*** (GS, 406) ‘...сновидение нас часто посещает’,

*lallan, tum kyō **laṛī rahī ho** roz hariyā se?* [172, с. 258] ‘Почему ты, Лаллан, каждый день ссоришься с Харией?’,

*dhaniyā ko bār-bār munnū kī yād **ātī rahī hai*** (P, 247) ‘Дхания то и дело вспоминает малыша’,

*unhē bhī mujh se prem hai. barābar merā mūh **dekhte rahte hāī*** (PN, 138) ‘И он меня любит. Глаз с меня не сводит’,

*ab to log sagāt se pahile kī bār **milte rahte hāī**, āpas mē bātcūt hotī rahī hai* (YV, 101) ‘Теперь люди несколько раз встречаются до помолвки, разговаривают друг с другом’,

*siliyā bahan na jāne kyō har dam **roṭī rahī hai*** (P, 346) ‘Сестрица Силия почему-то все время (букв. каждый миг) плачет’,

*use aisā jān paṛtā hai ki āditya kī ātmā sadaiv uskī rakṣā **kartī rahī hai*** (PG, 56) ‘Ей кажется, что душа Адити ее постоянно защищает’.

(б)

*apnī ghabrahāt chipāne ke lie hyūbarṭ hamešā aise hī **kiyā kartā thā*** (LK, 102) ‘Чтобы скрыть свое волнение, Хьюберт всегда поступал именно так’,

*śrīmatī mārḍenṭ rikeṭs aksar malikā zamāniyā kī dāvat **ḡabūl kar mahālō mē jāyā kartī thī*** (NM, 264) ‘Госпожа Мордент Рикетс часто посещала чертоги по приглашению королевы Замании’,

*...islie roz unkī dādī unhē bāsī roṭī gūṛ ke sāth malkar **khilāyā kartī thī*** (BJ, 116) ‘...поэтому его бабушка ежедневно угощала его растертым в патоке несвежим хлебом’,

*yah praśna mere man mē bār-bār **uḡhā kartā thā*** ‘Этот вопрос возникал у меня неоднократно’ [51, с. 347],

*miyā kabhī-kabhī uske yah **jāyā karte the*** (GS, 120) ‘Миян иногда заходил к ней’,

*lālā sadānand bīmār the... paṇḍit śādīrām unke lie dīn-rāt mālā **pherā karte the*** (ST, 181) ‘Лала Садананд был болен... Пандит Шадирам днем и ночью молился (букв. четки перебирал) за него’,

*narottam chaḡ-sāt māh kalkattā mē thā to tārā ko niyāmit rūp se prati dūsre sapṭāh patra **likhā kartā thā*** (YB, 564) ‘На протяжении шести-семи ме-

сяцев, пока Нароттам находился в Калькутте, он регулярно один раз в две недели писал Таре письмо’,

yah vahī sthān thā jahā usse aur jagatsinh se kaī-kaī ghaṇṭe prem kī bātē huā kartī thī (ST, 242) ‘Это было то место, где ею и Джагатсинхом по нескольку часов подряд велись любовные речи’.

В т о р о й момент (он взаимосвязан с первым) – это сочетаемость на синтагматической оси разных способов действия с одним и тем же обстоятельством:

bār-bār kahtā rahā – gahne kā sandūkcā tāk par mat rakho... (PN, 171) ‘[Я] же [тебе] не раз говорила: «Не ставь шкатулку с драгоценностями на полку...»’ – *māī bār-bār praśnō ko suntā gayā aur sunkar bhī ansunī kartā rahā* ‘Я снова и снова вслушивался в вопросы и, несмотря на то, что слышал [их], пропускал их мимо ушей’ [51, с. 342],

...lekin unhē lagātār sīne ke dāī or cubhan-sī mahsūs hoī rahī [172, с. 258] ‘...но им постоянно ощущалась колющая боль в груди с правой стороны’ – *lagātār tīn din tak use bukhār ātā gayā* ‘В течение трех дней его непрерывно лихорадило’ [51, с. 342],

māī tumhē har dūse-tīsre din patra likhī rahīgī (RA, 222) ‘Я буду тебе писать через каждые день-два’ – *rājkmārī ne dev se vacan le liyā ki vah unke ghar cauthē-pācvē din avāṣya āyā karegā* (AD, 75) ‘Раджжумари взяла с Дэва обещание, что он будет непременно приходить к ним через каждые три-четыре дня’,

māī din bhar jamunā-kināre ghās cartā rahtā ... (KE, 22) ‘Я целыми днями пасся на берегу Джамны...’ – *lūnī din bhar dhor carāyā kartī...* (AA, 107) ‘Луни целыми днями пасла скот...’,

vah naukarō kī ākh bacākar nikal jātā aur kaī-kaī ghaṇṭe larkō ke sāth kheltā rahtā thā (ST, 97) ‘Тайком от слуг он выходил наружу и целыми часами играл с другими мальчиками’ – *yah vahī sthān thā jahā usse aur jagatsinh se kaī-kaī ghaṇṭe prem kī bātē huā kartī thī* (ST, 242) ‘Это было то место, где ею и Джагатсинхом по нескольку часов велись любовные речи’,

siliyā bahan na jāne kyō har dam roī rahī hai (P, 346) ‘Сестрица Силия почему-то всё время плачет’ – *jiyā kahtā thā, unhō ne do din se bhojan nahī kiyā. har dam royā kartī hāī* (PN, 103) ‘Джия говорил, что вот уже два дня она не притрагивалась к пище и все время (букв. каждый миг) плачет’,

aksar sītā āpke viṣay mē mujh se bātē kartī rahī thī (SK, 79) ‘Мне о вас часто рассказывала Сита’ – *uske hōthō par vahī gīt hotā hai jise vah aksar jīvīt diṣā mē gāyā kartī thī* (SK, 61) ‘А на устах у нее песня, которую она пела, когда была еще жива’,

kuch der to larkā vismay mē *ḍūbā kharā **dekhtā rahā**, phir apnī kafnī aur bāsūrī lekar vahā se cal kharā huā* (JJ, 108) ‘Некоторое время юноша стоял и глядел с изумлением. Затем, схватив свою накидку и флейту, он пошел оттуда’ – kuch der to vah is tarah **dekhtā kiyā**, phir mūh jhukākar hukkā gurgurāne lagā (JJ, 120) ‘Некоторое время глядел он так, затем, наклонив голову, принялся курить кальян’.

И, в – т р е т ь и х, обстоятельства, с которыми случается сочетаться в какой-либо из форм тому или иному мультивербальному комплексу как средству выражения способа действия, выступают и в окружении базовых финитных форм автосемантического глагола, и именно в облике таких форм предстает глагол-модификатор в составе используемых комплексов:

harbans aksar der se kālej se **lauḡā thā** (RA, 67) ‘Из колледжа Харбанс часто возвращался довольно поздно’ – vahā ek *ṭhākūr* aksar **āyā kartā thā** (PG, 122) ‘Туда часто приходил тхакур’ / *sītā* aksar *āpkī carcā* **kartī rahī thī** (SK, 61) ‘Сита часто упоминала вас’,

prātaḥkālīn sair ke lie māmī prāyaḥ inḍiyā-geṭ kī or jātā hū (NK, 1961. XII, 25) ‘Ради утренней прогулки я часто хожу в сторону Ворота Индии’ – *mālūm huā ki vah hāthī-dāt sangrah karne ke lie prāyaḥ afrīkā āyā* **karte hū** (SA, 8) ‘Выяснилось, что для добычи слоновой кости он часто ездит в Африку’,

dhobiḡ ke mohalle mē jahā māmī rahtā thā pratidin *kiś na kiś bāt par laṛāī hoī thī* (KE, 28) ‘В квартале прачек, где я жил, ежедневно по всякому поводу возникали ссоры’ – *gangī* pratidin *śām ko pānī bhar liyā* **kartī thī** (PG, 142) ‘Ганги ежедневно вечером брала [из колодца] воду’,

mālī unkī salāh lene prāyaḥ ek-do bār roz **āt thī** (P, 332) ‘...Малти приходила к нему за советом по несколько раз в день’ – ...*vah prāyaḥ do ek bār roz usse apnī mūchō kī rassākaśī* **karā diyā karte the** (P, 339) ‘он (Мехта. – В.Л.) по несколько раз в день позволял ему (Мангалу. – В.Л.) дергать себя за усы’,

māmī bār-bār isī niṣkarṣa par pahūctā hū ki ham hindustānī kiś kām ke nahī (NK, 1962. III, 37) ‘Я раз за разом прихожу к заключению, что мы, индийцы, ни к чему не пригодны’ – *idhar mujhe bār-bār amṡā-dādā kī yād āyā* **kartī hai** (P, 355) ‘А я то и дело вспоминаю родителей’ / *dhaniyā ko bār-bār munnū kī yād āī* **rahī hai** (P, 247) ‘Дхания то и дело вспоминает малыша’,

matrū uskā sahayogī thā isliye śāyad nasīr bār-bār **bacā** (VM, 332) ‘Матру был его (Насира. – В.Л.) сообщником, и, быть может, поэтому Насир раз за разом оставался цел и невредим’ – *aur rāste par calte hue vah bār-bār merī taraf* **dekhtī rahī** *ki mujhe uskī bāt par viśvās huā hai yā nahī* (LK, 146) ‘И пока мы шли по дороге, она не раз испытующе поглядела на меня, поверил ли я

ее словам или нет' / *māi bār-bār praśnō ko suntā gayā...* 'Я снова и снова вслушивался в вопросы...' [51, с. 342],

tārā ne use klab mē bhī kāi bār *dekhā hai* (YB, 483) 'Тара даже в клубе видела его несколько раз' – *vah* kāi bār *janāb ke liye pūch cukā hai* (YB, 102) 'Он уже несколько раз справлялся о вас',

...aur kāi bār *vah hāskar yah bhī kahtā...* (AG, 364) '...а не раз он (Четан. – В.Л.), смеясь, говорил и так...' – *bhāī sāhab* kāi bār *us se kahā karte...* (AG, 364) 'Старший брат не раз ему (Четану) говорил...',

...vāpis lauṭe hue ve hameśā vādā karte hāi ki ve agle sāl bhī āṅge (LK, 111) '...во время отъезда [на родину] они (английские туристы. – В.Л.) всегда обещают, что придут и в следующем году' – *anek āgrez itihāskārō kā mat hai ki dharampur ke rājā hameśā hī sanakī huā karte hāi...* (US, 14) 'Ряд английских историков полагает, что раджи Дхарампура всегда своенравны' / *saṁāj mē is tarah kī samasyāḥ hameśā uṭhī rahī hāi aur hameśā uṭhī rahēgi* (P, 169) 'В обществе постоянно возникают и всегда будут возникать такие проблемы'.

При семантической трактовке того или иного способа действия следует избегать приписывания ему значения сочетающихся с ним аспектуально значимых адвербиальных слов и оборотов. Думается, что факт сочетаемости той или иной адвербиальной составляющей предложения со способом действия может служить основанием лишь для выявления такого семантического компонента в семантической структуре способа действия, который делает возможной такую сочетаемость, не идя с ней вразрез. При этом примеры, иллюстрирующие третий из перечисленных выше моментов, наводят на мысль, что семантическое взаимодействие адвербиальной составляющей может оказываться более тесным с видо-временной формой воплощающего способ действия комплекса, чем со способом действия как таковым. И, как правило, именно значение адвербиальных составляющих отражается в переводе соответствующих предложений с хинди на русский:

...ghaṇṭō uske pās kathā-purāṇ sunāyā kartī hāi (PN, 205) – Часами она (Рукмини. – В.Л.) просиживала возле невестки и рассказывала ей старинные предания (ПН, 169),

idhar mujhe bār-bār amṭā-dādā kī yād āyā kartī hai (P, 355) – А потом, я сейчас все время вспоминаю о них (П, 521),

...ve prati varṣa grīṣma-ṛtu mē kiśī na kiśī pahār par jāyā karte hāi (AG, 378) – ...он каждый год уезжает на время жары куда-нибудь в горы (АУ, 107),

tab ham yahā se jāne ke bād bhī kabhī-kabhī is tarah kā khānā khā livā karēge (RA, 434) – Вернемся на родину и будем иногда в память о вашей стране готовить такие же вкусные вещи... (PM, 357),

aksar kamre mẽ jākar mangal ko vyathit ākhō se dekhā karte (P, 339) – Он часто навещал мальчика и подолгу печально и пристально смотрел на него (П, 500);

samāj mẽ is tarah kī samasyāẽ hamešā uthī rahtī hāi aur hamešā uthī rahēgī (P, 169) – Общество постоянно выдвигало и будет всегда выдвигать эти проблемы (П, 253),

dhaniyā ko bār-bār munnū kī yād ātī rahtī hai (P, 247) – Дхания то и дело вспоминала Чанну (П, 365),

kabhī-kabhī miltī rahnā (PSY, 8) – Навещай меня хоть изредка (ПР, 174),

becāre mahāgū ko itnā mārā ki mahīnō khūn thūktā rahā (PSY, 69) – Они так избили беднягу Махангу, что он несколько месяцев харкал кровью (ПР, 202),

sārā din cetan khinn-man sā bistar par paṛā karvaṭē badaltā rahā (AG, 411) – Целый день расстроенный Четан лежал в постели и ворочался с боку на бок (АУ, 117);

horī kī daśā din-din girtī hī jā rahī thī (P, 350) – Жизнь Хори день ото дня, становилась все тяжелее (П, 514).

Значения способов действия языка хинди могут в переводе соответствующих предложений на русский язык не иметь специальных средств выражения, вычленяемых из контекста:

*aur bhārgav kānō tak lāl huā mand-mand **muskarātā rahtā*** (RA, 70) – И Бхаргав, снова до ушей заливаясь краской, смущенно улыбался своей нежной и мягкой улыбкой (PM, 72),

*usī bechat kī, naukarō vālī ṭaṭṭī mẽ śaucādi ke lie **jātā rahā** aur vahī sarak ke kināre nal par **nahātā rahā*** (AG, 407) – Он ходил в уборную для слуг и мылся все там же, под краном у дороги (АУ, 114),

*vah dopahar ko khānā khāne miḍil bāzār **jāyā kartā thā** aur sādha-
raṇataḥ ghaṇṭe bhar mẽ vāpas ā jātā thā* (AG, 408) – В полдень Четан ходил обедать на Мидл-базар и возвращался, как правило, через час (АУ, 116),

*harbans kā śarīr śithil **hotā jātā hai*** (RA, 248) – Тело Харбанса разочарованно обмякает (PM, 209),

*ab na bacūgā. māre dard ke sārī deh **phaṭ jāt hai*** (P, 288) – Будно, недолгий я тут гость. От боли все тело разламывается (П, 427),

uske pāṅ tak na uṭhte the. deh bhītar se jhulsī jā rahī thī (P, 362) – Ноги его отяжелели, словно налитые свинцом, так что он едва мог их передвигать. Внутри, казалось, все горит (П, 532),

nīlimā, ek patra kal rāt likh cukā hū (RA, 139) – Нулима, одно письмо [я] написал тебе вчера вечером (PM, 126),

log santo ko dekhte the aur āpas mẽ kānāphūsī karne lagte the (VB, 308) – Многие из седоков смотрели на Санто и что-то шептали друг другу (ВБ, 260).

Такой вид межъязыкового соответствия способен зеркально отражать примеры на перевод с русского языка на хинди:

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо ее переменялось (А. Пушкин) – *śurū mẽ vah dhyān aur sahātibhūti se parhī rahī, kintu acānak uskā cehrā kuch badal-sā gayā...* (PR, 267),

Вместо воды пили березовый сок, который тело принимало как снадобье... (В. Распутин) – *pānī ke badle bhūj kā ras pīyā karte the jo śarīr ke liye guṅkāṛī hotā thā...* (RT, 96),

К тому, например, что и сама земля уходит из-под ног (В.Распутин) – *iśīliye to zamīn, udāharaṅ ke liye, khud pāṅvō ke nīce se khisaktī jā rahī hai* (RT, 221),

Занавески у Дарьи были выстираны раньше (В. Распутин) – *dāryā ke pās jo parde the vo pahle hī dhul cuke the* (RT, 458-459),

Поехали сезонники, шабашники... (В. Распутин) – *tab asthāyī aur thekevāle log āne lage...* (RT, 232).

Очевидно, что в русских предложениях вышеприведенных примеров (на перевод как с хинди на русский, так и с русского на хинди) предикаты содержат семантический компонент, созвучный значению того или иного выражаемого в хинди способа действия (совершаемости, аспекта).

Однако такого рода семантический компонент бывает и эксплицитно представленным применительно к определенному способу действия. Так, например, эксплицитное выражение такого семантического компонента достигается использованием:

а) глагола *продолжать* / *продолжить* с инфинитивом или имеющего при себе отрицательную частицу глагола *переставать* /

перестать с инфинитивном, наречия *всё* – применительно к “длительному” способу действия:

lekin cetan vahī baiṭhā rahā aur rahāt usī tarah rī rī kartā rahā (AG, 691) – А Четан по-прежнему сидел все там же, и колесо **продолжало** всхлипывать (АУ, 167),

– А как она тебе показала? – **продолжала** допытываться Люся. – Расскажи нам подробнее. Как это было? Ну? (В. Распутин) – “*unhōne tujhe iṣārā karke kaise batāyā?*” *lyūsyā khod-khodkar pūchhī rahī*, “*sab kuch vistār se batā. kyā huā thā? batā de*” (RT, 35);

kone mẽ koṭ ṭiḍṭī anavarat cī cī kartī rahī aur cetan jaise svapna ke sansār mẽ khoṃyā sā use suntā rahā (AG, 239) – В углу **не переставал** стрекотать кузнечик, и Четан слушал его, словно сквозь сон (АУ, 71),

māi kāṭ dinō se dastāne kharīdnā ṭūltā rahā thā aur āj pahīlī tārīkh ke utsāh mẽ māi ne kharīd lie (RA, 147-148) – Я **всё** откладывал приобретение теплых перчаток, но сегодня, радуясь первому числу, пошел и купил их (РМ, 133),

На нет вся сойдет, душе не в чем держаться, а **всё** шевелится (В. Распутин) – *ṣarīr jīrṇa-ṣīrṇa ho jāyegā, prāṇ ṭikne ko kahī nahī hogā, phir bhī hīlī-ḍulī rahegī* (RT, 41);

б) синтаксически зависимого от глагола наречия в форме сравнительной степени – применительно к “прогрессивному” (“длительно-прогрессивному”) способу действия:

lekin horī is praśna par jitnā hī vicār kartā, itnā hī uskā durāgrah kam hotā jātā thā (P, 352) – Но чем больше Хори думал об этом предложении, тем **больше** слабела его воля (П, 517),

Все **труднее** становилось дышать... (В. Распутин) – *sāṣ lenā dūbhar hotā jā rahā thā* (RT, 238);

в) наречия *уже* – применительно к “завершительному” способу действия:

do bār mahrī mansārām ko bhojan karne ke lie bulāne ā cukī thī (PN, 89) – **Уже** дважды служанка приходила звать Мансараму к столу... (ПН, 68-69),

Я пришел к Сильвио в назначенное время и нашел у него почти весь полк. Все его добро было **уже** уложено... (А. Пушкин) – *māi niyat samay par pahūc gayā aur vahā lagbhag sabhī sāthī afsarō ko pāyā. sīlvīyo kā sāmān bādḥ cukā thā* (PK, 163);

г) глаголов *приниматься / приняться, начинать / начать, стать* (в значении “начать”) с инфинитивом, глаголов начинательного способа действия – применительно к “начинательному” способу действия:

dhanīyā patī ko cīṛhāne lagī (P, 34) – Дхания *принялась* бранить мужа (П, 55),

...и опять *принимался* рассказывать, как он спасся (В. Распутин) – ...*aur phir se batlāne lagā ki kis tarah uskī jān bac gayī* (RT, 344);

zarā-sī pīkar tumhārī ākhē lāl hone lagtī hāī aur tum bhī bahakī–bahakī bātē karne lagte ho (RA, 404) – Вам обоим сразу хмель бросается в голову, *начинаете* молотить всякий вздор (PM, 336),

...и уж потом и мысль, и дело *начинают* укорачивать размеры возможной беды (В. Распутин) – ...*aur bād mē jākar hī vicār aur kām milkar sambhāvit āpadā ke āyām ko kam karne lagte hāī* (RT, 209);

pārṇī ke bād jab sab log calne lage, hairisan gangāprasād ke pās āyā (VB, 581) – Когда банкет закончился и гости *стали* расходиться, к Гангапрасаду подошел Гаррисон... (ВБ, 448),

Подняв руку, она *стала* гладить девочку по плечу... (В. Распутин) – *hāth ūpar karke vah uske kandhe sahlane lagī* (RT, 193);

candā rone lagī thī (AG, 367) – Чанда *заплакала* (АУ, 103),

Она опять *заплакала*... (В. Распутин) – *vah phir rone lagī*... (RT, 50).

Русский язык кардинально расходится с хинди в плане манифестации способов действия. Если в языке хинди способы действия (совершаемости, аспекты) воплощаются глагольными комплексами, приобретающими в составе предложений качество аналитических форм смыслового глагола, то в русском языке способы действия предстают как лексико-грамматические разряды глаголов, связанные семантически с характеристикой действий со стороны количественного и/или качественного градуирования процесса их осуществления.

В той мере, в какой глаголы каждого из разрядов имеют свои словообразовательные форманты, соответствующие способы глагольного действия надлежит считать характеризованными. Насчитывается не менее шестнадцати таких способов действия. Одним из них отвечают глаголы (будь то совершенного или несовершенного вида), находящиеся вне видовых пар (например: *схитрить, сглу-*

нить – однократный способ действия, *повизгивать, покачивать* – прерывисто-смягчительный способ действия), тогда как семантикой других не исключается принадлежность к ним глаголов, составляющих видовые пары (например, повторительный способ действия: *перешить – перешивать, воссоздать – воссоздавать*; уменьшительно-смягчительный способ действия: *прихворнуть – прихварывать, подбодрить – подбадривать*; интенсивно-результативный способ действия: *открахмалить – открахмаливать, раскормить – раскармливать*).

Эти способы действия представлены в основном производными в рамках внутриглагольной деривации глаголами, имеющими по сравнению с глаголами, их мотивирующими, более сложную семантическую структуру, в которой значение мотивирующих глаголов мыслится модифицированным. В каждом конкретном случае глагол, являющийся представителем того или иного способа действия, в противопоставлении глаголу, его мотивирующему, выступает как интенсивный член оппозиции.

Способы действия русского языка лишь в незначительной степени соотносятся семантически со способами действия языка хинди. Словарные данные позволяют видеть параллелизм между “начинательным” способом действия (комплекс *V-n-e lag-*) языка хинди и начинательным способом действия русского языка (*gāne lagnā – запеть / запевать*), между “завершительным” способом действия (комплекс *V- + cuk-*) и окончательным (*khil cuknā – отцветсти / отцветать*), между “завершительным” способом действия и ограничительно-завершительным (*pakā cuknā – доварить / доваривать*) и не столь явный параллелизм между “длительным” способом действия (комплекс *V-t-f + rah-*) и ограничительным (*kuch der tak bātcīt karte rahnā – побеседовать*), между “длительным” способом действия и длительно-ограничительным (*kuch der tak pratīkṣā karnā – прождать*), между “прогрессивным” (“длительно-прогрессивным”) способом действия (комплекс *V-t-f + jā-*) и интенсивно-кратным (*lagātār fon karte jānā – названивать*), между “прогрессивным” способом действия и интенсивно-результативным (*pūrī taiyārī tak pakāte jānā – проварить / проваривать*).

В значении глаголов языка хинди, как правило, отсутствуют семантические компоненты, определяющие в плане содержания специфику способов действия русского глагола. Выражение таких компонентов значения обычно в хинди достигается:

1) путем семантической модификации смыслового глагола глаголами, исполняющими служебную роль в составе образующихся мультивербальных (преимущественно бивербальных) комплексов, например: *расплакаться* (начинательный способ действия) – *ro raṇṇā* (тотив глагола *ronā* ‘плакать’), *сболтнуть* (однократный способ действия) – *kaḥ baiṇṇā* (тотив глагола *kaḥnā* ‘говорить’), *раскричаться* (начинательный способ действия) – *cillāne laṅnā* (“начинательный” способ действия; ср. *cillānā* ‘кричать’);

2) благодаря появлению соответствующего смыслового глагола в сочетании со словами (словоформами) – членами предложения, например: *подпевать* (сопроводительный способ действия) – *sāth gānā* (букв. ‘вместе петь’), *отплясывать* (интенсивно-кратный способ действия) – *joṣ ke sāth nācnā* (букв. ‘с увлечением плясать’), *покачивать* (прерывисто-смягчительный способ действия) – *thoṛā hīlānā* (букв. ‘слегка качать’), *накупить* (накопительный способ действия) – *kāṭī mātrā mē kharīdnā* (букв. ‘в достаточной мере купить / покупать’), *переизбрать* (повторительный способ действия) – *phir se sunnā* (букв. ‘снова избрать / избирать’);

3) путем совмещения модификации глагола с появлением его в определенном окружении, например: *проварить* / *проваривать* (интенсивно-результативный способ действия) – *pūrī taiyārī tak pakāte jānā* (букв. ‘до полной готовности варить [и варить]’); *pakāte jānā* – “прогрессивный” способ действия, ср. *pakānā* ‘варить’);

4) благодаря наличию соответствующего семантического компонента в значении имени глагольно-именного словосочетания (равно как и сложно-отыменного глагола), например: *реорганизовать* (повторительный способ действия) – *punargathit karnā* (букв. ‘вновь сформированным делать’), *восстанавливать* (повторительный способ действия) – *punarnirmāṇ karnā* (букв. ‘восстановление делать’);

5) описательным способом (перифрастически), например: *прокашляться* / *прокашливаться* (интенсивно-результативный способ действия) – *khāṣ-khāṣkar galā sāḥ karnā* (букв. ‘кашляя-кашляя, горло чистым делать’), *прихрамывать* (уменьшительно-смягчительный способ действия) – *macakte hue calnā* (букв. ‘ковыляя идти’).

Проблема передачи на языке хинди значения способов действия (характеризованных) русского глагола не выходит за рамки более общей проблемы – проблемы передачи на языке хинди значения русских производных глаголов при мотивации последних глаголами, семантически близкими (или равными) имеющимся глаголам языка хинди.

Существует устойчивый параллелизм между русским языком и хинди в приемах передачи проксимативного значения как одной из разновидностей аспектуального значения:

С завороченными глазами он запнулся и едва не упал (В.Распутин) – *uskī muṛī huī ākhē vahī -kī-vahī aṭak gaī aur vah girte-girte bac gayā* (RT, 267),

ham donō mē laṛāī hote-hote bacī (P, 141) – Мы с тобой чуть не подрались (П, 213).

См. хрестоматийный пример: Он чуть (было) не упал – *vah girte-girte bac gayā* (букв. ‘Он падая-падая спасся / уцелел’; ср. *girnā* ‘падать’, *bacnā* ‘спасаться’).

При этом в хинди на месте сочетающегося с удвоенным имперфективным причастием (как правило, в форме на -e) глагола *bacnā* ‘спасаться’ встречаются глаголы *rahnā* ‘оставаться’, *sābhalnā* ‘удерживаться’: *uske mūh se ek bār āvāz nikalte-nikalte rah gayī* ‘Из его уст однажды чуть не вырвался крик’, *vah ek aur dhakkā khākar girte-girte sābhalī* ‘Еще раз ударившись, она чуть не упала’ [51, с.224].

В частности, это подтверждается и примерами из текстов перевода с русского на хинди:

И этот учитель греческого языка, этот человек в футляре, можете себе представить, едва не женился (А. Чехов) – *zarā gaur kījīe, yūnānī kā yah adhyāpak, yah ghōghā tak ek bār śādī karte-karte rah gayā* (CL, 264),

Бумага чуть не выпала из моих рук (А. Пушкин) – *kāgaz mere hāth se nīce girte-girte rah gayā* (PK, 257).

...где чуть было не споткнулись... (В. Распутин) – *...jahā ve atakte-atakte rah gae...* (RT, 247).

Появление в такой же позиции глагола *rukṇā* ‘останавливаться’ влечет за собой обозначение приостановки осуществления действия, названного глаголом в форме удвоенного причастия:

gangāprasād kahte kahte ruk gayā (VB, 271) – *Гангапрасад запнулся на полуслове* (ВБ, 231) / букв. ‘Гангапрасад говоря говоря остановился’ (ср. *kahnā* ‘говорить’).

Значение, близкое проксимативному, передается в русском языке сочетанием глагольной формы прошедшего времени с частицей *было*: *Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замали косматыми хвостами* (А. Пушкин), *Увидя его* (Кирилу Петровича Троекурова. – В.Л.), *они* (покровские мужики. – В.Л.) *броси-*

лись было бежать (А. Пушкин), *Иван Петрович кинулся было на огонь, но спохватился...* (В. Распутин). Имеются в виду случаи, когда глаголом обозначается действие, прерванное в начале своего осуществления или не успевшее начаться.

В хинди выражению такого значения может удовлетворять появление оформленного послелогом *ko* герундиального инфинитива при глаголе *honā*:

Иван Петрович кинулся было к начальнику, но тот сам повернул к нему (В. Распутин) – *ivān petrovic afasar kī taraf jhapatne ko hī thā ki vah khud hī uskī taraf mur gayā* (RT, 220).

Категория залога

В основе грамматической категории залога лежит формальное противопоставление таких рядов глагольных форм, каждому из которых как противочлену оппозиции соответствует свой набор и/или свое оформление актантов – членов окружения глагола, обусловленных синтаксической валентностью последнего. Эта категория, следовательно, характеризуется синтаксической значимостью в плане различения способов формального воплощения актантов. В предложении актанты, выполняя функцию его членов как единиц синтаксического уровня, вместе с тем на семантическом уровне отображают элементы описываемой ситуации, т.е. выступают в качестве единиц, наделенных ситуационными ролями. Складывается называемое диатезой “соответствие между ролями и синтаксическими обозначениями выражающих эти роли именных словоформ” [109 а, с. 82]. Залоги различаются своими диатезами. При этом если абстрагироваться от синтаксических обозначений (таких, как подлежащее, дополнение и т.п.) именных словоформ, диатезу можно понимать как соотношение между ролями и проявлениями их кодирования.

Всем глаголам языка хинди свойственна субъектная валентность, которой отвечает появление в их окружении если не единственного, то первого актанта. Реализуя эту валентность в имени, выступающем в прямопадежной форме или принявшем косвеннопадежную форму с послелогом *ne*, глагол предстает в формах активного залога: *larḳā dauṛtā hai* ‘Мальчик бежит’, *larḳā pustak paṛhṭā hai* ‘Мальчик читает книгу’, *larḳe ne pāṭh paṛhā* ‘Мальчик [про]читал урок’, *larḳe ne ciṭṭhī likhī* ‘Мальчик написал письмо’.

В таком имени (существительном, местоимении), соответствующем субъектной валентности глагола, т.е. в Субъекте, обобщается целый ряд его семантических функций (семантических характеристик), сводимых на семантико-синтаксическом уровне предложения к функции обозначать носителя предикативного признака –

признака, предопределенного в первую очередь лексической семантикой глагола. Например, с позиции падежной грамматики Ч.Филлмора ему помимо семантической роли Агенса, представляющей наиболее естественной, приписываются, в частности, и семантические роли Объекта, или Пациенса (*kaprā bhīg rahā hai* 'Ткань мокнет'), Экспериенцера (*larḱā ḍūb rahā hai* 'Мальчик тонет'), Инструмента (*tumhārā sangīt mujhe pāgal banā rahā hai* 'Ваша музыка сводит меня с ума') [122, с. 63, 71].

В хинди финитный глагол активного залога согласуется с именем в прямопадежной форме, отвечающим его (глагола) субъектной валентности: ...*aur baccā anāyās hī ro rahā thā* (P, 340) '...а ребенок безутешно плакал', *donō choṭe larḱe usī skūl mē parṭhe the. nirmalā roz unse mansārām kā hāl pūchtī* (PN, 95) 'Оба младших мальчика учились в той же школе. Нирмала ежедневно расспрашивала их о Мансараме', *acānak sāmne kā darvāzā khulā* (CC, 99) 'Вдруг дверь напротив открылась', *tārā apne makān par pahūcī...* (ST, 46) 'Тара пришла к себе домой...'.

В предложениях, где Субъект кодируется послелогом *ne*, финитный глагол активного залога, выступая в перфективной форме, подвержен согласованию с именем в прямопадежной форме, отвечающим его (глагола) прямообъектной валентности, то есть с прямопадежной формой второго актанта: *balvantsinh aur sādhorām ne vah kāñcī dhyānpūrvak dekhī* (CC, 45) 'Бальвантсинх и Садхорам тщательно осмотрели эти ножницы', *māine āścarya se ciṭṭhī parhī* (ST, 134) 'Я с изумлением прочитал письмо', *naukar ne darvāzā kholā* (YD, 170) 'Слуга открыл дверь', *bhuvan ne rekhā ke donō hāth apne hāthō mē liye* (AN, 226) 'Бхуван взял обе руки Рекхи в свои руки', *isī sazā ne unke prāṇ liye* (PG, 60) 'Именно это наказание лишило его жизни (букв. его жизненные силы забрало)'.

При таком же кодировании Субъекта глагол принимает нейтральную (несогласованную) форму, равную (при учете максимального числа поддающихся отражению граммом) форме третьего лица единственного числа мужского рода, если второй актанта, отвечающий прямообъектной валентности глагола, облекается в падежно-послеложную форму на *ko* (также местоименную форму объектного падежа) или вообще отсутствует в составе предложения (в силу того, что глагол оставляет свою прямообъектную валентность нереализованной или оказывается лишенным этой валентности): *usne kāñcī ko*

ulaṭ-palaṭkar dekhā (CC, 33) ‘Он со всех сторон осмотрел ножницы’, *balvantsinh ne... fuhristō ko gaur se paṛhā* (CC, 36) ‘Бальвантсинх... внимательно прочитал списки’, *rukṃā ne chat kī or dekhā* (VB, 362) ‘Рукма глянула на потолок’, *hemendra ne sahsā nahī mānā* (AN, 222) ‘Хемендра согласился не сразу’, *purī ne bagal kī rasoī mē jhākā* (YB, 301) ‘Пури заглянул в расположенную сбоку кухню’. Применительно к данному случаю при наличии отмеченного выше второго актанта можно говорить о нулевом согласовании финитного глагола активного залога, противопоставляемом субъектному и объектному согласованию.

Таким образом, финитный глагол активного залога проявляет субъектный, объектный и нулевой виды согласования с именем.

В бивербальных комплексах, известных под традиционным названием “интенсивные глаголы”, выразителем отмеченных видов согласования предстает их второй (служебный) компонент:

а) *ḥle se muṛkar kār ruk gaī* (SK, 79) ‘Завернув за холм, машина остановилась’, *donō ādmī ab śahar hī or laṭ paṛe* (VB, 287) ‘Оба приятеля (букв. человека) повернули к городу’, *śakkī ādmī hāī, na jāne kuā samajh baiṭhē* (PN, 167) ‘Он очень мнительный, невесть что подумает’;

б) *bhajan ne bhītar ke kamrō kī sākal khol dī* (YD, 319) ‘Бхаджан снял (букв. открыл) дверную цепочку внутренних комнат’, *...aur jhīgūrisinh ne darvāze par nayā kuā khudvā liyā thā* (P, 214) ‘...а Джингурисинх велел выкопать возле своих ворот новый колодец’, *gahne kapṛe kuch mā ne banvā hī rakhe hāī* (AG, 185) ‘Кое-какие украшения и наряды мать уже приготовила’;

в) *usne baccī ko god se utār diyā...* (PN, 201) ‘Она опустила (букв. сняла с рук) девочку вниз...’, *māīne darvāze ko dhakelkar khol liyā...* (LK, 136) ‘Я толчком открыл дверь...’, *uṭhte hī usne apne ek-mātra vastra ko phāṛ ḍalā* (AA, 20) ‘Поднявшись, она сразу же порвала в клочья свое единственное платье’, *tab tak gāṅ ke bālākō ne ākar in donō ādmiyō ko gher liyā...* (P, 310) ‘Тем временем их обоих (букв. этих обоих человек) окружили сбежавшиеся со всей деревни ребяташки...’.

Предложениям языка хинди, содержащим формы активного залога, легко находятся соответствия в русских подлежащно-сказуемых предложениях со спрягаемой глагольной формой активного залога:

rāt ghir rahī thī... (VB, 300) – *Онускалась ночь...* (ББ, 253),

śām ke samay yamunā ghar vāpas lauṅ (VB, 29) – Вечером **вернулась** Ямуна (ББ, 45),

koṭhrī mẽ rāt ko cūhe bahut śor macāte the (RA, 23) – Ночью в нашей комнате **затева**ли возню голодные крысы (РМ, 30),

pau baje rāt ko gārī kānpur pahūcī (VB, 331) – В девять вечера поезд, в котором ехали Лакшмичанд и Джайдеи, **прибыл** в Канпур (ББ, 276),

dīvār par lagī ghaṛī ne āṭh bajāe (VB, 549) – Стенные часы **будто** нехотя **пробили** восемь (ББ, 426),

śivalāl ne arpī ākhē kholī... (VB, 25) – Шивалал **открыл** накопец глаза ... (ББ, 41),

munśī śivalāl ne istagāse ko hāth mẽ liyā (VB, 1) – Мунши Шивалал **взял** жалобу в руки (ББ, 19).

С другой стороны, такого рода предложениям русского языка не могут не отвечать в переводе на хинди предложения с финитными формами активного залога:

C востока nadvigaliśe темные дождевые тучи... (А. Чехов) – *pūrvākāś mẽ barasnevāle kāle bādal ghir rahe the...* (СК, 3),

C улицы Варвара и Надя vorotiliśe вместе (В. Распутин) – *bāhar se vārvārā aur nādyā ek sāth lauṅ* (RT, 25),

Письма из дому prichodili тихие, добрые... (А. Чехов) – *ghar se kṛpārūrṇa aur sahṛ day patra āte...* (CL, 367),

Огромная, vsxodila за горой луна (В. Распутин) – *bahut barā cād pahār ke pīche se ūpar ko uṭh rahā thā* (RT, 229),

Михаил podniā с земли камень... (В. Распутин) – *mikhāīl ne zamīn se ek patthar uṭhāyā...* (RT, 111),

Егор vyakati из-под навеса тележку... (В. Распутин) – *yegor ne chappar ke nīce se ṭhele ko bāhar nikālā...* (RT, 333),

Жуткая и пустая тишина obuyā ее... (В. Распутин) – *ek bha-yānak aur khālīpan se bharī śānti ne use gher liyā...* (RT, 464).

В рамках отмеченных соответствий глаголы как языка хинди, так и русского языка реализуют свою субъектную валентность как в личных именах, так и в именах, личными не являющихся: *yamunā* – Ямуна, *śivalāl ne* – Шивалал, *munśī śivalāl* – мунши Шивалал, *Варвара* и *Надя* – *vārvārā aur nādyā*, *Михаил* – *mikhāīl ne*, *Егор* – *yegor ne* // *rāt* – ночь, *cūhe* – крысы, *gārī* – поезд, *ghaṛī ne* – часы, *тучи* – *bādal*, *письма* – *patra*, *луна* – *cād*, *тишина* – *śānti ne*.

В хинди употребительны предложения, где прямопадежная форма неличного Субъекта оказывается сопряженной в окружении соответствующего глагола с косвеннопадежной формой личного имени или его местоименного субститута, сопровождаемой:

1) дативно-аккузативным послелогом *ko* при допустимости занятия соответствующей позиции местоименной формой объектного падежа, например: *kaiṃp ke prabandhakō ko pīṛit striyō ke prati pūrī sahānubhūti thī* (VB, 118) ‘Администраторы лагеря [беженцев] испытывали к несчастным женщинам чувство искреннего сострадания’ (букв. ‘Администраторам... сострадание было’), *naṣīruddīn hai-daṛ ko sacmuc pyās lag rahī thī* (NM, 419) ‘Насируддин и в самом деле изнывал от жажды’ (букв. ‘Насируддину Хайдару и в самом деле жажда ощущалась’), *uske bacpan kī ek kahānī ham sab bacchō ko bahut bhaī thī* (BD, 89) ‘Одна история из его детства нам всем, детям, особенно нравилась’, *unhē lālā sadānand ke sāmne sir uṭhāne kā sāhas na thā* (ST, 174) ‘Он не смел (букв. ему смелость не была > ему не было смелости) поднять голову перед лалой Саданандом’;

2) инструментально-аблативно-социативным послелогом *se*, например: *phūldān vāstav mē usī se ṭūṭ gayā thā* (AP, 112) ‘Угораздило ж его разбить цветочную вазу’ (букв. ‘Ваза действительно им же разбилась’), *uske man mē ātā: ghar-gṛhasthī kā bojh us se nahī saparegā* (HK, 5) ‘Потом в его голову закрадывалась мысль, что она не управится с домашним хозяйством’ (букв. ‘...бремя забот по дому ею не выдержится’);

3) послелогом *ke pās* ‘у’, ‘при’, ‘около’, ‘возле’, ‘близ’ при том, что место перед *pās*, т.е. перед вторым компонентом сложного послелога, закрепляется за притяжательным местоимением, например: *sab laṛkō ke pās kuch-na-kuch paise the* (GS, 33) ‘У всех мальчиков имелась кое-какая мелочь’, *jhuniyā ke pās iskā koī javāb na thā* (P, 279) ‘У Джхунии на это ответа не было’, *mere pās bahut samay hai* (AN, 102) ‘У меня достаточно времени’;

4) локативным послелогом *mē* ‘в’, например: *phir bhī ustād mē himmat thī* (UK, 67) ‘Однако у учителя было мужество’, *kisānō mē isse bhārī asantoḥ hai* (ND, 122) ‘Крестьяне этим весьма недовольны’ (букв. ‘В крестьянах от этого большое недовольство есть’);

5) генитивно-локативным послелогом *ke* при том, что соответствующую позицию может занимать притяжательное местоимение в форме на -е, например: *mālūm hotā hai ki kāyar ke bhī kuch dīl hai* (AA, 100) ‘Сдается [мне], что и у труса есть какое-никакое сердце’;

mahājan ke *bahut dhan hai* ‘У ростовщика много добра’ [135, с. 438], ...mere *dūdh ā gayā* (P, 283) ‘...у меня появилось молоко’;

б) генитивным послелогом *kā*, предстающим в формах согласования с опорным словом – именем субъекта названного глаголом действия, при том, что соответствующую позицию может занимать притяжательное местоимение, например: *jaugām kī ek aur ādat bhī thī* (BD, 104) ‘У Джайрама была еще одна привычка’, *kintu gāv ke javānō kī aur hī rāy thī* (HK, 7) ‘Однако у молодежи деревни было совсем иное мнение’, *sangīt par sūrdās kā adbhut adhikār thā* (T, 58) ‘Сурдас был чрезвычайно искусен в музыке’ (букв. ‘Над музыкой Сурдаса необычайная власть была’), *is ghar par hamārā koī adhikār nahī hai* (PN, 87) ‘В этом доме у нас нет никаких прав’.

В таких предложениях личное имя, оформленное послелогом *se*, наделяется семантической функцией субъекта некоей деятельности, влекущей определенный результат; личным именем с послелогом *ko* (также местоименной формой объектного падежа) обозначается субъект ощущения, восприятия (чувственного, умственного) или определенного (психического, эмоционального, физического) или обусловленного внешними по отношению к миру чувств и переживаний лица факторами) состояния или процесса, а имена с послелогом *ke pās, mẽ, ke, kā* несут семантическую функцию субъекта обладания, т.е. семантическую функцию посессора. Возможны, конечно, переходные случаи в выражении сказанных значений.

Содержание таких предложений языка хинди передается в русском языке предложениями разной структуры.

Структурное сходство предложений обоих языков наблюдается тогда, когда и в предложениях русского языка на месте Субъекта (т.е. имени субъекта обозначенного глаголом действия) оказывается задействованным неличное имя, эквивалентное по смыслу имени исходного предложения языка хинди:

lekin cetan ko zarā bhī nīd na āyī thī (AG, 328) – Но к Четану сон не шел (АУ, 93),

śuklā ko kāfī bukhār ho gayā hai (RA, 533) – У Шуклы ночью открылся сильный жар (PM, 440),

unkī kabhī-kabhī aisī icchā hotī ki ek bār nirmalā se apne man ke sārē bhāv khol kar kah dū... (PN, 125) – Порой у него возникало желание раскрыть перед Нирмалой свою душу... (ПН, 98),

jīyārām ko apne gharvālō se cīṛh hotī jāī thī (PN, 156) – Недовольство Джиярама домашними росло день ото дня (ПН, 126),

jaideī ko pichle do varṣa se jūrī ā rahī thī (VB, 213) – Два года подряд Джайдеи терзала **лихорадка** (ББ, 189),

unke man mẽ ek tarah kī vitsṛā jāg uṭhī thī apne prati, apne pitā ke prati, sārī duniyā ke prati! (VB, 123) – В его душе мутной волной поднялось **отвращение** к себе, к отцу, ко всему свету! (ББ, 117),

lakṣmīkānt ko profesar śankar kī yah bāt akhar gaī (VB, 678) – **Слова** профессора – видного авторитета в области политики – задели за живое адвоката верховного суда (ББ, 507),

ham logō ke pās davāiyā hāī aur jantra-mantra (VM, 273) – У нас есть всякие **лекарства и снадобья** (ББ, 202).

Другая заметная линия межъязыкового структурного сходства, которая может дополнять отмеченную выше первую, – это соответствие формы дательного падежа личного существительного или местоимения русского языка падежно-послеложной форме на *ko* личного имени или форме объектного падежа местоимения:

tārā ko ḍākṭar ke sāmnē aisā mazāk acchā nahī lagā (YB, 619) – **Таре** не понравилась эта **шутка** (Я, 491),

mujhe isse surjīt kī kahī huī bāt yād ho gaī (RA, 91) – **Мне** вспомнились **слова**, сказанные однажды Сурджитом (PM, 89),

cetan ko itnī śarm āī kī vahā ek kṣaṇ bhī ṭhaharnā uske lie asambhav ho gayā (AG, 584) – **Четану** было стыдно (букв. стыд пришел), он не мог больше оставаться в зале ни минуты (АУ, 156),

aur pahlī bār cetan ko aisā lagā jaise uske kisī ātmīya kī mṛtyu ho gaī ho (AG, 192) – **Четану** впервые показалось, что умер кто-то из близких (АУ, 54),

lauṭte hue āpko ṭhaṇḍ nahī lagegī? (RA, 41) – **Вам** не холодно будет (букв. холод не пристанет) на обратном пути? (PM, 46),

var ke bare bhāī ko dekhne kī use baṛī utsuktā ho rahī thī (PN, 144) – **Ей** не терпелось (букв. нетерпение было) увидеть старшего брата жениха (ПН, 115),

laṛkō ko bār-bār paise kī zarūrat partī (PN, 61) – **Мальчикам** нужны были деньги (букв. ‘...в деньгах нужда появлялась’) на карманные расходы (ПН, 45),

tum agar zāhir kar dogī to tumhī ko nuḁsān hogā (VM, 275) – Если расскажешь, **тебе** самой будет хуже (букв. ‘...тебе ж урон будет’) (ББ, 204),

mujhe nīd ā rahī hai (VB, 293) – **Мне** спать хочется (букв. ‘...сон приходит’) (ББ, 248),

use nīd nahī ā rahī thī (VB, 497) – **Ему не спалось** (букв. ‘...сон не приходил’) (ББ, 393),

kabhī-kabhī jvālāprasād ko yah pravṛtti akhar bhī jāti thī (VB, 686) – **Джавалапрасаду было неприятно его слушать...** (букв. ‘...это поведение претило...’) (ББ, 512),

gobar ko rāt ke lie koī thikānā cāhie thā hī (P, 142) – **Гобару действительно нужно было где-то переночевать...** (букв. ‘...на ночь прибежище нужно было ведь...’) (П, 214).

Здесь примечательны соответствующие предложениям языка хинди безличные предложения русского языка, где лексическое значение неличных существительных исходных предложений языка хинди отражается при переводе в семантике безличных глаголов или безлично-предикативных слов (слов категории состояния).

Отличающимися по строению от предложений языка хинди предстают русские предложения с глаголами, реализующими свою прямообъектную валентность в личных существительных или местоимениях – лексических аналогах помещенных в исходных предложениях языка хинди слов и отражающими при этом лексическую семантику существительных – синтаксических субъектов предложений языка хинди:

...lekin horī ko iskī zyādā śarm (ж. – ‘стыд’) **na thī** (P, 9) – **Но как раз это Хори ничуть не смущало** (П, 18),

in donō netāō kī to khannā ko parvā (ж. – ‘беспокойство’, ‘забота’) **na thī** (P, 290) – **Кханну не интересовали оба этих лица** (П, 431),

nirmalā ko kṛṣṇā ke viṣay mē baṛī cintā (ж. – ‘тревога’) **ho rahī thī** (PN, 135) – **Нирмалу очень тревожило будущее Кришны** (ПН, 107),

mere muvakkil ko sazā (ж. – ‘наказание’) **ho gāī** (PN, 188) – **Моего подзащитного осудили** (ПН, 154),

sāf to dekh rahī hū bacce ko nazar (ж. – ‘[дурной] взгляд’ > ‘дурной глаз’) **lag gāī hai** (PN, 151) – **Ребенка наверняка кто-то сглазил** (ПН, 121),

tumhāre rahne se use taskīn (ж. – ‘успокоенность’) **hotī rahegī** (PN, 113) – **Это успокоило бы его** (ПН, 88),

use jvar (м. – ‘лихорадка’) **sā rahtā thā** (AG, 371) – **Его лихорадило...** (АУ, 104),

ekāek use ek upāy (м. ‘способ’ > ‘выход’) **sūjhā** (VB, 497) – **И вдруг его осенило** (ББ, 393).

С предложениями хинди, охарактеризованными выше, расходятся в структурном отношении при переводе на русский язык предложения, где ролью Субъекта наделяется личное существительное или местоимение, а значение неличного существительного – Субъекта исходных предложений языка хинди отражают своей семантикой глагол-сказуемое, глагол в составе сложного глагольного сказуемого, предикатив или имя, синтаксически подчиненное глаголу:

bādśāh ko khazāne kī ek kauṛī bhī nijī kharc mē lāne kā *adhi*kār (м. – ‘право’) *na thā* (P, 95) – **Падишахи** в ту пору не имели **права** брать из казны на свои личные нужды ни единой пайсы (П, 149), *usse bātē karte hue use ek apār sukh kā *anubhav* (м. – ‘опыт’) *hotā thā* (PN, 85) – **Беседуя с ним, она испытывала** безграничную радость, которую трудно выразить словами (ПН, 66),*

nirmalā ko yadyapi apne ghar kī jhanjhaṭ se *avakāś* (м. – ‘досуг’) *na thā, par kṛṣṇā ke vivāh kā sandeśā pākar vah kiśī tarah na ruk sakī* (PN, 134) – **Как ни была Нирмала занята** по хозяйству, она не могла усидеть дома, получив известие о свадьбе Кришны (ПН, 107),

logō ko parhne kī ādat (ж. – ‘привычка’) *nahī hai* (RA, 333) – **Наша публика не привыкла** к чтению (РМ, 273),

lekin gangāprasād ko sardī kā koī ābhās (м. – ‘ощущение’) *nahī thā* (VB, 550) – **Но Гангапрасад не чувствовал** холода (ВБ, 427),

tab bābū sāhab ko āśankā (ж. – ‘подозрение’) *huī ki yah ādmī merā pīchā kar rahā hai* (PN, 36) – **Адвокат начал подозревать**, что этот человек преследует его... (ПН, 22),

abkī unhē āśā (ж. – ‘надежда’) *ho rahī thī ki siyārām laut āyā hogā* (PN, 191) – **Теперь он надеялся** только на то, что Сиярам уже дома (ПН, 156),

uske mitrō ko uskī ucchṛṅkhaltā par āścarya (м. – ‘удивление’) *ho rahā thā* (PN, 106) – **Товарищи Мансарам удивлялись** его нескрываемости... (ПН, 82),

āp ko vyārtha hī kaṣṭa (м. – ‘беспокойство’, ‘неудобство’) *huā* (PN, 108) – **Напрасно вы беспокоились**... (ПН, 85),

saroj ko kutūhal (м. – ‘удивление’) *huā* (PN, 162) – **Сародж была удивлена** словами сестры (ПН, 243),

merā do-tīn rupae roz kā ghātū (м. – ‘убыток’) *ho rahā hai*... (P, 229) – **Каждый день я терплю убыток** в несколько рупий... (П, 340),

...*lekin pitājī ko śarāb-kabāb kā aisā caskā* (м. – ‘пристрастие’, ‘привычка’) *paṛā thā ki kisī tarah galā na choṛtā thā* (Р, 160) – Он же **привык** пьянствовать и объедаться... (П, 241),

idhar jab se mangal ko cecak nikal āyī thī, mehtā ko bhī baṛī cīntā (ж. – ‘беспокойство’, ‘озабоченность’) *ho gayī thī* (Р, 339) – Когда на лице у Мангала появилась оспенная короста, Мэхта очень **встревожился** (П, 500),

...*use jaldī* (ж. – ‘поспешность’) *thī* (AG, 27) – ... он **спешил**... (АУ, 6), *inhī vicārō mē paṛe-paṛe munśī jī ko ek jhapkī* (ж. – ‘дремота’) *ā gaī* (PN, 118) – Погруженный в подобные мысли, Тотарам незаметно **задремал**... (ПН, 93),

mujhe is bāt kā d̥ar (м. – ‘страх’, ‘боязнь’) *nahī, vah merī choṛī bahan hai* (AG, 308) – Я не **боюсь** за Нилу. Ведь она моя младшая сестра (АУ, 89),

nurmalā ko is vakt un par baṛī dayā (ж. – ‘милосердие’, ‘жалость’) *āī* (PN, 195) – Сейчас Нирмала искренне **жалела** его (ПН, 160),

...*bhāī sāhab kī un se dostī* (ж. – ‘дружба’) *hai...* (VB, 276) – ... мой **брат** очень дружен с ним... (ББ, 235),

sab se choṛī vardā ko saroj se islie d̥veṣ (м. – ‘злоба’) *thā ki sārā ghar saroj ko hāthō-hāth liye rahtā thā* (Р, 161) – Самая младшая сестра, Варда, **завидовала** Сародж, потому что вся семья постоянно заботилась только о Сародж... (П, 242),

mujhe apne beṭe par nāz (м. – ‘гордость’) *hai...* (VB, 111) – А я вот **горжусь** сыном... (ББ, 108),

bāhar ākar tumhārā kisī laṛkī se paricay (м. – ‘знакомство’) *nahī huā?* (RA, 289) – А здесь, за границей, ты не **познакомился** с какой-нибудь девушкой? (РМ, 240),

hamārī nirmalā ko baccō se prem (м. – ‘любовь’) *hai* (PN, 58) – Наша Нирмала **любит** детей... (ПН, 43),

miṣṭar hasbeṇḍ ko khāne kī fikr (ж. – ‘дума’) *hī na rahtī thī* (Р, 57) – Мистер Хасбэнд **забывал**, что надо есть и пить (П, 92),

apne paricītō mē keval ek hī aisā vyakti thā, jiske nispakṣa vicār par khannājī ko pūrā bharosā (м. – ‘вера’, ‘надежда’) *thā...* (Р, 290) – Среди знакомых Кханны был только один-единственный человек, на беспристрастность и объективность которого он мог целиком **положиться** (П, 431),

bābā ko baṛī zor kī bhūkh (ж. – ‘голод’) *lagī hai* (VB, 563) – Дедушка сильно **проголодался**! (ББ, 435),

utnī baṛī bhūl (ж. – ‘заблуждение’, ‘ошибка’) *un se kabhī nahī* huī thī (PN, 45) – Он никогда еще не совершал такой грубой **ошибки!** (ПН, 30),

phir bālako ko bhī apne gharāūde se, apnī kāgaz kī nāvd se, apne lakṛī ke ghoṛ se mamtā (ж. – ‘любовь’) *hotī hai* (PN, 153) – Но **дети** хотя бы **любят** свои игрушечные домики, свои бумажные кораблики, своих деревянных лошадок (ПН, 124),

tagar in logō kī kalā mẽ kuch bhī ruci (ж. – ‘интерес’) *hai, aisā tuijhe nahī lagā* (RA, 438) – Но я не сказал бы, что эти **люди** хоть сколько-нибудь **интересуются** искусством (PM, 360),

aur jab ḍāktar sāhab ko unke praśna par uttar dene mẽ ek kṣaṇ kā vilamb (м. – ‘промедление’) *huā, tab to unke prāṇ nahī mẽ samā gaye* (PN, 115) – **Врач** чуть **помедлил** с ответом, и адвокат почувствовал, как больно **сжалось** его сердце (ПН, 90),

bhūgī par uskā viśvās (м. – ‘доверие’) *na thā...* (PN, 178) – ...она перестала **доверять** Бхунги... (ПН, 145),

gangāprasād ko māno apnī ākhō par viśvās (м. – ‘доверие’) *nahī* ho rahā thā (VB, 285) – **Гангапрасад** не **верил** своим глазам (ВБ, 242),

abhāgā thānedār jis ḍhang se chān-bīn kar rahā thā, usse jiyārām ko baṛī śankā (ж. – ‘боязнь’, ‘опасение’) *ho rahī thī* (PN, 174) – Большие всего **Джиярам** **опасался** пронизательности начальника полицейского участка (ПН. 142),

mise khannā ko kavītā likhne kā śauḥ (м. – ‘страсть’) *thā* (P, 58) – Госпожа **Кханна** **питала** **страсть** к сочинительству (П, 93),

mehtā ko kaṭu satya kahne mẽ sankoc (м. – ‘смущение’, ‘замешательство’) *na hotā thā* (P, 85) – **Мэхта** не **поколебался** сказать ей горькую правду (П, 134),

tārā kā is māmle se kuch samparka (м. – ‘связь’, ‘контакт’, ‘отношение’) *nahī* hai (YB, 529) – А **Тара** ко всему этому не имеет никакого **отношения** (Я, 410),

use laṛkō se sacmic sneh (м. – ‘любовь’) *thā* (PN, 74) – Она действительно их **любила** (ПН, 56),

horī ko to apnī cir sancit abhilāśā ke pūre hone kā harṣa (м. – ‘радость’, ‘удовлетворение’) *thā...* (P, 26) – **Хори** был **доволен** – сбылась его давнишняя мечта... (П, 44),

sikandar ko gvāliyar kī hār (ж. – ‘поражение’) *kabhī nahī bhūlī* (VM, 482) – **Сикандар** хорошо помнил **поражение**, которое он потерпел под Гвалиором... (ВВ, 333).

В предложениях языка хинди, отличающихся отмеченным выше соотношением форм личных имен и имен, личными не являющихся, употребительны субстативный глагол *honā*, а также глаголы *rahnā*, *ānā*, *lagnā*, *paṇnā*, *milnā*. В них падежно-последложным оформлением личных имен при участии послелого *ko* или послелогов, призванных содействовать выражению посессивности, достигается топиализация этих имен в не-агенсном (с точки зрения падежной грамматики) статусе. При этом имеется ряд глаголов, которые уже своей семантикой предопределяют появление личных имен в падежно-последложной форме на *ko* или местоимений в форме объектного падежа. Это такие глаголы, как, например, *akharnā* 'пре-тять', 'не нравиться', 'быть не по вкусу', *bhānā* 'нравиться', 'приходиться по вкусу', *yād ānā* и *yād honā* 'вспоминаться', *sūjhnā* 'попа-даться на глаза', 'приходить в голову'.

Сюда же можно отнести глагол *lagnā* в значении «казаться», глагол *bhūlnā* в значении «забываться», глагол *milnā* в значении «доставаться».

Аналогичные предложения языка хинди с глаголами в финитных формах активного залога широко используются в текстах переводов с русского языка.

Одни из них семантически отвечают предложениям русского языка с личным именем существительным или местоимением в косвеннопадежной форме (особенно показательна форма дательного падежа как функциональный эквивалент падежно-последложной формы на *ko* или местоименной формы объектного падежа), другие – предложениям русского языка с личным именем (местоимением) – подлежащим в форме именительного падежа при сказуемом в спрягаемой форме глагола.

Первый вид межъязыкового соответствия иллюстрируют следующие примеры:

Мне крайняя нужда в деньгах (А. Пушкин) – *mujhe rupaye kī atyant āvaśyaktā* (ж. – 'необходимость', 'нужда', 'потребность') hai (PK, 13),

А им меня ждать и не надо... (В. Распутин) – *unhē merī pratīkṣā karne kī āvaśyaktā* (ж. – 'необходимость', 'нужда', 'потребность') hī nahī hai (RT, 120),

Летом ей будто легчало... (В. Распутин) – *gar Miyō mē to unhē kuch ārām* (м. – 'отдых', 'покой') bhī milātā thā (RT, 13),

Им тоже домой охота... (В. Распутин) – **unhē** bhī to apne apne ghar jāne kī **icchā** (ж. – ‘желание’) hai... (RT, 120),

Идти на гору **Люсе** не очень и хотелось... (В. Распутин) – *ra-hārī par jāne kī lyūsyā kī viśeṣ icchā* (ж. – ‘желание’) to nahī thī... (RT, 91),

...другого дела у нее тут нету (В. Распутин) – **use** aur koī **kām** (м. – ‘дело’) nahī hai (RT, 132),

...сожалеть ему было о чем... (И. Тургенев) – ...aisā to bahut kuch thā jiskā **use khed** (м. – ‘сожаление’, ‘печаль’) thā... (TK, 229),

Но тебе не для чего горячиться, мне ведь это совершенно все равно (И. Тургенев) – *lekin tumhē is tarah baukhlāne kī zarūrat* (ж. – ‘необходимость’, ‘нужда’, ‘потребность’) nahī, kyōki **mujhe isse koī farq** (м. – ‘различие’, ‘отличие’) nahī parā (TP, 322),

Михайлу больше не страшины были ни сатана, ни жена... (В. Распутин) – *ab mikhāil ko na śaitān kā aur na ratnī kā hī dūr* (м. – ‘страх’, ‘боязнь’) thā (RT, 128),

Говорить ей все же было трудно... (В. Распутин) – **unhē bolne mē phir bhī taklīf** (ж. – ‘мучение’, ‘страдание’, ‘трудность’) ho rahī thī... (RT, 42),

Мне даже жалко его стало (А. Чехов) – **mujhe uspar taras** (м. – ‘сострадание’, ‘сочувствие’) tak ā rahā thā (CL, 274),

...а у этих и к оружию никакой охоты нет... (М. Лермонтов) – **in logō ko hathiyārō mē jaise koī dilcaspt** (ж. – ‘интерес’, ‘заинтересованность’) hī nahī hai... (LH, 18),

Но сейчас старухе вспомнилось другое (В. Распутин) – *lekin abhi-abhi būrhī ānnā ko ek dūsrī bāt* (ж. – ‘дело’, ‘факт’) yād āyī (RT, 177),

Я, и не щупая, скажу тебе, что у меня жар (И. Тургенев) – *pāgī dekhe binā māī āpko batā saktā hū ki mujhe bukhār* (м. – ‘жар’, ‘лихорадка’) hai (TP, 363),

И ему было страшно под одеялом (А. Чехов) – *aur kambal ke andar use bhay* (м. – ‘страх’, ‘боязнь’) lagtā thā... (CL, 267),

Нет, ей не страшно умереть... (В. Распутин) – *nahī, unhē marne kā bhay* (м. – ‘страх’, ‘боязнь’) nahī hai... (RT, 173),

И никому до этого нет дела... (В. Распутин) – **kisi ko isse koī matlab** (м. – ‘отношение’, ‘касательство’) hī nahī hai... (RT, 55),

[Елена Андреевна:] ...**Вам** не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга... (А. Чехов) – [yelenā andreyyevnā:] ...āpko na jan-

*galō, na pakṣiyō, aur na auratō aur na khud ek dūsre par **raham*** (м. – ‘сострадание’, ‘жалость’) ātā hai (CN, 135),

Ему было время (Н. Гоголь) – **inke pās dherō vakt** (м. – ‘время’) thā (GK, 484),

Как тебе только не стыдно? (В. Распутин) – **tujhe** *kuā bilkul **šarm*** (ж. – ‘стыд’) *nahĩ* hai? (RT, 63),

Когда Катерина перебралась к Дарье, стало поспокойней и Павлу... (В. Распутин) – *jab kāterīnā apnī jagah choṛkar dāryā ke pās calī gayī tab **pāvel ko bhī kuch **šāntī***** (ж. – ‘спокойствие’) *milī...* (RT, 350),

Всем было не до еды (В. Распутин) – **kisī ko khāne kā samay** (м. – ‘время’) *nahĩ* thā (RT, 203),

Нам с Васечкой некогда по театрам ходить (А. Чехов) – **mere aur vāsickā ke pās thieṭar jāne ke liye samay** (м. – ‘время’) *nahĩ* hai (CK, 12),

...ему нечем жить... (А. Чехов) – *...aur jīvit rahne ke lie **uske pās koī sādhan*** (м. – ‘средство’, ‘источник’) *nahĩ* hai... (CL, 221),

...нет у вас ни совести, ни жалости (А. Пушкин) – *kuā **tum mē zarā bhī hiyā*** (ж. – ‘стыд’) *yā **hamdardī*** (ж. – ‘сочувствие’) *nahĩ* hai? (PD, 125),

...а у пьяного, известно, власти над собой нету (В. Распутин) – *par **šarābī ko to apnā hoš*** (м. – ‘разум’, ‘сознание’) *hī nahĩ* rahtā hai (RT, 59).

Специфику второго вида межъязыкового соответствия отражают следующие примеры:

Так точно: я не имею права подвергать себя смерти (А. Пушкин) – *hā, **mujhe apne jīvan ko khatre mē ḍālne kā koī **adhiḱār***** (м. – ‘право’) *nahĩ* hai (PR, 28),

Над письмами, которые приходили от Люси и Ильи, она не имела такой власти (В. Распутин) – *lyūsī aur ilyā kī ciṭṭhiyō par **unkā aisā **adhiḱār***** (м. – ‘власть’) *nahĩ* hotā thā (RT, 147),

...я не привык целить в безоружного (А. Пушкин) – *nihatthe par niṣānā sādhone kī **mujhe ādat*** (ж. – ‘привычка’) *nahĩ*... (PR, 27),

Майор Ковалев имел обыкновение каждый день прохаживаться по Невскому проспекту (Н. Гоголь) – **mejar kovalev ko roz nevskī evenyū par ṭahalne kī ādat** (ж. – ‘обычай’, ‘обыкновение’) thī (GK, 347),

Мать, ты не будешь возражать, если мы с Михаилом за твоё выздоровление немножко выпьем? (В. Распутин) – *amṭā, **tujhe***

āpatti (ж. – ‘возражение’) *to nahī hogī agar māī aur mikhāīl tere svāsthya-lābh kī kāmna ke lie thorī-sī vodkā le lē ?* (RT, 56),

Я уже не чаяла утра дожждаться – ночь и ночь (В. Распутин) – **mujhe to saverā hone kī āśā** (ж. – ‘надежда’) *nahī rah gayī thī – rāt hī rāt thī* (RT, 68),

Павел удивлялся, глядя на Соню, на жену свою... (В. Распутин) – *apnī patnī sonyā kī or dekhte hue pāvel ko uspar āścarya* (м. – ‘удивление’) *ho rahā thā* (RT, 354),

И никогда никому **она** не завидовала... (В. Распутин) – **unhē kabhī bhī kisī se bhī irṣyā** (ж. – ‘зависть’) *nahī huī thī...* (RT, 174),

Марья Ивановна мучилась больше всех (А. Пушкин) – *sab se adhik kaṣṭa* (м. – ‘мучение’) **māryā ivānovnā ko** *hotā thā* (PK, 135),

Возвратясь домой, **я** заметил, что мне чего-то недостает (М. Лермонтов) – *ghar lauṇe par mujhe ek baṛī bemālūm-sī kasak* (ж. – ‘покалывание’) *mahsūs huī...* (LH, 146),

Вы от сердитесь (В. Распутин) – **tumhē to gussā** (м. – ‘гнев’) *ā rahā hai* (RT, 59),

Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей... (М. Лермонтов) – *satudra, tūfānī havāē, kuhṛā ho yā kināre ke gaṣṭī-jahāz yānko ko kisī se koī ḍar* (м. – ‘страх’, ‘боязнь’) *nahī hai...* (LH, 79),

Третьего дня **я** заразился в больнице дифтеритом... (А. Чехов) – **mujhe ḍipthīriyā** (ж. – ‘дифтерит’) *ek-do din pahle aspatāl mẽ lag gayī hai...* (CL, 156),

Я бы, когда могла, сама поглядела бы... (В. Распутин) – **mujh mẽ tākat** (ж. – ‘сила’, ‘мощь’) *hotī to khud jākar dekh jātī...* (RT, 66),

...**я** себя презираю, а вас ненавижу (М. Лермонтов) – **mujhe apne āp se nafrat** (ж. – ‘презрение’) *aur tum se ghsṛī* (ж. – ‘ненависть’) *hai* (LH, 178),

Она уже жалела, что не осталась дома... (В. Распутин) – **use ab pachtāvā** (м. – ‘раскаяние’, ‘сожаление’) *ho rahā thā ki ghar mẽ kyō nahī baiṭhī rahī...* (RT, 99),

И только **старуха** ждала не переставая (В. Распутин) – **keval būrhi mā ko hī nirantar pratīkṣā** (ж. – ‘ожидание’) *thī* (RT, 142),

С приходом Мироники **старуха** повеселела... (В. Распутин) – *mironikhā ke āne se būrhi ānnā ko prasannatā* (ж. – ‘радость’) *huī...* (RT, 115),

...не смейте его тронуть, если **Вы** меня любите (А. Пушкин) – *yadī tumhē mujh se zarā bhī prem* (м. – ‘любовь’) hai, to use chūnā tak nahī (PD, 105),

Вспомнила **она** и еще одно, заставившее ее улыбнуться... (В. Распутин) – *use ek bāt* (ж. – ‘дело’, ‘факт’) aur yād āyī jiske kāraṇ vah muskarā uṭhī... (RT, 94),

Вы, душенька, ошиблись... (А. Пушкин) – *merī pyārī, tum se bhūl* (ж. – ‘ошибка’) ho gayī hai... (PR, 113),

Как-то недавно, едуци в Крым, **я** встретил в вагоне Белокурова (А. Чехов) – *jab māī krīmīyā kī taraf jā rahā thā to rāste mẽ rel mẽ bāilokurov se merī mulākāt* (ж. – ‘встреча’) ho gaī (СК, 124),

Вскоре **они** к ней искренне привязались... (А. Пушкин) – *jald hī unhē usse saccā lagāv* (м. – ‘привязанность’, ‘связь’) ho gayā.. (PR, 262),

Люся не поверила, но сказать, что не верит, не смогла (В.Распутин) – *lyūsyā ko viśvās* (м. – ‘вера’, ‘доверие’) nahī huā paranti vah kuch na kah sakī... (RT, 22),

...она боялась, что в одном письме разные люди могут прочитать разное (В. Распутин) – ... *unhē śankā* (ж. – ‘боязнь’, ‘опасение’) hotī thī ki ek hī cīṭhī mẽ alag-alag log alag-alag samācār parh sakte the (RT, 147),

Ей стало обидно, грустно, но **она** тут же пристыдила себя... (В.Распутин) – *unhē bahut burā lagā aur vah udās huī, lekin turant hī unhē apne āp par śarm* (ж. – ‘стыд’) ā gayī (RT, 180),

И только когда все от слова до слова сходилось, **старуха** успокаивалась... (В. Распутин) – *jab ek-ek śabda mil jātā thā tab jākar unhē śāntī* (ж. – ‘спокойствие’) pahūctī thī (RT, 147),

На **Надю** **я** пожаловаться не могу (В. Распутин) – *mujhe nādyā se koī śikāyat* (ж. – ‘жалоба’) nahī hai (RT, 57),

Я утром еще не очухался, а уж вижу: всё, хана (В. Распутин) – *savere mujhe hoś* (м. – ‘разум’, ‘сознание’) bhī nahī āyā thā ki dekhtā kyā hū – beṛā garḥ ho cukā hai (RT, 74).

Различие между упомянутыми видами межъязыкового соответствия четко отражают попарно распределенные примеры (из уже приведенных выше), где в предложениях хинди, являющихся переводными эквивалентами исходных предложений русского языка, функцию синтаксического субъекта выполняют неличные существительные *dar* м. ‘страх’, ‘боязнь’, *bāt* ж. ‘дело’, ‘факт’, *śarm* ж.

‘стыд’, *śānti* ж. ‘спокойствие’, *hoṣ* ‘разум’, ‘сознание’, будучи именами субъекта действий, обозначенных выступающими в финитных формах активного залога глаголами (соответственно *honā* ‘быть’, *yād ānā* ‘вспоминаться’, ‘приходить на память’, *honā* ‘быть’ и *ānā* ‘приходить’, *milnā* ‘доставаться’ и *rahīcnā* ‘прибывать’, *rahnā* ‘оставаться’ и *ānā* ‘приходить’):

(1)

Михаилу больше не страшны были ни сатана, ни жена... (В.Распутин) – *ab mikhāil ko na śaitān kā aur na patnī kā hī. **ḍur** thā* (RT, 128),

Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей... (М. Лермонтов) – *samudra, tūfānī havāē, kuhrā ho yā kināre ke gaṣṭī-jahāz **yānko ko** kisī se koī **ḍur** nahī hai*... (LH, 79);

(2)

Но сейчас **старухе** вспомнилось другое (В. Распутин) – *lekin abhī-abhī **būrhī ānnā ko** ek dūsrī **bāt** yād āyī* (RT, 177),

Вспомнила **она** и еще одно, заставившее ее улыбнуться... (В.Распутин) – *use ek **bāt** aur yād āyī jiske kāraṇ vah muskurā uṭhī*... (RT, 94);

(3)

Как **тебе** только не стыдно?! (В. Распутин) – *tujhe kyā bilkul **śarm** nahī hai?* (RT, 63),

Ей стало обидно, грустно, но **она** тут же пристыдила себя... (В.Распутин) – *unhē bahut burā lagā aur vah udās huī, lekin turant hī **unhē** apne āp par **śarm** ā gayī* (RT, 180);

(4)

Когда Катерина перебралась к Дарье, стало поспокойней и **Павлу**... (В. Распутин) – *jab kāterīnā apnī jagah chorakar dāryā ke pās calī gayī tab **pāvel ko** bhī kuch **śānti** milī*... (RT, 350),

И только когда всё от слова до слова сходило, **старуха** успокаивалась... (В. Распутин) – *jab ek-ek śabda mil jātā tab jākar **unhē** **śānti** rahūctī thī*... (RT, 147);

(5)

...а у **пьяного**, известно, власти над собой нету (В. Распутин) – *...par **śarābī ko** to apnā **hoṣ** hī nahī rahtā hai* (RT, 59),

Я утром еще не очухался, а уж вижу: всё, хана (В. Распутин) – *savere **mujhe hoṣ*** (м. – ‘разум’, ‘сознание’) *bhī nahī āyā thā ki dekhtā kyā hū - beṛā garḥ ho cukā hai* (RT, 74).

Выше на целом ряде примеров было показано, что предложения языка хинди с финитной формой активного залога и с падежно-последеложной формой на *ko* личных имен или с местоименной формой объектного падежа могут переводиться на русский язык безличными предложениями, а также могут выступать в качестве переводных эквивалентов русских безличных предложений. Второй случай являет собою лишь частное проявление того обстоятельства, той закономерности, что односоставность разнообразных безличных предложений русского языка легко находит себе соответствие в двусоставных тождественных им по смыслу предложениях языка хинди. Эта закономерность подтверждается следующими примерами:

В самом деле уже рассветало... (А. Пушкин) – *vāstav mē hī ujalā hone lagā thā* (PR, 102),

Днями припекало... (В. Распутин) – *din mē tez garmī paṛ rahī thī* ... (RT, 417),

...в курятнике быстро темнело (В. Распутин) – *darbe mē ṣīghra hī ādherā ho gayā* (RT, 470),

Угарно и сладко пахло от истлевающих в самоваре углей... (В. Распутин) – *satāvar mē mand paṛte hue koylō ke dhuē kī gandh vahā vyāp rahī thī*... (RT, 289),

Горело с жутким, идущим изнутри подвывом (В. Распутин) – *āg andar se bhayānak rūp se dhadhaktī hūī nikal rahī thī* (RT, 420),

Не хватало только Татьяны (В. Распутин) – *ek tātyānā kī kamī thī* (RT, 19),

Колхоза больше нет (В. Распутин) – *kalkhoz to ab rahī nahī* (RT, 285),

В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов (А. Пушкин) – *is īśvaratyakta garhī mē na to senā kī jāc hotī thī, na kavāyad aur na kabhī santrī-pahre kā kārya hī hotā thā* (PK, 33),

...роиц все было не видать (А. Пушкин) – *...vrkṣa-jhurmut kī abhī jhalak bhī nahī milī thī* (PR, 34),

...и не стало видно теней (А. Чехов) – *ab parchāiyā dikhāī nahī de rahī thī* (CK, 122),

Гурову было уже скучно слушать (А. Чехов) – *gurov uskī bātē sunte-sunte ūb uṭhā thā* (СК, 62),

Ей не с кем было посоветоваться... (А. Пушкин) – *vah kiśī ke sāth bhī salāh-maśvīrā nahī kar saktī thī...* (PR, 112),

Быть может, ему было грустно... (А. Чехов) – *śāyad vah udās thā...* (СК, 93),

...ему было стыдно убить человека безоружного... (М. Лермонтов) – *...ek nihatthe ādmī ko jān se mār ḍālne ke vicār ne use śarm se pānī-pānī kar diyā* (LH, 175),

Мне не хотелось домой... (А. Чехов) – *māī ghar nahī jānā cāhtā...* (СК, 122),

...но мне хотелось его побесить (М. Лермонтов) – *...lekin māī use zarā cīṛhānā cāhtā thā* (LH, 101),

...катер на повороте накренило и качнуло... (В. Распутин) – *moṭṭar.... moṭṭar-naukā ne ek taraf ko jhuk kar hickolā khāyā ...* (RT, 487),

Опять с грохотом и страстью пронесло лед, нагромоздив на берега торосы... (В. Распутин) – *ek bār phir barī tezī se śor ke sāth āye barf ke lodō kā ḍher taṭ par jam ho gayā....* (RT, 277),

В раскрытую дверь, как из разверстой пустоты, понесло туман... (В. Распутин) – *khule hue dvār mẽ se, jaise kī mūh khole koī riktatā ho, kohrā andar ā gayā...* RT, 492),

...и оттуда изредка потягивало влагой (А. Чехов) – *...aur rah-rah kar havā kā śīt bharā jhōkā ā rahā thā* (СК, 3),

Пахло лекарствами (А. Чехов) – *davāō kī gandh phailī huī thī* (CL, 157),

Что-то ветром подуло... (А. Чехов) – *abhī havā kā ek jhōkā āyā thā...* (CL, 14),

В дыру в окне тянуло свежестью... (В. Распутин) – *khīrkī ke ched mẽ se ṭhaṇḍ andar ā rahī thī ...* (RT, 472),

В разбитую стеклинку наплескивало сыростью (В. Распутин) – *ṭīṭe hue śīše mẽ se namī kā ek jhōkā andar āyā* (RT, 492),

Пахнет травами, пахнет лесом... (В. Распутин) – *ghās kī gandh ā rahī hai, jangal kī gandh ā rahī hai...* (RT, 384),

...срезало молнией «царскому лиственю» верхушку и кинуло ее на землю (В. Распутин) – ...*bijlī girne se 'rājasī śrīdārū' kā ūparī bhāg ūṭkar dhartī par ā girā thā* (RT, 449),

...высокое пламя загибалось поверху ветром и обрывало... (В.Распутин) – *ūcī lapeṭe ūpar pahūckar havā ke kāraṇ ṭerhī hokar tūt rahī thī* (RT, 420),

Стало еще светлей и беспокойней... (В. Распутин) – *roṣnī aur aśāntī baṛh gayī thī*... (RT, 431),

...но в избе было светло и ясно... (В. Распутин) – ...*parantu ghar mẽ prakāś aur ujālā thā*... (RT, 52),

Кругом сонно и терпеливо, и кругом безгласно... (В. Распутин) – *sārā vātāvaraṇ unīdā aur sahanśīl-sā hai*... (RT, 314),

Было жарко... (А. Чехов) – *mausam garm thā*... (СК, 108),

...но темно было в глазах у Ивана Петровича... (В. Распутин) – ...*lekin ivān petrovic kī ākhō mẽ ādherā chāyā huā thā* (RT, 258),

Во многих избах было не белено, не прибрано... (В. Распутин) – *bahut-se takāñḍ mẽ na putāyī huī thī, na safāī*... (RT, 278).

При всем конструктивном разнообразии безличных предложений русского языка в переводе их на хинди не используются, что видно из вышеприведенных примеров, глагольные формы залога, противопоставляемого активному залогу.

Такое разнообразие наблюдается и при переводе на русский язык предложений языка хинди, содержащих финитный глагол активного залога:

śām ho rahī thī (VB, 136) – Быстро смеркалось (ББ, 126),
navambar kā antim saptaḥ ā gayā thā aur sardī baṛh gaī thī (VB, 683) – В конце ноября похолодало... (ББ, 511),

... *ādherā ghirne lagā thā* (VB, 94) – Скоро совсем стемнело (ББ, 95),

ab uskā man dhīre dhīre halkā hone lagā thā (VB, 549) – На душе немного полегчало (ББ, 426),

- ...acānak mere hōṭh sūkhne lage (RA, 525) – У меня вдруг пересохло во рту (PM, 433),
 havā nahī cal rahī thī (VM, 285) – Ветра не было (BB, 210),
 ...fursat nahī milī thī (VB, 682) – Свободного времени оставалось очень мало (BB, 510),
 vāpasī par cetan kā man bhārī rahā (AG, 193) – Тяжело было возвращаться Четану домой (AY, 55),
 gale mẽ ṣoṭh hone ke kāraṇ vah adhik na bol pāyā thā... (AG, 306) – Из-за опухоли в горле, ему, кажется, было трудно говорить... (AY, 88),
 nīlīmā alag kamrā nahī cāhī (RA, 292) – Нилиме не хочется брать отдельный номер (PM, 242),
 naval kā man is samay tak bahut adhik udās ho gayā thā (VB, 658) – Когда Видья ушла, Навалою взгрустнулось (BB, 495),
 unhō ne kivāṛ tor diye the... (AG, 327) – Пандиту Шадираму наконец удалось выбить дверь (AY, 92-93),
 in tīn mahīnō mẽ usne 'bībī jī' kī kuch jhāṅkiyā hī dekhī... (AG, 402) – За прошедшие три месяца ему довелось быть свидетелем нескольких сцен, устроенных «госпожой»... (AY, 112),
 havā aur bhī ṭhaṇḍī ho gaī (VM, 18) – Потянуло прохладой (BB, 35),
 ...aur havā mẽ kuch tāzgī ā gaī thī (VB, 658) – Стало свежо (BB, 495),
 sardī apne yauvan par thī (VM, 311) – Было очень свежо (BB, 225),
 gāṅv se rājā aur mṛganayanī ke dalbal sahit cale jāne ke uparānt sahal-rahāl ek dam ṭhaṇḍī par gaī (VM, 211) – После отъезда раджи и его свиты в деревне снова стало тихо (BB, 161),
 us samay uskā man udās thā (VB, 377) – На душе у него было грустно (BB, 314).

В хинди глагольным формам, относимым к активному залогу, регулярно противопоставляются формы, в образовании которых в качестве вспомогательного участвует глагол *jānā* 'идти', 'уходить' в постпозиции к перфективному причастию знаменательного (автосемантического) глагола или к его (знаменательного глагола) предельной форме, т.е. тотиву ("интенсивному глаголу"): *ciṭṭhiyā bhejī jāī hāī* ~ *ciṭṭhiyā bhej dī jāī hāī* ('Письма отправляются'; *bhejnā* 'посылать', 'отправлять' > *bhej denā*, где *denā* 'давать' выступает как

оператор предельной формы знаменательного глагола), *ek ḍākū ko mārā gayā ~ ek ḍākū ko mār ḍālā gayā* ('Убили одного разбойника' или 'Один разбойник был убит'; *mārnā* 'убивать' > *mār ḍālā*, где *ḍālā* 'бросать' выступает как оператор предельной формы знаменательного глагола).

В предложениях с такими формами исключается возможность появления как прямопадежной формы, так и падежно-последовательной формы на *ne* имени (местоимения) субъекта действия, названного знаменательным глаголом:

(а) *ḍolī ek amrāī mẽ utārī gaī* 'Паланкин опустили [на землю] в манговой роще' (*utārānā* 'опускать', 'спускать'),

(б) *kuch cor rakṛe gae* 'Поймали несколько воров' (*pakarṇā* 'хватать', 'ловить', 'задерживать'),

(в) *larṛe se roḥ nahī khāī gaī* 'Мальчик не мог есть лепешку' (*khānā* 'есть', 'поедать', 'вкусать'),

(г) *mere dvārā pustak paṛhī gaī* 'Мной книга была [про]читана' (*paṛhnā* 'читать'),

(д) *adhikāriyḍ ko kāryālay mẽ bulāyā gayā* 'Чиновников вызвали в офис' или 'Чиновники были вызваны в офис' (*bulānā* 'звать'),

(е) *tumḥẽ mujh se nahī dekhā jātā* 'Мне невидимо видеть тебя' (*dekhnā* 'смотреть', 'видеть'),

(ж) *mujh se na sunā gayā* 'Мне слушать стало невмочь' (*sunnā* 'слушать', 'слышать'),

(з) *mujh se soyā nahī jātā* 'Мне не спится' (*sonā* 'спать'),

(и) *dhūp mẽ calā nahī jātā* 'На солнышке идти невозможно' (*calnā* 'идти', 'двигаться').

В целом ряде работ эти формы именуют *jānā*-пассивом (или *jā*-пассивом), считая его регулярным членом залогового противопоставления в системе глагола современного хинди – противопоставления релевантного не только для переходных глаголов [см. выше примеры (а) – (ж)], но и (с определенными ограничениями со стороны лексического значения) для глаголов непереходных [см. выше примеры (з) и (и)].

Финитный глагол данного залога проявляет объектный вид согласования при условии, что имя объекта действия (Объект), отвечающее валентности переходного глагола, предстает в прямопадежной форме [см. выше *ḍolī* – ж.р. ед.ч. в (а), *cor* – м.р. мн.ч. в (б), *roḥ* – ж.р. ед.ч. в (в), *pustak* – ж.р. ед.ч. в (г)]. В остальных возможных

случаях, а именно: 1) когда имя объекта действия, отвечающее валентности переходного глагола, выступает в падежно-последовательной форме на *ko* [см. *adhikāriyō ko* в (д)] или бывает представлено местоименной формой объектного падежа [см. *tumhē* в (е)], 2) когда прямообъектная валентность переходного глагола остается нереализованной [см. пример (ж)], 3) когда соответствующей залоговой формой наделяется непереходный глагол [см. примеры (з) и (и)], — он проявляет нулевой вид согласования, т.е. принимает нейтральную (несогласованную) форму, равную, как уже отмечалось выше, форме третьего лица единственного числа мужского рода.

Имя (местоимение) субъекта действия, будучи выраженным в предложении, принимает косвеннопадежную форму с первообразным послелогом *se* [см. *larke se* в (в), *tujh se* в (е), (ж) и (з)] или же оформляется при участии производного послелога [*ke*]*dvārā* ‘при помощи’, ‘посредством’ [см. *mere dvārā* в (г)] либо какого-либо одного из его синонимов.

Отмеченное выше залоговое противопоставление проявляется не только в сфере финитных форм. Оно пронизывает также и инфинитные формы глаголов (правда, фактически только переходных): инфинитив, причастия, глагольное прилагательное, деепричастие, герундий. Название той или иной инфинитной формы *jānā*–пассива “подсказывается” формой, в которой предстает в качестве вспомогательного глагол *jānā*.

В наименовании «*jānā*–пассив» отражена существенная черта строения выделенного члена залоговой оппозиции. Им удобно пользоваться тогда, когда данный залог рассматривается в плане как синхронии, так и диахронии наряду с другими возможными “пассивами”, на фоне которых оттеняется его своеобразие.

Мы же предпочитаем называть этот залог инактивным потому, что его формами охватываются не только переходные глаголы, при функционировании которых с выражением субъектно-объектных отношений сопрягается оппозиция “актив ~ пассив”, но и непереходные глаголы, лишенные, *par définition*, прямообъектной валентности.

В лингвистической литературе находят отражение разные интерпретации объема и грамматического содержания категории залога русского языка. Так, например, точке зрения, согласно которой залогом как грамматической категорией охватываются все глаголы

русского языка, противостоит мнение, что категория залога представлена только у переходных глаголов, а непереходные глаголы категории залога не имеют. Одни авторы насчитывают два залога (действительный ~ страдательный), другие – три залога (действительный ~ возвратно-средний, или средне-возвратный, ~ страдательный).

Ныне утвердилась трактовка категории залога в русском языке как категории смешанного типа: “Грамматическая категория залога является категорией с м е ш а н н о г о т и п а: у глаголов совершенного вида и у некоторых глаголов несовершенного вида... при соотношении спрягаемых форм действительного залога и кратких страдательных причастий залоговое противопоставление выражается разными формами одного глагола (*Студенты строили клуб – Клуб построен студентами; Его любят друзья – Он любим друзьями*); у других глаголов несовершенного вида залоговое противопоставление выражено разными глаголами: переходными глаголами действительного залога и возвратными глаголами в страдательном значении (которое может быть выявлено только в конструкции пассива: *Профессор читает лекцию – Лекция читается профессором*). Такое вовлечение в сферу грамматической категории отношений между разными словами делает категорию залога категорией отчасти словоизменительного, отчасти несловоизменительного типа” [100, с. 616; см. также: 72, с. 272-273; 82, с. 466].

Важно при этом подчеркнуть, что “залоговое противопоставление выражается разными формами одного глагола” лишь при условии, если глагол этот переходный. Стало быть, категория залога русского языка в той части, где она предстает как категория “словоизменительного типа”, характеризуется тем, что члены лежащей в ее основе оппозиции “действительный залог: страдательный залог” не являются одинаковыми (равнообъемными) в отношении лексической дистрибуции: первым членом такой оппозиции охватываются как непереходные, так и переходные глаголы, тогда как на второй член оппозиции накладываются со стороны глагольной лексики ограничения, закрепляющие за ним только признак “транзитивность”.

Что же касается “возвратных глаголов в страдательном значении”, то они представляют собою не что иное, как подмножество среди глаголов с постфиксом *-ся* – неизменной приметой непереходности. Будучи образованными от переходных глаголов (путем осложнения постфиксом *-ся*), они отличаются сочетаемостью с име-

нами, отвечающими субъектной валентности исходных переходных глаголов, в творительном падеже. Их можно относить к лексическим средствам выражения определенного залогового значения, именовать пассивно-возвратными и ставить в один ряд с возвратными глаголами других разновидностей: собственно возвратными (*умываться, одеваться*), взаимно-возвратными (*целоваться, обниматься*), обще-возвратными (*радоваться, торопиться*), косвенно-возвратными (*запасаться, укладываться*), безобъектно-возвратными (*кусаться, гнуться*), безлично-возвратными (*лежаться, сидеться, спаться*). Однако их принадлежность к кругу глаголов возвратных подвергается сомнению. При этом глаголы с постфиксом *-ся*, не имеющие страдательного значения, или относятся к Действительному залогу, или считаются представляющими собой возвратно-средний залог. Бытует также взгляд на формы глаголов очерченного выше подмножества как на синтетические формы страдательного залога, наличествующие наряду с его (этого залога) аналитическими формами – сочетаниями глагола *быть* с краткой формой страдательного причастия: прошедшего времени от глаголов совершенного вида (*прочитан, построен*), а также настоящего времени от глаголов несовершенного вида (*любим, носим*) и прошедшего времени от глаголов несовершенного вида (*читан, зван*).

Вместе с тем дискуссионным остается вопрос о степени интегрированности упомянутых аналитических форм в морфологическую парадигму финитного глагола хотя бы потому, что имеется тенденция подводить их (скорее частично, чем полностью) под понятие *связочно-именного сказуемого*. Из них наиболее употребительна форма, опирающаяся на страдательное причастие прошедшего времени (разумеется, от глаголов совершенного вида). Значение, выражению которого она служит, бывает статальным или акциональным. Разграничение этих значений видно из следующего примера: *Когда я вошел в комнату, окно было открыто, но я не знаю, когда оно было открыто*; см. также: *Город был долго окружен ~ Город был быстро окружен, Город все еще окружен ~ Город только что окружен* (примеры извлечены из работ по соответствующей тематике)¹. В своем статальном значении упомянутая форма играет

---

¹ При соотносении содержания высказываний с планом настоящего времени глагол *быть* (связка/ вспомогательный глагол) как компонент данной формы бывает представлен нулем.

роль пассива состояния, которое является результативным в той мере, в какой оно мыслится как результат предшествующего завершенного действия, обозначенного глаголом.

Что же касается упомянутых выше “синтетических форм” страдательного залога, то им присуще акциональное значение, раскрываемое в рамках только несовершенного вида. Ср.: *Этот дом строится быстро* ~ **Этот дом построятся быстро*, *Часы чинились мастером* ~ **Часы починились мастером*. Их можно называть пассивно-возвратными формами.

Итак, в несовершенном виде используются пассивно-возвратные формы страдательного залога, а в совершенном виде – аналитические формы этого залога: *Этот дом строится быстро* ~ *Этот дом будет построен быстро*. *Часы чинились мастером* ~ *Часы были починены мастером*.

Итак, между хинди и русским языком имеется различие в том, как у них структурирована категория залога. В хинди эта категория четко грамматикализована и ее грамматикализованность оттеняется тем, что инактивный залог выглядит формально производным от залога активного: глагол *jānā*, выступая в качестве вспомогательно-го при образовании инактивного залога, принимает формы, свойственные глаголам в активном залоге. Грамматичность категории залога русского языка как категории смешанного типа затушевывается тем, что один из ее экспонентов, страдательный залог, в одной своей части легко воспринимается как средство выражать залоговое значение лексически, а в другой своей части мало отличается от сочетаний предикатива с глаголом-связкой. Каждый из двух языков имеет свои особенности в области функционирования залоговых форм.

Так, важнейшим показателем страдательного залога русского языка считается его сочетаемость в составе предложения с творительным падежом имени (местоимения) со значением субъекта действия: *Письма отправляются экспедитором* (ср.: *Экспедитор отправляет письма*), *Берег размывается волнами* (ср.: *Волны размывают берег*), *Проект был утвержден комиссией* (ср.: *Комиссия утвердила проект*).

В хинди же инактивный залог отличается подверженностью его форм функционированию в предложениях, не содержащих в

своем составе имени (местоимения) субъекта действия². Данное положение иллюстрируют следующие примеры с объектным (а) и нулевым (б) согласованием финитного глагола инактивного залога:

(а)

jab šām ko šankarlāl inspektar balvantsinh ke sāmne lāyā gayā, uske hoš-havās gāyab hone lage the (CC, 38-39) ‘Когда вечером Шанкарлал был доставлен к инспектору Бальвантснху, им овладело смятение’,

ek ~~chikū~~ mārā gayā (SK, 63) ‘Убили одного разбойника’,

vah sikh girāftār kar liyā gayā (CC, 70) ‘Этого сикха арестовали’,

mahārāj kā sab se sundar udyān-gṛh, sāmne cādnī mẽ dekhie, kaisā sajāyā gayā hai (UK, 120) ‘Смотрите, как украшена великолепнейшая беседка махараджи, озаренная лунным светом’,

nasīruddīn gaddī se utārā jāyga (NM, 375) ‘...Насируддин будет свергнут с престола’;

(б)

ḍikṭar aur nāsir ko ek nayī banī imārat ke kamre mẽ layā gayā (YD, 112) ‘Доктора и Насира доставили в одну из комнат только что выстроенного здания’,

ek āgrez mahilā ko us galī mẽ mārā gayā thā (RD, 54) ‘В этом переулке убили одну англичанку’,

basantā ko girāftār kar liyā gayā... (JY.11.01, 1985, 3) ‘Басанту арестовали...’,

klab ke bare hāl ko kāgazī phūlō, rang-rang ke gubbārō aur rešmī pardō se dulhan kī tarah sajāyā gayā thā (KE, 127) ‘Огромный зал клуба был, как невеста, украшен бумажными цветами, разноцветными шарами и шелковыми полотнищами’.

madansinh ko takht se utār diyā jāe (US, 100) ‘Мадансинх должен быть свергнут с престола’.

Действия, названные глаголом в такого рода предложениях, мыслятся относящимися к личному субъекту (т.е. к субъектам-лицам или субъекту-лицу). Поэтому такого рода предложениям языка хинди наилучшим образом соответствуют в русском языке неопре-

---

² Можно и так сказать: отсутствием эксплицитно выраженного субъекта действия в составе предложения имплицитно появляется глагол в форме инактивного залога.

деленно-личные предложения и, следовательно, формам инактивного залога отвечают в русском языке присущие неопределенно-личным предложениям глагольные формы активного залога (форма третьего лица множественного числа настоящего или будущего времени, форма множественного числа прошедшего времени, форма множественного числа сослагательного наклонения):

tumhāre sāth anyāy kiya jā rahā hai... (VB, 580) – ...с вами поступают несправедливо... (ББ, 447),

...mujhe dūdh kī makkhī kī tarah nikālkar bāhar phēkā jā rahā hai (VB, 580) – ...меня выбрасывают, как дохлую муху из молока! (ББ, 447),

...kābil āgrez navayuvak liye jāte hāī... (VB, 580) – ...набирают способных индийских юношей (ББ, 447),

janvarī ke dūsre saptāh mẽ yuktaṭprānt ke viśiṣṭa aur zimmedār adhikāriyō ko parāmarṣa aur vicār-vimarṣa ke lie yuktaṭprānt kī rājdhanī lakhnau mẽ bulāyā gayā thā (VB, 537) – В середине января ответственных чиновников Соединенных провинций вызвали на совещание в Лакнау (ББ, 419),

in makānō ke kirāedārō ko bargalāyā jā rahā hai (VB, 487) – Да еще квартирантов подстрекают (ББ, 386),

khavāsīn vidā kar dī gaī thī (VM, 228) – Служанок не было, их прогнали (ББ, 172),

ūṅg dene ke bād is ghare ko hilā diyā jāyā (VM, 105) – Сейчас кувшин снова поднимут, потом покачнут (ББ, 93),

is ko utārā gayā aur us mẽ pānī bhar diyā gayā. kāṭh kī ek choṭī sī batakh us mẽ ḍāl dī gaī (VM, 105) – Кувшин опустили пониже, наполнили водой и бросили в него маленькую деревянную утку (ББ, 93),

kāngres ko yahā se tār bhejā gayā ... (VB, 457) – В комитет действительно послали телеграмму... (ББ, 368),

...jaise hī abhī ādhā hī khāne par merī pleṭ mere sāmne se uthā lī gaī ho... (RA, 262) – ...будто в разгар обеда у меня забрали тарелку с вкусной едой (ПМ, 220),

vahā rakhī jūthī pleṭ aur pyāliyō se lag rahā thā ki subah kā nāsthā kiya jā cukā hai (RA, 266) – Судя по оставшимся на столе невымытым тарелкам, в доме давно уже позавтракали (ПМ, 223),

māmūlī jvar bhī ā jāy, to hamē sarsām kī davā dī jāti hai... (P, 14) – Захворает кто-нибудь из нас самой обычной лихорадкой, а его принимают пичкать лекарствами от белой горячки... (П, 26),

śādī-byāh mē pīlī sārī pahṇī jāti hai, ujīlī sārī koī nahī pahantā (P, 17) – *А на свадьбу всегда желтые сари надевают, в белых никто не приходит!* (П, 31).

Действие, указанное в неопределенно-личных предложениях русского языка, изображается отнесенным к неопределенному множеству лиц, и оно изображается таковым в следующих речевых ситуациях: 1) субъект действия неизвестен; 2) субъект действия известен, но не важен, а важен сам факт действия; 3) субъект действия не заслуживает упоминания, которое было бы уместным. Они находят себе соответствие в предложениях языка хинди, содержащих формы пассивного залога:

Старика отнесли в спальню (А. Пушкин) – *vṛddha vyakti ko sone ke kamre mē pahūcā diyā gayā* (PD, 29),

Поймали несколько человек из его шайки... (А. Пушкин) – *kuch dākū pakṛe bhī gae...* (PD, 128),

Ради Степана открыли новую бутылку (В. Распутин) – *stepān ke liye nauī botal kholī gayī* (RT, 128),

И вот канаву засыпали... (В. Распутин) – *ab nālā bhar diyā gayā thā* (RT, 93),

...электричество в Матёре отключили еще весной (В. Распутин) – *matyora mē bijlī to vasant se hī band kar dī gayī thī* (RT, 329),

Вот и теперь посадили огороды... (В. Распутин) – *is bār bhī bagīcā mē sabziyā boū gayī thī...* (RT, 277),

Гнали к Ангаре совхозный скот... (В. Распутин) – *savkhoz ke mavešiyō ko angārā kī or hākā jā rahā thā...* (RT, 420),

Тогда, наверное, и пригнали сюда бульдозер (В. Распутин) – *tabhī, sambhavataḥ yahā bulḍozar lāyā gayā thā* (RT, 93),

Петрухе сказали, что его избу увезут в музей... (В. Распутин) – *petrūkhā ko kahā gayā thā ki uske makān ko sangrahālay mē le jāyā jāyegā* (RT, 321),

Послали в город за лекарем (А. Пушкин) – *śahar se dākṭar ko bulvāyā gayā* (PR, 37),

Электричество у старухи выключили, зажгли лампу (В. Распутин) – *būrhī mā ke kamre kā balb bujhākar lālṭen jalā dī gayī...* (RT, 21).

Неопределенно-личное значение передается в хинди и предложениями с формами активного залога при условии, если субъект действия остается необозначенным, о чем свидетельствуют следующие примеры на перевод с русского языка на хинди:

И мужиков погнали в деревню (В. Распутин) – *mujhikō ko khader kar gāñ kī taraf le gaye* (RT, 294),

Закладывали силос обычно воскресником (В. Распутин) – *khattī ko ām taur par ravivār ke dīn śramdān ke dvārā bharā karte the* (RT, 93),

Вместо воды пили березовый сок, который тело принимало как снадобье... (В.Распутин) – *pānī ke badle bhūrja kā ras pīyā karte the, jo śarīr ke liye guṇkāri hotā thā...* (RT, 96),

электричество в Матёре отключили еще весной. Машины, которая гнала его, куда-то увезли... (В. Распутин) – *matyoraṁ mē bijlī to vasant se hī band kar dī gayī thī. bijlī jalāne vālī mašin – janareṭar – ko kahī uṭhā le gaye the* (RT, 329),

Мельницу запалили (В. Распутин) – *cakkī mē āg lagā ḍālī hai* (RT, 419),

Одну (бутылку. – В.Л.) откупорили в праздник (В. Распутин) – *ek botal jaśna manāne ko khol dī* (RT, 331).

В первых четырех приведенных выше примерах налицо структурное сходство между предложениями русского языка и хинди, поддерживаемое формой третьего лица множественного числа мужского рода у предиката в предложениях языка хинди так, как, скажем, в следующем примере: *mujhe upendra kahte hāī* (AD, 113) ‘*Меня зовут Упендра*’.

В последних двух примерах такого сходства нет: в приведенных предложениях языка хинди за неимением в их составе имени (местоимения) субъекта действия помещенные перфективные формы переходных глаголов уподобляются в своем функционировании формам инактивного залога так, как, скажем, в следующем примере: *rasse ke ek sire ko koṭ ke kāgūre se bādh diyā aur dūsre par sarakphūd kā barā phandā banāyā* (VM, 286) – *Один конец веревки привязали к зубцу, на другом сделали петлю* (BB, 210).

Проиллюстрированное выше примерами межъязыковое соответствие «формы инактивного залога (х.) $\longleftrightarrow$ формы действительного залога неопределенно-личных предложений (р.)» при всей своей стабильности может уступать место соотношению «формы инактивного залога (х.) $\longleftrightarrow$ формы страдательного залога (р.)»:

śimle ke ek miśāyare mē ham sab ko bulāyā gayā thā (AG, 86) – *Как-то мы все были приглашены в Симлу на мушауру* (AY, 25),

tīnō khāce bhūse se bhar diye gaye (P, 22) – *Наконец, все три корзины были доверху набиты соломой* (II, 38),

kuch-ek ṭipraṇiyā bīkul nṛtya-vidyālayō kī bhāṣā mē likhī gaī thī (RA, 498) – *Некоторые отзывы были написаны языком, каким обычно изъясняются преподаватели и учащиеся танцевальных школ* (PM, 410).

...jaise vah pradaršan khālī kursiyō ke sāmne kiyā jā rahā ho (RA, 498)
 – ... *будто представление дается в абсолютно пустом зале* (PM, 410),
gulkand kā martbān nādir ke sāmne peš kiyā jātā hai (RA, 342) – *Надир-*
шаху подносится целый кувшин варенья из лепестков роз (PM, 281);

Посланы были к ним лазутчики (А. Пушкин) – *unke bīc jāsūsō ko bhejā gayā* (PR, 188),

Деньги были доставлены Зурицу (А. Пушкин) – *zūrin ko paise bhijvā diye gaye* (PR, 145),

Самовар был выставлен заранее (В. Распутин) – *samāvar ko pahle hī rakh diyā gayā thā* (RT, 465),

И это потому, что не дается то, что нужно (А. Чехов) – *yah sab islie hotā hai ki jo bātē zarūrī hotī hāī ve kabhī nahī kī jāī* (CL, 269),

Иван Петрович заметил, что по цепи передаются не одни только ящики... (В. Распутин) – *ivān petrovic ne dekhā ki katār se na keval kreṭ hī āge barhāye jā rahe hāī*... (RT, 238).

Когда аналитические формы страдательного залога русского языка понимаются в своем статальном значении, соотнесенными с ними оказываются результаты языка хинди, представляющие собой сочетание перфективного причастия-предикатива с глаголом-связкой:

1) результатив на базе причастия от переходного глагола: *Хорошо еще, что над ним, над вторым* (складом. – В.Л.), *была сбита крыша...* (В. Распутин) – *acchā huā ki uske yānī dūsre godām ke ūpar chāi toṛī huī thī* (RT, 236), см. *torṇā* ‘ломать’, ‘крушить’;

2) результатив на базе причастия от непереходного глагола: *Все его добро было уже уложено...* (А. Пушкин) – *uskā sārā sāmān bādhā huā thā*... (PR, 17), см. *bādhnā* зд. ‘упаковываться’.

В первом случае результатив является объектным. При этом семантическая общность сопоставляемых предложений дополняется параллелизмом в строении их самих и, что показательно, их предикатов, так что результатив языка хинди легко может быть воспринят как воплощение инактивного (точнее – пассивного, поскольку задействуется переходный глагол) залога, а форму страдательного залога русского языка легко можно принять за средство выражения результативного состояния.

Во втором случае результатив, с одной стороны, может, поскольку задействован непереходный глагол, считаться субъектным; с другой же стороны, его в той мере, в какой у глагола проступает медиопассивное значение, можно признавать объектным.

Отмеченное межязыковое соотношение форм прослеживается и в текстах переводов с хинди на русский:

kamre kā darvāzā uṛkāyā huā thā, dhakkā dete hī vah khul gayā (VB, 351) – Дверь была плотно закрыта, и только с большим усилием удалось ее отворить (ВБ, 293), см. *uṛkānā* ‘захлопывать’;

kamrā khulā huā thā (PN, 90) – Дверь была открыта (ПН, 70); см. *khulnā* ‘открываться’.

Аналитическим формам страдательного залога русского языка в их акциональном значении отвечают в хинди медиопассивные или выступающие в роли медиопассивных глаголы в финитных формах активного залога:

В первом городе объявите, что вы были ограблены Дубровским (А.Пушкин) – *agle sahar pahūcte hī hallā kar denā ki rāste mē dubrovskī ke hāthō tum luṭ gae* (PD, 84), см. *luṭnā* ‘подвергаться ограблению’;

Занавески у Дарьи были выстираны *раньше* (В. Распутин) – *dāryā ke pās jo parde the vah pahle hī dhul cuke the* (RT, 458-459), см. *dhulnā* ‘стираться’;

[Аня (взволнованно)]: *А сейчас на кухне какой-то человек говорил, что вишневым сад уже продан сегодня* (А. Чехов) – [ānyā (vihvaltā se)]: *rasoī ghar mē abhī koī ādmī kah rahā thā ki cerī kī bagiyā bik gayī* (CN, 393), см. *biknā* ‘продаваться’, ‘быть в продаже’.

То же соотношение глагольных форм наблюдается при переходе с хинди на русский:

...aur unkā ek anś hāthiyō se ghir gayā jo larte-larte savere ke pahle hī naṣṭa ho gayā (VM, 486) – *...а третья* (третья часть тюркской армии. – В.Л.) *была окружена и уничтожена слонами Ман Сингха* (ВВ, 323), см. *ghirnā* ‘быть окруженным’, ‘подвергаться окружению’;

gvāliyar phir se bas gayā (VM, 99) – *Гвалиор* был восстановлен (ВВ, 89), см. *basnā* ‘быть населенным’.

Налицо семантическая схожесть между медиопассивными или выступающими в роли медиопассивных глаголами языка хинди и пассивно-возвратными формами (проще сказать, непереходными глаголами с постфиксом -ся, выступающими в роли пассива) русского языка:

hal mē kyā mujhe jotoge yā āp jutoge? (P, 190) – *Кого ты в плуг запрягать станешь, меня, что ли? Или сам впряжешься?* (П, 283),

ṭikaṭ kam bikte hāī (RA, 257) – *Билеты раскупаются с трудом* (РМ, 216), букв. *Билеты мало продаются*;

...srazu utverdiḷa lespromhoz... (В. Распутин) – *...vanodyog vibhāg jaldī jam gayā* (RT, 224), – см. *jamnā* ‘упрочиваться’.

В предложениях языка хинди, содержащих формы инактивного залога при необозначенном субъекте действия, может проступать обобщенно-личное значение вместо неопределенно-личного:

...*lekin khetō ko choṛā to nahĩ jātā* (P, 18) – *А все-таки землю свою не бросишь* (П, 33), см. *choṛnā* ‘бросать’;

hāth se chūṭ jāne par tīr lauṭāyā nahĩ jātā (UK, 95) ‘Стрелу, вылетевшую из рук, назад не вернешь’, см. *lauṭānā* ‘возвращать’;

muft ke bail kā dāṭ nahĩ dekhā jātā ‘У дарового быка зубы не смотрят’ [95, с. 332, 48], см. *dekhnā* ‘смотреть’;

pahle apnī hī dāṛhī kī āg bujhāī jāī hai ‘Прежде всего на своей бороде огонь тушат’ [95, с. 300, 84], см. *bujhānā* ‘тушить’, ‘гасить’;

per phal se jānā jātā hai ‘О дереве по плодам судят’ [95, с. 304, 87], см. *jānnā* ‘знать’, ‘понимать’.

В соответствующих таким предложениям языка хинди обобщенно-личных предложениях русского языка используются глагольные формы действительного залога (в частности, форма второго лица единственного числа, форма третьего лица множественного числа).

В предложениях языка хинди, несущих обобщенно-личное значение, может проявляться семантический оттенок из модального микрополя возможности или долженствования, например: ‘...стрелу ...назад не вернешь / назад невозможно вернуть’; ‘О дереве по плодам судят / нужно судить’.

То, что в предложениях языка хинди, содержащих формы пассивного залога при необозначенном субъекте действия, последний мыслится личным, оттеняется случаями связанности (или, лучше сказать, взаимодействия) этих форм на синтагматической оси с деепричастиями, лишенными формальной приметы пассивного залога, когда имя (местоимение), в котором реализуется прямообъектная валентность глагола, принявшего форму пассивного залога, оказывается отвечающим также валентности глагола в форме деепричастия:

1) прямообъектной, например: *r e z ī ḍ e ṇ ṭ k o vahā se haṭīkar begam ke sāmne lāyā gayā* (NM, 426) ‘Резидента оттуда выдворили (букв. устранив) и привели к бегуме’, *v a h motīlāl ke pās lākar* biṭhā diyā gayā (GD, 302) ‘Его (Матхурасинха. – В.Л.) привели (букв. приведя) и усадили возле Мотирама’;

2) субъектной, например: *t u m ek din is ghere mē ghīr kar māre jāoge* (NM, 320) ‘Попав однажды в это окружение, вы будете уничтожены’;

3) адресатно-объектной, например: *choṭe-choṭe b a c c ḍ k o acche vastra pahṇākar āge kiyā jā rahā thā* (YB, 175) ‘Маленьких

детей, облачив в хорошую одежду (букв. маленьким детям хорошие одежды надев), ставили впереди’.

Примечательны в этом плане и случаи, когда глагол, принявший форму пассивного залога, и глагол, наделенный формой деепричастия, реализуют свою прямообъектную валентность раздельно, не закликаясь на одном и том же имени (местоимении), например:
ye l ā i n ē khīckar usī kā d h y ā n ākṣṭa kiya gayā hai (LK, 12) ‘Написанием этих строк (букв. эти строки начертая) его (Говинда. – В.Л.) привлечено внимание’,

b a t t ī kam karke l ā l t e n k o andar rakh liyā gayā thā (ND, 29) ‘Привернув фитиль, фонарь поставили внутри’,

...kaimp ke sabhī k a r m c ā r i y ō k o barkhāst karke, k a i m p k o sainik niyantraṇ mē de diyā jāyegā (YB, 346) ‘...уволив чиновников лагеря, лагерь поставят под воинский контроль’,

...athavā u s e kisī aur sthān mē mārkar uskā ś a v yahā lāyā gayā? (CC, 11) ‘...или, убив его где-то в другом месте, труп привезли сюда?’.

Неопределенно-личное и обобщенно-личное значения, передаваемые предложениями языка хинди при участии финитных глагольных форм пассивного залога, – это частные проявления значения абстрактно-личного. Абстрактно-личному значению противопоставляется конкретно-личное значение, выражение которого достигается включением в состав предложений (обуславливается появлением в составе предложений), содержащих формы пассивного залога, имени (местоимения), обозначающего лицо в качестве субъекта действия. Такое имя (местоимение) оформляется первообразным послелогом *se* (выступает в падежно-послеложной форме на *se*) или производным послелогом [*ke*] *dvārā* ‘при помощи’, ‘посредством’ (также каким-либо синонимом последнего: *ke hāthō*, *ke zariye* и др.).

Первому виду оформления имени (местоимения) субъекта действия, т.е. кодирования Субъекта послелогом *se*, сопутствует появление отрицательной частицы при глагольной форме. В содержание предложений привносится принадлежащий макрополю модальности семантический компонент нереализованной или нереализуемой возможности осуществления субъектом действия, поддающегося с его (субъекта) стороны контролю. При этом сама возможность осуществления действия, названного стоящим в форме пассивного залога глаголом, мыслится в типичных случаях исчерпанной. Отмечен-

ному выше семантическому компоненту предложения оказываются обязаны значением неспособности субъекта выполнять действие.

Это значение выражается предложениями с формами инактивного залога:

1) от непереходных глаголов, например:

«*nām kyā hai?*» **govind se** nahī rahā gayā (LK, 27) «Как ее зовут?» – не выдержал Говинд (букв. Говиндом не осталось),

lekin mujh se jāyā nahī gayā. *pair māñō jam gae hō* (JT, 54) «Но я уже не мог идти. Ноги словно одеревенели»,

aur ab us se daurā bhī to nahī jātā (P, 217) «А теперь он и бежать не в силах»,

bīñt se khare na rahā gayā to baiṭh gayī (YB, 111) «Бишни стоять не могла, она села»,

māi to baṛī kamzor ho gai hū, mujh se to uṭhā-baiṭhā bhī nahī jātā! (VB, 361) «Я совсем ослабла, даже двигаться (букв. вставать-садиться) мне невмочь!»;

2) от переходных глаголов, оставляющих нереализованной свою объектную валентность (т.е. оставляющих незанятой позицию объекта действия), например:

gangāprasād lajjit-sā cupcāp sir jhukākar baiṭh gayā, par us se ab khāyā nahī gayā (VB, 297) «Пристыженный Гангапрасад молча сел, склонив голову, но есть он уже не мог»,

mamtā se dekhā na gayā. *us ne ākhē jhukā lī* (AP, 27) «Смотреть больше Мамта не могла. Она опустила глаза»,

...ek din apkī nindā karne lage. mujh se na sunā gāyā... (P, 324) «...однажды он принялся поносить вас. Мне слушать стало невмочь...»;

3) от переходных глаголов, реализующих свою объектную валентность, например:

jā, mujhe chor de, abhī mujh se kuch na khāyā jāyā (PG, 27) «Ступай, оставь меня! Не до еды мне теперь»,

āge ek śabda bhī āgantuk se nahī bolā gayā ... (ND, 139) «Незнакомец не смог больше вымолвить ни слова...»,

bahin ke prati lāñchnā candā se na sahī gayī (YD, 181) «Поношение в адрес своей сестры Чанда молча снести не могла»,

beṛī, ab māi būrhā ho gayā hū, mujh se lakṛī nahī kāṭī jāī (S, 456) «Я, дочка, состарился, и теперь мне невмочь колоть дрова»,

ratnā se yah sab nahī dekhā gayā... (BS, 190) ‘Патна не могла смотреть на все это...’,

tumhē is tarah mujh se nahī dekhā jātā (JJ, 68) ‘Мне не вмоготу видеть тебя таким’.

Состав такого рода предложений может быть пополнен деепричастием (деепричастным оборотом):

yah k a h k a r jaise un se merī or na dekhā jātā (JT, 13) ‘Говоря это, она будто больше не могла смотреть на меня’ (букв. ‘Сказав это, будто ею в мою сторону не смотрелось’),

munśī kā antīm vākyā s u n k a r us se na rahā gayā. bol uñhā... (PN, 165) ‘Услыхав последнюю фразу мунши [Тотарама], он (Джиярам. – В.Л.) не выдержал и воскликнул...’ (букв. ‘Мунши последнюю фразу услышав, им не осталось (или не сохранилось). Воскликнул...’),

asatya s u n k a r mujh se sahā nahī jātā! (P, 165) ‘Я больше не в силах выслушивать ложь!’ (букв. ‘Услышав ложь, мною не выносятся!’; см. *sahnā* ‘терпеть’, ‘выносить’),

māī kyā karū? mujh se yah atyācār d e k h k a r rahā nahī jātā (PS, 204) ‘Что же мне делать? Я больше не могу видеть этот произвол’ (букв. ‘Мною, этот произвол увидев, не оставалось’).

В последних двух примерах неосуществляемым мыслится действие, названное глаголом в форме деепричастия, а глаголу *sahnā* и глаголу *rahnā*, стоящим в форме инактивного залога и имеющим при себе отрицательную частицу, отводится служебная роль.

Глагол *rahnā* ‘оставаться’, ‘сохраняться’, выступая в форме инактивного залога, исполняет служебную роль при выражении значения невозможности неосуществления действия, обозначаемого глаголом в форме перфективного причастия со служебным словом *binā* ‘без’, например: *merā kaun sunegā aur parvāh karegā? lekin b i n ā b o l e rahā nahī jātā. mansā tabhī acchā hogā jab ghar āegā* (PN, 113) ‘Кто здесь будет меня слушать и считаться со мной? Но и нельзя не сказать (или ‘Но я не могу не сказать’ – при эллипсисе *mujh se*), что Мансарам поправится лишь тогда, когда вернется домой’.

В предложениях, обходящихся без отрицательной частицы при глагольной форме, отмеченный выше семантический компонент

нереализованной или нереализуемой возможности осуществления действия уступает место семантическому компоненту гипотетической возможности в случаях выражения ими вопроса, условия, например:

...*magar gobar ab vah gobar thore hī hai us se jau kā āṭā khāyā bhī jāyā* (Р, 212) ‘...но ведь это уже не тот Гобар. Станет ли он есть лепешки из ячменной муки?’

phir uskā ronā tum se kaise dekhā jāegā? ‘Потом как ты сможешь глядеть, как она плачет?’ [51, с. 336].

agar larke se yah sandūk uṭhāyā jāe to uṭhāe ‘Если мальчику по силам поднять этот ящик, то пусть поднимает’ [141, с. 223].

Относительно такого предложения, как, скажем, *larke se yah sandūk uṭhāyā gayā*, в лингвистической литературе высказаны следующие точки зрения: 1) оно является неприемлемым; 2) оно является приемлемым как в значении ‘Мальчиком этот ящик был поднят’, так и в значении ‘Мальчик был в состоянии поднять этот ящик’; 3) оно может быть приемлемым только во втором из этих значений. Оспаривается также приемлемость таких предложений, как *mujh se uṭhā jātā hai* (см. *uṭhnā* ‘подниматься’), *mujh se likhā jātā hai* (см. *likhnā* ‘писать’).

Рассмотренное выше функционирование инактивного залога языка хинди, связанное с обозначением неспособности субъекта выполнять названное соответствующим глаголом действие, имеет мало общего с тем, в чем усматривают назначение пассива в общелингвистическом плане, как-то: а) выражение процесса там, где агент не принимается во внимание; б) выдвижение не-агента на роль главного топика предложения; в) оттенение агента; г) выдвижение объекта; д) дефокусировка агента. Во всяком случае в рассмотренных предложениях языка хинди именно имя (местоимение) субъекта действия обычно предстает находящимся в фокусе внимания, хотя и выступает не в прямопадежной форме, которая принадлежала бы синтаксическому субъекту, т.е. подлежащему.

Вот почему смысл рассмотренных выше предложений, где форма инактивного залога, имеющая при себе отрицательную частицу, оказывается сопряженной с кодированием Субъекта послелогом, проступает в зеркале русского языка в совсем ином образе: для его передачи страдательный залог русского языка оказывается в общем-то не задействованным, зато пригодными являются сочетания глагола *мочь*, выступающего с отрицательной частицей в одной

из своих спрягаемых форм, с инфинитивом, близкое ему по значению сочетание «быть не в состоянии + инфинитив» (при имени субъекта действия в именительном падеже), сочетание «быть не по силам + инфинитив», обороты построенные (не без участия инфинитива) на базе наречия *невмоготу*, *невмочь* (при имени субъекта действия в дательном падеже) и др.:

svayam us se (cetan se.– В.Л.) *to āgrezī kā ek śuddha vākya bhī na bolā jātā thā* (AG, 36) – Сам же **Четан** не мог сказать правильно ни одной английской фразы (АУ, 9),

thaṇḍe gošt ke slāis mujh se khāye nahī jā rahe the... (RA, 17) – **Я** никак не мог сладить с проклятыми ломтиками холодного мяса по-английски... (PM, 25), букв. 'Ломтики холодного мяса мной не съедались...',

lekin dādā mujh se hal to na pakṛā jāyā (VB, 192) – Но не могу же **я** взяться за плуг, *daḍa!* (ББ, 173).

Впрочем, могут быть задействованы и иные ресурсы (средства) русского языка ради передачи соответствующего смысла:

gangāprasād lajjit-sā sirṣṭāp sir jhukākar baiṭh gayā, par us se ab khāyā nahī gayā (VB, 297) – Пристыженный Гангапрасад уселся на прежнее место, но кусок не шел ему в рот (ББ, 251); ср. типичный вариант перевода: '...но есть он уже не мог';

kāgaz lekar kuch likhne kī koṣiś kī, to mujh se kuch likhā nahī gayā (RA, 538) – Подумал, взял лист бумаги, что-то хотел написать, но перо безвольно замерло над первой же строкой (PM, 445), ср. типичный вариант перевода: '...но написать я ничего не смог',

asatya sunkar mujh se sahā nahī jātā! (P, 165) – Я просто выхожу из себя, когда слышу ложь! (П, 248), ср. типичный вариант перевода: 'Терпеть не могу, когда слышу ложь!' > 'Я больше не в силах выслушивать ложь!'.

Особый случай межъязыкового соответствия в области означения неспособности субъекта осуществлять действие, обусловленный семантикой русских лексем *сидеться*, *спаться*, отражают такие примеры: *mujh se baiṭhā nahī jātā* 'Мне не сидится', *mujh se soyā nahī jātā* 'Мне не спится'.

Рассмотренные выше предложения с формами инактивного залога, как передающие неопределенно-личное или обобщенно-

личное значение, так и призванные означать неспособность субъекта выполнять действие, названное соответствующим глаголом, не могут считаться трансформами предложений с формами активного залога. Инактивный залог в них выполняет грамматическую функцию в отличие от стилистической функции, характерной в общелингвистическом плане для случаев, когда не-активная конструкция “совсем не отличается своим содержанием от соответствующих активных конструкций” [74, с. 123].

Стилистическая функция присуща инактивному залогу в предложениях, где при обозначенном объекте действия имя субъекта (Субъект) оформляется послелогом [*ke*] *dvārā* ‘при помощи’, ‘посредством’ (или одним из его синонимов – тоже производным послелогом):

sāth hī māi yah bhī patā lagānā cāhtā hū ki s a r m ā i k e l o ḍ ā y a r dvārā hindustān mē jo zyādatiyā kī gaī haī unkā asar hindustān kī janatā par kaisā parā hai (VB, 431) ‘Заодно я хочу выяснить, как повлияли на народ Индии те репрессии, которые учинены в этой стране сэром Майклом О’ Двайером’,

...*acchī zamīnē p a ṭ h ā n ḍ dvārā* haṛaṭ lī gaī (NM, 145) ‘...хорошие земли были присвоены патанами’,

is cinh kā ḍizāin ahmadābād ke ś r ī s a i l e ś m o d ī dvārā taiyār kiya gayā hai... (JY.08.09. 1978, 2) ‘Рисунок этой эмблемы подготовлен господином Сайлешем Модии из Ахмадабада...’,

1948 kī māi mē fyūl risarc insṭīyūṭ ke n i r d e ś a k dvārā khadān anusandhān śālā kī sthāpnā kā sujhāv rakhā gayā thā (VL. 1960. X, 34) ‘В мае 1948 года директором топливного исследовательского института было выдвинуто предложение о создании научно-исследовательской горной лаборатории’,

...*śrīmatī vijayā rāje sindhiyā kī kār par kuch ajñāt v y a k - t i y ḍ dvārā golī* calāyī gayī (JY.06.12. 1979, 1) ‘...машина госпожи Виджайи Радже Синдхии была обстреляна неизвестными лицами’,

...*kintu is svīkṛt-mat kā khaṇḍan ś r ī n a g e n - d r a n ā t h g u p t a, ś r ī s u k u m ā r s e n ā d i v i d v ā n ḍ dvārā* kiya gayā hai (KB, 7) ‘...однако эту общепринятую точку зрения опровергли господа Нагендранатх Гупта, Сукумар Сен и другие ученые мужи’,

...*āyojan a m r ī k ī a d h i k ā r i y ḍ kī or se* kiya gayā thā (VL. 1961. III, 27) ‘...проведение [испытательного ядерного

взрыва] было запланировано американскими должностными лицами’,

par yah kaun jāntā thā ki yah sārī līlā v i d h i ke hāthō расī jā rahī hai (PN, 35) ‘Но кто тогда знал, что вся эта драма творится роком’.

Отмеченный способ оформления имени (местоимения) субъекта весьма характерен (и это видно из приведенных выше примеров) для периодики, научных публикаций, публицистики и т.п., т.е. для той сферы функционирования языка хинди, где легче проявиться влиянию английского языка.

В этом плане показательны предложения с существительными —названиями так называемых корпоративных субъектов (коллективных органов, сообществ, организаций и т.п.):

antarrāṣṭrīya vaijñānik anusandhān sammelanō ke lie briṭiṣ pratinidhi usī s a n s t h ā dvārā cune jāte hāi (VL. 1961. III, 15) ‘Этой же организацией выбираются британские представители для участия в работе международных научных конференций’,

s a m m e l a n kī or se in sab ko badhāt dī gaī (VR, 91) ‘Ассоциацией [литературы хинди] всем им было направлено поздравление’,

...a m e r i k ā kī or se is yātrā ke lie koī śart nahī rakhī gaī (NT. 14.06. 1998, 1) ‘...Америкой не выдвинуто никаких условий для этого визита’,

eṣiyā kī a n e k r ā j d h ā n i y ō dvārā isī dṛṣṭikon kā samarthan ki yā jātā hai (JY. 02.01.1980, 3) ‘Именно эта точка зрения поддерживается рядом азиатских столиц’,

...nausenā ke j a n g ī j a h ā z ō ke dvārā bhī... tat par sainikō ko utārā jā rahā hai (JY. 16.03. 1978) ‘...высадка десанта (букв. солдат) на побережье... осуществляется боевыми кораблями военно-морского флота’,

vāstāv mē yah vicār nayā nahī hai. 1956 ke bād hī hamārī p ā r ṭ ī k ā n g r e s dvārā ise svīkār ki yā gayā (JY. 28.12. 1975, 12) ‘На самом деле эта идея не нова. Она нашим партийным съездом была одобрена сразу же после 1956 года’,

... ‘t o r o n t o ‘ s t ā r ’ dvārā unhē turkiyō aur yūnāniyō ke bīc ho rahe yuddha ke samācār dene ke lie bhejā gayā (Kd. 1984, XII, 185) ‘...[газетой] «Торонто Стар» он был послан [в Европу] для ос- вещения войны, ведущейся между турками и греками’.

Уместным при имени корпоративного субъекта оказывается и послелог *se*, например:

bīsiyō vidvāō ko s a r k ā r se sahāyā dilvāi gaī hai... (GD, 125) ‘Десяткам (букв. двадцаткам) вдов правительством обеспечено оказание помощи...’.

При переходе к русскому языку инактивному залог у языка хинди, выполняющему стилистическую функцию, соответствующим бывает страдательный залог.

Рост употребительности форм инактивного залога от переходных глаголов в современном хинди иллюстрируют предложения, в которых под субъектом действия не разумеется лицо (или разумеется не-лицо), например:

22 aktūbar is g ā ṛ ī s e tīn vyakti kule gaye the na ki nau (JY. 26.10. 1977, 6) ‘22 октября этим поездом задавило трех человек, а не девять’ (см. *kucalnā* ‘давить’),

senṭral tāivān mẽ t ū f ā n s e pāc vyākti māre gaye (JY. 04.08. 1975, 4) ‘В центральной части Тайваня от урагана погибло пять человек’ (см. *mārnā* ‘убивать’),

āj subah yahā huī ek vimān durghaṭnā mẽ 198 ādmī māre gaye (JY. 04.08.1975, 1) ‘В авиакатастрофе, произошедшей здесь сегодня утром, погибло 198 человек’ (см. *mārnā* ‘убивать’),

uttar tathā pūrva mẽ zile kī simā y a m u n ā n a d ī s e banāi gaī hai (CA, 1) ‘На севере и востоке границу дистрикта образует река Джамна’ (см. *banānā* ‘делать’, ‘создавать’).

Русский язык при передаче смысла таких предложений предпочитает формы действительного залога соответствующих глаголов в безличном (например, *задавило* в первом примере) или личном (например, *образует* в последнем примере) употреблении.

Изложенное выше о функционировании финитных форм аналитического залога языка хинди подытожены в помещенной ниже схеме, отражающей в обобщенном виде особенности содержащих эти формы предложений, раскрываемые в плане: 1) выбора послелога как средства кодирования Субъекта (первообразный послелог *se* или производный послелог [*ke*] *dvārā* вкупе с его синонимами – тоже производными послелогами); 2) сигнализации / несигнализации участия лица (лиц) как субъекта (субъектов) действия в описываемой ситуации (описываемом событии), см. символы «+Л» и

«-Л»; 3) наличия / отсутствия принадлежащего микрополю модальности семантического компонента нереализованной или нереализуемой возможности осуществления действия субъектом (при условии наличия отрицательной частицы при глаголе), см. символы «+М» и «-М»; 4) конкретизации признака “личность” (“персональность”).

<i>ø</i>		<i>se</i>	<i>[ke] dvārā</i>	<i>(se)</i>	
«+Л»				«-Л»	
«-М»		«+М»	«-М»		
абстрактно-личное значение		конкретно-личное значение		не- личное значе- ние	
неопре- деленно- личное	обобщенно- личное				
А	Б	В	Г	Д	Е

Многочисленными примерами, приведенными выше в ходе анализа языкового материала, было проиллюстрировано, что при переходе к русскому языку предложения языка хинди с финитными формами инактивного залога могут находить и находят себе соответствие:

в диапазоне отмеченных на схеме отрезков А-Б и Б-В – соответственно в неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях с присущими им глагольными формами действительного залога;

в диапазоне отрезка В-Г – в предложениях, образованных на базе сочетания «не + глагол *мочь* в одной из своих форм спряжения + инфинитив» или какого-либо близкого ему по значению сочетания либо оборота;

в диапазоне Г-Д – в предложениях с глагольными формами страдательного залога;

в диапазоне Д-Е – в предложениях разного строения с формами действительного залога.

Имя (местоимение) субъекта действия предложений с финитными формами инактивного залога обычно предстает с точки зрения падежной грамматики Ч. Филлмора в семантической роли Агенса, однако в предложениях, отмеченных на схеме отрезком В-Г, ему может отводиться также и роль Экспириенцера. Формы инак-

тивного залога от глаголов непереходных функционируют преимущественно в предложениях, запечатлённых на схеме в отрезке В-Г.

В языке хинди перфективное причастие участвует в строении аналитических финитных форм активного залога (в сочетании с вспомогательным глаголом *honā*) и финитных форм (тоже аналитических) инактивного залога (в сочетании с вспомогательным глаголом *jānā*). Мало того, в его облике предстает одна из видо-временных форм глагольной системы.

Вместе с тем в составе предложения оно может наделяться разными синтаксическими функциями. При этом если перфективному причастию от непереходного глагола пассивное значение является чуждым (если только оно не вытекает из лексической семантики самого глагола), то перфективное причастие от переходного глагола может представлять и в пассивном, и в активном значении.

В первом случае при переходе к русскому языку ему, как правило, соответствует страдательное причастие прошедшего времени от глагола (разумеется, переходного) совершенного вида, во втором случае – действительное причастие прошедшего времени от переходного глагола совершенного вида. Это легко прослеживается на примере атрибутивных синтагм с причастиями-атрибутами, способными осложняться присоединяемой формой перфективного причастия от глагола *honā* как приметой значения результативности:

1) *paṛhī pustakē* (YD, 36) ‘прочитанные книги’, *ghar se lāye hue nāšte* (HG, 65) ‘принесенные из дома завтраки’, *caukīdār kī dī huī bīrī* (LK, 27) ‘данная сторожем сигарета’, *kāngres dvārā calāt larāī* (YD, 160) ‘развернутая Конгрессом борьба’, *vādā kī huī jāgīr* (BG, 27) ‘обещанный джагир’ (см. *vādā karnā* ‘обещать’, букв. ‘обещание делать’ – глагольно-именное словосочетание);

2) *naukrī pāye log* (YD, 689) ‘люди, получившие работу’, *rānī ko bāhō se pakre hue kānṣṭebal* (GD, 208) ‘констебли, схватившие Рани за руки’, *zang khāyā kanastar* (CC, 48) ‘ржавая (букв. ржавчину съевшая) канистра’, *maun vrat dhāraṇ kiye hue sikh ko [bulānā]* (CC, 72) ‘[звать] сикха, давшего (букв. свершившего) обет молчания (см. *dhāraṇ karnā* ‘принимать’, букв. ‘принятие делать’ – глагольно-именное словосочетание / сложный отыменный глагол).

Существует параллелизм в функционировании предстоящих в пассивном значении перфективных причастий от переходных гла-

голов, с одной стороны, и перфективных причастий инактивного залога, – с другой:

fārsī mē likhā patra (YD, 115) ‘написанное по-персидски письмо’ – *dūsī dafē likhā gayā patra* (ND, 90) ‘вторично написанное письмо’,

camelī kā banāyā khānā (BL, 142) ‘еда, приготовленная [девушкой по имени] Чамели’ – *kainvas par banāyā gayā koī per* (RA, 71) ‘изображенное (букв. сделанное) на холсте какое-то дерево’,

būṛhiyā kā batāyā upacār (YD, 313) ‘предложенное (букв. сообщенное) старухой лечение’ – *ḍā. gevel dvārā batāye gaye śārīrik abhyās* (RD, 27) ‘физические упражнения, рекомендованные (букв. сообщенные) доктором Гевелом’,

ekatra kiye huye ākrē (YB, 647) ‘собранные числовые данные’ – *ekatra kiye gaye taiks* (YD, 267) ‘собранные налоги’.

Русское страдательное причастие прошедшего времени от глаголов совершенного вида обычно соответствует по смыслу перфективному причастию медиопассивных или выступающих в качестве таковых глаголов языка хинди: *dīvār par tāgī huī vah tūṅ talvār* (AA, 64) ‘тот с л о м а н н ы й (‘сломавшийся’) меч, висящий на стене’, *us tūṅ huī talvār par* (AA, 65) ‘на тот с л о м а н н ы й (‘сломавшийся’) меч’, *hāthī dāt kā banā hāthī* (NM, 288) ‘слоник, в ы т о ч е н н ы й (*‘сделавшийся’) из слоновой кости’.

В категорию залога языка хинди как категорию словоизменительного типа “вписывается” еще один залог – залог аффективный (или аффективно-пассивный). В образовании этого залога участвует в качестве вспомогательного глагол *paṛnā* ‘падать’, ‘случаться’, сочетаясь в постпозиции с деепричастием-основой автосемантического глагола (переходного). Этот залог оказывается крайне ограниченным со стороны лексики: практически им охватываются лишь глаголы *dekhnā* ‘видеть’ (также ‘смотреть’), *sunnā* ‘слышать’ (также ‘слушать’), *jānnā* ‘знать’. В предложениях с формами данного залога имя объекта действия выступает в прямопадежной форме, имплицитно объектный вид согласования для глагола, а имя (или местоимение) субъекта, наделяемое с позиции падежной грамматики Ч.Филлмора ролью Экспериенцера, – в падежно-послеложной форме на *ko* или в местоименной форме объектного падежа:

bahin, t u m h ē bhī dekh paṛēgī *yah sab bātē* āge [135, с. 432] ‘О сестра, в будущем тебе тоже придется все это увидеть’,

vah pīche nahī dekhī thī, na u s e pīche se ghoṛe kī ~~hī~~ *sun paṛī thī* (AA, 39) ‘Назад она не оглядывалась. И ей не слышался сзади конский топот’,

...*tabhī u s e yah pad* sun paṛā (JJ, 101) ‘...тогда же она снова услышала (букв. ей слышался) этот куплет’,

yah jīvan ab u n h ē vyartha-sā jān paṛtā thā (PN, 124) ‘Эта жизнь теперь казалась ему бесцельной’,

usse dekh paṛtā thā ki pahle kī apekṣā uskā svāsthya bahut acchā hai (ST, 169-170) ‘По ней (фотографии. – В. Л.) было видно, что состояние его здоровья стало намного лучше, чем прежде’.

Предложения с формами этого залога входят в широкий круг предложений, где за личным именем или местоимением в не-агенсном статусе закрепляется падежно-послеложная форма на *ko* или местоименная форма объектного падежа аналогично тому, как в русском языке за личным именем или местоимением в не-агенсном статусе закрепляется дательный падеж: {*is larke ko, use*} *yah pad* ‘{Этому мальчику, Ему} этот куплет’ *pasand āyā* ‘понравился’, *yād āyā* ‘вспомнился’, *sūjhā* ‘пришел на ум’, *bhāyā* ‘пришелся по душе’ и т.п.

К залоговым принято относить собственно возвратное и взаимно-возвратное значения или залоговыми считать конструкции, которые отличаются выражением этих значений (или, другими словами, в которых эти значения получают специфическое выражение).

Для выражения первого из этих значений в русском языке имеется возвратное местоимение *себя*, для выражения второго значения – взаимно-возвратное местоимение *друг друга* (возможен и просторечный вариант *друг дружку*).

Для этих местоимений, лишенных формы именительного падежа, характерной оказывается в предложениях синтаксическая функция дополнения (не обязательно прямого!):

Вот бежит дворовый мальчик, В салазки Жучку посадив, Себя в коня преобразив (А. Пушкин), *Я памятник себе воздвиг нерукотворный* (А. Пушкин), *Потерял он покой, На себя махнул рукой* (С. Смирнов);

Давайте понимать друг друга с полуслова... (Б. Окуджава), *Давайте восклицать, друг другом восхищаться* (Б. Окуджава), *Пер-*

вым делом мы стараемся показать друг другу, что мы оба необыкновенно вежливы и очень рады видеть друг друга [...]. Усевшись, наклоняемся друг к другу головами и начинаем говорить вполголоса. Как бы сердечно мы ни были расположены друг к другу, мы не можем, чтобы не золотить нашей речи всякой китайщиной... (А. Чехов), ... и похоже на то, что мы оцупываем друг друга... (А. Чехов).

Вместе с тем в русском языке имеются непереходные глаголы, в которых постфикс *-ся* характеризуется значением «себя», например: *обуваться, раздеваться, умываться, наряжаться, купаться*, – и непереходные глаголы, в которых тот же постфикс располагает значением «друг друга», например: *обниматься, целоваться, ссориться, судиться*. Это соответственно собственно возвратные и взаимно-возвратные глаголы, чье употребление иллюстрируют следующие примеры:

...и похоже на то, что мы оцупываем друг друга и боимся обжечься (А. Чехов), Я отомстить ему поклянуся – В речке глубокой я утоплюся (из песни “Позарастали стежки-дорожки” неизвестного автора), Он встает, одевается, молится Богу... (А. Чехов), Хотел еще зайти в избу, чтобы обуться... (В. Распутин);

И новые друзья ну обниматься, ну целоваться (И. Крылов), Не ругайтесь вы, пожалуйста вы меня (В. Распутин), Мы обнимались, слезно прощались, Помнить друг друга мы обещались (из песни “Позарастали стежки-дорожки”), Потом каждый полдень они встречались на набережной... (А. Чехов).

В языке хинди значением возвратного местоимения наделяется возвратно-притяжательное местоимение *apnā* ‘свой’, когда оно в косвенно-падежной форме с послелогом (или же в форме согласования со вторым компонентом сложного послелога) выступает в качестве заполнителя объектной (не обязательно прямообъектной) валентности глагола: *kalyāṇī apne ko na rok sakī* (PN, 34) ‘Кальяни не смогла сдержаться’, *māī kaī bār apne se pūchī hū, koī javāb nahī miltā* (NK. 1962. III, 75) ‘Я раз за разом спрашиваю [об этом самого] себя, но не нахожу ответа’, *māī apne ko viśvās dilānā cāhtā thā ki māī to us din us ahāte mē se guzrā hī nahī hū* (RA, 172) ‘Я хотел уверить себя в том, что в тот день я вовсе и не проходил по этому пятачку’, *use apne liye aur sacāī ke liye larne vālī kanak ke prati hī sahānubhūti thī* (YB, 571) ‘Она сочувствовала Канаке, борющейся за себя и за истину’.

Собственно возвратное значение может быть выражено и тогда, когда это местоимение оказывается заполнителем валентности не глагола, а скорее слова другой части речи, например, существительного, прилагательного:

magar mujhe lagā ki merā apne par v a ś nahī hai (RA, 251) – *Но я не была вольна над собой* (PM, 211), букв. ‘Но мне казалось, что моя на себя управа не существует’;

us samay mujhe apne se kuch v i t r ś ṇ ā bhī hone lagtī hai (VB, 379) – *Тогда я начинаю презирать себя* (BB, 316), букв. ‘Тогда мне к себе даже некоторое отвращение быть начинает’;

mujhe apne par g u s s ā āyā ki mī ne phaṭ se kisī kā bhī nām kuḍ nahī de diyā (RA, 16) – *И [я] рассердился на себя за то, что в нужный момент не смог назвать ни одного подходящего имени* (PM, 24), букв. ‘Мне на себя злость пришла...’;

apne prati ī m ā n d ā r rahnā (VB, 370) ‘быть честным по отношению к себе’.

Так же, как и *apnā*, ради передачи собственно возвратного значения функционирует в послеложном оформлении атрибутивная синтагма *apnā āp*, в которой местоимение *apnā* предстает как атрибут местоимения *āp* ‘сам’ (тж. ‘сама’, ‘само’, ‘сами’): *kabhī mī ne apne āp ko itnā sāf-suthrā nahī dekhā thā* (KE, 95) ‘Я никогда в жизни еще не видел самого себя таким чистым и опрятным’, *sukhiyā ne phir apne āp se praśna kiyā aur uskā dil dharakne lagā* (BD, 107) ‘Сукхия снова задала самой себе [этот] вопрос, и ее сердце учащенно забилося’. Ср.: *apne āp ko* ‘самого себя’ и *apne āp se* ‘самой себе’ vs. *apne ko* ‘себя’ и *apne se* ‘себе’.

Выражению собственно возвратного значения служат и такие местоимения, как *khud* ‘сам’ и *svayam* ‘сам’: *āzādī ke bād unhō ne khud ko sahkārītā ke lie samarpit kar diyā* ‘После [получения] страной независимости он посвятил себя кооперативному движению’ [51, с.121-122], *us ne svayam ko miśṭar sukhdev kī bahin batāyā* ‘Она назвала себя сестрой Сукхдева [51, с. 121].

Естественным является межъязыковой параллелизм в использовании отмеченных выше приемов выражения собственно возвратного значения, наблюдаемый при переводе:

а) с хинди на русский язык, например:

ājkal flū se apne ko bacāte rahnā cāhie (RA, 166) – Сейчас
 кругом групп, надо остерегаться (PM, 147),

māī apne ko badal nahī saktī (RA, 248) – Мне не дано изменить с
 е б я (PM, 209),

badhāī mujhe nahī, badhāī tum apne ko do! (RA, 379) – По-
 здравьте лучше с е б я (PM, 315),

māī apne āp ko ek untād mẽ kho denā cāhtī hū (RA, 251) – Мне
 хотелось забыться... (PM, 210),

*us lambe-se patra mẽ māno santo ne apne ko ūḍelkar rakh diyā
 thā ...* (VB, 371) – В длинном послании Санто изливала всю с е -
 б я ... (ББ, 309);

б) с русского языка на хинди, например:

*Теперь бы еще [...] всем телом обмякнуть и забыться, обере-
 гая с е б я в покое для скорой радости* (В. Распутин) – *ab [...]
 śithil paṛkar svayam ko bhūl jānā hogā aur śāntipūrvak apne ko bacāte
 hue āsanna sukh kī pratīkṣā karnī hogī* (RT, 144),

Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачева... (А. Пушкин) –
apne ko jhaṭak kar ve pugacev kā hāth cūmte... (PR, 203),

...она долго и с наслаждением ругала с е б я ... (В. Распу-
 тин) – *vah bahut der tak ras le-lekar apne āp ko jhīrakī thī...* (RT, 149),

*Старухе не один раз за свою жизнь приходилось успокаивать
 с е б я: Бог дал, Бог и взял* (В. Распутин) – *būrhī ānnā ko apne jīvan
 mẽ svayam apne ko kaī bār śāntvanā denī paṛī thī – īśvar ne diyā, īśvar
 ne liyā* (RT, 169-170),

...она снова подумала о Таньчоре и поняла с е б я ... (В. Рас-
 путин) – *...unhē ek bār phir tāncorā kā dhyān āyā aur vah svayam ko
 samajh gayī...* (RT, 145).

Однако этот параллелизм нарушают такие соотношения, как
одеваться : kapṛe pahannā (букв. ‘одежду надевать’), *переодеваться : kapṛe badalnā* (букв. ‘одежду менять’), *раздеваться : kapṛe utārnā* (букв. ‘одежду снимать’), *переобуваться : (apne) jūte badalnā* (букв. ‘(свои) туфли менять’), *обуваться : jūte pahannā* (букв. ‘туф-
 ли надевать’), *разуваться : (apne) jūte utārnā* (букв. ‘(свои) туфли
 снимать’), *умываться : (apnā) hāth-mūh dhonā* (букв. ‘(свои) руки-
 лицо мыть’), где в каждой паре семантически отвечают друг другу
 собственно возвратный глагол русского языка и образуемое в хинди
 сочетание переходного глагола (или глагола, используемого в каче-
 стве переходного, – *badalnā*) с именем объекта действия при имею-

щейся возможности распространять это имя возвратно-притяжательным местоимением *apnā*.

Некоторые из них иллюстрируются следующими примерами:

Na dṛuṅgī dēn poṭṭṛu jē tōḷkō stāl oḍēvātē - sē, kāk dōvēr oṭvōrilāsē... (А. Пушкин) – *aglī subah ko māī karṇe pahanne hī lagā thā ki darvāzā khulā...* (PR, 160-161),

khānā khākar māī ne karṇe badle... (RA, 231) – *После ужина я не р е о д е л с я в пижаму...* (PM, 195),

B ētū noṇē jē ne spālī ne rāz dēvāl sē (А. Пушкин) – *is rāt ko māī na soyā aur na māī ne karṇe hī utāre* (PR, 196),

...aur māī hāth-mūh dhōne ke lie rāmp par calā gayā (RA, 34) – *И я бодро направился к водокачке, чтобы хорошо у м ы т ь с я перед чаем* (PM, 41),

Ḫotēl ēcē zāyṭi v izbū, čtoby o b u t ь s ē ... (В. Распутин) – *andar jākar vah jūte pahannā cāhtā thā...* (RT, 72).

В роли взаимно-возвратного местоимения выступает в хинди прономинальное слово *ek dūsṛā* (букв. ‘один другой’; возможен и “женский” вариант *ek dūsṛī*; ср.: фр. *l’un l’autre*, нем. *einander*, англ. *each other, one another*). Непременно оформленное послелогом, оно может занимать в предложении разные позиции, кроме позиции имени субъекта действия (оно, в частности, не употребляется с послелогом *ne*):

chaḥ mahīne pahle nāīm aur dulārī ne ek dūsre ko apnī-apnī chatḍ se dekhā thā (NM, 40) ‘Полгода тому назад Наим и Дулари увидели друг друга со своих крыш’,

...gaurā aur bhuvan ke ek-dūsre ko likhe gae patra donḍ ko lagbhag sāth-sāth mile (AN, 307) ‘...Гаура и Бхуван почти одновременно получили написанные друг другу письма’,

donḍ cīkḥkar ek dūsre se lipaṭ gae (SK, 88) – ‘Оба, воскликнув, прильнули друг к другу’,

ve donḍ ek dūsre se laṛe khele... (BS, 15) – ‘Они оба ссорились, играли друг с другом...’,

striyā ek dūsṛī se bātē kartī thī... (ST, 233) – ‘Женщины говорили между собой...’,

...sab laṛkiyā ek dūsre par girtī-partī kīsī nīlī vastu ko chūne ke lie bhāg-daur karne lagī... (LK, 115) ‘...все девушки устроили друг с другом целую свалку в попытках дотронуться до какого-то голубого предмета’,

is mẽ usne siddha kiyā hai ki nar aur nārī ek dūsre ke pūrak hāī (BS, 180) ‘В ней (книге. – В.Л.) он доказал, что мужчина и женщина дополняют (букв. являются восполнителями) друг друга’,

donō ek dūsre kī bātō kā ulṭā hī artha nikālte (P, 284) ‘Оба превратно истолковывали слова друг друга’ (букв. ‘Оба друг друга слов обратный смысл извлекали’),

gādhījī ke gārī se utarte hī svayam-sevakō ne unke cārō or ek dūsre kā hāth pakarkar gādhī jī ke caraṇ sparṣa ke liye ātur logōke ākramaṇ se unhē bacā diyā (YB, 85) ‘Как только Ганди-джи вышел из машины, добровольцы, взявшись вокруг него за руки, уберегли его от натиска людей, жаждавших коснуться его ног’,

par kuch būrhe, hīrā, vanṣī aur somā sab ek dūsre se dūr ek-ṭak samudra kī or nihār rahe the (BS, 5) ‘Однако несколько стариков, Хира, Ванши и Сомы поодаль друг от друга пристально смотрели в сторону океана’.

Однако в таком предложении, как *us par* ek dūsre ko *nahī dekh saktā* (P, 23) ‘При этом один другого терпеть (букв. видеть) не может’, *ek* и *dūsre ko* – разные члены предложения: соответственно подлежащее, выраженное занимающим место прямопадежной формы неопределенным местоимением (= числительным) *ek* ‘один’, и прямое дополнение, выраженное определительным местоимением *dūsra* ‘другой’ с послелогом. Итак, в этом предложении нельзя усматривать наличие единого прономинального слова *ek dūsra* точно так же, как его не следовало бы усматривать и в случаях *ek dūsre se lipaṭ gayā* ‘Один прильнул к другому’, *ek dūsre ko patra likhṭā thā* ‘Один другому письмо писал’, *ek dūsre ke piche jā rahā thā* ‘Один шел позади другого’. Впрочем, для прономинального слова *друг друга* нашлось место сообразно с контекстом в русском литературном переводе соответствующего фрагмента: *Потому-то мы и не хотим знать друг друга* (П, 40).

Семантическую общность прономинальных слов *ek dūsra* и *друг друга*, проявляемую ими в составе предложений, иллюстрируют следующие примеры на перевод:

а) с хинди на русский язык:

is par mīnā aur sudarṣan kuch asamanjas mẽ paṛkar ek-dūsarī kī taraf dekhtī hāī (RA, 353) – *Окончательно сбитые с толку Мина и Сударшана недоуменно смотрят друг на друга* (PM, 292),

ek dūsre se kuch kahnā cāhtī thī parantu mūh se bak nahī phaṭ rahā thā (VM, 154) – *Они (Нинни и Лакхи. – В.Л.) хотели что-то сказать друг другу, но слова застряли в горле* (BB, 124),

mujhe lagtā hai jaise ham pati-patnī na hokar ek-dūsre ke dušman hō aur sāth rahkar ek-dūsre se kisī bāt kā badlā le rahe hō (RA, 305) – Порой мне кажется, что никакие мы не муж и жена, мы – заклятые враги (букв. друг друга враги), которые поневоле живут вместе и за что-то жестоко мстят друг другу (PM, 251),

mānsinh ne dekhā, uske cehre par yauvan kā lāvaṇya aur mātā kā saundarya ek dūsre se haur sī lagā-lagākar paraspar ghul rahe hāi (VM, 409) – Ман Сингх увидел, как на лице Мриганаяни, словно соперничая друг с другом (букв. друг с другом соперничество осуществив), заиграли (букв. взаимно слились) очарование молодости и красота материнства... (BB, 284),

...striyā avaśya dhūl aur kīcar ko ek dūsre par uchāl rahī thī (VM, 4) – ...они (женщины. – В.Л.) не унывали и мазали друг друга, мазали чем придется: краской, навозом, грязью (букв. ...пыль и грязь друг на друга бросали) (BB, 27),

pratham-milan mẽ hī donō ek dūsre par apnā apnā adhikār jamā cike the (P, 51) – При первой же встрече они не уступили друг другу (букв. ...друг над другом свою власть утвердили) (П, 82),

hamē āj se samajh lenā cāhie ki ham ek dūsre ke lie mar cike hāi (RA, 518) – Мы должны понять, что умерли друг для друга... (PM, 428),

ham āj tak bhī ek dūsre ke lie qjnabī the... (RA, 518) – Мы и прежде были чужими друг другу (PM, 427),

ye das bhī āpasī laṛāī jhagrō ke kāraṇ ek dūsre kī gardan kāṭne mẽ vyasta (VM, 268) – Да и те (десять процентов воинов. – В.Л.) без конца ссорились и при удобном случае готовы были перерезать друг другу глотки (букв. друг друга глотку) (BB, 199),

donō ek dūsre ke kotal sthalō se paricit the (P, 196) – Оба они отлично знали уязвимые места друг друга (П, 293);

б) с русского языка на хинди:

Они обожали друг друга (А. Чехов) – *ve donō ek dūsre ko bahut pyār kartī thī* (СК, 108),

...влюбленные понимают друг друга лучше, когда молчат... (А.Чехов) – *premī jab mūk hote hāi, tabhī ek dūsre ko zyādā acchī tarah samajhte hāi...* (CL, 43),

Кажись и жили долго, а и то не всё друг дружке сказали, не наговорились (В. Распутин) – *aisā lagtā hai ki bahut samay sāth rahī, phir bhī ek dūsre ko sab kuch nahī kah sakī* (RT, 121),

Абогин и доктор стояли лицом к лицу и в гневе продолжали наносить друг другу незаслуженные оскорбления (А. Чехов) – *abogin aur dākṭar ek dūsre se gusse mẽ aramānjanak bātẽ kahne lage jo anucit thĩ* (CL, 52),

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга (А. Пушкин) – *khlopūṣā aur beloborodov cuprĩ sādhe hue rukhāĩ se ek dūsre kī or dekhte rahe* (PR, 236),

...и не было сейчас друг в друге надобности (В. Распутин) – *...aur is samay unhẽ ek dūsre kī āvaśyaktā bhĩ nahĩ thĩ* (RT, 345).

Показательно также соответствие русского возвратного глагола, имеющего взаимно-возвратное значение, сочетанию глагола языка хинди с прономинальным словом *ek dūsra: ninnĩ aur lākhĩ* *ne ek dūsre ke prati dekḥā* (VM, 114) – *Нинни и Лакхи переглянулись* (BB, 100).

Примечательны и такие соответствия, как *целоваться* – *ek dūsre ko cūpnā* букв. ‘друг друга целовать’ или *ek dūsre kā cumban karnā* букв. ‘друг друга целование делать’, *обниматься* – *gale milnā* букв. ‘[прильнув] к шее встречаться’ или *ek dūsre ko gale lagānā* букв. ‘друг друга к шее прилагать’ (*gale milnā* и *gale lagānā* – фразеологические сочетания).

Взаимно-возвратное значение передают и такие лексические единицы, как *āpas mẽ* или *paraspar* ‘взаимно’, ‘обоюдно’, ‘между собой’ и ‘*между собой*’, ‘*промеж собой*’, ‘*взаимно*’:

ve hās rahe the, gā rahe the, āpas mẽ mazāk kar rahe the (VB, 287) – *Они смеялись, пели, шутили между собой* (ББ, 244),

И промеж собой не надо из-за меня ругаться, мне же от этого и хуже (В. Распутин) – *mere kāraṇ tum āpas mẽ gālī-galauz mat karnā. mujhe isse aur burā lagegā* (RT, 59).

Отдельные случаи межъязыкового соответствия разных сигналов взаимно-возвратного значения представлены в следующих примерах:

И видеться будете, в гости друг к дружке приезжать (В. Распутин) – *apas mẽ milte rahoge, ek dūsre ke ghar jāoge* (RT, 59),

donō gūth gae aur āpas mẽ gūthe hue akhāre mẽ cakkar-ghinnĩ lagāne lage (VB, 179) – *Оба крепко сцепились друг с другом и в таком положении закружились по помосту* (ББ, 161),

Иные весь век притираются друг к другу и не могут притереться (В.Распутин) – *kuch log to sārī zindagī paraspār ek hone mē bitā dete hāī par bāt nahī bantī* (RT, 255).

Однако отнюдь не обязательно, чтобы предложению одного языка с сигналом взаимно-возвратного значения отвечало предложение другого языка тоже с сигналом этого значения:

Не ругайтесь вы, пожалуйста вы меня (В. Распутин) – *...tum log jhagrā mat karo. tumh par dayā karo* (RT, 62), букв. ‘...вы ссору не устраивайте...’,

...aur ham log hāth milākar apnī-apnī bas ke kuyī mē jā khare hote (RA, 67) – *На прощанье мы крепко жали друг другу руки* (букв. *руки соединив*), *после чего уныло становились в очередь на автобус – каждый на своей остановке* (PM, 69),

Потом каждый полдень они встречались на набережной... (А,Чехов) – *phir ve roz bārah baje samudra ke kināre milte...* (СК, 64),
na bolte the, na tākte the (P, 225) – *...они не разговаривали и не глядели друг на друга* (П, 336).

Модальность и категория наклонения. Категория времени

Модальность принято толковать в самом общем плане как устанавливаемое говорящим лицом отношение содержания высказывания (точнее – его пропозитивной основы) к действительности. При всей многочисленности имеющихся формулировок, призванных конкретизировать понятие модальности, отразить понимание языковой модальности с большей определенностью (некоторые из формулировок, надо признать, расходятся только в деталях), широкое признание у лингвистов получила точка зрения, согласно которой выделяются три вида отношений, в которых получают выражение модальные значения:

- (1) отношение содержания высказывания к действительности, оцениваемое говорящим с точки зрения реальности / ирреальности;
- (2) отношение говорящего к содержанию высказывания, отражающее степень его, говорящего, уверенности / неуверенности в достоверности сообщаемого;
- (3) отношение между субъектом предметной ситуации (в частности, субъектом действия как носителем признака) и его признаком (в частности, действием) в плане различия возможности, необходимости (также долженствования), желательности.

Модальность, характеризуемую отношением (1), называют основной, общей, а также объективной; модальность, характеризуемую отношением (2), – модальностью достоверности, модальностью истинности, персуазивной, а также субъективной (чему в модальной логике соответствует эпистемическая модальность); модальность, характеризуемую отношением (3) – модифицирующей, а также внутрисинтаксической. При этом за внутрисинтаксическую модальность принимаются отношения (1) и (2), а отношение (3) тоже, т.е. как и отношение (1), расценивают как объективную модальность. Существует также понятие пропозициональной модальности, под которое подводятся отношения (1) и (3), но при этом отношение

(3) трактуется не как объективная модальность, а как модальность предметная, или ситуативная.

В русском языке в плане модальности, характеризуемой отношением (1), дифференцированы предложения типа *Ты работаешь; Ты работал бы, если...; Работай*; в плане модальности, характеризуемой отношением (2), – предложения типа *Ты, вероятно, работаешь; Ты, быть может, работаешь; Ты вряд ли работаешь*; в плане модальности, характеризуемой отношением (3), – предложения типа *Ты в состоянии работать, Тебе нужно работать, Тебе не терпится работать*. Эти модальные планы могут совмещаться в своем эксплицитном выражении в рамках одного высказывания. Так, в предложении *Он, возможно, хочет жениться* первая из модальностей выражена формой изъявительного наклонения глагола *хотеть*, указывающей на то, что проявление желания мыслится как факт действительности. Включение в предложение модального слова *возможно* отражает сомнение или неуверенность говорящего в факте проявления субъектом желания. Финитный же глагол своим лексическим значением сигнализирует об определенном характере отношения между субъектом и действием, которое обозначено глаголом в инфинитиве.

Все эти планы объединяет то, что ими на шкале потенциальности, т.е. в значениях, охватываемых понятием потенциальности, репрезентируется оппозиция *реальность: ирреальность*.

Для выражения модальности языки прибегают к различным средствам. Так, в русском языке в качестве таких средств оказываются задействованными:

(а) формы наклонений глагола; (б) инфинитив; (в) глаголы типа *мочь, желать, намереваться, уметь* и др.; (г) отличающиеся безличным употреблением глаголы типа *приходиться, надлежать, предстоять, полагаться, следовать, хотеться* и т.п.; (д) предикативные наречия (безлично-предикативные слова) типа *надо, нужно, должно, можно, пора, необходимо* и др.; (е) прилагательные *должен, обязан, вынужден*, лексема *вправе*; (ж) существительные *долг, обязанность*; (з) вводные слова типа *конечно, безусловно, наверное, видимо, может [быть], кажется, пожалуй* и др.; (и) частицы *авось, чай, едва ли, давай, пусть, хоть бы, вот бы* и др.

Лексические единицы рубрик (в), (г), (д) и (е), отличающиеся сочетаемостью с инфинитивом, квалифицируются как модальные модификаторы, причем единицы, принадлежащие рубрикам (д) и

(е), – это модальные предикативы, а глаголы рубрики (в) принято называть модальными.. В рубриках (з) и (и) фигурируют соответственно вводно-модальные слова (их именуют и просто модальными) и модальные частицы (собственно-модальные и модально-волевые). Модальные модификаторы накладывают отпечаток на конструктивные особенности предложений: если при модальных модификаторах рубрик (в) и (е) имя субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, принимает форму именительного падежа, то при модальных модификаторах рубрик (г) и (д) – форму дательного падежа.

В русском языке для выражения определенных модальных значений может оказываться релевантной видовая принадлежность используемого в предложении глагола.

В хинди к средствам выражения модальности относятся: (а) формы глагольных наклонений; (б) модальный глагол *saknā* ‘мочь’, сочетающийся в составе бивербального комплекса с деепричастием-основой смыслового глагола; (в) приобретающие роль модальных глаголов глаголы: 1) *pānā* ‘получать’, 2) *lenā* ‘брать’, 3) *jānñā* ‘знать’, 4) *cāhnā* ‘хотеть’, ‘желать’ и его синонимы, 5) *honā* ‘быть’, ‘становиться’, 6) *jānā* ‘идти’, ‘уходить’ (первый и второй – в сочетании с деепричастием-основой, третий – в сочетании с инфинитивом, четвертый – в сочетании с инфинитивом или с герундием – неизменяемой формой *V-ā*, пятый – в сочетании с инфинитивом, принявшим послелог *ko*, шестой – в сочетании с супинным инфинитивом, т.е. с инфинитивом в форме на *-ne*, смыслового глагола); г) предикативное наречие *cāhiye* (*cāhie*) ‘нужно’, ‘надо’, ‘следует’, ‘желательно’ (< *cāhnā* ‘хотеть’, ‘желать’), глагол *honā* ‘быть’, ‘становиться’ (> ‘надлежать’, ‘следовать’, ‘предстоять’) и глагол *parñā* ‘падать’, ‘случаться’, ‘доставаться на долю’ (> ‘приходиться’) как единицы одного дистрибутивного разряда в рамках конструкций, несущих определенное модальное значение; (д) глагол *bannā* ‘делаться’, ‘становиться’ как компонент образуемой при его участии конструкции (другим компонентом выступает адвербиальное имперфективное причастие знаменательного глагола); (е) глагол *ānā* ‘приходить’ в случаях реализации им своей субъектной валентности сочетаемостью с инфинитивом знаменательного глагола; (ж) выступающие в роли предикатива прилагательные *āvaśyak* ‘необходимый’, *zarūrī* ‘необходимый’, *ucit* ‘надлежащий’, *icchuk* ‘желающий’, *utārū* ‘склонный’, ‘готовый’, *sambhav* ‘возможный’, *mumkin* ‘воз-

можный' и др.; (з) существительные *āvaśyaktā* 'необходимость', *zarūrat* 'необходимость', *kartavya* 'долг', *icchā* 'желание' и др.; (и) модальные (преимущественно вводно-модальные) слова и модальные частицы *albattā* 'безусловно', 'несомненно', *sac-muc* 'поистине', *vākaī* 'действительно', 'на самом деле', *beśak* 'несомненно', *zarūr* 'конечно', 'непременно', *śāyad* 'должно быть', 'вероятно', 'наверно', *kadācit hī* 'вряд ли', 'едва ли' и др.; (к) модально-волевые частицы и используемые в качестве таковых частицы других разрядов *zarā* 'пожалуйста', *tanik* 'пожалуйста', *lo* 'давай', *kāś* 'вот бы', 'если бы', *to* 'ну же', '-ka' и др.. К сказанному следует добавить, что инактивному залогу хинди свойственна способность, проявляемая в определенных условиях, выражать модальное значение, относящееся к полю возможности.

В обоих языках большую роль в дифференциации модальных значений и оттенков играет интонация. В частности, трудно представить без интонации предложения, несущие волеизъявительную модальность.

Будучи задействованными, отмеченные выше средства выражения модальности, дают начало целому ряду способов выражения модальных значений: 1) морфолого-синтаксическому, 2) лексическому, 3) лексико-синтаксическому, 4) синтаксическому.

Оба языка охотно прибегают к лексическому способу, используя для передачи модальности достоверности модальные слова:

ahīr zarūr āyēge (VM, 218) – *Ахирь непременно придут сюда* (BB, 166),

Нет, Татьяна обязательно зайдет... (В. Распутин) – *nahī, tātyānā zarūr āyegī* ... (RT, 30);

filāsafarō ke śāyad hṛday nahī hotā... (P, 78) – *У философов, наверно, нет сердца...* (П, 124),

Теперь, наверно, дед стоит у ворот, щурит глаза на ярко-красные окна деревенской церкви... (А. Чехов) – *bābā śāyad is vaṅt phāṭak par khaṛe girjāghar kī khirkiyō se ā rahī lāl rośnī ko āūdhīyāī ākhō se dekh rahe hōge*... (CL, 32).

Лексико-синтаксическим способом передается в хинди и русском языках модифицирующая, или внутрисинтаксическая, модальность. Имеются в виду случаи, когда модальное значение микрополя желательности (а), возможности (б), необходимости (в) сигнализируется лексическим значением компонентов определенных (для каждого языка, естественно, своих) синтаксических структур. Ти-

пичные вариации в межъязыковом соотношении соответствующих структур отражены в попарно приводимых ниже примерах с совпадающими образчиками перевода с хинди на русский и с русского на хинди.

(а)

māi ek din ke lie dillī ruknā cāhtā thā, lekin kyā batāū kalkattā mē der ho gaī (VB, 436) – Я хотел бы на день остановиться в Дели, но задержался в Калькутте (ВБ, 355),

Я хотел оборотиться, но не мог (А. Пушкин) – *māi karvaṭ lenā cāhtā thā, tagar na le sakā* (PK, 44);

rāy sāhab apne is ilāḳe mē bahut dinō se nahī gaye the. vahā kā rang-ḍhang dekhnā cāhte the (P, 76) – Раз-сахиб давным-давно уже не бывал в этой части своих владений и хотел посмотреть, как там идут дела (П, 121),

Она хотела объяснить ему, что то была ошибка... (А. Чехов) – *vah use samjhānā cāhtī thī ki jo kuch huā galat huā...* (CL, 162);

...islie abhī us bāre mē usse bāt nahī karnā cāhtā (RA, 387) – ...да и вообще мне пока не хочется обсуждать с ними этот вопрос (PM, 321),

Быть может, ему было грустно и не хотелось уходить от красавицы и весеннего вечера в душный вагон... (А. Чехов) – *śāyad vah udās thā aur saun-darya aur us vasantī havā ko chorkeṛ manuṣyō se bharī huī gārī kī taraf nahī jānā cāhtā thā...* (СК, 93);

(б)

tagar itnā kah saktī hū... (RA, 454) – Но могу сказать одно... (PM, 374),

Я могу и участкового вызвать (В. Распутин) – *māi cāhū to pulis ko bhī bulvā saktā hū* (RT, 461);

horī kuch faislā na kar sakā (P, 259) – ...и Хори никак не мог решить, что же ему делать (П, 385),

Бопре в смятении хотел было привстать и не мог... (А. Пушкин) – *būpre mahāśay ghabrākar uṭhne kī koṣī kī par uṭh na sake...* (PK, 7);

...kāngres ke kaimpō mē āpke ṭhaharne kī vyavasthā karāī jā saktī hai (VB, 436) – ...вас можно устроить в лагерях для участников сессии (ВБ, 355),

...на Хамно положить можно (В. Распутин) – *uskā bharosā kiyā jā saktā hai* (RT, 221);

un pannō ko dekh kar kisī tarah kī rāy denā asamभव thā...(RA, 95) – Естественно, что, наспех пробежав глазами эти хаотичные заметки, я так и не смог вынести твердого о них суждения (PM, 92),

Так долго ждать мы не можем (В. Распутин) – *hamāre liye itnā ruknā sambhav nahī hai* (RT, 201);

(В)

use khare hokar fūyī denī cāhie (RA, 64) – Он должен выполнить свои обязанности стоя (PM, 67),

Зато твой сын должен помнить и о себе и о тебе... (В. Распутин) – ...*mikhāil ko apnā bhī aur terā bhī dhyān rakhnā cāhiye* (RT, 55);

yah chūt kī bīmārī hai, tumhē apne pitā se alag rahnā cāhie (VB, 617) – Пойма, у твоего отца заразная болезнь, и тебе надо держаться от него подальше (ВБ, 469),

Надо было мне сразу и телеграмму Володьке отправить... (В. Распутин) – *tujhe volodyā ko bhī turant tār bhej denā cāhie thā* (RT, 19);

tumhē āj ye sab bātē nahī karnī cāhiē thī... (RA, 423) – Сегодня тебе не следовало бы разговаривать с ней в таком духе... (PM, 348),

Ничему в эту ночь не следовало удивляться... (В. Распутин) – *āj rāt ko kisī kī bāt par hairānī nahī honī cāhiye thī...* (RT, 245);

...*garībō kā bhalā ho gayā, aur vahī honā bhī cāhie thā* (VB, 118) – Бедняжкам сделано добро, так и должно было быть (ВБ, 114),

...так и должно быть в вверенных тебе границах... (В. Распутин) – ...*hamāre liye bādhī gaī sīmāō mẽ aisā hī honā cāhiye...* (RT, 240);

rāt kāfī ho gaī hai, lekin bāt karnā zarūrī thā... (VB, 114) – Конечно, время уже позднее, и все же нам следует, не откладывая дела в долгий ящик, откровенно поговорить (ВБ, 110),

Но торопиться следовало и здесь... (В. Распутин) – *lekin yahā bhī jaldī karnā zarūrī thā...* (RT, 243);

...*lekin sevā karne ke lie bhī jīnā zarūrī hai* (P, 179) – ...только чтобы служить, надо и жить на что-то... (П, 267),

Муку надо убирать, Иван Петрович, пока не поздно (В. Распутин) – *ivān petrovic, ātē ko haṭānā zarūrī hai, abhī bhī samay hai* (RT, 238).

Синтаксический способ выражения необходимости наблюдается в предложениях языка хинди, где в сочетании с инфинитивом

отводится место не предикативному наречию *cāhiye (cāhie)*, а формам глаголов *honā* и *paṛnā*:

āj subah-subah mujhe ek jagah jākar kuch sūcnā prāpta karnī thī (RA, 267) – Утром я должен был раздобыть в одном месте кое-какую информацию... (PM, 224),

Я должен ехать, устраиваться на постоянное жительство (В. Распутин) – *mujhe bhī to jākar kahī rahne kā pakkā intazām karnā hai* (RT, 369);

āpse kuch bātē karnī hāī (P, 90) – Мне надо потолковать с вами об одном дельце (П, 141),

У меня хоть Коляня есть. Для него из последних сил надо жить (В. Распутин) – *hā, kolkā zarūr hai mere pās. iski khātir jaise-taise jīnā hī hai* (RT, 429);

...*mujhe zarā lālā prabhudayāl se kuch zarūrī bātē karnī hāī* (VB, 57) – Мне нужно поговорить с лалой Прабхудаёйялом о вашем деле! (ББ, 67),

Мне нужно с вами поговорить (А. Пушкин) – *āp se bātē karnī hāī* (PR, 27);

...*tab mujhe vāladain kā farz nibhāne ke lie tumhē bacānā paṛegā* (VB, 116) – И раз уж так произошло, мне придется, исполняя отцовский долг, спасти вас (ББ, 112),

...придется подниматься на ужин... (В. Распутин) – ...*tab bhojan ke liye uthnā paṛega*... (RT, 208);

ab sumersinh ko bolnā paṛā ... (VB, 362) – Пришлось вмешаться Сумерсинху... (ББ, 301),

Пришлось и ему привыкать (В. Распутин) – *use bhī samay ke sāth badalnā paṛā* (RT, 261);

mujhe to yahā inkā sab kām-kāj karnā paṛegā (VB, 412) – Мне нужно остаться здесь, чтобы привести в порядок ее дела (ББ, 341),

Значит, надо поднимать подполье... (В. Распутин) – *uskā mat-lab yah hai ki takhāne ko ūcā karnā paṛegā* (RT, 323).

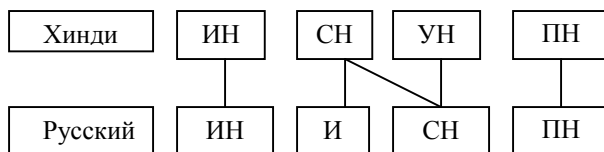
Кстати сказать, в приведенных русских предложениях (как в переводе с хинди, так и в оригинале) сохранена приверженность к лексико-синтаксическому способу передачи значения необходимости.

Морфолого-синтаксический способ выражения модальных значений представлен как в хинди, так и в русском языке (да и во многих других языках) формами, манифестирующими категорию наклонения, т.е. грамматическую категорию глагола, проявляю-

щуюся на основе противопоставления друг другу таких рядов глагольных форм, каждым из которых по-своему выражается отношение действия к реальности / нереальности его осуществления – отношение, фиксирующее характер связи пропозитивной основы высказывания к действительности. Имеющиеся наклонения функционируют как средство передачи основной, или общей, модальности, являющейся атрибутом каждого предложения – носителя предикативности. Число наклонений как экспонентов одной из грамматических категорий глагола не может не быть конечным для каждого из языков.

В хинди, согласно одной из утвердившихся точек зрения, принято различать четыре наклонения: изъявительное, сослагательное, условное и повелительное. В русском языке морфологически различаются три наклонения: изъявительное, сослагательное (его называют также условным, условно-желательным) и повелительное. При этом в формировании морфолого-синтаксического способа выражения модальных значений наклонения русского языка дополняет инфинитив.

В самом общем виде прослеживается семантическое соответствие друг другу изъявительного наклонения одного языка изъявительному наклонению другого, повелительного наклонения одного языка повелительному наклонению другого, наклонениям сослагательному и условному языка хинди отвечает в плане содержания сослагательное наклонение русского языка, а инфинитиву этого языка семантически соответствует в хинди сослагательное наклонение в его простой (синтетической форме):

Указанные соотношения иллюстрируются нижеприведенными примерами:

ИН(х) → ИН(р): *alīrazā ne makān kā darvāzā kholā...* (VB, 574) – Али Реза нехотя открыл дверь... (ВБ, 443),

ИН(р) → ИН(х): Я приехал в Казань, опустошенную и погорелую (А. Пушкин) – *māi jalkar khāk hue aur sunsān kazān mē pahūcā* (PR, 258),

СН(х) → И(р): *māi kyā jānū bhauijī, yah to bhagvān hī jāntā hai!* (VB, 414) – Мне ли знать это, бхауджи. О том ведаёт один господь! (ВБ, 343),

И(р) → СН(х): И как тут выглядеть поселку красивым – да еще в зареве пожара?! (В. Распутин) – *aise mē yah bastī sundar kaise dikhāi de bhalā aur vah bhī āg kī lapetō ke bīc* (RT, 217),

СН(х) → СН(р): *māi pahle tere hāth na cīr dū to! baṛā āyā zabān cīrne vālā!* (RA, 61) – Как бы я тебе раньше руки не укоротил! Какой нашёлся – языки укорачивать! (РМ, 64),

СН(р) → СН(х): Только бы не напились (В. Распутин) – *kahī bahut na pī lē* (RT, 60),

УН(х) → СН(р): *uskā patā mere pās hotā, to māi āj use bhī patra likhtā* (RA, 145) – Будь у меня адрес, сегодня же написал бы ему письмо (РМ, 131),

СН(р) → УН(х): А Дарья думала о том, что она чувствовала бы на месте Катерины, какими защищалась бы словами (В. Распутин) – *dāryā yah soc rahī thī ki yadi kāterīnā kī jagah vah hotī to kaisā anubhav kartī aur apne bacāv mē kin śabdō kā prayog kartī?* (RT, 426),

ПН(х) → ПН(р): *ṭahrie, ārke lie cāy māgvā lū* (VB, 718) – Устраивайтесь поудобней, я велю принести чаю (ВБ, 533),

ПН(р) → ПН(х): Не бойтесь, ради бога, вы не должны бояться моего имени (А. Пушкин) – *ghabrāiye nahī. māi hāth joṛtā hū, mere nām se tanik na ḍariye* (PD, 91).

При соотносении наклонений языка хинди и русского языка с постулируемыми “функционально-коммуникативными типами наклонений” [104, с. 90-101], как-то: наклонениями волитивного типа – императивом и оптативом и наклонениями когнитивного типа – индикативом и суппозитивом, – обнаруживается, что своим семантическим потенциалом сослагательное наклонение языка хинди отвечает виртуальному (а не контрфактическому) суппозитиву и оптативу, как дейктическому, так и референтному, а условное наклонение этого языка – контрфактическому суппозитиву и только дейктическому оптативу, сослагательное наклонение русского языка

покрывает семантическую зону суппозитива и оптатива в целом (отсюда и бытующее название этого наклонения – условно-желательное).

Как в хинди, так и в русском языке формы одного наклонения могут выступать, раскрывая, как правило, свое вторичное значение, в семантической функции другого наклонения, и таким образом в выражении определенных модальных значений можно наблюдать случаи пересечения наклонений на парадигматической оси (иначе говоря, такого рода “определенные модальные значения” обнаруживают себя как “точки” семантического схождения разных (отличающихся друг от друга доминантой семантического содержания) наклонений.

Хинди и русский язык различаются между собой не только количеством наклонений, но также и набором и строением их форм.

В русском языке изъявительное наклонение представлено категориальными формами времени, к каковым относятся:

1) настоящее время, морфологически характеризующееся лице-числовыми флексиями (в порядке различения трех лиц: 1-го, 2-го и 3-го, – и двух чисел: единственного и множественного), присоединяемыми к глагольной основе, так и считающейся основой настоящего времени: *кричу, кричишь, кричит, кричим, кричите, кричат* (*крич-* – основа настоящего времени глагола *кричать*); *играю, играешь, играет, играем, играете, играют* (*игра[ʃ]* – основа настоящего времени глагола *играть*);

2) прошедшее время, морфологически характеризующееся присоединяемым к глагольной основе прошедшего времени суффиксом *-л-* или нулевым суффиксом и родо-числовыми флексиями (применительно к единственному числу флексиями рода, как-то: *-о* – м.р., *-а* – ж.р., *-о* – ср.р., – и флексией *-и* множественного числа);

суффикс *-л-* отсутствует, уступая место нулевому суффиксу, у формы единственного числа мужского рода глаголов, чья основа прошедшего времени оканчивается на согласную; см.: *кричал, кричала, кричало, кричали* (*крича-* – основа прошедшего времени глагола *кричать*); *вёз, везла, везло, везли* (*вез-* – основа прошедшего времени глагола *везти*); *прокричал, прокричала, прокричало, прокричали* (*прокрича-* – основа прошедшего времени глагола *прокричать*);

3) будущее простое время глаголов с о в е р ш е н н о г о вида, не отличающееся набором присоединяемых к основе настоящего времени лице-числовых флексий от настоящего времени:

прокричу, прокричишь, прокричит, прокричим, прокричите, прокричат; выиграю, выиграешь, выиграет, выиграем, выиграете, выиграют;

4) будущее сложное время, представляющее собой сочетание будущего времени (простого), приписываемого выступающему в роли вспомогательного глаголу *быть*, с инфинитивом глагола не совершенного вида: {буду, будешь, будет, будем, будете, будут} + {кричать, играть}.

Настоящее время с его лице-числовыми формами присуще глаголам несовершенного вида, а прошедшее время с его родо-числовыми формами – глаголам как несовершенного, так и совершенного вида. С учетом этого обстоятельства в рамках изъявительного наклонения (индикатива) русского глагола принято насчитывать пять видо-временных форм: настоящее несовершенное время (*кричу, играю*), прошедшее несовершенное время (*кричал, играл*), прошедшее совершенное время (*прокричал, выиграл*), будущее несовершенное время (*буду кричать, буду играть*), будущее (или, согласно другой трактовке, настоящее-будущее) совершенное время (*прокричу, выиграю*). Соответственно, имеющими все три времени (настоящее, прошедшее и будущее) предстают глаголы несовершенного вида, а глаголам совершенного вида присущи только два времени (прошедшее и будущее). К сказанному следует добавить, что существует точка зрения, согласно которой в *прокричу, выиграю* усматривают два грамматических омонима (настоящее совершенное время и будущее совершенное время). Ее принятие означало бы признание наличия шести видо-временных форм изъявительного наклонения.

Сослагательное наклонение русского глагола образуется посредством сочетания глагольной формы, морфологически равной прошедшему времени, с частицей *бы (б)*, способной занимать различное положение в предложении (в позиции после глагольной формы эта частица обычно следует непосредственно за ней, а в позиции перед глагольной формой она может быть отделена от нее другими словами, а также входить в состав союзов; особенно показателен союз *чтобы*).

В систему форм повелительного наклонения (императива) русского глагола входят следующие формы:

а) форма второго лица единственного числа, образующаяся от основы настоящего времени с помощью флексии *-и*, примыкающей

непосредственно к основе, или нулевой флексии (в таком случае сама форма оказывается равной основе): *кричи, пиши, принеси, играй, спасайся, эконошь, оставь, обеспечь, ешь*;

б) форма второго лица множественного числа, образуемая путем присоединения к предыдущей форме (форме второго лица единственного числа) постфикса *-те*: *кричите, пишите, принесите, играйте, спасайтесь, эконоьте, оставьте, обеспечьте, ешьте*;

в) формы первого лица множественного числа (формы совместного действия), характеризующееся внешним совпадением:

с формой первого лица множественного числа будущего простого времени: *споем, выпьем, ухнем, возьмемся за руки*;

с формой первого лица множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения: *идем, бежим, летим*;

с формой первого лица множественного числа будущего сложного времени: *будем петь* (практически не встречающаяся форма);

г) формы первого лица множественного числа (формы совместного действия), образованные путем осложнения предыдущих форм постфиксом *-те*: *споемте, идемте, будемте петь*;

д) форма первого лица множественного числа (форма совместного действия), образуемая сочетанием частицы *давай(те)*, входящей к форме повелительного наклонения глагола *давать*, с инфинитивом глагола несовершенного вида: *давайте жить дружно, давайте восклицать*.

Предметом дискуссии является, однако, вопрос о возможности включать в императивную парадигму формы типа {*пусть, пускай*} + {*поет, споет, поют, споют*}.

Так очерчивается в общих чертах круг спрягаемых форм глагола русского языка. Из них синтетическими являются формы настоящего, прошедшего и будущего простого времен изъявительного наклонения, формы второго лица единственного и множественного числа повелительного наклонения, формы первого лица множественного числа типа *споем(те)* и *идем(те)* повелительного наклонения. К аналитическим принадлежат формы будущего сложного времени изъявительного наклонения, формы сослагательного наклонения и формы первого лица множественного числа типа *будем(те) петь* и *давай(те) петь* повелительного наклонения.

В кругу форм наклонений глагола языка хинди имеются как синтетические, так и аналитические формы.

Синтетически строятся формы повелительного наклонения:

1) форма на $-\emptyset$ (форма, равная основе глагола), соотносящаяся с местоимением $t\ddot{u}$ 'ты'; 2) форма на $-o$, соотносящаяся с местоимением tum 'вы' (при обращении как к одному лицу, так и ко множеству лиц), 'ты'; 3) форма на $-iye$, соотносящаяся с местоимением $\bar{a}p$ 'вы', 'Вы'; 4) форма на $-iye\bar{g}\bar{a}$, соотносящаяся с местоимением $\bar{a}p$ 'вы', 'Вы'; 5) форма на $-iyo$, соотносящаяся с местоимением $t\ddot{u}$ 'ты' и tum 'вы', 'ты'; 6) форма на $-n\bar{a}$ (форма, равная инфинитиву), соотносящаяся преимущественно с местоимением tum 'вы', 'ты', но также обладающая способностью соотноситься с $t\ddot{u}$ 'ты' и $\bar{a}p$ 'вы', 'Вы'. В общем виде набор форм повелительного наклонения выглядит так: $V\{-\emptyset, -o, -iye, -iye\bar{g}\bar{a}, -iyo, -n\bar{a}\}$, где V символизирует собой глагольную основу.

К числу синтетических принадлежит также ряд форм других наклонений, как-то:

1) простая форма (настояще-будущее время, или проспектив настоящего времени) сослагательного наклонения – $V-f_1$, где символом f_1 представлен набор лице-числовых флексий: $-\bar{a}$ – 1 л. ед.ч., $-e$ – 2 л. ед.ч., $-e$ – 3 л. ед.ч., $-\bar{e}$ – 1 л. мн.ч., $-o$ – 2 л. мн.ч., $-\bar{e}$ – 3 л. мн.ч. (налицо омонимия флексий 2 л. и 3 л. ед.ч., 1 л. и 3 л. мн.ч.);

2) будущее время (простой футурум) изъявительного наклонения – $V-f_1-g-f_2$, где $-g-$ – постфикс, $-f_2$ – символ набора родо-числовых флексий: $-\bar{a}$ – м.р. ед.ч., $-e$ – м.р. мн.ч., $-\bar{i}$ – ж.р., т.е. $-f_2 \Rightarrow \{-\bar{a}, -e, -\bar{i}\}$;

3) прошедшее неоднократное время (имперфект регулярной повторяемости, итеративный имперфект) изъявительного наклонения, омонимичное (омонимичный) простой форме условного наклонения, – $V-t-f_3'$, где $-t-$ являет собою формообразующий суффикс имперфективного причастия, послужившего источником соответствующей финитной формы, а $-f_3$ отвечает набору родо-числовых флексий: $-\bar{a}$ – м.р. ед.ч., $-e$ – м.р. мн.ч., $-\bar{i}$ – ж.р. ед.ч., $-\bar{i}$ – ж.р. мн.ч., т.е. $-f_3 \Rightarrow \{-\bar{a}, -e, -\bar{i}, -\bar{i}\}$;

4) простая форма условного наклонения как грамматический омоним прошедшего неоднократного времени изъявительного наклонения – $V-t-f_3''$;

5) прошедшее аористическое время (аорист) изъявительного наклонения – $V-\emptyset-f_3$, где $-\emptyset$ – нулевой формообразующий суффикс перфективного причастия, послужившего источником соответствующей финитной формы, $-f_3 \Rightarrow \{-\bar{a}, -e, -\bar{i}, -\bar{i}\}$;

б) присущее только глаголу *honā* ‘быть / становиться’ простое настоящее время (простой презенс) изъявительного наклонения – *h-f₄*, где *h-* – основа (вернее, одна из основ) глагола *honā*, а *-f₄* отвечает набору лице-числовых флексий: *-ū* – 1 л. ед.ч., *-ai* – 2 л. ед.ч., *-ai* – 3 л. ед.ч., *-āi* – 1 л. мн.ч., *-o* – 2 л. мн.ч., *-āi* – 3 л. мн.ч. (налицо омонимия флексий 2 л. и 3 л. ед.ч., 1 л. и 3 л. мн.ч.);

7) присущее только глаголу *honā* ‘быть / становиться’ простое прошедшее время (простой имперфект) изъявительного наклонения – *th-f₃*, где *th-* – основа (вернее, одна из основ) глагола *honā*, *-f₃* ⇒ {*-ā*, *-e*, *-ī*, *-ī̃*}.

Если простое настоящее время изъявительного наклонения глагола *honā* производится от основы *h-* (< др.-инд. *√as-*), а простое прошедшее время – от основы *th-* (<др.-инд. *sthita*; *√sthā-*), то простая форма (настояще-будущее время) сослагательного наклонения этого же глагола производится от алломорфа *ho-* основы *ho-/hū-(hu-)* (< др.-инд. *√bhū-*) – *ho-fi* (флексии из набора *-fi* бывают подвержены редукции).

Кстати сказать, алломорф *ho-* данной основы представлен в инфинитиве, в имперфективном причастии, равен деепричастию-основе и в качестве такового входит в состав образования, называемого процессивным причастием, а алломорф *hū-(hu-)* представлен в перфективном причастии и герундии *huā*. Обоиими алломорфами данная основа кажется представленной в формах повелительного наклонения. Алломорф *ho-* основы *ho-/hū-(hu-)*, свойственный будущему простому времени, подвержен в 1 л. ед.ч. замене основой *h-*.

Функционирование этих форм иллюстрируют следующие примеры:

1) *jab tak mehtā kuch bolē, vah havā ho gayī* (P, 83) ‘Прежде чем Мехта успел что-либо сказать, ее и след простыл’, *ab mujhe yah avasār milā hai, ise kyō choṛī ?* (PSU, 34) ‘Теперь мне представилась эта возможность. Зачем же мне упускать ее?’;

2) *kaī din gardan dukhegī mālik!* (P, 99) ‘Несколько дней [у вас], хозяин, будет болеть шея!’, *yah bāt mujh se na pūcho. māī na batāūgī* (ST, 249) ‘Не спрашивайте меня об этом. Я не скажу’;

3) *donō choṭe larke usī skūl mē parṭhe the. nirmalā roz unse man-sārām kā hāl pūchtī* (PN, 95) ‘Оба младших мальчика учились в той же школе. Нирмала ежедневно расспрашивала их о Мансараме’, *khannā uskī kavītāē dekhte, to unkā mazāk urāte...* (P, 193) ‘Когда Кханна видел ее стихи, он их вышучивал...’;

4) *āpne vahī kiya jo is hālat mẽ māī bhī kartā* (PP, 287) ‘Вы сделали как раз то, что сделал бы и я в таком положении’, *khat to māī pahle hī likhtā par āpkā patā mālūm na thā* (AB, 148) ‘Я бы и раньше написал письмо, но мне не был известен ваш адрес’;

5) *yah socte hue bābū sāhab uṭhe, reṣmī cādar gale mẽ ḍālī, kuch rupae liye, apnā kārd nikālkar ek dūsre kurte kī jeb mẽ rakhā, charī uṭhāi aur cupke se bāhar nikle* (PN, 35) ‘С такими мыслями бабу [Удайбханулал] поднялся, обмотал шею шелковым шарфом, взял немного денег, положил свою визитную карточку в карман другой рубахи, взял трость и тихо вышел [из дому]’, *syāhpoṣ ne ek dīvār kī or nazar ḍālī. vinod ne bhī us or dekhā* (SK, 112) ‘Одетый в черное господин бросил взгляд на одну из стен, Винод тоже посмотрел в ту сторону’;

6) *usmē samajh hai, buddhi hai, jñān hai...* (KE, 99) ‘У него (человека. – В.Л.) есть разум, есть рассудок, есть знание...’, *kanāṭ ples barī sundar jagah hai* (KE, 15) ‘Коннот-плейс – превосходное место’, *magar is samay māī sipāhī hū...* (ST, 274) ‘Но в настоящее время я являюсь воином...’;

7) *uske badan par sir se lekar pair tak kālā labādā thā* (SK, 110) ‘На нем был черного цвета плащ, скрывающий его фигуру с головы до ног’, *paristhitiyā hī aisī thī* (SK, 80) ‘Таковы уж были обстоятельства’.

Язык хинди отличается обилием аналитических финитных форм. В их образовании участвуют шесть из семи (исключением является прошедшее аористическое время) перечисленных выше синтетических форм, принимаемых выступающим в роли вспомогательного глаголом *honā*. Они образуются путем сочетания каждой из этих шести форм глагола *honā* с причастием (имперфективным, перфективным, процессивным) от знаменательного (автосемантического) глагола или, что следует признать особыми случаями, от глагола-маркера определенной залоговой формы (в частности, от глагола *jānā* как приметы пассивного залога) и от глагола-модификатора, примыкающего к деепричастию-основе смыслового глагола (т.е. от второго компонента “интенсивного глагола”).

Спряжение глагола *honā* в рамках упомянутых шести форм представлено в таблице.

Итак, вместе с каждой из отмеченных выше шести синтетических форм глагола *honā* как глагола вспомогательного в образовании аналитических финитных форм участвуют имперфективное причастие, перфективное причастие и трактуемое в качестве такового процессивное (дуративное, продолженное) причастие.

Структура имперфективного причастия $V-t-f$ характеризуется формообразующим суффиксом $-t-$, присоединяемым к основе глагола V и сопровождаемым флексией из набора родо-числовых флексий $-f$, для структуры перфективного причастия $V-\emptyset-f$ характерен, в отличие от имперфективного причастия, нулевой формообразующий суффикс $-\emptyset$.

В зачисляемом к разряду причастий процессивном (дуративном, продолженном) причастии видится структура $V-rah-f$, где роль формообразующего суффикса приписывается основе глагола *rahnā* 'оставаться'.

В составе аналитических форм все эти причастия обнаруживают следующий набор родо-числовых флексий адъективной парадигмы словоизменения: $-\bar{a}$ – м.р. ед.ч., $-e$ – м.р. мн.ч., $-\bar{i}$ – ж.р. (не действованной остается флексия $-e$ косвенного падежа) – т.е. тот набор флексий, который выше был обозначен символом $-f_2$:

$bol-t-\{-\bar{a}, -e, -\bar{i}\}$, $bol-\emptyset-\{-\bar{a}, -e, -\bar{i}\}$, $bol-rah-\{-\bar{a}, -e, -\bar{i}\}$
глагола *bolnā* 'говорить'.

К какому из наклонений относится та или иная аналитическая финитная форма глагола, определяется формой наклонения глагола *honā* как глагола вспомогательного.

Итак, на данном этапе анализа круг аналитических форм изъявительного наклонения очерчивается следующим образом:

$\{V-t-f_2, V-\emptyset-f_2, V-rah-f_2\} + \{h-f_4, th-f_3, ho-/h-f_1-g-f_2, ho-t-f_3\}$.

Соответственно формулой $\{V-t-f_2, V-\emptyset-f_2, V-rah-f_2\} + ho-f_1$ очерчивается перечень аналитических форм сослагательного наклонения, а формулой $\{V-t-f_2, V-\emptyset-f_2, V-rah-f_2\} + ho-t-f_3$ – перечень аналитических форм условного наклонения.

Для того, чтобы дать более наглядное представление об аналитических формах, обнаруживающихся в рамках каждого из наклонений, ниже применительно к выражению значения первого лица

единственного числа мужского рода привлечен глагол *bolnā* ‘говорить’:

изъявительное наклонение: *māī* ‘я’+{*boltā*, *bolā*, *bol rahā*}+{*hū*, *thā*, *hūgā* (*hoūgā*), *hotā*}’;

сослагательное наклонение: *māī* ‘я’+{*boltā*, *bolā*, *bol rahā*}+*hoī*’;

условное наклонение: *māī* ‘я’+{*boltā*, *bolā*, *bol rahā*}+*hotā*”.

В сумме получается двенадцать (3 x 4) аналитических форм изъявительного наклонения и по три (3 x 1) формы у сослагательного и условного наклонений, т.е. всего восемнадцать аналитических форм, в составе которых выступающий в роли вспомогательного глагол *honā* представлен синтетической формой.

В зависимости от того, какое из причастий участвует в строении аналитических форм глагола хинди, есть основания (во всяком случае формальные) называть соответствующие аналитические формы имперфективными, перфективными или процессивными. Имперфективной также следует назвать возникшую на базе имперфективного причастия синтетическую форму, каковой является прошедшее неоднократное время – *V-t-f₃*’ (типа *boltā*’), а перфективной – возникшую на базе перфективного причастия синтетическую форму, каковой является прошедшее аористическое время – *V-ø-f₃* (типа *bolā*).

В свете имеющей место “причастной” трактовки категории вида языка хинди соответствующие формы изъявительного наклонения должны считаться видо-временными.

Итак, помимо пяти синтетических форм, как-то: будущего простого времени (*V-f₁-g-f₂* → *bolūgā*), прошедшего неоднократного времени (*V-t-f₃*’ → *boltā*’), прошедшего аористического времени (*V-ø-f₃* → *bolā*), простого настоящего времени (простого презенса) глагола *honā* (*h-f₄* → *hū*) и простого прошедшего времени (простого имперфекта) глагола *honā* (*th-f₃* → *thā*), – в круг форм изъявительного наклонения подлежат включению двенадцать аналитических (видо-временных в свете “причастной” трактовки категории вида) форм. Это следующие формы:

(1) настоящее общее время, или презенс (*V-t-f₂+h-f₄* → *boltā hū*): *log akhbār parhte hāī, māī akhbār bhī nahī parhtā. ghar se daftar ātā hū, daftar se ghar calā jātā hū* (SN, 200) ‘Люди читают газеты, я же даже газет не читаю. Из дома прихожу в контору, из конторы отправляюсь домой’, *pul pār karte samay santrī ne mujhe rokā,*

bolā, o āvārāgard gadhe! kidhar jātā hai? (KE, 33) ‘Когда я шел по мосту, меня остановил своим окриком часовой: «Эй, бродячий осел! Куда это ты идешь?»;

(2) прошедшее время актуального результата в настоящем, или перфект ($V-\phi-f_2+h-f_4 \rightarrow bolā hū$): *«bāī, sāhab ko salām karo», pahalvān ne kahā. «sāhab kanāt ples se āyā hai!»* (RA, 53) «Поздоровайся, подружка, с господином, – проговорил верзила. – Ведь господин явился сюда с Коннот-плейс!», *ab mujhe yah avasar milā hai. ise kyō chorī* (PSU, 34) ‘Теперь мне представилась эта возможность. Зачем же мне упускать ее?’;

(3) настоящее актуальное время, или актуальный презенс ($V-rah-f_2+h-f_4 \rightarrow bol rahā hū$): *gangāprasād ne apne sāthī se pūchā, kahā jā rahe hāī āp?* (VB, 277) ‘«Куда вы едете?» – спросил Гангапрасад своего попутчика’, *tab usne dekhā ki sāmne muhalle mẽ kuē ke pās vah ek bacce ko god mẽ liye kharī hai aur uske oṭhō par cancel catur muskān khel rahī hai* (AG, 102) ‘Он увидел, что перед ним у колодца стоит она с ребенком на руках и на ее губах играет озорная улыбка’;

(4) прошедшее общее время, или имперфект ($V-t-f_2+th-f_3 \rightarrow boltā thā$): *donō choṭe larke usī skūl mẽ parhte the* (PN, 95) ‘Оба младших мальчика учились в той же школе’, *aur motī vijay šūr kī bhāṭī uskā rāstā roke kharā thā. gāv ke log yah tamāšā dekhthe the aur hāste the* (PM2, 161) ‘А Моти с видом победителя преграждал ему дорогу. Жители деревни взирали на эту сцену и смеялись’;

(5) предпрошедшее время, или плюсквамперфект ($V-\phi-f_2+th-f_3 \rightarrow bolā thā$): *lekin is samay darvāzā band thā. bāhar se caṭaknī lagī hūī thī. iskā arth thā ki koī phir uske kamre tak āyā thā* (SK, 23) ‘Но теперь дверь была закрыта. Снаружи она была заперта на задвижку, а это значило, что кто-то снова подходил к его номеру’, *mālī bacce ko god mẽ liye baiṭhī thī aur baccā anāyās hī ro rahā thā. šāyad usne koī svapna dekhā thā...* (P, 340) ‘Малти сидела с ребенком на руках, а ребенок безутешно плакал. Возможно, он увидел какой-то [страшный] сон...’;

(6) прошедшее актуальное время, или актуальный имперфект ($V-rah-f_2+th-f_3 \rightarrow bol rahā thā$): *harbans pair phailāe pās kī kursī par baiṭhā thā aur ek kitāb ke panne palat rahā thā* (RA, 206) ‘Харбанс, вытянув ноги, сидел рядом на стуле и листал страницы какой-то книги’, *marīz ko dekhkar laut rahī thī ki yah aghaṭ ghaṭit huā* (JK, 57) ‘[Она] возвращалась после осмотра больного, как вдруг произошло это невероятное событие’;

(7) будущее имперфективное время, или имперфектив будущего времени ($V-t-f_2+ho-/h-f_1-g-f_2 \rightarrow boltā hūgā / hoūgā$): *use viśvās thā, harīś kahī na kahī yah sab dekhtā hogā...* (YK, 187) 'У нее была уверенность в том, что всё это Хариш где-нибудь будет видеть...', *vah apne kāle bālō mē sarsō hī kā tel dāltī hogī, kyōki uske mastak par bālō ke nīce pasīne ke kāraṇ tel mē milī huī mail kī ek rekhā ban rahī thī* (AP, 12) 'Она, должно быть, смазывала свои черные волосы горчичным маслом, потому что пот оставлял на ее лбу тонкую полоску маслянистой грязи';

(8) будущее перфективное время, или перфектив будущего времени ($V-ø-f_2+ho-/h-f_1-g-f_2 \rightarrow bolā hūgā / hoūgā$): *māī to usī din rupae lene jāūgā, jis din jhīgurī kahī calā gayā hogā* (P, 187) 'Я пойду получать деньги в тот день, в который Джжингури куда-нибудь уйдет', *śok, khījh aur bebaś kī aīsī karuṇ mūrti śayad hī kisī ne dekhī hogī* (SN, 118) 'Вряд ли кто-нибудь видел такое скорбное воплощение печали, гнева и беспомощности';

(9) будущее процессивное время, или процессив будущего времени ($V-rah-f_2+ho-/h-f_1-g-f_2 \rightarrow bol rahā hūgā / hoūgā$): *bāhar ke barāmdē mē māī citra banā rahā hūgā, vahī ā jānā aur dekh, hukkā bhī bhar lānā* (N. 1969.V, 55) 'Я буду рисовать на наружной веранде, туда-то ты и приходи. Да и не забудь захватить кальян', *tujhe paisē jald dījīe, merā bhāī intazār kar rahā hogā* (KT, 73) 'Отдайте мне поскорее деньги. Брат, наверное, заждался [меня]';

(10) прошедшее хабитуально-имперфективное время, или хабитуалис имперфектива ($V-t-f_2+ho-t-f_3' \rightarrow boltā hotā'$): *koī kām kartī hotī, to bār-bār ākar us guldaste ko dekh jātī* (PM4, 95) 'Когда [я] что-либо делала, то все равно раз за разом ходила взглянуть на этот букет', *baink mē āye hue logō kī moṭarē katār se kharī hotī aur dīrāvar āspās baiṭhe ek dūsre se bātē karte hote* (NK. 1961. XII, 94) 'Машины прибывших в банк клиентов стояли в ряд, а водители переговаривались, сидя неподалеку';

(11) прошедшее хабитуально-перфективное время, или хабитуалис перфектива ($V-ø-f_2+ho-t-f_3' \rightarrow bolā hotā'$): *vah jab bāhar gayā hotā, mannī binā kahe uskā kamrā jhār detī, uskī pustakē karīne se lagā detī...* (AG, 473) 'Когда он выходил [надолго], Манни без лишних слов убиралась в его комнате, приводила в порядок его книги...', *cetan ne kuch likhā hotā to pās baiṭhkar use sunte* (AG, 408) 'Если Четан успевал что-нибудь написать, то [Кавирадж] садился рядом и слушал';

(12) прошедшее хаbitуально-процессивное время, или ха-
 битуалис процессива ($V\text{-rah-}f_2 + ho\text{-}t\text{-}f_3' \rightarrow bol\ rahā\ hotā$): *jab vah akhroṭ ke peṛ ke nīce baiṭhā huā jūtiyā* banā rahā hotā to uskā bholā aur pavitra cehrā kiś devtā jaisā lagtā (KG, 135) '[Всекий раз] когда он, сидя под ореховым деревом, тачал туфли, его простодушное и чистое лицо казалось божьим', *bātcīt mē use adhik sukh tabhī miltā thā* jab vah khud bol rahī hotī (RA, 430) 'От беседы она получала больше удовольствия тогда, когда сама говорила'.

Круг аналитических глагольных форм изъявительного наклонения пополняется благодаря появлению форм, в составе которых глагол *honā*, сочетающийся в качестве вспомогательного с причастием, предстает в настоящем общем времени, в прошедшем общем времени или в будущем имперфективном времени:

$\{V\text{-}t\text{-}f_2, V\text{-}\emptyset\text{-}f_2, V\text{-}rah\text{-}f_2\} + \{ho\text{-}t\text{-}f_2 + h\text{-}f_4, ho\text{-}t\text{-}f_2 + th\text{-}f_3, ho\text{-}t\text{-}f_2 + ho\text{-}h\text{-}f_1\text{-}g\text{-}f_3\} \rightarrow \{boltā, bolā, bol\ rahā\} + \{hotā hū, hotā thā, hotā hūgā / hoūgā\}.$

Это следующие формы:

(13) узитативный презенс ($V\text{-}t\text{-}f_2 + ho\text{-}t\text{-}f_2 + h\text{-}f_4 \rightarrow boltā\ hotā\ hū$): *prāyaḥ cāy pīkar lautṭā hotā hū to āp miltī hāi* (GD, 276) 'Вы обычно, когда я возвращаюсь после чаепития, встречаетесь мне на пути',

(14) узитативный перфект ($V\text{-}\emptyset\text{-}f_2 + ho\text{-}t\text{-}f_2 + h\text{-}f_4 \rightarrow bolā\ hotā\ hū$): *ve ilāhābādī sosāyaḥ ke navīn samācārō se bhare hote hāi* 'Они обычно бывают заполнены последними сообщениями об иллахабадском обществе [107, с. 322],

(15) узитативно-актуальный презенс ($V\text{-}rah\text{-}f_2 + ho\text{-}t\text{-}f_2 + h\text{-}f_4 \rightarrow bol\ rahā\ hotā\ hū$): *rukiyā prasād kā dūsrā donā lagā rahī hotī hai* (JJ, 82) 'Рукия [каждый раз] готовит другую чашу для подношения',

(16) узитативный имперфект ($V\text{-}t\text{-}f_2 + ho\text{-}t\text{-}f_2 + th\text{-}f_3 \rightarrow boltā\ hotā\ thā$): *rāmamūrtti prātaḥ uṭhkar niyampūrvak vyāyām kartā hotā thā* 'Рамамуртти, встав утром, обычно регулярно делал зарядку' [51, с.277],

(17) узитативный плюсквамперфект ($V\text{-}\emptyset\text{-}f_2 + ho\text{-}t\text{-}f_2 + th\text{-}f_3 \rightarrow bolā\ hotā\ thā$): *uske bād das dīn un logō ko dān diyā jātā thā jo dūr-dūr se āe hote the* 'Затем десять дней выдавали пожертвования тем людям, которые обычно приходили издалека' [107, с. 343],

(18) узитативно-актуальный имперфект ($V\text{-}rah\text{-}f_2 + ho\text{-}t\text{-}f_2 + th\text{-}f_3 \rightarrow bol\ rahā\ hotā\ thā$): *un āyajanō ke viṣay mē mujhe itnā hī yād hai ki jab nṛ tyā cal rahā hotā thā to mujhe nīd ā jātī thī...* (RA, 79) 'Об этих

представлениях я помню только одно: когда исполнялся танец, меня начинало клонить ко сну...’,

(19) будущее узитативно-имперфективное время
 $(V-t-f_2+ho-t-f_2+ho-/h-f_1-g-f_2 \rightarrow boltā hotā hūgā / hoūgā),$

(20) будущее узитативно-перфективное время
 $(V-ø-f_2+ho-t-f_2+ho-/h-f_1-g-f_2 \rightarrow bolā hotā hūgā / hoūgā),$

(21) будущее узитативно-процессивное (узитативно-актуальное) время $(V-rah-f_2+ho-t-f_2 +ho-/h-f_1-g-f_2 \rightarrow bol rahā hotā hūgā / hoūgā).$

Формы (19), (20) и (21) остаются не отмеченными в текстах на хинди, послуживших исследователям (в том числе и автору настоящей работы) материалом для лингвистического анализа. Своим же появлением они могут быть обязаны давлению системы: почему бы не быть узитативу связанным с планом будущего времени, раз уж он бывает соотносительным с планом настоящего или прошедшего времени?

Лишь искусственные примеры на функционирование этих форм содержатся в монографии Г. Неспитала, посвященной системе футурума в хинди [150, с. 293-295]. Форма (19), т.е. будущее узитативно-имперфективное время, была, правда, зафиксирована З.М. Дымшицем в романе на урду «Умрао-джан Ада» Мирзы Русвы: *yaqīn hai ki qabr mẽ tujh par ṣubḥ-o-šām jahannam ke kunde parte hote hōge* букв. ‘Уверен, что в могиле утром и вечером будут на тебя [постоянно] падать бревна ада’ [50, с. 282].

Формы (10), (11) и (12), т.е. разновидности хабицуалиса, и формы (13)–(21), т.е. разновидности узитатива, – это по сути дела формы обыкновения. Недаром многие из них, а именно те, которые стали объектом описания, квалифицированы в отечественной литературе по грамматике хинди (см., в частности, работы З.М. Дымшица, О.Г. Ульциферова) как *обычные* времена – времена, в названии которых уместен атрибут “обычное”.

Сослагательному наклонению принадлежат следующие аналитические (в свете “причастной” трактовки категории вида видо-модальные) формы:

(22) имперфективная форма, или имперфектив сослагательного наклонения $(V-t-f_2+ho-f_1 \rightarrow boltā hoī)$: *šāyad āp socte hō ki belā aur butūl merī larkiyā hāī* (КТ, 12) ‘Вы, возможно, думаете, что Бела и Бутуль – мои дочери’,

(23) перфективная форма, или перфектив сослагательного наклонения $(V-ø-f_2+ho-f_1 \rightarrow bolā hoī)$: *yadi mujh mẽ hī koī khās bāt āpne*

dekhī ho to mujhe batāiye (YK, 156) ‘Если во мне вы заметили что-то особенное, то скажите мне’,

(24) процессивная форма, или процессив сослагательного наклонения ($V\text{-rah-}f_2\text{+ho-}f_1 \rightarrow \text{bol rahā hoī}$): *hāy yah pīrā! māno tīvra laharē taṭ se ṭagrā rahī hō* (KG, 43) ‘О, эта боль! Будто могучие волны неистово бьются о берег’.

Такого же характера формы присущи условному наклонению:

(25) имперфективная форма, или имперфектив условного наклонения ($V\text{-}t\text{-}f_2\text{+ho-}t\text{-}f_3 \rightarrow \text{boltā hotā}$): *māi itnā aiś kā bandā nahī hū. varnā āj bheṛō ke gallā carātā hotā* (PP, 364) ‘Я не такой уж раб страстей. Иначе пас бы я ныне отары’,

(26) перфективная форма, или перфектив условного наклонения ($V\text{-}ø\text{-}f_2\text{+ho-}t\text{-}f_3 \rightarrow \text{bolā hotā}$): *yadi usne makān ke mukhya dvār se praveś kiyā hotā to use pahle hī barāmdē se lagā huā ḍrāing-rūm milā* (VB, 378) ‘Если бы он вошел через главную дверь дома, то сначала оказался бы в прилегающей к веранде гостиной’,

(27) процессивная форма, или процессив условного наклонения ($V\text{-rah-}f_2\text{+ho-}t\text{-}f_3 \rightarrow \text{bol rahā hotā}$): *belā kī umr bārah sāl se zyādā nahī thī jab vah cauthī mē parthī thī. apne ghar par hotī to āj vah pācvi jamāt mē paṛh rahī hotī* (KH, 46) ‘Беле было не более двенадцати лет, когда она училась в четвертом классе. Будь она у себя дома, то теперь училась бы в пятом классе’.

Все упомянутые выше финитные формы глагола языка хинди, как синтетические, так и аналитические (а именно, такие аналитические формы, в составе которых роль вспомогательного глагола играет глагол *honā*), – это базовые финитные формы: они, определяя модально-временной план предложений, в своем и з н а ч а л ь н о м функционировании принадлежат глаголам как глаголам з н а м е н а т е л ь н ы м (автосемантическим). При этом аналитические формы, входящие в круг базовых форм, должны быть признаны п е р в и ч н ы м и аналитическими формами, поскольку также аналитическими формами можно считать, что и делается в исследовательской практике, мультивербальные комплексы, образуемые путем “агглютинации”, или, уже без кавычек, с о ч л е н е н и я глагольных словоформ. Существует строгий порядок в расположении глагольных словоформ внутри образуемых комплексов. Только первая (левая) составляющая таких комплексов принадлежит знаменательному глаголу, которому и

приписывается статус аналитической формы, тогда как их другие словоформы воплощают грамматикализацию соответствующих глаголов либо в служебной роли модификаторов, обеспечивающих выражение аспектуальных и/или модальных значений и оттенков, либо в качестве маркеров / маркера определенного залога. Заключительный же (самый правый) компонент мультивербальных комплексов имеет облик какой-либо базовой финитной формы или, иначе говоря, предстает как аналог базовой финитной формы, которой мог бы характеризоваться знаменательный глагол. Языковому узусу в наибольшей мере отвечают мультивербальные комплексы, представленные их частной разновидностью – бивербальными комплексами. Существует также взгляд на мультивербальные комплексы, нацеленные на выражение аспектуальных и/или модальных значений или оттенков, как на (сверх)сложные, или комплексные, глаголы. Из бивербальных комплексов включенными в морфологическую систему глагола считается тот, который содержит в своем составе глагол *jānā* ‘идти’, ‘уходить’ в качестве маркера инактивного (или, если угодно, пассивного) залога.

Отмеченными выше наборами флексий материализуется согласование финитного глагола с именным компонентом предложения, что удобно было показать на примере глагола *bolnā* ‘говорить’. Однако перфективные формы многих глаголов языка хинди могут функционировать вне какого-то ни было согласования, внешне совпадая при этом с морфологической структурой, отвечающей пучку грамем «мужской род, единственное число, третье лицо». Вне согласования могут выступать финитные формы инактивного залога.

Выше в рамках изъяснительного наклонения особо выделены прошедшее неопределенное время и формы (10), (11), (12) как внешне отличающиеся отсутствием в их составе строевого компонента *th-f* от выделенных наряду с ними форм (4), (16), (17), (18). Такой взгляд на разграничение финитных глагольных форм оказывается противопоставленным получившей у лингвистов признанию точке зрения, согласно которой компонент *th-f* может быть опущен в каждой из таких имеющихся форм, как прошедшее несовершенное время [51, с. 274; 107, с. 332], прошедшее несовершенное обычное время [51, с. 277; 107, с. 333], преждепрошедшее обычное время [107, с. 342] и прошедшее продолженное обычное время [51, с. 280; 107, с. 348], т.е. дифференциация плана выражения считается имеющей место внутри каждой из четырех упомянутых форм ввиду реализации возможности опускать компонент *th-f*.

При критическом отношении к предложенной выше таксономии форм финитного глагола можно взять под сомнение резонность усмотрения грамматической омонимии в формах (10) и (25), (11) и (26), (12) и (27) и, наконец, в прошедшем неопределенном времени и простой форме условного наклонения. Ведь можно было пойти по пути признания существующими четырех форм, способных в зависимости от конституции передавать хабитуальное значение (в плане прошедшего времени) или значение ирреалиса (=контрфактического суппозитива). Показателен в связи с этим следующий пример: *kaī bār aisā huā ki ve koī acchā upanyās paṛh rahe hote, par uske pās samay na hotā. phir jab us ke pās samay hotā to ve aisā upanyās paṛh rahe hote jise paṛhnā us ke vicār mē samay naṣṭa karne ke barābar hotā* (AG, 335) ‘Несколько раз случилось так, что он (старший брат Четана. – В.Л.) читал бы какой-нибудь хороший роман, но у него не было времени. Когда же у него находилось свободное время, он читал такой роман, чтение которого, по его (Четана. – В.Л.) мнению, было пустой тратой времени’.

В приведенной выше классификации формы (7), (8) и (9) (равно как и формы (19), (20) и (21)), в семантической структуре которых сема будущего времени подвергается замещению семой незасвидетельности сообщаемого факта, оставлены в рамках изъявительного наклонения, не выделяются в отдельное наклонение – предположительное, или гипотетив.

Процессивные формы, как-то: (3), (6), (9), (12), (15), (18), (21), (24), (27), – являются по сути дела плодом грамматикализации при участии вспомогательного глагола *honā* перфективной формы бивербального комплекса с его вторым компонентом – глаголом *rahnā* ‘оставаться’, ‘пристыкованным’ к деепричастию-основе знаменательного глагола, – грамматикализации в конкретно-процессном значении. Именно этой грамматикализации они обязаны вхождением в перечень базовых финитных форм глагола хинди.

В кругу аналитических форм финитного глагола языка хинди оказываются также формы, в качестве первого компонента которых предстает *с о с т а в н о е*, т.е. осложненное перфективным причастием от глагола *honā*, перфективное причастие знаменательного глагола. Такими формами могут наделяться только переходные глаголы в предложениях, где имя субъекта действия маркируется послелогом *ne*. П р а к т и ч е с к и речь здесь идет (или должна идти) о статальном варианте перфекта, отвечающем формуле $V-\sigma-f_2+hu-f_2+h-f_4$ или – вне согласования – формуле $V-\sigma-\bar{a}+hu-\bar{a}+h-ai$, и о статальном варианте плюсквамперфекта, отвечающем формуле $V-\sigma-f_2+hu-f_2+th-f_3$ или – вне согласования – формуле $V-\sigma-\bar{a}+hu-\bar{a}+th-\bar{a}$:

sarkār ne kaī yojnāē jāṛī kī huī hāī ‘Правительство опубликовало несколько планов’ [107, с. 324],

...aur apnī dūsṛī patnī ko usne jālandhar mẽ apne bāp ke ghar mẽ choṛā huā hai (RA, 183) ‘...и свою вторую жену он оставил в Джаландхаре в доме своего отца’.

gokul ne vāskeṭ hāth mẽ pakṛī huī thī (GD, 316) ‘Гокул держал жилет в руке’.

Значение реальности, составляющее семантическую доминанту изъявительного наклонения, получает языковую объективацию в его финитных формах, соотносящих событие (осуществление процесса) с исходной точкой отсчета времени как совпадающее (одно-временное), как предшествующее, как последующее и тем самым обеспечивающих противопоставление трех временных планов: настоящего, прошедшего и будущего. Когда в качестве исходной точки определения временного плана предстает момент речи, выражаемое временное значение понимается как абсолютное, а при несовпадении грамматической точки отсчета с моментом речи выражаемое временное значение оказывается относительным. Соответственно следует различать абсолютное и относительное употребление форм времени.

При всем том, что хинди и русский язык значительно отличаются друг от друга набором (перечнем), строением и внутрисистемной организацией форм изъявительного наклонения, существенной чертой, общей для категории времени обоих языков, является отсутствие временных форм, функционирование которых сводилось бы исключительно к их относительному употреблению, т.е. отсутствие относительных (или во всяком случае, что касается языка хинди, чисто относительных) времен. Итак, относительное употребление (соотнесение обозначаемого события с точкой отсчета, не совпадающей с моментом речи) выпадает в хинди и в русском языке на долю абсолютных времен.

“Приверженностью” к относительному употреблению отличаются в хинди прежде всего такие формы изъявительного наклонения, как:

а) настоящее актуальное время, например:

gangāprasād ne anubhav kiṃ ki uskā dam ghuṭ rahā hai (VB, 378) ‘Гангапрасад показалось, что он задыхается’,

uske bare bhāi kī prakṛti ke us pakṣa par vicār kartā huā cetan jab 'bāziyā vālā bāzār' mẽ pahūcā to us ne dekhā ki uske bhāi paṇḍit banārasī dās kī dukān par cand befikrō ke sāth tās khel rahe hāi (AG, 73) 'Когда Четан, размышляя об этой черте характера своего старшего брата, пришел на Игорный базар, то он увидел, что тот в лавке пандита Банараси Даса играет в карты с несколькими лоботрясами';

б) настоящее общее время, например:

uttar mẽ uskī sālī ne batāyā ki larḳā aṛhāi sau rupayā māsik pātā hai... (AG, 684) 'В ответ его свояченица сообщила, что юноша получает двести пятьдесят рупий в месяц...';

usne aisā rukh liyā māno vah sab kuch jāntā hai (VB, 350) 'Он сделал вид, будто все знает';

в) будущее простое время, например:

ghar ākar us ne sab se pahle paṇḍit dīnbandhu ko ciṭṭhī likhī ki vah lāhaur avaśya jāyā (AG, 88) 'Придя домой, он сразу же написал в письме пандиту Динбандху, что непременно уедет в Лахор';

lakṣmīcand kā aisā khayāl thā ki sadā kī bhāti jaidē apne bhatījō kā pakṣa lekar kuch sakhi-sust kahegī... (VB, 336) 'Лакшмичанд думал, что Джайдеи, по своему обыкновению, вступится за своих племянников...';

г) перфект, или прошедшее время актуального результата в настоящем, например:

...cetan ne jān liyā ki uske pitā ā gaye hāi (AG, 89) '...Четан уразумел, что пришел его отец';

mujhe kuch kṣaṇō ke lie to lagā ki mī ek satṭā bāzār mẽ pahūc gayā hū (RA, 50) 'Несколько мгновений мне казалось, что я попал на биржу';

д) простой презент глагола *honā* 'быть', например:

jvālāprasād ko lagā ki us samay unkā sab se nikatṣtha ātmīya bhīkhū hai (VB, 737) 'Джавалапрасад почувствовал, что теперь самым близким ему человеком является Бхикху';

...lekin jvālāprasād ne anubhav kiyā ki us mahfil mẽ ullās nahī hai, utang nahī hai (VB, 67) '...однако Джвалапрасад чувствовал, что в этой компании нет веселья, нет вдохновения'.

Благодаря презенту глагола *honā* относительное употребление оказывается свойственным и предикату с перфективным (обычно составным) причастием в нейтральной форме на *-e* от полнозначно-

го глагола, передающему значение результитивного состояния субъекта, например:

gangāprasād ko anubhav huā ki santo piye hue hai (VB, 389) ‘Гангапрасад понял, что Санто выпивши’,

jis samay jaideī apne bāgle mẽ pahūcī usne dekhā ki uske bāgle mẽ kuch ajāne mehmān ṭhahre hue hāī (VB, 337) ‘Когда Джайдеи вернулась в свой домик, она увидела, что там обитает несколько незнакомых ей гостей’.

Примечательным для относительного употребления отмеченных глагольных форм является их совмещение (в разных сочетаниях) на синтагматической оси на базе сочинительной связи, например:

kuch samajh na sakne par bhī itnā to niścay thā ki coṭ gahrī āī hai, khūn jā rahā hai aur candā behoš hai (YD, 244) ‘Даже при том, что ничего нельзя было понять, было очевидно, что рана глубока (букв. глубокой вышла), течет кровь и Чанда лежит без сознания’ (перфект + настоящее актуальное время + презенс глагола *honā*),

jab cetan ghar pahūcā to use patā calā ki vaktā mahoday to usse kahī pahle ghar pahūc gaye hāī aur bare ārām se kharrāṭe bhī le rahe hāī (AG, 72) ‘Придя домой, Четан узнал, что господин оратор прибыл домой гораздо раньше его и уже безмятежно храпит’ (перфект + настоящее актуальное время),

us samay usne dekhā ki vahā na sabhāpati mahāśay hāī aur na vaktā mahoday aur log manc par carh kar hullar macā rahe hāī (AG, 72) ‘Тут он увидел, что там нет ни господина председателя собрания, ни уважаемого оратора, а люди, забравшись на помост, галдят’ (презенс глагола *honā* + настоящее актуальное время),

cetan jab cāūkā to usne dekhā ki ek ko paṇḍit banārasī dās ne pakar rakhā hai aur dūsre ko durgādās apnī bāhō mẽ bādhe hue hāī aur donō ghāyal sinhō kī bhāti ve ek dūsre ko tāk rahe hāī aur dahārō ke nām par gāliyā de rahe hāī (AG, 77) ‘Когда Четан опомнился, он увидел, что одного из драчунов схватил пандит Банараси Дас, а другого удерживает руками Дургадас, и оба пострадавших в драке свирепо смотрят друг на друга и извергают ругательства’ (перфект + предикат со значением результитивного состояния + настоящее актуальное время + настоящее актуальное время).

Уже из вышеприведенных примеров (а точнее, из предло-
женного выше перевода соответствующих предложений на русский
язык) явствует, что относительному употреблению времен языка
хинди бывает легко находить соответствие в относительном упот-
реблении видо-временных форм глагола русского языка.

Эта “легкость” в первую очередь касается употребления на-
стоящего актуального времени, настоящего общего времени глаго-
лов и простого презенса глагола *honā* в языке хинди и настоящего
несовершенного времени (при том, что глаголу *быть* может соот-
ветствовать нуль) в русском языке, а также употребления простого
будущего времени в хинди и будущего (обычно будущего совер-
шенного) времени в русском языке:

...unhō ne dekhā ki lālā prabhudayāl muskarā rahe hāī (VB, 37) –
...и [Раджасинх] увидел, что лала Прабхудаийал как-то странно
улыбается (ВБ, 52),

*us bāt-cī mē mujhe patā calā ki harbans dillī ke kisī kālej mē itihās
parhātā hai* (RA, 17) ‘Я узнал, что Харбанс преподает историю в од-
ном из делийских колледжей (PM, 25),

*munshī rādhelāl ne dekhā ki vāstav mē bhīkhū ke pīche tahsīl ke do
caprāsī khare hāī* (VB, 244) – Муниши Радхелал увидел, что за спиной
Бхику и в самом деле стоят двое служителей, подоспевших на шум
из конторы (ВБ, 212),

*raṇvīr āshā kartā thā ki hunar sāhab jaise prasiddha kavi kā nām
sunte hī jījā jī uchal kar uṭhēge aur uske sāth nīce ko bhāḡ calēge...* (AG,
692) – Ранвир думал, что джиджа джи, едва услышав имя такого
известного поэта, как Хунар-сахиб, моментально вскочит и пом-
чится вместе с ним вниз (АУ, 167).

На относительное употребление перфекта языка хинди рус-
ский язык с готовностью “реагирует” использованием прошедшего
совершенного времени:

*gangāprasād ko yād ā gayā ki usne apne ardalī ahmad ko jel bhejā
hai* (VB, 550) – Гангапрасад вспомнил, что действительно отправил
вестового в тюрьму (ВБ, 427),

bhīkhū jāntā thā ki ab uskā pakṣa sabal ho gayā hai (VB, 31) – Но
Бхику уже понял, что позиции его немного окрепли (ВБ, 46),

choṭe bhāī ne mā mē jākar kahā ki pitā jī ā gaye hāī (AG, 199) –
Младший брат отправился сообщить матери, что вернулся отец
(АУ, 57).

Отмеченные соотношения форм получают зеркальное отражение при переводе с русского языка на хинди:

Уставились в окно и увидели, как в тусклом размытом мерцании проносятся мимо, точно при сильном вышнем движении, большие и лохматые, похожие на тучи очертания (В. Распутин) – *sab ne khirkī mẽ se ākhē gurākar dekhā ki dhūdhilī aur aspaṣṭa camak ke sāth bādālō jaisī kuch viśāl aur jhabrīlī ākṛtiyā pās se guzar rahī hāī* (RT, 492),

Не верилось, что изба может пережить старуху... (В. Распутин) – *viśvās hī nahī hotā thā ki yah kuṭiyā būrhī ānnā se bhī adhik jī saktī hai...* (RT, 52),

Петрухе сказали, что его избу увезут в музей... (В. Распутин) – *petrūkhā ko kahā gayā thā ki uske makān ko sangrahālay mẽ le jāyā jāyā* (RT, 321),

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла (А. Пушкин) – *subah ko kāfī der se ākh khulī aur māī ne dekhā ki barf kā tūfān tham gayā hai* (PR, 153),

Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой (А. Чехов) – *yah carcā thī ki samudra ke kināre ek nayā prāṇī āyā hai – ek choṭe kutte ke sāth ek mahilā* (СК, 53).

Использование перфекта (*tham gayā hai, āyā hai*) при переводе с русского на хинди свидетельствует со всей очевидностью о том, что в соответствующих русских предложениях прошедшее совершенное время (*утихла, появилось*) выступает, что обуславливается контекстом, в перфектном значении.

Как в хинди, так и в русском языке позицию, занимаемую глагольной формой в ее относительном употреблении, может при определенных условиях занимать форма с абсолютной временной ориентацией.

Так в приводимых выше предложениях языка хинди *...unhō ne dekhā ki lālā prabhudayāl muskarā rahe hāī* (VB, 37) и *gangāprasād ko yād ā gayā ki usne apne ardālī ahmad ko jel bhejā hai* (VB, 550) вполне допустима мена их глагольных форм соответственно на *muskarā rahe the* (прошедшее актуальное время) и *bhejā thā* (предпрошедшее время, или плюсквамперфект). Ср.: *vidyā ne barāmdē mẽ nikalkar dekhā, bindeśvarīprasād tāge se utarkar barāmdē mẽ carṇ rahe the* (VB, 712) 'Выйдя на веранду, Видья увидела, как на веранду поднимался,

сойдя с тонги, Биндешварипрасад', *cetan ko tab yād āyā ki vah apne bhāi ko bulāne āyā thā* (AG, 77) 'Только тогда Четан вспомнил, что он пришел за своим братом (букв. своего брата позвать)'.

А в таких предложениях русского языка, как *Евдоким смотрел на картину, уже изученную во всех подробностях, и слушал, как Евдокия ходит в кухне* (В. Панова), *И в эту минуту Никита увидел, что синяя стрелка на циферблате, далеко отделившись от золотой стрелки, дрожит между «переменчиво» и «бурей»* (А. Толстой), *Никита остановился, – ясно было слышно, как кто-то ломает сухие ветки* (А. Толстой), представляется вполне возможной замена использованных глагольных форм настоящего времени с относительной временной ориентацией формами прошедшего несовершенного времени *ходила, дрожала, ломал* в абсолютном употреблении. Ср.: *Никита, не оборачиваясь, слушал, как ворчала Анна, но не поддался* (А. Толстой), *Все же Никита видел, что у Аркадия Ивановича тряслись руки, а зрачки глаз были как точки* (А. Толстой), *Слышно было, как, точно в бреду, звенела муха в огромном окне...* (А. Толстой).

В свете вышеизложенного представляется вполне допустимым, чтобы при переводе с одного языка на другой форме с абсолютной временной ориентацией отвечала форма с относительной временной ориентацией (а) и, наоборот, форме с относительной временной ориентацией отвечала форма с абсолютной временной ориентацией (б):

(а) *...lekin phir unhō ne dekhā ki rājā sāheb kā hāth samay-samay par unke āge rakhe hue cādī ke gilās ko uthākar unke hoṭh tak pahūcātā thā...* (VB, 66-67) – ...но вскоре он заметил, что время от времени рука раджи поднимает стоящий на ковре старинный бокал и подносит его к губам (ВБ, 74), *Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась* (А. Пушкин) – *use is bāt kī cetnā hue binā na rah saktī thī ki vah burmīn ko acchī lagtī hai* (PR, 41);

(б) *ham jānte the ki ...vah apnī naukarī kī salāmatī sāhab ko khuś rakhne mẽ hī samajhtā hai* (RA, 63) – ...но вот то, что главным своим долгом он считал всяческое угождение патрону, было для нас ясным как день (РМ, 66), ...она боялась, что в одном письме разные люди могут прочитать разное (В. Распутин) – *unhē śankā hoī thī ki ek hī ciṭhī mẽ alag-alag log alag-alag samācār parh sakte the* (RT, 147).

Относительная ориентация является ингерентным свойством перфективных и процессивных форм глагола языка хинди. Первые в этом плане характеризуются значением предшествования, вторые – значением одновременности. При абсолютном употреблении таких форм, принадлежащих изъявительному наклонению, их относительная ориентация проявляется как всего лишь дополнительная к абсолютной, иллюстрацией чего могут служить вышеприведенные примеры (AG, 77) и (VB, 712) с глагольными формами соответственно *āyā thā* ‘пришел’ и *carḥ rahe the* ‘поднимался’.

Условные сокращения названий источников

- АУ – *Ашк Упендранатх*. Падающие стены. Роман. Авторизованный перевод с хинди Р. и П. Баранниковых. Издательство иностранной литературы. М., 1961 (см. AG).
- ВБ – *Варма Бхагаватичаран*. Забытые картины. Роман. Перевод с хинди Л. Кузнецова и Вл. Чернышева. Издательство «Художественная литература». М., 1968 (см. VB).
- ВВ – *Варма Вриндаванлал*. Мриганаяни. Исторический роман. Перевод с хинди Ю.Маслова. Издательство «Художественная литература». М., 1964 (см. VM).
- П – *Прем Чанд*. Жертвенная королева. Роман. Перевод с урду В. Крашенинникова и Ю. Лавриненко. Государственное издательство художественной литературы. М., 1956 (см. P и PC).
- ПН – *Прем Чанд*. Нирмала. Роман. Перевод с хинди В. Выхухолева, И. Лилина, О. Ульциферова, И. Фиалковского). Издательство иностранной литературы. М., 1956 (см. PN).
- ПР – *Премчанд*. Ратный путь. Рассказы. Перевод с хинди и урду В. Балина и др. Издательство «Художественная литература». М., 1969 (см. PSY).
- РМ – *Ракеш Мохан*. Темные закрытые комнаты. Роман. Перевод с хинди Л. Кузнецова. Издательство «Художественная литература». М., 1982 (см. RA).
- С-Р – *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь. Издательство «Русский язык». М., 1978 .
- Я – *Яшнал*. Ложная правда. Роман. Книга вторая: Будущее моей страны. Перевод с хинди Н. Толстой. Издательство иностранной литературы. М., 1973 (см. YB).
- АА – ‘*Ajñey*’. Amar vallarī aur anya kahāniyāṅ. Sarasvatī pres. Banāras, 1954.
- АВ – *Upendranāth ‘Aśk’*. Bāṅgan kā paudhā. Nīlābh prakāśan gr̥h. Ilāhābād [б.г.].

- AD – *Amṛtā Pṛitam*. Ḍākṭar Dev. Hind pākeṭ buks prāiveṭ limiṭiḍ.
Dillī [Ḍ.r.].
- AG – *Upendranāth Aṣk*. Girtī dīvārē. Nīlābh prakāṣan gṛh. Prayāg, 1951.
- AH – *Kāmil Bulke*. Āgrezī-Hindī koṣ. Kāthalik pres. Rācī, 1971.
- AN – ‘*Ajñey*’. Nadī ke dvīp. Sarasvatī pres. Ilāhābād – Vārāṇasī – Dillī,
1971.
- AP – *Upendranāth ‘Aṣk*’. Pinjrā. Nīlābh prakāṣan gṛh. Ilāhābād, 1952.
- AY1 – *Ādarśakumārī Yaśpāl*. Sacitra braj kī lok-kathāē. Bhāg 1.
Ātmārām eṇḍ sans. Dillī, 1957.
- AY2 – *Ādarśakumārī Yaśpāl*. Braj kī lok-kathāē. Bhāg 2. Ātmārām eṇḍ
sans. Dillī, 1964.
- BD – *Rājendra Sinh Bedī*. Dīvālā. Nīlābh prakāṣan. Ilāhābād, 1960.
- BG – Bīrbal kī gap-ṣap. Hindī pracārak pustakālay. Vārāṇasī, 1963.
- BGS – Bīrbal kī gāgar-sāgar. Hindī pracārak pustakālay. Vārāṇasī, 1963.
- BH – Bṛhat hindī koṣ. Jñānmaṇḍal limiṭeḍ. Banāras. samvat 2013.
- BJ – *Abdul Bismillāh*. Jhīnī jhīnī bīnī cadariyā. Rājkamal prakāṣan.
Rājkamal pepar baiks. Nayī Dillī, 1987.
- BL – *Udayśankar Bhaṭṭa*. Lok-parlok. Rājkamal prakāṣan. Dillī, 1958.
- BS – *Udayśankar Bhaṭṭa*. Sāgar, laharē aur manuṣya. Masijīvī prakāṣan.
Naī Dillī [Ḍ.r.].
- CA – *Rāmsvarūp Caturvedī*. Āgrā zile kī bolī. Hindustānī ekeḍemī.
Ilāhābād, 1961.
- CC – *Bhagavatsvarūp Caturvedī*. Cumbakō kā ghar. Rājkamal prakāṣan.
Dillī, 1961.
- CK – *Enṭan Cekhav*. Cekhav kī šreṣṭha kahāniyā. Anuvādak – Rājnāth.
Prabhāt prakāṣan. Mathurā, 1955 (*A.II. Чехов. Рассказы*).
- CL – *A. Pā. Cekhov*. Laghu upanyās aur kahāniyā. Anuvādak – Kṛṣṇa
Kumār. Pragati prakāṣan. Māsko, 1965 (*A.II. Чехов. Повести и рас-
сказы*).
- CN – *Anton Cekhov*. Nāṭak. Anuvādak – Ḍā. Madhu. Rādugā prakāṣan.
Masko, 1985 (*A.II. Чехов. Пьесы*).
- DB – *Hajārīprasād Dvivedī*. Bānabhaṭṭa kī ‘ātmakathā’. Hindī-granth-
ratnākar. Bambaī, 1958.
- F – Aesop’s Fables with Hindī Translation. Ram Narain Lal. Allahabad,
1930.
- GD – *Gurudatta*. Dāstā ke naye rūp. Hind pākeṭ buks prāiveṭ limiṭiḍ.
Dillī, 1969.
- GG – *Bhairav Prasād Gupta*. Gangā maiyā. Rājkamal prakāṣan. Bambaī,
1953.

- GK – *Nikolāi Gogol*. Kahāniyā̃ aur laghu upanyās. Anuvādak – Munīś Saksenā. Rādugā prakāśan. Māsko, 1984 (*Николай Гоголь. Повести*).
- GM – *Maksim Gorki*. Mere viśvavidyālay. Anuvādak – Narottam Nāgar. Rādugā prakāśan. Māsko, 1986 (*М. Горький. Мои университеты*).
- GS – *Bhairav Prasād Gupta*. Sattī maiyā kā saurā. Nīlābh prakāśan. Ilāhābād, 1959.
- H – «Hindustān». Naī Dillī.
- HA – *Hardev Bāhrī*. Śikṣārthī hindī-āgrezī śabdakoś, Rājpal eṇḍ sanz. Dillī, 1983.
- HG – *Harṣanāth*. Gavarnes. Hindī pracārak pustakālay. Vārāṇasī, 1960.
- HK – *Harṣanāth*. Kamīne aur śarīf. Sarasvatī mandir. Vārāṇasī, 1958.
- HN – *K. Pī. Miśra, Viśvambhar Sahāy*. Hindī nibandh evam apaṭhit. Āgrā, 1960.
- HS – *Rāmbahorī Śukla aur Bhagīrath Miśra*. Hindī sāhitya kā udgam aur vikās. Hindī bhavan. Jālandhar aur Ilāhābād. 1956.
- JJ – *Jainendra Kumār*. Jainendra kī śreṣṭha kahāniyā̃. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- JK – *Jainendra Kumār*. Kalyāṇī. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- JS – «Janasattā». Vārṣik ank, 1997. Kalkattā.
- JT – *Jainendra Kumār*. Tyāg-patra. Pūrvoday prakāśan. Dillī, 1956.
- JY – «Janayug». Nayī Dillī.
- KA – *Kṛṣṇacandra*. Annadātā. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī, 1954.
- KB – *Kapildevsinh*. Brajbhāṣā banām khaṛībolī. Vinod pustak mandir. Āgrā, 1956.
- Kd – «Kādambinī». Naī Dillī.
- KE – *Kṛṣṇa Candar*. Ek gadhe kī ātmakathā. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī [6.r.].
- KG – *Kṛṣṇacandra*. Garjan kī ek śām. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī [6.r.].
- KH – *Kṛṣṇa Candar*. Ham vahṣī hāī. Hindustānī publiṣing hāūs. Ilāhābād, 1952.
- KJ1 – *Ambāprasād 'Suman'*. Kṛṣak-jīvan-sambandhī brajbhāṣā-śabdāvalī. Pratham khaṇḍ. Hindustānī ekeḍemī. Ilāhābād, 1960.
- KJ2 – *Ambāprasād 'Suman'*. Kṛṣak-jīvan-sambandhī brajbhāṣā-śabdāvalī. Dvītiya khaṇḍ. Hindustānī ekeḍemī. Ilāhābād, 1961.
- KK – *Viśvambharnāth Śarmā 'Kauśik'*. Kallol. Vinod pustak mandir. Āgrā, 1954.
- Kp – «Kancanprabhā». Kānpur.
- KT – *Kṛṣṇacandra*. Talāṣ. Hind kitābs limiṭeḍ, Bambaī, 1950.

- LH – *M. Yū. Lermontov*. Hamāre yug kā ek nāyak. Anuvādak – Rājendra Yādav. Videśī bhāṣā prakāśan gr̥h. Māsko [ḡ.r.] (*M. Лермонтов. Герой нашего времени*).
- LK – Pāc lambī kahāniyā jinhē Mohan Rākeś ne cunā. Lekhak: *Rājendra Yādav* (p. 9-36), *Phaṇīśvarnāth 'Reṇu'* (p. 36-71), *Šekhar Jośī* (p. 72-87), *Nirmal Varmā* (p. 87-127), *Mohan Rākeś* (p. 127-159). Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- N – «Navanīt». Hindī ḍāijest. Bambaī.
- NB – *Nāgārjun*. Bābā Baṭesarnāth. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- ND – *Nāgārjun*. Dukhmocan. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1958.
- NG – Navīn gaṇit. Pācvi kakṣā ke liye. Panjāb śikṣā vibhāg. Caṇḍīgarh, 1962.
- NK – «Naī kahāniyā». Rājkamal prakāśan. Dillī.
- NM – *Aṃṭlāl Nāgar*. Śatranj ke mohre. Bhāratiya jñānpīṭh. Kāśī, 1959.
- NN – *Candra Prakāś Agravāl*. Nyāya ke nām par. Agravāl prinṭing pres. Farrukhābād [ḡ.r.].
- NS – *Sūryakānt Tripāṭhī 'Nirālā'*. Sukul kī bīvi. Bhārati bhaṇḍār. Ilāhābād, samvat 2004.
- NT – «Navabhārat Tāims». Naī Dillī.
- P – *Premcand*. Go-dān. Sarasvatī pres. Banāras, 1954.
- PB – *Premcand*. Do bahanē aur anya kahāniyā. Sarasvatī pres. Banāras, 1948.
- PC – *Prem Cand*. Ga'ūdān. Maktaba-e jāmi'a. Dehlī, 1955.
- PD – *A.S. Puškin*. Dubrovskī. Anuvādak – Šankar Kaur. Videśī bhāṣā prakāśan gr̥h. Māsko, 1957 (*A.C. Пушкин. Дубровский*).
- PDD – *Premcand*. Durgādās. Hans prakāśan. Ilāhābād, 1953.
- PDD – *Premcand*. Prem-dvādaśī. Hans prakāśan. Ilāhābād, 1954.
- PG – *Premcand*. Grāmya jīvan kī kahāniyā. Sarasvatī pres. Banāras, 1952.
- PH – Prāmāṇik hindī koṣ. Sampādak – Rāmcandra Varmā. Hindī sāhitya kuṭīr. Sāhitya-ratna-mālā kāryālay. Banāras, samvat 2008.
- PJ – *Premcand*. Jangal kī kahāniyā. Hidustānī pabliṣing hāūs. Ilāhābād [ḡ.r.].
- PK – *Puškin*. Kaptān kī beṭī. Anuvādak – Savitā Begam. Prabhāt prakāśan. Dillī [ḡ.r.] (*A.C. Пушкин. Капитанская дочка*).
- PM2 – *Premcand*. Mānasarovar. Bhāg 2. Hans prakāśan. Ilāhābād [ḡ.r.].
- PM4 – *Premcand*. Mānasarovar. Bhāg 4. Hindustānī pabliṣing hāūs. Ilāhābād, 1951.
- PM4s – *Premcand*. Mānasarovar. Bhāg 4. Sarasvatī pres. Banāras. 1948.

- PM7 – *Premcand.* Mānasarovar. Bhāg 7. Sarasvatī pres. Banāras. 1950.
- PN – *Premcand.* Nirmalā. Sarasvatī pres. Banāras, 1957.
- PP – *Premcand.* Prem-pacīsī. Hindī pustak ejensī. Kāṣī. samvat 1994.
- PR – *Aleksandr Piškin.* Cunī huī racnāē. Khaṇḍ 2. Kahāniyā aur upanyās. Anuvādak – Ḍā. Madanlāl ‘Madhu’. Pragati prakāšan. Māsko, 1982 (*A.C. Пушкин. Избранные произведения. Проза.*).
- PS – *Premcand.* Sevāsadan. Sarasvatī pres. Banāras [ḅ.r.].
- PSS – *Premcand.* Saptasaroj. Hindī pustak ejensī. Kalkattā, samvat 1983.
- PSU – *Premcand.* Saptā-suman. Sarasvatī pres. Banāras, 1951.
- PSY – *Premcand.* Samar-yātrā aur 11 anya rājñitīk kahāniyā. Sarasvatī pres. Banāras, 1953.
- RA – *Mohan Rākeṣ.* Ādhere band kamre. Rājkamal prakāšan. Naī Dillī, 1961.
- RD – «Sarovattam rīḍars ḍāiyeṣṭ». Kuch bhāratīya racnāō kā viṣiṣṭa sankalan. Dillī, 1983.
- RP – *Phañīṣvarnāth ‘Reṇu’.* Partī parikathā. Rājkamal prakāšan. Dillī, 1961.
- RS – Rāṣṭrīya sāhitya. Tisre varga ke lie. Sampādak – Śrīrāmlocanśaraṇ. Pustak bhaṇḍār. Paṭnā, 1954.
- RT – *Valentīn Raspūtīn.* Tīn rūṣī upanyās. Anuvādak – Hemcandra Pāḍe. Sāhitya akādemī. Dillī, 1996 (*B. Распутин. Три повести.*).
- S – *Śītā.* Bhārat kī lok-kathāē. Neṣanal publiṣing hāus. Dillī, 1959.
- SA – *Śīkāṛī.* Afrīkā ke jangal mẽ. Svayambhātī pustakālay. Vārāṇasī [ḅ.r.].
- SK – ‘*Samīr*’. Kināre kināre. Sṭār pākeṭ sīrīz. Naī Dillī, 1972.
- SN – *Sudarśan.* Nagīne. Vorā eṇḍ kampanī publiṣarz. Bambaī, 1947.
- SP – *Sudarśan.* Parivartan. Inḍiyan pres limiteḍ. Prayāg, 1937.
- SS – *Sudarśan.* Sudarśan-suman. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī [ḅ.r.].
- ST – *Sudarśan.* Tīrtha-yātrā. Inḍiyan pres limiteḍ. Prayāg, 1927.
- SV2 – *Sāvitṛidevī Varmā.* Uttar Bhārat kī lok-kathāē. Bhāg 2. Ātmārām eṇḍ sans. Dillī, 1960.
- SV3 – *Sāvitṛidevī Varmā.* Uttar Bhārat kī lok-kathāē. Bhāg 3. Ātmārām eṇḍ sans. Dillī, 1958.
- T – *Premnārāyaṇ Taṇḍan.* Sūr kī bhāṣā. Hindī sāhitya bhaṇḍār. Lakhnaū, 1957.
- TK – *Ivān Turgenev.* Kulīn gharānā. Anuvādak – Munīṣ Saksenā. Rāduḡā prakāšan. Māsko, 1984 (*И.С. Тургенев. Дворянское гнездо.*).

- TP – *Ivān Turgenev*. Pitā aur putra. Anuvādak – Madanlāl ‘Madhu’. Pragati prakāśan. Māsko, 1979 (*И.С. Тургенев*. Отцы и дети).
- UH – *John T. Platts*. A dictionary of Urdū, Classical Hindī, and English. London.
- UK – *Pāṇḍey Becan Śarmā ‘Ugra’*. Ugra kī śreṣṭha kahāniyā. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1961.
- US – *Pāṇḍey Becan Śarmā ‘Ugra’*. Sarkār tumhārī ākhō mē. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- VB – *Bhagavatīcaran Varmā*. Bhūle bisre citra. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1959.
- VL – «Vijñān-lok». Śrīrām Mehrā eṇḍ kampanī, Āgrā.
- VM – *Vṛndāvanlāl Varmā*. Mṛganayanī. Mayūr-prakāśan. Jhāsī, 1955.
- VR – *Kiśorīdās Vājapeyī*. Rāṣṭrabhāṣā kā itihās. Janavāṇī prakāśan. Kalkattā, samvat 2007.
- YB – *Yaśpāl*. Jhūṭhā sac. Deś kā bhaviṣya. Viplav kāryālay. Lakhnaū, 1960.
- YD – *Yaśpāl*. Deśdrohī. Viplav kāryālay. Lakhnaū, 1953.
- YK – *Yaśpāl*. Dādā kāmreḍ. Viplav kāryālay. Lakhnaū, 1944.
- YS – *Rājendra Yādav*. Sārā ākāś. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- YV – *Yaśpāl*. Jhūṭhā sac. Vatan aur deś. Viplav kāryālay. Lakhnaū. 1958.

Библиографические сокращения

ВЯ	–	Вопросы языкознания. М.
ИАН СССР	–	Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М. – Л.
СЛЯ		
КСИНА	–	Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
РЯНШ	–	Русский язык в национальной школе. М.
РЯР	–	Русский язык за рубежом. М.
УЗИВАН	–	Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М.
УЗЛГУ	–	Ученые записки Ленинградского ордена Ленина Государственного университета. Серия востоковедческих наук. Л.
СВН		
ФН	–	Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М.
ALH	–	Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
AOr	–	Archív Orientální. Praha.
BSLP	–	Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. Paris.
BSO(A)S	–	Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London Institution (University of London).
IF	–	Indogermanische Forschungen. Berlin.
IIJ	–	Indo-Iranian Journal. The Hague.
IJDL	–	International Journal of Dravidian Linguistics. Trivandrum.
IL	–	Indian Linguistics. Poona.
Lg	–	Language. Baltimore.
PL	–	Papers in Linguistics. International Journal of Human Communication. Carbondale (USA) and Edmonton (Canada).
RL	–	Russian Linguistics. Dordrecht.
WZHU	–	Wissenschaftliche Zeitung der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Berlin.
ZDMG	–	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden.
ZSL	–	Zeitschrift für Slawistik. Berlin.

Литература

1. *Авилова Н.С.* Спорные вопросы теории вида глагола в советском языкознании – РЯР. 1975, № 4.
2. *Авилова Н.С.* «Способ глагольного действия» и возможности видовой соотносительности глагола. – ФН. 1975, № 2.
3. *Аксёнов А.Т.* Аналитический способ выражения рода имен существительных в современном языке хинди. – Индийское языкознание. М., 1978.
4. *Аксёнов А.Т.* Категория рода в новоиндийских языках (на материале панджаби, хинди и урду). Докт. дис., М., 1983.
5. *Аксёнов А. Т.* Автореф. докт. дис. – 4. М., 1983.
6. *Апресян Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
7. *Аракин В.Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979.
8. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
9. *Баранников А.П.* Сложновербальные глаголы хиндустани и их смысловые эквиваленты в русском языке. – Язык и литература. Т.II. Вып. I. Л., 1927.
10. *Баранников А.П.* Хиндустани (урду и хинди). Л., 1934.
11. *Барентсен А.* Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке. – Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
12. *Барентсен А.* Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке. – Семантика и структура славянского вида. I. Kraków, 1995.
13. *Бархударов А.С.* Об отмирании префиксации в индоарийских языках. – УЗИВАН. Т. XIII, 1958.
14. *Бархударов А.С.* Развитие индоарийских языков и древнеиндийская культурная традиция. М., 1988.
15. *Бархударов А.С.* Санскритские элементы в современном литературном хинди. – Хинди и урду. Вопросы лексикологии и словообразования. М., 1960.
16. *Бархударов А.С.* Словообразование в хинди. М., 1963.

17. *Беляева Е.И.* Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985.
18. *Бескровный В.М.* О вспомогательной функции отыменного глагола *khaṛā hoṇā* в хинди. – КСИНА. Вып. 62. Языки Индии. 1964.
19. *Бескровный В.М.* О сочетаниях глагольных основ хинди с *rahnā*. – УЗЛГУ. № 279, СВН. Вып. 9. 1960.
20. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
21. *Бондарко А.В.* Глагольный вид в высказывании: признак 'возникновение новой ситуации' – RL. 16. 1993.
22. *Бондарко А.В.* Интерпретационный компонент языковых значений и понятие эквивалентности в сопоставительной лингвистике. – ZSL. 1990, Bd 35, H.4.
23. *Бондарко А.В.* К проблематике функционально-семантических категорий (Глагольный вид и "аспектуальность" в русском языке). – ВЯ. 1967, № 2.
24. *Бондарко А.В.* О видах русского глагола (из проблематики соотношения значений видов и способов действия). Статья первая. – РЯР. 1975, № 5 / Статья вторая. – РЯР. 1975, № 6.
25. *Бондарко А.В.* О возможных подходах к изучению видовой семантики. – Семантика и структура славянского вида. I. Kraków, 1995.
26. *Бондарко А.В.* О системе анализа семантики глагольного вида (на материале русского языка). – Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1, М., 1997.
27. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
28. *Бондарко А.В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
29. *Бондарко А.В.* Проблемы инвариантности / вариативности и маркированности / немаркированности в сфере аспектологии. – Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
30. *Бондарко А.В.* Семантика предела. – ВЯ. 1986, № 1.
31. *Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Цапукевич В.В.* Современный русский язык. М., 1966.
32. *Ваулина С.С.* Языковая модальность в свете функционально-семантического подхода. – Актуальные проблемы и перспективы филологии. Калининград, 1996.
33. Вопросы глагольного вида. М., 1962.

34. Гак В.Г., Кузнецов С.Н. Опыт сравнительно-типологического анализа категории числа. – Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов-филологов. М., 1984.
35. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1988.
36. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
37. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986.
38. Генюшене Э.Ш. Перфект и вид в литовском языке. – Типология и грамматика. М., 1990.
39. Гловинская М.Я. Еще раз к вопросу об инвариантах совершенного и несовершенного вида. – Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. I, М., 1997.
40. Гловинская М.Я. Инвариант совершенного вида в русском языке. – Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
41. Гловинская М.Я. К понятию чисто видовой пары. – Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984.
42. Гловинская М.Я. О соотношении частных видовых значений с главными значениями видов. – Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983.
43. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
44. Гуревич В.В. К вопросу о предельности действия. – РЯНШ. 1974, № 3.
45. Гуревич В.В. Модальность и семантика глагольного вида. – ВЯ. 2000, № 2.
46. Давидова А.А. Некоторые вопросы глагольного словообразования в языке хиндустани. – УЗИВАН. Т. XIII, 1958.
47. Дащенко Г.М. Механизм порождения личных форм глагола в языках урду и хинди. – Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1994, № 3.
48. Дащенко Г.М. О предельных и неопределенных глаголах в языках урду и хинди. – Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1984, № 3.
49. Дащенко Г.М. Результативные причастия в языке урду. М., 1987.
50. Дымищ 3.М. Грамматика языка урду. М., 2001.
51. Дымищ 3.М. Грамматика языка хинди. 1. М., 1986.
52. Дымищ 3.М. Грамматика языка хинди. 2. М., 1986.
53. Елизаренкова Т.Я. К вопросу о неличных именных формах глагола хинди и урду. – Księga pamiątkowa ku czci Eugeniusza Śluszkiewiczza. Warszawa, 1974.

54. *Елизаренкова Т.Я.* Об асимметрии в системе каузативных глаголов в языке хинди. – Вопросы грамматики языка хинди. М., 1962.
55. *Елизаренкова Т.Я.* Эргативная конструкция в новоиндийских языках. – Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
56. *Еловков Д.И.* О сложных глаголах в языке хиндустан. – Филология стран Востока. Л., 1963.
57. *Жмотова О.Д.* Глагольные черты инфинитива в хинди и урду. – Языки Индии. М., 1961.
58. *Жмотова О.Д.* Именные признаки инфинитива в хинди и урду. – Вопросы грамматики языка хинди. М., 1962.
59. *Захарьин Б.А.* К типологии падежных систем в языках Южной Азии. – Актуальные проблемы изучения языков Южной Азии. М., 1987.
60. *Захарьин Б.А.* Обозначение множественности ситуаций в хинди и урду. – Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
61. *Захарьин Б.А.* Теоретическая грамматика языков хинди и урду. М., 1989.
62. *Зеленецкий А.Л., Монахов П.Ф.* Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983.
63. *Зограф Г.А.* Иранские и арабские элементы в урду. – Хинди и урду. Вопросы лексикологии и словообразования. М., 1960.
64. *Зограф Г.А.* Морфологический строй новых индоарийских языков. М., 1976.
65. *Зограф Г.А.* О грамматической категории одушевленности в новых индоарийских языках. – Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
66. *Зограф Г.А.* Североиндийские языки. – Языки Азии и Африки. Индо-европейские языки I. М., 1976.
67. *Золотова Г.А.* Категория времени и вида с точки зрения текста. – ВЯ. 2002, № 3.
68. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
69. *Канеко Ю., Петрухина Е.В.* Аспектуальная семантика в глагольных системах русского и японского языков (сопоставительный анализ фрагментов языковой картины мира). – ВЯ. 2004, № 4.
70. *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
71. *Катенина Т.Е.* Язык хинди. М., 1960.
72. Краткая русская грамматика. Под редакцией Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М., 1989.

73. Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.
74. Курилович Е. Вид и время в истории персидского языка. – Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
75. Курилович Е. Проблема классификации падежей. – Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- 75а. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
76. Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В.Н. Ярцева. М., 1990.
77. Липеровский В.П. Глагол в языке хинди. М., 1984.
78. Липеровский В.П. Именные части речи языка хинди. М., 1978.
79. Липеровский В.П. Контур грамматического строя языка хинди. – Восточное языкознание. К 80-летию Ю.А. Рубинчика. М., 2003.
80. Липеровский В.П. Синтаксис современного хинди. – М., 1987.
- 80а. Липеровский В.П. Структурно-грамматический каркас глагольных предложений (на материале языка хинди). – Problemy języków Azji i Afryki. Materiały II Międzynarodowego Sympozjum. Warszawa-Kraków. 10-15 listopada 1980. Warszawa, 1987.
81. Липеровский В.П. Части речи как грамматические классы слов в хинди. – Части речи. Теория и типология. М., 1990.
82. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Русский язык. – Языки мира. Славянские языки. Academia. М., 2005.
83. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987.
84. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – Языки славянской культуры. М., 2004.
85. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии. – Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
86. Мошеев И.Б. Сопоставительная типология русского и таджикского языков. Морфология. Душанбе, 1991.
87. Мурясов Р.З. Категория залога в типологическом плане. – Семантические категории в разных лингвистических парадигмах. Уфа, 2005.
88. Мурясов Р.З. Некоторые проблемы контрастивной аспектологии. – ВЯ. 2001, № 5.
89. Мурясов Р.З. Стаив в типологическом плане. – Семантические категории в разных лингвистических парадигмах. Уфа, 2005.
90. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989.
91. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 20-е издание. М., 1988.

92. *Падучева Е.В.* К поискам инварианта в значении глагольных видов: вид и лексическое значение глагола. – Научно-техническая информация. Серия 2, № 12. 1989.
93. *Падучева Е.В.* Опыт исчисления частных видовых значений. – Типология и грамматика. М., 1990.
- 93а. *Падучева Е.В.* Семантика вида и точка отсчета (В поисках инварианта видового значения). – ИАН СССР. СЛЯ. 1986, т 45, № 5.
94. *Плунгян В.А.* Антирезультатив: до и после результата. – Исследования по теории грамматики. 1. Глагольные категории. М., 2001.
95. Пословицы и поговорки Северной Индии. СПб., 1998.
96. Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов. Под редакцией Н.А. Метс. М., 1985.
97. *Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.
98. *Рахманкулова И.-Э. С.* К вопросу о теории аспектуальности. – ВЯ. 2004, № 1.
99. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
100. Русская грамматика. Т.1. Издательство «Наука». М., 1980.
101. *Световидова И.А.* Время, вид и способ действия в бенгали. – Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
102. *Смирнов Ю.А.* Категории полупассива и иррегулярного пассива в языке панджаби. – Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
103. Современный русский язык. Морфология. Под редакцией акад. В.В. Виноградова. М., 1952.
104. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
105. *Тимберлейк А.* Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке. – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.
106. *Ульциферов О.Г.* Грамматический словарь-справочник современного литературного хинди. М., 1993.
107. *Ульциферов О.Г.* Практическая грамматика современного литературного языка хинди. М., 2005.
108. *Ульциферов О.Г.* Словосочетания в хинди. М., 1971.
109. *Ульциферов О.Г.* Современный русско-хинди словарь. М., 2004.
- 109а. *Успенский В.А.* К понятию диатезы. – Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.

110. *Чернышев В.А.* Диалекты и литературный хинди. М., 1969.
111. *Чернышев В.А.* Об одном приеме стилистического синтаксиса хинди (двойное сказуемое). – Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
112. *Чернышев В.А.* Синтаксис простого предложения в хинди. М., 1965.
113. *Шатуновский И.Б.* Семантика вида: к проблеме инварианта. – Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
114. *Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. М., 1981.
115. *Ярцева В.Н.* О принципах определения морфологического типа языка. – Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965.
116. *Ясаи Л.* О принципах выделения видовой пары в русском языке. – ВЯ. 1997, № 4.
117. *‘Abdulḥaq. Qavā‘id-e urdū.* Aurangābād. 1936.
118. *Bahal Kālīcaran.* Hindī samāpikā kriyā-rūpō kā arthātāttvik vivecan. – Bhāṣā. Hindī bhāṣā-vijñān viśeṣāṅk. Kendrīya hindī nideśālay. Naī Dillī, 1973.
119. *Bahl K. Ch.* A Reference Grammar of Hindi (A study of some selected topics in Hindi grammar). The University of Chicago. 1967.
- 119a. *Bahri H.* Hindi Semantics. Bharati press publications. Allahabad. 1959.
120. *Bahuguna L.M.* The Compound Verb: An aspectual fallacy. – AOr. 1986, vol. 54, № 1.
121. *Bahugunā Lalit Mohan.* Hindī-bāglā sanyukta kriyā (vyatirekī viśeṣaṇ). Kendrīya hindī sansthān. Āgrā, 1986.
122. *Balachandran L.B.* A Case Grammar of Hindi. Central Institute of Hindī. Agra, 1973.
123. *Bhāṭiyā Kailāścandra.* Hindī bhāṣā mē akṣar tathā śabda kī sīmā. Nāgarīpracāriṇī sabhā. Vārāṇasī, samvat 2027.
124. *Burton-Page J.* Compound and Complex Verbs in Hindi. – BSO(A)S, 1957, vol. 19, pt 3.
125. *Chatterjee R.* Aspect and Meaning in Slavic and Indic. – Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam – Philadelphia, 1988.
126. *Dasgupta P.* The Internal Grammar of Compound Verbs in Bangla. – IL. 1977, vol. 38, № 2.
127. *Davison A.* Peculiar Passives. Lg. 1980, vol. 56, № 1.
128. *Debreczeni Á.* Some Cases of the Perfective Verbal Aspect in Hindi and in Hungarian. – ALH. 1978, t. 28, fasc. 3-4.

129. *D'souza J.* Explicator Compound Verbs as Markers of the South Asian Sociolinguistic Area. – AOr. 1988, vol. 56, № 2.
130. Einführung in die konfrontative Linguistik. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Reinhard Sternemann. Leipzig, 1983.
131. *Elizarenkova T.* About the Verbal System of Hindi. – *Symbolae Linguisticae in Honorem Georgii Kuryłowicz*. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1965.
132. *Elizarenkova T.Y.* Morphophonology of Hindi. – *Linguistics. A Soviet Approach*. Calcutta, 1988.
133. *Gaeffke P.* Untersuchungen zur Syntax des Hindi. Mouton. The Hague – Paris, 1967.
134. *Gatzlaff-Hälsig M.* Grammatischer Leitfaden des Hindi. Leipzig, 1983.
135. *Guru Kāmtāprasād.* Hindī vyākaraṇ. Nāgarīpracāriṇī sabhā. Kāśī, samvat 2017.
136. *Hacker P.* Zur Funktion einiger Hilfsverben im modernen Hindi. Wiesbaden, 1958.
137. *Hälsig M.* Die Darstellung der resultativen Aktionsart der finitiven Sphäre im modernen Literatur Hindi. – *Neue Indienkunde. Festschrift Walter Ruben zum 70. Geburtstag*. Berlin, 1970.
138. *Hasan R.* The Verb 'be' in Urdu. – *The Verb 'be' and its Synonyms. Philosophical and Grammatical Studies – 5 (Foundations of Language. Supplementary Series. Vol. 14)*. Dordrecht, 1972.
139. *Hockett Ch. F.* A Course in Modern Linguistics. The Macmillan Company. New York, 1959.
140. *Hook P.E.* The Emergence of Perfective Aspect in Indo-Aryan Languages. – *Traugott E.C., Heine B. (Eds.). Approaches to Grammaticalization. Vol. 2*. Amsterdam, 1991.
- 140a. *Hook E.P.* The Hindi Compound Verb: What it is and what it does. – *Readings in Hindi-Urdu Linguistics*. National Publishing House. New Delhi, 1978.
141. *Jain J.* The Hindi Passive. – PL. 1981, vol. 14, № 2.
142. *Jain Mahāvīr Saran.* Hindī sanjñā. – Bhāṣā. Hindī bhāṣāvijñān viśeṣāṅk. Kendrīya hindī nideśālay. Nāī Dillī, 1973.
143. *Kachru Y.* An Introduction to Hindi Syntax. Urbana, 1966.
144. *Kellogg S.H.* A Grammar of the Hindi Language. Third edition 1938. Reprinted 1955. London.
145. *Lakṣmībāī Bī.* Kārak siddhānt. – Bhāṣā. Hindī bhāṣāvijñān viśeṣāṅk. Kendrīya hindī nideśālay. Nāī Dillī, 1973.

146. *Lienhard S.* Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der modernen Hindi. Stockholm – Göteborg – Uppsala, 1961.
147. *Malblanc A.* Stylistique comparée du français et de l'allemand. Quatrième édition revue. Didier, Paris, 1968.
148. *Masica C.P.* Defining a Linguistic Area. South Asia. The University of Chicago Press. Chicago and London, 1976.
149. *Montaut A.* La construction passive en hindi.– BSLP. 1990, vol. 85, fasc. 1.
150. *Nespital H.* Das Futursystem im Hindi und Urdu. Ein Beitrag zur semantischen Analyse der Kategorien Tempus, Aspekt und Modus und ihrer Grammeme. Franz Steiner Verlag. Wiesbaden, 1981.
151. *Nespital H.* The Use of Non-Perfective Simple Verbs and of Perfective Verbal Expressions ("Compound Verbs") in New Indo-Aryan Languages. Grammatical, Lexical and Pragmatic Criteria for their Selection. – IJDL. 1997, vol. 26, № 1.
152. *Nespital H.* Verbbedeutung und Aspekt aus sprachvergleichender Sicht. – Sprachwissenschaft. Heidelberg. Bd 8 (1983), H, 4.
153. *Nespital H.* Zur Aufstellung eines Seminventars der Tempuskategorie im Hindi und Urdu und zu seiner Charakteristik. – ZDMG. 1980, Bd 130, H. 3.
154. *Nespital H.* Zur Kategorie des Verbalaspekts im Indoarischen. – ZDMG. Supplement V. XXI Deutscher Orientalistentag vom 24. bis 29. März 1980 in Berlin. Vorträge. Wiesbaden, 1983.
155. *Nespital H.* Zur Polysemie von Verbalausdrücken im Neuindischen. – XXIII. Deutscher Orientalistentag vom 16. bis 20. September 1985 in Würzburg. Ausgewählte Vorträge. Stuttgart, 1989.
156. *Nespital H.* Zur syntaktischen Verwendung der Verbalaspekte. – WZHU. 1974, Jg. 23, H. 2.
157. *Olphen H.van.* Aspect, Tense, and Mood in the Hindi Verb.– IJL. 1975, vol. 16, № 4.
158. *Pāṇḍe Hemcandra.* Hindī aur rūṣī kī sanjñā kā vacan-bhed. Rūpparak vyatirekī viśleṣaṇ. – Bhāṣā. Sitambar-disambar 1999, varṣa 39, ank 2. Nāī Dillī.
159. *Pāṇḍe Hemcandra.* Hindī-rūṣī sanjñāō ke vacan ke prakāryō kā vyatirekī viśleṣaṇ. – Bhāṣā. Māī-jūn 2001. Nāī Dillī.
160. *Pāṇḍe Hemcandra.* Rūṣī-hindī vyatirekī vyākaraṇ. Sanjñā aur sarvanām. Tej prakāṣaṇ. Nāī Dillī, 2007.
161. *Porizka V.* Aspectual Functions of Simple Verbs and Verbal Expressions in Hindi. – Readings in Hindi-Urdu Linguistics. National Publishing House. New Dehli, 1978.

162. *Pořízka V.* Hindī-Russian and Urdū-Russian Dictionaries (Lexicographical work linked to linguistic research). – AOr. 1979, vol. 47, № 3.
163. *Pořízka V.* On the Perfective Verbal Aspect in Hindī (Some features of parallelism between New Indo-Aryan and Slavonic languages). – AOr: 1967, vol. 35, № 1, № 2; 1968, vol. 36, № 2; 1969, vol. 37, № 1, № 3.
164. *Pořízka V.* Perfective Verbal Expressions in Hindi (A New Line of Approach to the Problem). – AOr. 1977, vol. 45, № 1.
165. *Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Wolfgang Gladrow.* VEB Verlag Enzyklopädie. Leipzig, 1989.
166. *Saksena A.* A Reanalysis of the Passive in Hundi. – *Lingua*. 1978, vol. 46, № 4.
167. *Schokker G. H.* The *jānā*-Passive in the NIA Languages. – *IJJ*. 1969, vol. 12, № 1.
168. *Sharma A.* A Basic Grammar of Modern Hindi. Government of India. Ministry of Education and Scientific Research. 1958.
169. *Singh U.N.* Compound Verbs in Selected South Asian Languages. – *Vāgbhāratī. Proceedings of the International Conference on South Asian Languages (July 1-4, 1997).* Moscow, 1998.
170. *Sinh Rājendra Prasād.* Śuddha hindī kaise likhē. Bhāratī bhavan. Paṭṇā, 1974.
171. *Sinha A.K.* On Passives and Entailed Intransitives in Hindi. – *Papers in Language and Linguistics.* Bahri Publications. New Delhi, 1986.
172. *Ułtsiferov O.Ge.* Hindī mē kriyā. Parāg prakāśan, Dillī, 1979.
173. *Ułtsiferov Oleg Ge.* Hindī kā vyāvahārik vyākaraṇ. Akhil bhāratīya hindī sansthā sangh. Nāī Dillī, 1992.
174. *Vājapeyī Kiśorīdās.* Hindī śabdānuśāsan. Nāgarīpracāriṇī sabhā. Kāśī, samvat 2014.
175. *Vermeer H.J.* Hindi – ‘enfant terrible’ der Sprachwissenschaft. – *IF*. 1965, Bd 70, H. 3 (ausgegeben im Juni 1966).

Содержание

Предисловие.....	3
Падеж и падежные отношения.....	5
Категория рода.....	38
Категория одушевленности – неодушевленности.....	86
Категория числа.....	123
Аспектуальность и проблема глагольного вида.....	178
Категория залога.....	274
Модальность и категория наклонения. Категория времени.....	327
Условные сокращения названий источников.....	359
Библиографические сокращения.....	365
Литература.....	366

( )

01.02.2012
60 90/16.
. . . 23,6. .- . . 20.
200 . .

107031 , , 12
-

E-mail: izd@ivran.ru